

КИР БУЛЫЧЕВ

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ПРОШЛОГО

Предсказатель прошлого

Ad
ART DESIGN

Кир БУЛЫЧЕВ

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ПРОШЛОГО

Фантастические повести

Минск
АРТ ДИЗАЙН

1994

ББК 84 (2Рос-Рус)

Б 90

УДК 882

Художник М.В. Сенькин

Булычев Кир

Б 90 Предсказатель прошлого: Фантаст. повести / Худож.
М.В. Сенькин. — Мн.: Арт Дизайн, 1994. — 448 с.

ISBN 5-85369-011-6

В книгу вошли три повести из нового фантастико-детективного сериала Кира Булычева "Приключения Кору из ИнтерГпола".

Очаровательная Кора Орват — суперагент Интергалактической полиции — расследует самые дерзкие и запутанные преступления в Галактике. Находя выход из, казалось бы, безвыходных положений, бесстрашно преодолевая все преграды и опасности, она раскрывает таинственное убийство профессора Гальени на удивительной планете Дил-ли, находит подпольную машину времени и разгадывает тайну исчезновения драконов — национальной реликвии государства Лиондор.

Ироничный взгляд автора на события и героев, неподражаемый юмор помогут читателю легко угадать за фантастическим антуражем реалии сегодняшней жизни.

Б 8200000000

ISBN 5-85369-011-6

ББК 84 (2Рос-Рус)

© Булычев К., 1994

© Художественное
оформление.

В.И. Шелк, 1994

В КУРИНОЙ ШКУРЕ

Описанные ниже события: убийство профессора Гальени и разгадка этого преступления инспектором ИнтерГпола Корой Орват, произошли на небольшой, мало кому известной планете Дил-ли, заселенной менее полувека назад.

Несмотря на выгодное расположение на древних путях из пустынь третьего сектора Галактики к звездным скоплениям ее центра, планета лишь изредка служила перевалочной базой или пунктом снабжения для звездных путешественников древности. Негостеприимный климат и природные катаклизмы мешали людям поселиться там постоянно.

Для жизни людей на Дил-ли пригодна лишь относительно узкая Экваториальная полоса. Там в речных долинах и по берегам озер тянутся низкорослые леса морозоустойчивых деревьев. В течение нескольких месяцев лета реки и озера Экваториальной полосы освобождаются от снега и льда, появляется трава и выводятся комары. Но налетают осенние бури и вновь воцаряются зима и стужа.

За пределами Экваториальной полосы снег никогда не тает.

Некоторое время назад, после открытия залежей павлония и россыпей ритроцита, на Дил-ли нагрянули геологи и шахтеры. Был построен поселок № 1 и неподалеку от него заработали несколько шахт. По мере того, как там появлялись все новые шахты, рос и связанный с ними поселок, который уже начали называть столицей планеты. Рядом с поселком возник космопорт, небольшая гостиница и несколько магазинов.

Поселок № 1 находится на пороге превращения в настоящий город. По крайней мере, на него уже обратили внимание некоторые строительные корпорации.

* * *

... Возвращение к сознанию было обыденным.

Словно Кора хорошо выспалась, но глаза открывать не хочется, потому что тогда начнется быстрый (безжалостный день. "Вставай, вставай, лежебока. Я вижу, что ты проснулась... — кричит из кухни мать. — Метель улеглась, снег хрустит, воздух, как сливочное мороженое!"

Мамы нет, мама уехала, в школу идти не надо, снизу гудит машина: "Инспектор Кора Орват, мы вас ждали. Комиссар Милодар ждет на орбите".

Кора открыла глаза. Над ней был слишком белый потолок. Значит опять госпиталь.

Она скосила глаза налево — верх белой стены. Направо — верх белой стены. Постаралась повернуть голову — ничего не вышло. Голова была зажата нежными, мягкими, но неподатливыми тисками.

Ранение в голову? Паралич?

Кора попробовала пошевелить ногами. Может быть ноги послушались, а может и нет. Непонятно.

Теперь — руки. Руки пошевелились пальцами — но не более того. Они тоже схвачены мягкими кандалами.

Интересно, есть ли кто-нибудь рядом, чтобы объяснить, что же происходит? Она пошевелила губами, но ничего не успела сказать.

— Лежите спокойно, — ответили ей. — Вы попали в катастрофу. Ваше тело пострадало. Для выздоровления вам потребуется покой. Говорить сможете через шесть дней. Затем начнется реабилитация.

А пока, сказала себе Кора, мы должны терпеть и побольше спать, чтобы скорее прошло время.

Шесть дней без движения! Пожалуй, в жизни ей еще не приходилось так долго лежать...

Кто я? Я — Кора Орват. Родилась в Вологде.

Еще раз: кто я?

Я Кора Орват, родилась в Вологде, закончила Гейдельбергский университет. Мне свойственна склонность к авантюрам...

Еще раз: кто я?

Я Кора Орват, инспектор Интергалактической полиции. Я летела сюда, чтобы выполнить...

Еще раз, еще раз, не расслабляйся, Кора!

Хочется спать...

Во время следующего пробуждения Кора сразу начала допрашивать себя с того места, где остановилась в прошлый раз.

Я — Кора Орват, инспектор ИнтерГпола. Здесь, на планете Дил-ли, убит профессор Гальени. Житель планеты Ксеро. И что это означает? Я обязательно вспомню, как выглядят жители планеты Ксеро...

Я — Кора Орват. Почему инспектора ИнтерГпола послали на эту планету? Видимо, за смертью профессора скрывалось нечто большее, чем случайность или семейная драма.

Я — Кора Орват. Со мной случилась катастрофа. Я лежу здесь. Меня покалечило настолько, что мне нельзя двигаться и разговаривать. Немного же от меня осталось.

Когда это случилось?

Я — Кора Орват. Я помню, как выглядел здешний космопорт. Близкие щеки голых скал. Ледяной ветер. Надутые пузыри складов, серый палец диспетчерской. Я вхожу в низкое здание. Там тепло. Встречающие пропускают меня вперед. Их двое. Один худ, высок, глаза утонули в ямах под черными бровями. Второй смуглый, глаза — маслины, белые зубы...

Я, инспектор Кора Орват, делаю шесть шагов навстречу людям. Справа, на расстоянии вытянутой руки, стоит гигантская птица и глядит на меня круглым неподвижным глазом...

А потом я оказалась здесь.

Давайте попробуем еще раз: Я — инспектор Интер-Гпола Кора Орват... С ума можно сойти, как плохо работает голова!

На четвертый день Кора увидела доктора.

Доктор вплыл в поле зрения, наклонился над кроватью и сказал:

— Ну вот, самое трудное позади. Правда?

Кора хотела ответить, но не смогла. Тогда она прикрыла глаза. Лицо доктора было знакомо — глаза как маслины, смуглая шоколадная кожа. Вспомнила: он встречал ее на космодроме.

— Мы вами гордимся, Кора, — сообщил доктор, потирая переносицу. — Третий отмеченный в Галактике случай интерспециальной трансплантации. Вы можете нас поздравить.

— Я вас поздравляю, — ответила Кора. Звука не последовало, но доктор, покосившись на пульт рядом с койкой, угадал ответ по показаниям приборов.

Доктор был доволен пациенткой — тем более собой. Что же они со мной сделали, если так этим гордятся?

Кора постаралась еще раз восстановить в памяти сцену на космодроме. ... Она идет через поле к серому бетонному кубу.

— Это что? — спрашивает Кора у встретившего ее

плотного, черно-курчавого мужчины с глазами-маслинами и слишком белыми зубами.

— Пока все в одном здании. И зал ожидания, и склады, — отвечает мужчина. У него низкий голос, который не может удержаться на заданном уровне. Звук плывет — фраза начинается басом, к концу взлетает до фальцета и затихает. — Пока мы не можем похвастаться множеством гостей.

Второй мужчина в высокой шляпе, каланча. Он — представитель властей. Он молчит и следит за ней бездонными глазницами.

Как его зовут?

Нет, этого не вспомнишь.

Вокруг скалы. Обрывы их подступают к самому полю космодрома. Космодром и городок стиснуты горами. Очень холодно и ветрено.

Небольшие двери в бетонный куб раскрылись при их приближении и лениво съехались за спиной.

Внутри было тепло и пусто. Инспектор ИнтерГпола Кора Орват прибыла на Дил-ли для расследования убийства профессора Гальени. Профессор руководил археологическими раскопками в окрестностях базы. ИнтерГпол придает особое значение этому прискорбному происшествию, потому что правители планеты Ксеро подозревают о существовании политической подоплеки у этого убийства. Профессор — немалая величина в научном мире Ксеро. Кроме него на раскопках трудятся его ассистент Орсекки и жена, Гальени-папа. Я помню, что улыбнулась, когда прочла, что жена профессора Гальени зовется именно так: Гальени-папа.

А как был убит профессор? Кора, Кора, напрягись! Ты же читала отчет. Удар ножом? Археологическим ножом, прямо на раскопках.

Кора, вспоминай, вспоминай! Что было дальше? Вот вы вошли в мрачноватое, пустынное, покрашенное изнутри охрой здание космопорта. Никто не обратил на тебя, Кора, внимания. Но нечто неожиданное, странное,

привлекло твое внимание. Что же? Конечно же, большая птица.

Это было странное создание. Нечто, схожее с огромной, ростом с человека, перекормленной или надутой курицей. Курица переступала желтыми ножищами, напommившими Коре сказку о ведьминой избушке. Короткий клюв этой птицы часто раскрывался, издавая высокие квохчущие звуки, черные круглые глаза смотрели неподвижно и бессмысленно... Кора замерла, стараясь понять, из какого зоопарка или с какой фермы сбежало это чудовище и насколько оно может быть опасно для рядового инспектора ИнтерГпола?

На переломе крыльев курицы были видны когти. Курица сжимала в когтях маленькую коробочку.

— Это что? — успела шепнуть Кора своему спутнику.
— Что такое?

Но спутника в тот момент рядом не оказалось. Зато вспыхнуло солнце. Потолок оказался совсем рядом...

А потом она очнулась здесь. Значит, несчастье произошло в зале космопорта в тот момент, когда Кора увидела толстую птицу.

С каждым днем Кора чувствовала себя все лучше и все больше ее угнетала абсолютная неподвижность в плену нежных кандалов.

На пятый день она постаралась глазами дать понять местному доктору, что дальнейшее молчание и неподвижность невыносимы.

Она хмурила брови, жмурилась, морщила нос — всей мимикой старалась показать невыносимость своего положения.

— Вы хорошо себя чувствуете, инспектор? — спросил доктор. — Мне кажется, что вы взволнованы.

— Да! — показала бровями Кора. — Я очень взволнована! Я требую меня раскрепостить!

— Понимаю, понимаю, — мягко произнес врач. — Но вы не представляете, какому риску вы недавно подвергались и каково было ваше состояние.

Местный врач сверкнул маслинами и облизал яркие губы.

— Ваше счастье, что я оказался рядом с вами.

— Хоть голос! Верните мне голос! — мысленно умоляла Кора.

— Вам надо подготовиться к шоку, — сказал врач, дотрагиваясь длинными пальцами до щеки Кору. Наконец-то ощущение! Наконец-то она поняла, что по крайней мере щека у нее сохранилась.

— Вы сильно пострадали при взрыве.

Кора подняла брови.

Врач угадал вопрос:

— Вы не знаете? Ну, конечно же, вы не знаете. На вас было совершено покушение.

— Кто покушался? — попыталась спросить Кора.

— Вот подниметесь, — ласково произнес врач. — Подниметесь и сами разберетесь, кто покушался и на кого.

Кора мысленно согласилась с врачом. Она надеялась, что не так долго осталось ждать, прежде чем она сможет возвратиться к своим обязанностям. Что ж, если это было покушение, а не несчастный случай, тем хуже для убийцы. Он боится, он суетится — а значит уже совершил или совершит завтра свою единственную роковую ошибку.

Тем же вечером Кору вымыли. Она была в полусне, лишь ощущала прикосновение ласковых рук медицинских сестер, слышала смутные, неразборчивые голоса — остальное ей рисовало живое воображение: ее тело, тридцатилетнее, ладное, стройное, узкобедренное и длинноногое, возникло перед ее внутренним взором так, словно она стояла перед зеркалом. Люди по-разному относятся к своему телу — Кора любила свое, нежила, укрепляла гимнастикой и плаванием, и надеялась, что оно и в будущем послужит ей славно, как служило раньше... Но что с ним? Насколько оно повреждено покушением? Скорее бы все узнать...

На следующий день к ней опять заявился доктор.

— Завтра, — сообщил он, — мы позволим вам говорить и немного двигаться.

Он увидел улыбку? Он увидел, как я улыбнулась? Почему же он не улыбается в ответ — неужели он не знает, что у меня — самая заразительная в Галактике улыбка?

— Но я вас должен предупредить, что возможно... — врач осторожно откашлялся, — возможно вам будет не по душе ваш внешний вид.

Ага, значит меня сильно покалечило, отметила Кора. Но не расстроилась, потому что отлично понимала: в двадцать втором веке человек может исправить свое тело в тех пределах, которые ему нужны. А потом, дома на Земле, телу возвратят прежний облик. Конечно, придется полежать еще несколько недель в больнице — но она и так собиралась взять отпуск. Главное — не нервничать.

Кора вынуждена была дать себе отчет в том, что все же нервничает. Хорошо рассуждать о будущем, не зная настоящего...

— Поймите нас правильно, — продолжил врач, отводя взгляд, — положение у нас было безвыходное. Как практический работник, вы можете нас понять. Мы имели дело с тем, что от вас осталось. У нас нет запасных тел. Вернее, есть одно. Тело, которое в нормальных обстоятельствах мы бы не стали использовать.

Неужели у них было лишь мужское тело? — ужаснулась Кора, но спросить не смогла.

— Потому я вас прошу мобилизовать всю вашу волю, чтобы помочь нам — и, в конечном счете, помочь себе.

Это хорошо не кончится, сказала сама себе Кора и постаралась философски отнестись к ближайшему будущему. Но, разумеется, ни о каком философском отношении и речи быть не могло — ожидание такого рода для женщины, тем более для женщины привлекательной и нестарой, оказывается страшным испытанием. Коре казалось, что она не доживет до утра, но ее нервная

система выдержала. Ночь прошла тревожно, почти без сна.

Утром в палате собрались все, кто мог и имел право. Местный врач, директор больницы, ассистенты, медсестры, нянечки.

— Только не волноваться и не падать духом! — колдовал врач. — Помните о своей ответственности. Вы не девочка.

В комнате было полутемно. Шторы задернуты.

Кора чувствовала, как, склонившись над пультом, врач отпускает зажимы. Один за другим. Вот Кора уже может пошевелить пальцами ног... рук... Вот она может повернуть голову. О, какая слабость во всех членах тела! Как трудно поднять руку...

— Осторожнее, — произнес доктор. — Ваш организм еще не терпит грубого обращения.

— Ничего, я не буду его напрягать, — ответила Кора.

Она услышала звук собственного голоса и поняла, что голос ей изменяет. Это не ее голос. Словно говорит совсем другой человек.

— Я не буду его напрягать, — повторила Кора.

Тут же она почувствовала легкий укол — поняла, что врачи ввели транквилизатор. Значит наше дело плохо...

— Дайте мне зеркало, — приказала Кора чужим голосом.

— Дайте ей зеркало! — повторил врач, но сам не шевельнулся.

— Ну сколько можно просить! — каркнула Кора и вовсе испугалась.

Медсестра метнула испуганный взгляд в сторону реаниматора. Тот кивнул. Медсестра протянула Коре зеркало — овальное, на длинной ручке. Без сомнения, заготовленное заранее — кто-то догадался, что оно понадобится пострадавшей. Так как руки Коре еще не подчинялись, медсестра сама поднесла зеркало к ее лицу. И Кора догадалась, что это — не зеркало, что ее разыгрывают.

— Это не зеркало, — сказала она.

— Нет, зеркало, — мрачно ответил врач.

— Мне лучше знать! — каркнула Кора и поняла, что врач прав, потому что ее клюв открылся ровно настолько, чтобы пропустить крик.

Кора закрыла глаза и приказала себе успокоиться. В сущности, ничего трагичного не произошло. Все исправимо.

Досчитав до десяти, Кора открыла глаза и снова посмотрела в зеркало.

Из зеркала на нее бессмысленно смотрело неподвижное лицо большой курицы: черные круглые, словно пуговицы, глаза; вокруг них желтая мятая кожа, дальше начинаются перышки — сначала короткие, тонкие, как волосинки, потом все более крепкие завитые, пышные... перья прижимаются к вискам, торчат над ушами — хорошо, что хоть уши видны. Но кому это хорошо? Моей маме? Не дай бог, моя мама заподозрит, что ее дочка может подвергнуться такому унижению — она разнесет всю вашу идиотскую планету, на которой мой прекрасный мозг прячут в глупейшую куриную голову.

— Выбора не было? — спросила Кора и клювом отвела в сторону зеркало — смотреть на себя было противно. Она с детства презирала куриц и гусей.

— Выбора не было, коллега, — поспешил с ответом врач.

Коре в ответе почудилась насмешка.

— От меня так мало осталось?

— Взрывом вас разметало по всему залу ожидания, — сухо сообщил местный врач. — К счастью, мозг был не поврежден.

— Только мозг?

— При виде вашей гибели у госпожи Гальени-папа случился удар и она скончалась на месте.

Конечно же, ее сегодняшняя рожа — это лицо той громадной курицы, что смотрела на нее в зале ожидания.

Толстая курица ростом с человека. И теперь я должна ходить в этой шкуре? До каких пор?

Кора собрала воедино всю свою недюжинную волю.

Не отрывая взгляда от зеркала и наблюдая за движениями своего клюва и глаз, Кора спросила:

— И долго мне предстоит находиться в этой бочке?

— В какой бочке? — местный врач, видно, решил, что Кора рехнулась.

— Я спрашиваю вас, когда у меня будет возможность снова перейти в человеческое тело?

— А, вот вы о чем! — откликнулся врач, но не ответил, а обернулся к человеку, только что вошедшему в палату. Это был второй встречавший Кору на космодроме — худой сутулый мужчина в высокой черной шляпе, глаза которого были спрятаны в глубоких глазницах.

— Разрешите представить, — сказал доктор, — администратор Грегг ан-Грогги, наша местная власть.

Грегг медленно повернул к Коре голову — глаза его показались горящими в пропастях угольками.

— Решать предстоит вам, инспектор Орват, — произнес он. — Никто не может взять на себя ответственность.

— Что вы имеете в виду?

— Сегодня утром я выходил на связь с Галактическим управлением ИнтерГпола, — пояснил Грегг ан-Грогги. — Меня просили передать вам, что преступление, совершенное здесь, требует немедленных действий. Иных агентов, кроме вас, на планете нет. Управление надеется, что вы успешно завершите расследование, как только встанете на ноги.

— То есть они хотят, чтобы я вела расследование в ... в шкуре этой курицы?!

— Курицы? Что такое курица? — спросил Грегг, который не бывал на Земле и не знал, очевидно, что это за существо.

— Курица — это я, — мрачно ответила Кора. — На Земле они бывают мельче. И мы их едим.

— Что?! — Греггу стало плохо и он был вынужден покинуть палату, потому что люди его планеты настолько убежденные вегетарианцы, что при слове "котлета" иногда падают в обморок.

— Другими словами, — продолжил за Грегга врач, — у вас есть выбор. Как у свободного человека. Либо вы в облике этой ... курицы улетаете в Галактический центр, где вам подыскивают человеческое тело...

— Мне не надо подыскивать! — резко ответила Кора. — Как и каждый агент ИнтерГпола, я имею право на резервную копию собственного тела, которая покоится на случай надобности в подвалах центра ИнтерГпола на Гангнусе-2.

— Туда еще надо долететь, — мягко возразил врач. — К тому же, должен вам сообщить, что тело, в котором находится ваш мозг, по причинам объективного свойства не может переносить космические перелеты. В течение ближайших двух-трех недель.

— Еще этого не хватало! — не выдержала Кора. — Почему вы не подыскивали мне какое-нибудь тело попроще?

— При населении шесть тысяч человек, включая детей, найти вам тело было невозможно, — ответил врач. — А у нас не было разрешения кого-нибудь убить специально для того, чтобы поместить ваш мозг в новое тело.

— Да вы рехнулись, что ли! — разъярилась Кора Орват. — Где вы наслушались таких сказок про ИнтерГпол?

Доктор пожал плечами — в сущности, не все ли равно, где он их наслушался. Репутация у ИнтерГпола была не самая лестная, но ИнтерГпол сознательно не разрушал иллюзий: порой бывало полезно, чтобы при появлении его агента у виноватых начинали дрожать коленки.

— Что же, мне жить здесь всегда и кудахтать? — спросила Кора.

— Нет, через две недели вы снесете яйца, — ответил доктор. — Тогда запрет на полеты будет снят, и вы сможете отправиться в Галактический центр, куда доставят ваше резервное тело. Там же, я надеюсь, несчастной госпоже Гальени-папа найдут достойный мозг.

Произошла пауза — минуты на три. Кора Орват пыталась осознать положение, в которое угодила.

— Повторите, — сказала она потом, и ее голос сорвался. — Что я должна буду сделать?

— В пределах двух недель вы должны будете снести яйца, — буднично ответил доктор.

* * *

Коре Орват приходилось попадать в безвыходные ситуации и переделки, из которых мужчины покрепче ее не выбирались живыми. Но ей еще никогда не приходилось нести яйца. Тем более, за других.

— О, нет! — вырвалось у этой отважной женщины, бесстрашного агента ИнтерГпола. — Только не это!

— Что бы вы предпочли? — спросил тогда циничный молодой врач, но не получил ответа. Если бы у Кору еще сохранился прежний облик, она бы пронзила его гневным взглядом. Но как пронзишь его взглядом, если у тебя глаза очень большой курицы?

Поэтому Кора метнула в доктора зеркало на длинной ручке и, конечно же, угодила ему в лоб. Пока доктору зашивали рану, Кора выслушала речь вернувшегося Грегга ан-Грогги.

Оказывается, на Кору было совершено покушение — бомба была подложена под пальму, мимо которой она проходила.

— А вы где были? Куда вы исчезли? — перебила представителя властей Кора.

— Простите, я отходил к справочному бюро, чтобы узнать, пришла ли за нами машина.

— Именно тогда вам понадобилось это узнать? — саркастически произнесла Кора. На что Грегг ответил не без издевки:

— Бессмысленно было бы узнавать об этом сегодня.

— Продолжайте, — сказала Кора, с отвращением прислушиваясь к звуку собственного голоса. Клювы этих куриц не были приспособлены для передачи тонкостей человеческих чувств.

— Взрывом вас разнесло на мелкие кусочки, — сообщил Грегг ан-Грогги. — К сожалению.

— Не жалеете меня.

— Извините, я не намеревался вас жалеть.

— Вот именно.

— Вас разнесло на мелкие кусочки, но ваш мозг оказался нетронутым, потому что вы были в тонком металлическом шлеме.

— Как всегда на чужой планете, — пояснила Кора.

— Не выношу, когда на меня покушаются.

— Если бы мы находились в Галактическом центре или хотя бы на Земле, то вскоре ваши останки заморозили бы и потом совместили с вашим резервным или каким-нибудь подходящим телом.

— Без подробностей, — попросила Кора.

— Я сам не выношу натуралистических деталей, — вздохнул представитель властей. — Но я на службе и вынужден говорить о неприятном. Итак, ваши останки отвезли в госпиталь и обнаружилось, что у нас в резерве нет ни одного тела, за исключением тела безвременно погибшей супруги профессора Гальени.

— Почему она погибла?

— Очень просто... при виде вас... — начал Грегг ан-Грогги, но тут нервы его не выдержали, и он снова кинулся прочь.

Более хладнокровный местный доктор пояснил:

— Она увидела, как ваша голова улетела на вершуш-

ку пальмы, и не выдержала такого зрелища. Она скончалась на месте от кровоизлияния в мозг.

— Ясно, — сказала Кора. Ей стало по-человечески жалко курицу, вынужденную наблюдать такую жестокую сцену.

— Ясно, — повторила Кора. — Но какого черта она приперлась на космодром? Кто ей сказал, что я прилетаю?

— В этом не было тайны, — ответил местный доктор. — Об этом было объявлено по телесети и напечатано в многотиражке.

— Значит, любой мог положить бомбу под пальму?

— При желании — да, — твердо сказал местный доктор.

Вернувшийся Грегг пояснил:

— На планете есть шесть шахт и три экспедиции — и все используют взрывчатку.

Мужчины стояли вокруг, в ногах постели, ожидая новых вопросов. Кора поняла, что состояние у них незавидное: они видят лежащую в кровати курицу ростом с небольшого бегемота, но вынуждены разговаривать с ней как с инспектором ИнтерГпола.

— А скажите мне ... — с трудом заставила себя произнести Кора. — Скажите, а когда я ... то есть когда это тело будет нести яйца?

— Не раньше, чем через неделю, — ответил местный доктор. — Но мы проверим. Мы посоветуемся...

— Здесь есть другие курицы?

— Не совсем так, — сказал врач. — Экспедиция Гальени состояла из него, его жены, которую он взял с собой в качестве младшего научного сотрудника, и его ассистента, молодого, и, как говорят, подающего большие надежды археолога Орсекки.

— Петушка? — невежливо спросила Кора. Но она не владела собой. Она полагала, что ИнтерГпол и местная администрация ее подвели, предали. Потому что вместо того, чтобы прислать ей нормальное тело, они восполь-

зовались местными никуда не годными ресурсами. Конечно, телепортация нового тела очень дорого стоит, но в конце концов — где же ваш хваленый гуманизм?

Кора знала, что ее начальство всегда больше заботится об экономии средств, чем о достижениях в работе. Чиновник останется чиновником и в будущем. Она представила себе, как комиссар Милорад и заведующий отделом межпланетных убийств У Ба Мьинт потирают ручки, подсчитывая, сколько сэкономило управление, пересадив мозг инспектора в первую попавшуюся курицу. А ведь результатов они будут требовать с нее как с нормальной женщины!

Мужчины по-прежнему стояли в ногах кровати: местный врач — молодой наглец, проходящий здесь стажировку и уже вознесшийся в пустом самомнении; Грегг ан-Грогги, местный администратор, ответственный за порядок и спокойствие на этом форпосте цивилизации. Грегг-Мертвая голова, как прозвали его геологи, человек с репутацией жесткого, пробивного политика, попавшийся на темных делах на строительстве какого-то астероида и отсиживающийся здесь, вдали от бдительного ока газетчиков, пока не минет буря.

— Вы свободны, — отпустила их Кора. — Можете идти. Завтра утром я попрошу вас, Грегг, прийти к десяти часам утра, чтобы обсудить и спланировать наши действия.

— Хорошо, — сказал администратор и вдруг хихикнул.

Остальные не удержались и тоже засмеялись. Они корчились, стараясь унять смех, прикрывали лица ладонями, отворачивались, но все впустую. Смех был сильнее.

Толкая друг друга, они кинулись прочь из палаты — врачи, медсестры и сам администратор Грегг ан-Грогги, которого в городе все называли Мертвой головой.

С каким наслаждением Кора Орват выхватила бы бластер и проделала в этих людях по несколько дырок!

Она же отлично понимала, как смешон эффект, достигаемый несообразностью строгих слов инспектора и видом курицы. Возможно, она и сама не удержалась бы от смеха. Но понимание — одно, прощение — другое. Прощать Кора не намеревалась.

Когда топот медиков стих, Кора закрыла глаза — куриные черные глазенки — и постаралась думать.

Итак, убийца разделался с профессором. Детали нам пока неизвестны. Причина покушения — также. После этого убийца узнает, что прилетает инспектор из Галактического центра, может быть, сама Кора Орват, и это приводит его в ужас... Убийца мечется в ужасе перед разоблачением. Он понимает, что должен немедленно избавиться от инспектора. Возможно, даже скорее, чем инспектор успеет с кем-нибудь поговорить. Но почему там оказалась вдова профессора? Неужели она тоже боялась за свою жизнь и спешила поделиться с инспектором тайной? Но какой?

Кора вспомнила, что сама пребывает в теле этой самой жертвы покушения — может быть, оно подскажет что-то внедренному в него мозгу? Кора замерла, прислушиваясь к движениям своего нового тела. Заурчало в животе. Вряд ли это можно было считать подсказкой. Зачесалась левая нога — но ноги еще не освобождены от держателей — так что не почешешь, надо терпеть...

Кора рассердилась на себя. На что она тратит время! Это же сплошная мистика. Мозг человеку дается только один раз. И уж твое личное дело, как ты его используешь, чтобы потом не переживать за бесцельно прожитые годы! Где-то это она читала. А может быть, это читало ее новое тело?

Хорошо, вернемся к расследованию: вдова профессора спешит к Коре. У преступника всего секунда, чтобы принять решение. Он нажимает на кнопку, и мина срабатывает. Кора убита. Вдова профессора Гальени не выдерживает этого зрелища и тоже умирает. Удалось!

Нет, такой вариант не годится, потому что преступ-

ник приготовил мину заранее. Он знал, что Кора пройдет рядом с той пальмой. Следовательно, покушение тщательно готовилось. Но если так, то зачем взрывать бомбу прямо в зале космопорта, привлекая к себе внимание? А почему Грегг ан-Грогги отошел к справочному бюро? Он говорит, что сделал это, чтобы узнать о машине. Как его проверить?

Постепенно мысли Кору начали путаться. Уловив изменения в ритме мозговых колебаний, кровать перешла на режим осторожного укачивания, и Кора мягко погрузилась в сон.

Ей снилось, будто она бежит по лугу, среди ромашек, а мама кричит ей вслед, чтобы далеко не уходила, потому что здесь водятся опасные цыплята. Кора не слушается, бежит все дальше, к высоким зарослям, и оттуда к ней кидаются покрытые желтым пухом, метровые цыплята. Они бегут, переваливаясь, раскорячив кривые крылышки и оглушительно пищат...

— Мама! — хочет позвать Кора, но звук не может вырваться из ее рта...

* * *

Очнувшись, Кора лежала неподвижно, приказывая членам чужого тела ничем не выдать ее пробуждения.

Кто-то стоял в коридоре перед дверью в палату. Кора смогла чуть приподнять голову и оглядеться. Большое окно было приоткрыто, и холодный ночной воздух вливался в него. За окном щебетали ночные насекомые.

Медленно-медленно ручка двери начала поворачиваться вниз.

Кора потянулась к столику. Наверняка здесь должна быть кнопка звонка, чтобы вызвать дежурную сестру! Впрочем, ей еще не приходилось пользоваться кнопкой, потому что любые перемены в ее самочувствии показывали приборы. Нет никакой кнопки... Пальцы не слуша-

лись — еще бы, это же чужие пальцы! Это когти, которыми заканчиваются крылья курицы.

Ручка опустилась, потом дверь начала медленно открываться — сначала возникла тонкая полоска света, затем она стала расширяться, и Кора смогла разглядеть силуэт человека, скользнувшего в палату.

Кора попробовала пошевелить ногами — ноги были связаны и не подчинялись.

Темный силуэт человека приближался к кровати. Лицо человека было черным — на голову его был надет старый носок. В руке блестел длинный нож.

— Прости, — прошипел человек, — прости, красотка, птичка, курочка. Но ты слишком опасна, чтобы оставаться в живых. Я обещаю, что твоя смерть будет безболезненна и мгновенна. Смотри же!

И человек ринулся к кровати, занеся руку с ножом.

Но убийца не учел, что имеет дело с опытным инспектором ИнтерГпола. Собрав все силы в одно движение, Кора смогла вырвать из гнезд ремни, которыми она была прикована к кровати, — то есть сделать усилие равное усилию, которое развивает паровоз, беря с места состав в двадцать пять груженых камнем платформ.

Вырвавшиеся из пазов ремни смертельными бичами взвизгнули в воздухе, и пряжки стегнули по плечам и бедрам человека. Со страшным воплем он подскочил до потолка — ударился головой так, что в потолке осталась вмятина, и тяжело, словно громадная связка переспелых бананов, рухнул на пол.

Кора неподвижно стояла на месте, стараясь перевести дух и собраться с силами.

Ей следовало сделать два шага, наклониться, стащить с головы убийцы носок и узнать, кто же так хотел устранить ее. Тогда сразу разрешится и тайна самого убийства. Но она не смогла сделать этот шаг, потому что ее взгляд упал на большое, во весь шкаф, зеркало и она увидела в нем глупейшего вида существо, настолько

нелепое, что замерла, стараясь понять, как это чудовище пробралось к ней в палату.

Сказать, что это была курица, было бы глубоким оскорблением всем курицам Галактики, ибо ноги у существа были вдвое короче куриных и втрое кривее. Туловище, размером и формой с туловище небольшого бегемота, было покрыто рыжими и бурыми перьями разного размера, а хвост оказался толстым и коротким, будто частично выщипанным. Крылья курицы — короткие и чуть отставленные — заканчивались когтями, шея была неожиданно тонкой и длинной, почти лишенной перьев, зато голова была большой, круглой, снабженной треугольным коротким клювом и украшенной красным гребнем. Чудовище устало на Кору, Кора смотрела на чудовище.

Господи, поняла Кора, это же я! Это моя судьба! Понятно теперь, почему они все так надо мной смеялись.

От ног и крыльев курицы тянулись ремни с пряжками на концах. Кора нагнулась, чтобы отстегнуть их — в конце концов не ходить же с такими ремнями... И тут она увидела, что ее неведомый враг пошевелился... Господи, она же позабыла снять с него носок!

— Погодите! — воскликнула Кора. — Лежите спокойно!

Кору чуть не погубило то, что она была совершенно непривычна к новому телу. Она попыталась прыгнуть к лежащему на полу мужчине, чтобы вырвать из его ослабевшей руки нож, но ноги ее не смогли сделать большого шага, потому что были слишком коротки, к тому же ее когти слишком глубоко врезались в палас, которым был покрыт пол палаты. Так что мужчина, не снимая с лица носка, со стоном поднялся и уверенно пошел на Кору.

Раз Кора не успела отстегнуть ремни, охватывавшие ее желтые лодыжки, то никакого оружия в руках у нее не было, и неизвестно было, откуда его раздобыть.

Мужчина зашипел, как змея, Кора попыталась за-

помнить обрисованную носком форму его черепа — если она останется в живых, это может пригодиться....

Мужчина совершил прыжок, подобно тигру.

Кора отчаянно отпрыгнула назад.

Мужчина прыгнул еще раз.

Кора закудаhtала — помимо ее воли голосовые связки курицы проявили себя таким образом. Сзади было лишь открытое окно.

Мгновенный взгляд назад подсказал, что окно находилось на высоком этаже. Уловив ее взгляд, мужчина глухо проговорил:

— Восьмой этаж, курочка! Для твоей безопасности! — и захохотал дьявольским смехом.

Следующий шаг его был бы смертелен для курицы.

Кора вскочила на подоконник.

Мужчина ринулся вперед, и Кора поняла, что ее последний шанс заключается лишь в том, чтобы узнать на практике — умеет ли курица летать. Шанс был невелик — слишком толста и неуклюжа была эта птица.

Кора оттолкнулась от подоконника и ринулась в пропасть спиной вперед. Если это проклятое тело хоть немножко летает, оно само займется своим спасением.

Тело, медленно переворачиваясь, устремилось к земле.

Сначала звякнули, ударившись о землю, пряжки ремней, которыми Кора была недавно прикреплена к кровати, потом твердая земля, прикрытая травой, ударила по пяткам, и Кора, потеряв равновесие, уселась посреди небольшой клумбы, на которой цвели тюльпаны или цветы, похожие на тюльпаны.

Ой, мелькнула в голове нечаянная мысль: как бы не навредить малюткам!

Кора огляделась. Каких малюток она имела в виду? Кора догадалась, что ее новое тело тревожилось о судьбе яиц, которые должно было вскоре снести.

Мысль об этом пронзила Кору. А вдруг в тот момент вокруг окажутся люди и увидят, как она это делает? А

вдруг об этом пронюхает какой-нибудь безответственный газетчик? Тогда что — уходить в отставку? Скрываться остаток жизни по дальним полицейским участкам?

Несмотря на то, что крылья ей мешали, Кора пощупала свой покрытый мягкими теплыми перьями живот — нет ли на нем выпуклостей, которые указывали бы на наличие яиц?

Тем временем одно за другим в больнице зажигались темные окна. Вскоре до Кору донеслись крики и громкие звуки. Видно, там поднялась тревога, Кору уже искали.

Кора отстегнула ремни и положила на траву. Она поняла, что ей все еще не хочется появляться перед людьми, в глазах которых она выглядела далеко не героично.

Но когда шум и крики приблизились к кустам, где она скрывалась, Кора вышла навстречу людям — к радости врачей и медсестер, которые уже решили, что Кора случайно вывалилась с восьмого этажа.

Когда же Кора попыталась убедить врачей, что она на собственных куриных крыльях опустилась на землю, ее подняли на смех. Оказывается, всем, кроме Кору, было известно, что курицы, то есть уважаемые и высокоученные обитатели планеты Ксеро, летать не могут с тех пор, как научились строить дома вместо гнезд и пользоваться компьютерами. Правда, в детстве некоторые ксеры иногда взлетают над детскими площадками и наиболее шустрых держат на длинных шпагатиках. Но это исключение лишь подтверждает общее правило.

Кора, конечно, не согласилась с общим мнением. Может быть, ее тело и не умело летать, но когда на тебя кидаются с ножом, то полетишь и без крыльев.

Встревоженные врачи тем не менее высказали удовлетворение состоянием здоровья Кору. Они убедились, что мозг уже хорошо прижился в курином черепе, руки и ноги отлично слушаются его приказов, падение с

восьмого этажа не привело даже к приступу мигрени, так что инспектора Орват можно было выписывать. Утром на обходе врач с глазами-маслинами, который, как все знали, был по совместительству представителем службы безопасности, с милой улыбкой сказал:

— Моя миссия выполнена. Ваша еще не выполнена, и поэтому вы можете рассчитывать на мою помощь. Все ясно?

— Все ясно, — сказала толстая курица, стоявшая перед врачом. Врач искренне сочувствовал Коре. У него было развито воображение и он мог себе представить, каково ей в этой шкуре.

А курица, склонив голову и почесывая клюв когтем, рассматривала между тем голову агента, она надеялась угадать форму черепа убийцы, который напал на нее вчера вечером.

Разумеется, как опытный оперативник Кора никому не стала рассказывать о покушении. Ведь неудачливый убийца именно этого от нее и ожидал. Теперь же он в неуверенности, в тревоге, он не знает, что Кора задумала — а раз так, то он может повторить попытку покушения и тогда уж наверняка попадетсЯ. Образно говоря, Кора стащит с его головы грязный носок!

Утром приехал и администратор Грегг ан-Грогги, или Мертвая голова. Он был весьма озадачен и сердито заявил, что полностью берет на себя вину за случившееся. Отныне, сказал он, двое полицейских будут сопровождать инспектора, куда бы она ни отправилась. Кора пришла в ужас от этого предложения, сделанного категоричным тоном. Честно говоря, она всегда робела перед администраторами, словно превращалась в маленькую девочку, перешедшую улицу в неполюженном месте. Но на этот раз она взбунтовалась.

— Так я никогда ничего не расследую! — воскликнула она. — Мало того, что вы загнали меня в куриную шкуру и этим сделали выполнение задания почти невозможным, вы еще хотите поставить вокруг меня воору-

женный кордон, чтобы я вообще не смогла говорить с людьми.

— И все же я настаиваю! — сказал Грегг ан-Грогги так, что ясно было — он не отступит. Что ж, подумала тогда Кора, сбежим от полиции. Не в первый раз. Правда, ей еще никогда не приходилось убегать от полиции, неся в животе недоношенные яйца.

— Настаиваете, тогда подыщите мне любое другое тело, — буркнула Кора.

— Невозможно, — ответил за Грегга врач.

— Но почему? Положите курицу в холодильник, пускай полежит, пока не пришлют мозг с планеты Ксеро.

— Чепуха! — отрезал дежурный врач. — Вы не подумали о детях!

— Что еще надо думать о детях?

— Вы намерены заморозить яйца в этом вот самом животе? — доктор ткнул пальцем в живот Кору, та от неожиданности неловко отпрыгнула и еле удержалась от того, чтобы не клюнуть нетактичного доктора.

— Нет, вы мне ответьте! — настаивал доктор. — Как вы намерены сохранить живыми младенцев, которым именно сейчас требуется высокая постоянная температура окружающей среды, иначе они попросту погибнут!

— Так положите их в инкубатор!

— Сначала снесите их, госпожа инспектор ИнтерГпола! — нагло ответил врач. — Тогда и будете рассуждать об инкубаторах!

Кора был вынуждена переменить тему разговора.

— Хорошо, — сказала она, — тогда поехали на место гибели профессора Гальени. И вы введете меня в курс дела.

Не скрывая усмешки, Грегг-Мертвая голова вызвал вездеход, на переднем сиденье которого поместились водитель, он сам и местный доктор, который настоял на том, чтобы сопровождать больную в первой поездке. Все заднее сиденье, разумеется, заняла Кора Орват.

Путь до раскопок был недалек. Он проходил через жилые кварталы городка. По дороге администратор поведал Коре о местных проблемах. Кора слушала внимательно, потому что давно убедилась — на расследование могут оказать влияние любые местные проблемы и события, даже не имеющие, на первый взгляд, никакого отношения к происшедшему.

Правда, слушала она вполуха, потому что ей очень хотелось задать вопрос, который она задать здесь никому не могла. А именно: "Какого размера яйца несут благородные жительницы планеты Ксеро?"

— Планета, на которой мы находимся, — монотонно говорил Грегг-Мертвая голова, словно читал висевшую перед глазами инструкцию, — лежит на древнем звездном торговом пути. Еще в незапамятные времена космические корабли причаливали, так сказать, здесь, чтобы отдохнуть и пополнить запасы воды и топлива. Затем, после известных всем катаклизмов в третьем секторе, этот путь был забыт. Сейчас на нашей планетке открыты залежи драгоценных металлов и камней, так что здесь находятся концессии Межгалактической Горной компании, где трудится большинство жителей нашего города. Археологи с планеты Ксеро появились здесь два месяца назад. Было их трое: профессор Гальени с супругой Гальени-папа, тело которой вы теперь оккупируете...

— Оставьте, Грегг!

— Простите, госпожа Орват, но это невинная шутка.

— Вопросы невинности не в вашей компетенции! — заявила Кора с несвойственным ей раздражением.

— Тогда я продолжаю, — сказал Грегг-Мертвая голова, и его глаза в глубоких глазницах зловеще сверкнули. — Итак, сюда прилетели археологи с планеты Ксеро, которые задались целью доказать всему миру, что их предки оставили здесь следы своей деятельности и, может быть, даже ценные клады. Для раскопок они определили место, которое соответствовало описаниям, найденным ими в своих пыльных манускриптах. Вот и

копаются. Нам от них — сплошные трудности и неудобства, но мы терпим, потому что отлично понимаем важность культурных изысканий.

— И галактического сотрудничества! — добавил местный врач.

— Разумеется! — поддержал его Грегг. Кора поняла, что любые культурные изыскания Греггу отвратительны.

Миновав последний высокий дом, вездеход остановился на небольшом треугольном плато.

Когда они вылезли наружу, Кора смогла окинуть взглядом окрестности и оценила уникальность этого места. Несомненно, его должны были избрать для лагеря древние космонавты.

В окружении невысоких, но дикого вида голых гор лежала долина, образованная быстро текущей рекой. В том месте, где стояла Кора, река делала широкую петлю, охватив полукругом ровный участок возвышенности, частично застроенный теперь домами и складами. За рекой явно жить было нельзя, потому что дальний берег совершенно отвесно поднимался на километровую высоту.

Раскопки велись на дальней оконечности площадки, обрамленной рекой, как бы на носу корабля, так что все дома и постройки городка оставались за спиной, как надстройки на палубе корабля.

Кора увидела несколько неглубоких траншей и ям, разделенных земляными перемычками. Над раскопками замерли осиротевшие без хозяина землеройные механизмы, снабженные лопатами, лопаточками, кистями и кисточками для раскопок. Над обрывом, ведущим к реке, стояла желтая палатка — видно, штаб археологической экспедиции.

— Как вы видите, — продолжал администратор Грегг-Мертвая голова, подводя Кору и врача к траншеям, — ничего особенного профессору отыскать не удалось. По крайней мере, пока. Но он не расстраивался и

не унывал. Чудесный был... человек, этот профессор Гальени, мы с ним отлично ладили, хотя и приходилось спорить.

— Почему спорить? — спросила Кора.

— Честно говоря, я немного поторапливал профессора. После окончания раскопок мы намереваемся строить здесь большую новую гостиницу и здание центрального управления Горной компании. Пора нам, давно пора превратить этот поселок в настоящий город, подобный лучшим городам в Галактике.

Глаза Грегга весело сверкнули — он был энтузиастом, он мечтал об этом городе.

— И долго археологи еще собирались здесь оставаться? — спросила Кора.

— Нет! — послышался голос от желтой палатки. — Мы сворачивали свою работу. Еще месяц, от силы — два...

Полог палатки откинулся, и навстречу им вышел крепкий, толстый петух, ростом чуть побольше Кору.

Сердце Кору пропустило удар.

Ноги подкосились.

Это был он!

Кто он — Кора не знала. Мысли и чувства диктовало ее куриное тело.

Петух стоял в дверях палатки, близоруко оглядывая визитеров. Он был вызывающе окрашен — золотистый, в медь, с черными крыльями и черным, коротким хвостом. Алым был лишь толстый мясистый гребень.

Наконец он увидел Кору, и это было для петуха шоком.

Он начал неловко отступать, беззвучно открывая и закрывая короткий клюв, крылья его приподнялись и задрожали...

— Гальени-папа! — проговорил он, наконец. — Ты... сама. Ты вернулась?

— Здравствуйте! — громко произнес Грегг ан-Грогги.

— Простите, что без предупреждения. Но следствие

терпеть не может. Разрешите представить вам госпожу инспектора Кору Орват из ИнтерГпола. Ее прислали к нам специально для расследования трагического происшествия... Инспектор Орват стала жертвой инцидента на космодроме, но наши замечательные медики смогли пересадить оставшийся от нее мозг в тело скончавшейся там же от инсульта вашей соотечественницы госпожи Гальени-папа.

Всю эту короткую речь Грегг-Мертвая голова произнес на одной ноте, но столь настойчиво и авторитарно, что остальные замерли, околдованные его голосом.

Петух, столь пораженный видом ожившей профессорши, за время речи администратора пришел в себя и лишь смотрел на Кору с нежностью и участием, а Кора ощущала в себе постоянно желание приласкать этого милого нелепого петушка.

— Орсекки, — произнес петух, делая шаг вперед. — Ассистент первого разряда. Помощник профессора Гальени... покойного профессора Гальени... Какое несчастье, какое горе! Каково тебе теперь?!

Последние слова относились к Коре, и она не сразу сообразила, что ей выражают сочувствие по поводу ее вдовства. Она чуть было не ответила, что еще не имела счастья увидеть своего покойного супруга, но сдержалась. Это могло показаться издевкой.

Ассистент не спускал черных глазенок с Кору, и все ждали от него или от нее каких-то слов. Чтобы разрядить обстановку, Кора спросила:

— И что же интересного вам удалось отыскать?

— Нам? Отыскать? — ассистент явно был удивлен.

— Я не знаю, что вам покажется интересным. Мы же ищем не сами предметы, а свидетельства космических путешествий в древности.

— Я сформулирую вопрос иначе, — перебила его Кора. — После смерти профессора на раскопках ничего не пропало?

— Ах, вот вы о чем! — воскликнул ассистент. —

Тогда давайте пройдем в палатку, я вам все покажу. И вы поймете нелепость такой постановки вопроса.

Вся компания проследовала в желтую палатку.

В центре ее стоял длинный стол, на котором лежали камни, осколки керамики, обломки деревяшек и угля, не говоря уж о совсем не понятных предметах...

Пока гости осматривали эти сокровища, ассистент добрался до большого сейфа, стоявшего за столом. Открыв его, он принялся вытаскивать оттуда коробки и расставлять на столе.

— Предметы, представляющие интерес, мы храним в сейфе, — заверил собравшихся ассистент. — Может быть, для вас, представителей иных, более молодых и наивных цивилизаций, они и не представляют особого интереса, но значение их для судеб и истории нашей Ксиро невероятно велико.

Как он ловок и силен, подумала Кора. Другого такого петушка нет во всей Галактике! Но при его скромности он никогда не доберется до высот... Прости, спросила Кора себя, откуда ты все это можешь знать? Но ответа она не услышала.

Раскрыв первую коробку, ассистент вытащил из ваты несколько шариков, стеклянных и мраморных, каждый размером с грецкий орех.

— Как вы думаете, что это такое? — спросил ассистент.

— Пожалуй, — первым откликнулся Грегг, — это счетные шарики. Для обучения...

— Нет! Еще варианты! — звонко крикнул петушок.

— Я знаю, — сказала Кора. — Это шарики для игры. Мальчики катают их по мостовой...

— Ну, уж от тебя я такого невежества не ожидал! — огорчился ассистент.

— Вы меня с кем-то путаете, — мрачно отозвалась Кора.

Ассистент не уловил иронии, лишь огорченно махнул крылом.

— Так говорите же, в чем ценность этих шариков? — попросил врач.

— Знать первой империи Ксеро-бат употребляла эти шарики внутрь. Да, да, именно так. Вы принимали шарик для пищеварения. И чем больше шариков вам прописывал доктор, тем лучше у вас перемалывалась в животе пища. Ученые за последние годы сломали немало копий, споря, являются ли эти шарики плодом фольклора, или они — действительная страница славной истории нашей планеты. Найдя их, особенно рядом с костями наших далеких предков, мы можем утверждать — да! Они глотали шарики!

Вдруг Кора испытала странное желание — ей захотелось проглотить такой шарик. Она даже протянула вперед коготок, но заметив это движение, ассистент прошептал:

— Не сейчас! Я дам тебе его... потом.

— Вы о чем? — спросил Грегг подозрительно.

— Я попросила ассистента рассказать о том, как погиб профессор, — сказала Кора.

— К сожалению, — сказал ассистент, — меня в тот момент рядом с профессором не было.

— Так, — после некоторой паузы произнес Грегг англогги. — Чем же еще может похвастаться ваша наука?

— Пожалуйста! Вот неопровержимое доказательство того, что наши предки посетили эту планету в незапамятные времена.

Он раскрыл очередную коробку так, словно в ней покоился королевский скипетр.

На вате лежала небольшая ржавая железка незначительного размера.

— Впечатляет? — спросил ассистент.

— Короче! — рявкнул Грегг. — Мы теряем время. Что ваши так называемые предки делали этой железкой? В зубах ковыряли?

— Почти угадали! — обрадовался ассистент. — Правда, у нас нет зубов...

— Я заметил, что нет.

— Скажите нам, мы не в силах догадаться, — попросила Кора.

Как настоящая женщина, даже в курином обличии, Кора знала свою силу и умение влиять на мужчин.

— Так смотрите! — и затрепетав всеми перьями от радости, Орсекки вытащил из кармашка широкого кожаного пояса, которым был подпоясан, такую же железку, но совершенно новую, блестящую и не тронутую ржавчиной.

— Узнаете? — спросил он.

— Не тяни же, говори — для чего? — воскликнул Грегг.

Ловким движением ассистент поднес железку к клюву и принялся подпиливать его острое, причем делал это элегантно, ловко, словно всю жизнь только этим и занимался.

— Каждый птенец! — воскликнул он при этом. — Каждый птенчик на нашей планете знает, что делать с этой, по вашему выражению, железкой. И я думаю, что других доказательств не требуется.

— Мы не просим доказательств, — пояснила Кора.

— Мы только хотели узнать, каковы результаты раскопок.

— Великолепные.

— И что вы намерены делать дальше, после смерти профессора? — спросила Кора.

— Продолжать! — воскликнул толстый петушок. — Результаты настолько удивительны и убедительны, что нам следует перекопать все вокруг!

— А вот это лишнее, — заявил мрачно Грегг. — Наш с вами контракт истекает через месяц. К этому времени вы должны выкопать все ваши драгоценности.

— Это невозможно! Мы уже послали заявку на продление раскопок.

— А мы послали требование раскопки завершить вовремя. Нельзя из-за железок нарушать жизнь города!

Так, мысленно отметила Кора, существует конфликт между экспедицией и местными властями. Следует выяснить его действительные подспудные причины.

— Из-за железок! — голос петушка поднялся до высочайших нот — соловей бы позавидовал такой руладе — и сорвался. — Из-за железок? — прохрипел археолог.

На этот раз из коробки, обтянутой синим шелком, показался кусок яичной скорлупы. Коре показалось, что этот кусок страусинового яйца, впрочем она не могла быть в том уверенной. Но ей даже не пришло в голову, что это скорлупа яиц почтенных жителей планеты Ксеро, вернее их отдаленных предков.

— Богатыри! — кричал ассистент, вновь обрета голос, — не нам чета! Вот какие яйца несли наши бабушки! Понимаете ли вы, что это — первая находка останков яйца древнего ксера вне пределов нашей планетной системы!

О, ужас, сердце Кору упало: они хотят сказать, что в ней лежит целая такая штука? И ей придется ее рожать? Нет, лучше смерти!

— Нам это приятно слышать, — сказал Грегг, не скрывая сарказма. — Этой скорлупе уготовано почетное место в вашем музее. Но это не основание для того, чтобы копать до конца света.

— Вот именно! — упавшим голосом закончил свой монолог ассистент и бережно положил обломок скорлупы обратно в коробку. — Теперь мне ясно, кому было выгодно устранить со своего пути профессора Гальени.

— Поосторожнее! — рассердился администратор. — Попрошу выбирать слова. Здесь я представляю галактическую власть.

Ассистент заложил когти за широкий пояс и начал медленно раскачиваться взад и вперед. Кора поняла, что у ксеров это поза угрозы и презрения. Но вряд ли Грегг-Мертвая голова испугается этой позы.

Все еще удрученная своими проблемами, Кора, чтобы разрядить напряжение, попросила Грегга:

— Вы не покажете мне место происхождения? Ведь до сих пор я многого не знаю.

Ассистент напряженно смотрел на нее черными блестящими глазками. Словно хотел передать ей какую-то важную тайну.

— Ну что ж, — согласился Грегг ан-Грогги. Он поправил свою высокую форменную шляпу — знак административной власти — и быстрыми шагами вышел из палатки.

Остальные послушно последовали за ним.

Снаружи дул свежий холодный ветер, он поднимал пыль из траншей, заволакивал дымкой широкую долину реки и скалистые горы по ту сторону.

Пройдя площадку, на которой шли раскопки, они вышли на обрыв над речкой.

Грегг ан-Грогги подошел к краю обрыва и показал вниз.

— Вон там валялись белые перья, — произнес он.

— Перья?

— Да. Это я увидел, — быстро сказал ассистент. — Господин профессор обычно приходил на раскопки раньше всех и никогда не опаздывал. А тут — уже два часа, а его все нет. Я позвонил в его жилище...

— У них сборный дом, — пояснил Грегг. — Они его поставили вон там... — Грегг показал на окраину городка. — Оттуда пешком минут пять.

— Мы ходим пешком, — сказал ассистент. — Это полезно для фигуры.

Местный доктор захихикал. Кора поняла — почему. Достаточно было взглянуть на крепко сбитую, совершенно округлую фигуру молодого петушка.

— Это не основание для дискриминации! — вскричал петух. И тут уж все рассмеялись, включая Кору.

— И вы! — воскликнул петушок, обернувшись к ней.

— И вы с ними?!

— Наверное мне нужно взглянуть в зеркало, — думала Кора, продолжая хохотать. — Это же ненормально. Над чем я на самом деле смеюсь? ”

Ассистент повернулся и зашагал прочь между траншей.

Он был обижен. Даже короткий хвост торчал обиженно. Добежав до края обрыва, петушок бросился вниз, и Коре стало страшно, что это милое существо разобьется.

Она побежала быстрее и, кинув взгляд под ноги, чуть не упала — потому что из-под нее выскакивали не ноги, а желтые когтистые лапы: “Почему мы не одеваемся? — успела подумать она и тут же поправилась: — Почему *они* не одеваются? У них иные принципы стыда и бесстыдства?”

Кора заглянула с обрыва вниз. Она увидела, как, расправив крылья, ассистент большими прыжками спускается по крутому склону. Порой он даже взлетал — пролетал несколько метров, хотя, если быть точной, это был не полет, а скорее планирование.

Грегг и местный врач тоже подбежали к обрыву и ждали, чем закончится спуск ассистента.

— Они вообще-то летают? — спросил администратор.

— Нет, — ответил местный врач. — Но они могут спланировать даже с высокого обрыва.

Кора знала, что доктор ошибается. Она-то сама летала, спасаясь от убийцы. Может быть, у куриц не принято об этом говорить?

Ассистент спустился к реке.

— Вот здесь! — закричал он. — Вот здесь я нашел его маховые перья.

— Чего? — не поняла Кора.

— Маховые перья профессора Гальени!

— Ах, конечно. Но может быть, он линял?

Вопрос был глупым. Инспектора вызывают расследовать смерть знатного иностранца, а инспектор спрашивает, не линял ли он?

— Перья были сломаны, — серьезно произнес Грегг ан-Грогги. — Профессор упал туда уже мертвый.

— Отчего он погиб? — спросила Кора.

— От удара сзади острым ножом, — ответил Грегг ан-Грогги. — Это был археологический нож, такие используются при раскопках. Он хранится у меня в сейфе.

— Где находится тело? — спросила Кора.

— В морге больницы, — сказал врач и добавил, как будто самому себе:

— Мне так трудно поверить, что именно вы задаете вопросы. Именно вы. Хотя я сам пересаживал ваши мозги.

— Не мозги, а мозг, — поправила его Кора. — Мозги — у курицы.

— Вот именно, — согласился врач, и Кора на него обиделась.

— Мне подниматься или вы сюда спуститесь? — крикнул снизу петушок.

— Там больше ничего не было? — спросила Кора.

— Записная книжка и деньги были в поясе. Ничего не тронuto.

— В какое время это случилось?

— Я его осматривал, — сказал местный врач. — Я убежден, что смерть наступила рано утром. На рассвете.

— Что делать на раскопках в такое время?

— У нас есть ваши показания, — вмешался Грегг, обернувшись к Коре, — вы утверждаете, что профессор часто уходил на рассвете на раскопки.

— Я тоже знал об этом. Он считал, что в полном одиночестве на раскопках лучше думать.

— Что еще вам удалось выяснить? — спросила Кора.

— Его жена не заметила, как он ушел, — сказал Грегг-Мертвая голова. — Вы с ним спали в разных комнатах.

— Не говорите глупостей, администратор! — оборвала его Кора.

— Я вас не понял! — Мертвая голова принял вид обиженной цапли.

— Вы все отлично понимаете, — сказала Кора. — Я вынуждена здесь работать в нелегких условиях, в чужом теле. И вместо того, чтобы получить возможную помощь от моих коллег, я сталкиваюсь с какими-то мальчишками, которые неудачно шутят, а потом сами обижаются, дуются и вот-вот побегут жаловаться мамочке.

От гнева крылья Кору непроизвольно поднялись, она взмахнула ими, и ветер усилился настолько, что у Грегга сорвало форменную шляпу, которая осенним листком полетела с обрыва. Грегг метнулся было за ней, но удержался на самом краю — из-под его башмаков вниз посыпалась небольшая лавина камешков.

— Эй, там! — закричал Грегг. — Ловите! Умоляю!

Крик относился к ассистенту, который бродил по берегу, проводя собственное обследование места преступления. Тот откликнулся не сразу — только после того, как камешки начали колотить по его тугой спине. Сообразив, что происходит, петушок заколотил крыльями и большими прыжками помчался к реке.

Кора знала, что в культуре, к которой принадлежал Грегг ан-Грогги, атрибутам власти придавалось особое значение. Наказание там выражалось не в изоляции преступника, а в лишении его должностного знака или форменной одежды на срок, равный наказанию. Ты становился парией, что хуже, нежели просто сидеть в тюрьме. По крайней мере, для таких существ, как Грегг. Шляпа администратора была стимулом к жизни, она была критерием отношения к нему со стороны соотечественников. Шляпа...! Словно гоголевская шинель. Впрочем, вряд ли кто-нибудь из ее собеседников подозревал о существовании специфически земной шинели. И хоть местного доктора или Грегга на первый взгляд не отличишь от человека, сходство это во многом заканчивается на внешних подступах к душе. Впрочем, за последние десятилетия различия между расами и пле-

нами столь интенсивно стираются, что и сами люди уже не всегда могут сказать, какой из миров полагают своей родиной. Галактика — гигантский котел, превращающий национализм в заботу провинциальных старушек, правда, старушек злобных и вредных.

Пока Кора так размышляла, она не переставала наблюдать за гонками ассистента за злополучной шляпой, которую тот не успел догнать раньше, чем она коснулась воды. В воде шляпа как-то ловко перевернулась и, превратившись в небольшую лодочку, мирно поплыла прочь от берега, намереваясь по истечении нескольких дней оказаться в море.

Ассистент припрыгивал, семена за шляпой, Коре захотелось помочь ему и, как ни странно, этот импульс исходил от ее крыльев, которые сделали большой взмах и приподняли ее тяжелое тело. Кора решила рискнуть — если получилось вчера, почему не выйдет сегодня? Она подпрыгнула на краю обрыва, но тут ее намерение разгадал ассистент, который в тот момент поднял взор, намереваясь сообщить Греггу, что его шляпа безнадежно потеряна.

— Ах! — закричал он и тут же начал верещать на непонятном окружающим курином языке. Общий смысл его монолога ускользал от Кору, так что она предпочла игнорировать крики. Тогда ассистент сообразил, что его послание не находит адресата, и перешел на общепонятный язык:

— Нельзя! Подумай о своих детях! — кричал ассистент. — Яйца могут разбиться!

Это ужасное известие заставило Кору замереть на месте.

Господи, еще яиц ей не хватало! Она тут же представила себе, как неудачно приземляется на берегу, и в ее животе образуется яичница-болтуня, гоголь-моголь... О, нет! Только не это!

— Будь проклят день, когда эти археологи прилетели в наш поселок! — в сердцах воскликнул Грегг-Мертвая

голова и, прикрывая руками голову, быстро зашагал прочь.

Кора с врачом остались дожидаться ассистента, который поднялся на обрыв, помогая себе крыльями и когтями. Он запыхался, и перья его были взъерошены.

— Если кто-нибудь кидается своими шляпами, он может сам за ними нырять, — сообщил археолог Коре.

— Вы бы ему об этом и сказали, — заметил врач.

— Раз Грегг ушел, вам самому придется досказать мне ужасную историю, — попросила Кора.

— Я осмотрел тело погибшего, — сказал местный врач. — Профессор Гальени был убит наверху, на обрыве, затем сброшен вниз, чтобы замести следы.

— Ну, уж какие там следы, — возразила Кора. — Достаточно подойти к обрыву, чтобы его увидеть.

— Но ведь прошло много времени! И преступник мог убежать, скрыться, придумать себе алиби! — сказал ассистент.

— Я полагаю, что тут дело в другом, — сказала Кора, подходя ближе к обрыву и глядя вниз. — Я думаю, что преступник хотел, чтобы профессора нашли как можно позже, когда его уже не оживишь и не перенесешь мозг в другое тело.

— Пожалуй, вы правы, — согласился местный врач.

— И преступник своего добился. Утром, когда его нашли...

— Было уже поздно, — вздохнул ассистент.

Кора стояла на обрыве и глядела вниз, на реку. "Вот так стоял профессор. Может быть, он представлял себе, как сверкающие корабли его предков медленно и торжественно опускались на берегу реки и из них выходили, разеваая клювы от разреженного воздуха, первопроходцы, отважные петухи, сжимающие в когтях тяжелые пистолеты... Что я несу? Откуда у меня такие мысли?"

— Здесь есть дикие звери, хищники? — спросила Кора.

— Есть, ниже, в долине, — ответил местный врач. — Но сюда они не забираются.

— Чепуха! — пискнул ассистент. — Они сюда отлично забираются. Вы в поселке не знаете планеты, на которой живете. В прошлом месяце мы три раза отгоняли отсюда медведя. То есть не медведя, но зверя страшнее медведя. Мы обратились тогда к господину Греггу ан-Грогги с просьбой о выдаче пистолетов.

— И он выдал? — в голосе Кору прозвучал интерес. Хотя профессор был убит холодным оружием, наличие пистолета создавало на раскопках особую психологическую обстановку.

— Как всегда, господин Грегг отказал нам в простой просьбе и поставил под угрозу наши жизни, — сказал ассистент. — Он сделал вид, что не верит в существование медведей.

— Странно, — сказал доктор и с недоверием поглядел на близкие заросли кустарника. — Мы были убеждены, что зверей здесь нет...

* * *

Перед тем как возвратиться в больницу, где ей предстояло пожить еще несколько дней под присмотром медиков, Кора Орват заглянула в дом, где обитали археологи.

Дом был привезен ими в сложенном виде и установлен на краю поселка — последним в ряду домов и складов, рядом со свалкой, которая возникает возле любого колониального поселка, и против которой выносятся грозные постановления и запреты, но она существует и растет, и пополняется жителями.

Однако соседство свалки никак не смущало археологов, и они даже не замечали ее. Может быть потому что не очень следили за порядком у себя дома? Кора вдруг поняла, что ей обязательно надо будет когда-нибудь

побывать на Ксеро. Ведь как ни говори — она провела некий период своей жизни в теле ксерянки.

Дом был двулличен.

Двуличность заключалась в том, что снаружи он не отличался от прочих домов городка, если не считать куда более широких дверей, чем принято у людей.

Ассистент обогнал их и первым вошел в дом. Кора последовала за ним, мысленно поблагодарив ксерянского архитектора — впервые за эти дни ей не надо было в дверь протискиваться.

Внутри все было приспособлено под куриные нужды.

Из овального холла — общего для всех жителей дома — в разные стороны вели овальные арки. Налево, как объяснил ассистент Орсекки, арка вела на кухню: у археологов было общее хозяйство. Направо — в туалетный блок. Когда Кора заглянула туда, ее охватило желание остаться там надолго — все тело ее радостно запело, когда она увидела, как могут быть удобно устроены умывальники и туалетные принадлежности. Но Кора была не одна и потому должна была держать себя в руках.

— Неужели вы не узнаете свой дом? — осторожно спросил ее Орсекки. — Неужели вам изменила память?

— Разумеется, я ничего не узнаю, — ответила Кора.

— Я ведь помню дом, в котором я жила на Земле. Каждую половицу в нем.

— А что такое половица? — спросил ассистент.

— Вот видите! Этого вы никогда не видели.

— И все же мне очень грустно, — признался ассистент. — За несколько дней я потерял единственных близких мне существ на всей этой планете. И тем более мне нелегко, когда я вижу вас, госпожа Гальени-папа: я же знаю каждое перышко на вашем теле, я же знаю, как вы закатываете ваши черные глазки, как переступаете этими очаровательными ножками, как поднимаете свои изящные крылья... простите, но мне больно!

— Я вас понимаю, — вздохнула Кора. — Я очень хотела бы вам помочь. Но это выше моих сил.

Орсекки провел ее из овальной гостиной вперед и сказал:

— Дверь налево — мой насест. Двери направо — ваши.

И отступил, будучи глубоко убежден, что в своей-то комнате вдова профессора все вспомнит.

Но, разумеется, Кора ничего не вспомнила. Она даже не знала, за какой из дверей находилась ее комната.

Так что она решила действовать последовательно.

Сначала отворила первую из дверей. Дверь поддавалась легко — она была не заперта.

За дверью обнаружилась комната вполне земного вида, до разочарования обыкновенная. Хотя Кора ожидала увидеть насест — палку на какой-то высоте, на которой ее новые знакомые проводили ночи.

Единственной непривычной деталью в комнате была кровать, которая оказалась вовсе не кроватью, а большой надутой круглой подушкой с углублением в центре. Коре не надо было объяснять, насколько это удобно, — все ее тело ринулось к этой подушке: это же кровать — мечта настоящей курицы!

— Узнаете? — спросил местный доктор, который не спускал глаз-маслин со своей подопечной.

— Не столько узнаю, сколько чувствую, — честно ответила Кора. — Я сразу поняла, что это и есть то, что коллега Орсекки называет насестом.

— Правильно, — откликнулся тот сзади, довольный догадливостью Кору.

— Я бы осталась здесь, — сказала Кора.

— И не бойтесь, что духи погибших хозяев будут вас беспокоить? — местный врач как будто шутил, но улыбались лишь его яркие красные губы.

— Я и есть дух, — ответила Кора.

Кора подошла к рабочему столу, занимавшему всю

дальнюю часть комнаты. Стол был куда ниже, чем столы на Земле, и сделан в форме полукруга, чтобы профессору было легче доставать нужную бумагу или книгу. Кресла или стула не было, вместо них — такая же подушка, как кровать, только куда меньше. На столе Кора увидела две фотографии. На одной была изображена госпожа Гальени-папа. На второй — толстый, печального вида петух, совсем белый, если не считать желтизны на крыльях, желтого клюва и красного гребня. Правда, на фотографии не были видны ноги и хвост.

— Это он? — спросила Кора.

— Да, — ответил ассистент. — Это мой учитель, а ва и супруг. Профессор Гальени. Погибший от злодейской руки.

Кора подняла фотографию своего погибшего супруга.

— Я возьму ее с собой, — сказала она.

Никто не возражал.

Затем они прошли в комнату покойной госпожи Гальени-папа.

Комната была такой же, как профессорская. Но на письменном столе лежал лист бумаги с изображением небольшого горшочка.

— Что это? — спросила Кора. — Она была художницей?

Кора взяла в когти кисточку. Кисточка удобно устроилась в когтях.

— Вы и это забыли, — печально заметил Орсекки.

— Но еще неделю назад вы были самым лучшим художником-реставратором на Ксеро!

— Ах, да, конечно, — согласилась Кора, чтобы не травмировать и без того удрученного ассистента.

Она подошла к зеркалу. Под зеркалом была полочка с небольшой щеткой на ней. Щетка предназначалась для того, чтобы чистить перышки вокруг клюва. Кора, не удивившись тому, что знает назначение щетки, посмотрела в зеркало. Она уже перестала отшатываться в

испуге при виде себя. Ко всему привыкаешь. И к мысли о том, что еще неделю назад в этом зеркале отражалось то же лицо, но принадлежало оно другому существу.

— А это что? — спросила она.

Ассистент ответил не сразу. Он явно смутился.

— Я полагаю, — ответил он наконец, — что это подушечки для... для этих самых. Вы их сами вышивали...

— Для кого — этих самых? — строго спросила Кора. Но тут же поняла, что имел в виду ассистент, и сама смутилась.

Пауза затянулась. И тогда непроизвольно Кора подняла с насеста три плоских, расшитых крестом подушечки.

— Может быть пойдем отсюда? — спросил местный врач. Ему было скучно.

— Да, — согласилась Кора. — Нам пора. До свиданья, Орсекки.

Возвратившись в больницу, они с доктором посетили стоявший за скалами желтый одноэтажный кубик морга, и там Кора осмотрела тело профессора.

В морге было пусто — ни одного другого тела. Профессор лежал спиной на столе, прижав к животу желтые ноги. И Кора с ужасом поняла, что в ней возникла ассоциация с кухней. Словно сейчас придет гигант-повар и начнет ошипывать курицу...

* * *

В палате Кора поставила портрет своего погибшего супруга на столик, но сама не могла усесться на стул — для нее это было подобно тому, как если бы человек уселся на ручку зонтика. Она взяла со стола папку, принесенную, в ее отсутствие, из планетного управления: "Дело об убийстве профессора Гальени". Подошла к окну и, положив папку на подоконник, стала просматривать документы.

Ничего нового. Протокол допроса ассистента Орсекки, обнаружившего труп профессора. Сообщение доктора Мурада Кшота, свидетельство о причинах смерти. Показания жены покойного... Что в них? Госпожа Гальени-папа показала, что они спят с мужем в разных помещениях: как то и принято у состоятельных ксеров. Поэтому она не может сказать, выходил ли ночью или вечером из дома ее супруг. А если выходил, то в какое время. Правда, он не мог выйти до ужина, который имел место в восемь вечера, так как пищу они принимали все вместе: профессор, она и ассистент Орсекки. Ночью никаких подозрительных звуков она не слышала. Что касается настроения профессора, то в последние дни он был в добром расположении духа, так как находки, сделанные на раскопках, его радовали. Они свидетельствовали, без сомнения, о том, что предки ксеров наверняка посещали эту планету и оставили здесь материальные следы. Были ли неприятности или трудности у профессора? Нет, если не считать его споров с господином Греггом ан-Грогги, который напоминал профессору, что срок контракта на раскопки завершается, и администрация поселка не намерена его продлевать. Почему? К сожалению, она не знает, что послужило причиной размолвок. Были ли у профессора враги? Нет, у него не было врагов и не могло быть, так как его интересовала только археология. Каковы были ее отношения с мужем? Обычные, хорошие отношения. В ином случае, она бы не полетела с ним на эту богами забытую планетку. Какими были отношения профессора с его ассистентом? Отличные отношения. Орсекки горд тем, что считает себя учеником профессора...

Кора взглянула в зеркало. "Надо привыкать к себе, надо помнить, что у тебя нет тонкой талии и длинных пальцев, и что твои глаза потеряли не только голубизну, но и ресницы. Привыкай, Кора! Странно, подумала она, ведь это протокол допроса — меня! Вот этот клюв я раскрывала, отвечая Греггу ан-Грогги... Но что же ты,

моя милая, спешила поведать прилетевшему инспектору? Чего испугался убийца, решивший так жестоко остановить тебя и инспектора?"

В тишине больничной палаты послышался тихий-тихий, неуверенный стук. Он доносился откуда-то снизу, словно некий тайный доброжелатель старался подать Коре сигнал.

Кора отступила на два шага и поглядела вниз. Пол палаты был затянут паласом — снизу не пролезешь.

Стук повторился. Снова снизу.

Кора отступила еще на шаг.

Стучавший также переместился назад.

И только тогда Кора поняла, что источник стука находится в ее животе.

Но что же это может быть? Позвать медсестру? Но что медсестра понимает в анатомии ксерянок?

И тут Кора обреченно замерла. Она догадалась, что означает тихий стук: очевидно зародыши куриц, подобно человеческим зародышам, уже обретают способность двигаться и даже стучать клювиком по скорлупе, находясь в материнской утробе.

Так ли это? Но как узнать правду?

Кора подошла к видеофону и вызвала дежурную сестру.

Та сначала поглядела на нее ошарашенно: видно была новенькая и не привыкла еще к такой пациентке. Потому смущенно улыбнулась.

— Девушка, — приказала Кора, — свяжите меня с библиотекой.

— Но там уже закрыто.

— Тогда подключите меня к галактическому информаторию.

— Это невозможно, — воскликнула девушка. — Для этого надо открывать Дом Правления, вызывать господина Грегга ан-Грогги, потому что только у него есть ключ и шифр особой галактической связи.

— О, провинция! — вздохнула Кора. — На Земле

любой мальчишка может получить совет или информацию в Справочном бюро! Любой!

— Мы в самом деле живем очень далеко от центра, — сказала девица не без ехидства. Ей, видно, нравилось здесь жить.

Кора не хотелось звонить ассистенту. Он оставался одним из свидетелей, а следовательно, и подозреваемым в убийстве профессора. И чем меньше с ним общаешься, тем лучше. Но вынашивание яиц для Кору превращалось в проблему номер один. А узнать об этом больше не у кого.

Кора соединилась с домом археологов. Ассистент отдыхал: он испуганно моргал черными глазками, желтая пелена наезжала на зрачок сбоку, как тень Луны на Солнце в затмение.

— Орсекки! — обратилась Кора, не прося прощения за неожиданный звонок. — Скажите мне, сколько дней самки на вашей планете вынашивают яйца, по сколько яиц одновременно, и что происходит после того, как они снесут яйца. Вы меня поняли?

— Конечно, конечно же... — ассистент замялся.

— Что вас смущает ?

— Поймите меня правильно, но на нашей планете мужчине и женщине нельзя разговаривать о таких вещах.

— Это табу? Запрет?

— Не совсем табу, но это немного неприлично!

— К счастью я не отношусь к вашим самкам, — съязвила Кора. — Так что можете смело открывать мне ваши секреты.

— Не знаю, что вы думаете по этому поводу, — возразил ассистент, — но для меня вы самая типичная самка и даже самка с икрой.

— Что?!

— Это простонародное выражение, — пояснил ассистент. — Яйца в обиходе называются икрой. В этом нет ничего обидного.

— Может в этом нет ничего обидного, но раз уж я попала в ловушку, я хочу сидеть в ней с открытыми глазами. Забудьте, что я кажусь вам соотечественницей. Сколько времени происходит между зачатием и родами?

— Два месяца, — прошептал молодой петушок.

— Что происходит дальше?

— О, не мучьте меня!

— Я не мучаю, я выясняю. Вас это не касается.

— Затем вы снесете яйца... родите яйца.

— Снесу их. Хорошо. Сколько за один раз?

— Это зависит от любви.

— От чего?

— Количество яиц в самке находится в прямой зависимости от глубины ее чувства к супругу или возлюбленному.

— А сколько яиц вы ожидаете от меня?

— Боюсь, что, по крайней мере, три, — признался ассистент.

— Это значит, что я страстно любила профессора Гальени?

— Я не знаю, о, я не знаю! Я так недавно сюда прилетел!

— Разве вы прилетели не все вместе?

— Но это было так недавно!

— Хорошо, оставим этот пустой разговор. Просветите лучше меня: сколько времени надо насиживать яйца?

Ассистент замолчал и демонстративно отвернулся от экрана. Его профиль, с совершенным клювом, был трогателен и даже мил. Гребень скосился набок, как берет бравого французского стрелка.

— Об этом тоже не принято говорить? — спросила Кора.

— Вы правы, ах, вы правы!

— И все же!

— У нас... у нас дома это делается в инкубаторах. Правда, есть консервативные семьи, патриархальные —

там насиживает мать или нанятая для этой цели насиживательница.

— Сколько?

— Нам, мужчинам, об этом не рассказывают.

— Сколько?

— Чуть больше недели! Не мучьте меня.

И ассистент отключил связь. Кора поняла, что звонить снова бесполезно.

Но самого главного вопроса Кора, конечно же, не задала — она не знала, через какое время ей придется нести яйца. Правда, Орсекки мог и не знать об этом. По простой причине: он не знал, когда будущие птенцы были зачаты.

Вернувшись к окну, Кора продолжала перелистывать "Дело об убийстве профессора Гальени".

Вот и копия документа, заставившая Кору прилететь на эту богом забытую делянку цивилизации: официальная нота правительства планеты Ксеро Галактическому центру — "По имеющимся у нас сведениям, на планете Дил-ли совершено злодейское покушение на ведущего профессора Академии археологии, президента общества "Наши предки покорили Галактику!" господина Гальени. Мы убеждены, что за зверским преступлением стоят козни изоляционистов, желающих закрыть нашу планету для контактов с прогрессивным человечеством и готовых на все ради достижения своих грязных целей. Известно, что разбитые на планете, но не смирившиеся изоляционисты пользуются скрытой поддержкой некоторых агрессивных кругов Галактического центра, что заставляет нас требовать немедленного расследования гибели профессора и выдачи виновных..."

На полях документа располагались разного вида и степени грозности резолюции дипломатических и интерполовских начальников. Видно, лишь ввиду спешки с отлетом Коре не пришлось увидеть эту ноту раньше. А они так суетились в Галактическом центре! Надо будет

завтра снова поговорить с Орсеки — пускай объяснит, насколько изоляционисты — реальность. Или они — плод административного воображения ксеровских властей.

Листая дальше бумаги и акты, Кора произвольно прислушивалась, что происходит у нее в животе. Ну почему бы здесь не оказаться еще одной ксеровской самке? Они бы все обсудили. Главное — ясность. А ведь Коре неизвестно даже, насколько болезненны роды. Ведь земные, мелкие курицы кудахчут довольно громко и даже отчаянно, когда сносят очередное яйцо... О, господи! За что на меня такая напасть?

Кора отложила папку.

Разумеется, не исключено, что преступление совершено из политических соображений. Тем более, что соотечественники профессора в том не сомневаются. Но где здесь отыщешь изоляциониста? Ведь здесь курице не укрыться и уж тем более не заgrimироваться под человека. Наемный убийца?

Кора решила поговорить с Греггом, чтобы узнать, насколько свободно прилетают сюда бродяги или туристы с других планет. Но видеофон администратора молчал. Того не было ни дома, ни на службе.

Будь Кора в облинии нормальном, своем, она отправилась бы в городок, зашла в бар, поужинала в ресторане, поговорила с людьми — может даже сблизилась бы с каким-нибудь рудокопом или космонавигатором. Но вряд ли она представит интерес для навигатора в образе курицы, даже если убедит, что ее кожа — временная. Ведь brave штурманы не ждут, пока лягушки сбросят пятнистую кожу и превратятся в принцесс.

Значит, этот путь расследования, самый плодотворный, если ты молода и хороша собой, исключается. Придется работать в одиночку.

Чтобы не терять времени даром, она решила проникнуть в квартиру профессора Гальени — в собственную

квартиру. Как она поняла, никто еще специально ее не осматривал — но чем больше ей удастся узнать об убитом, тем больше шансов понять, кто же убийца.

День уже клонился к закату, Кора проголодалась. Ей не хотелось идти по больничному коридору в столовую или на кухню: она знала, что ей предложат обычную кашу или бутерброды. Бутерброд она еще могла съесть, но без всякого удовольствия. Каша была ей противопоказана. Попробуйте хлебать кашу, если у вас клюв!

Голод стал дополнительным позывом к походу в дом археологов. Почти наверняка там сохранилась какая-то нормальная пища — зерна, крупа, орехи — мало ли что вкусное может там оказаться! В крайнем случае, она выцыганит что-нибудь у ассистента.

Разумеется, лучшим путем к бегству из больницы было окно — но Кора не до конца верила в силу своих крыльев и потому избрала самый обычный способ — лестницу.

У входа в сад, за столиком, сидела медсестра в наколке.

— Хотите погулять в саду? — спросила она, тем самым избавив Кору от необходимости что-либо придумывать.

Кора кивнула.

— Через час ужин, — улыбнулась снисходительно сестра. — У нас сегодня сырники.

От слова "сырники" у Кору что-то перевернулось внутри — видно, курицы с Ксеро не выносят сырников. Она попыталась вежливо улыбнуться, хоть куриное лицо и не приспособлено для этого.

— Да, — вздохнула сестра. — Нелегко вам приходится.

— Нелегко.

— А когда вам... рожать? — сестра не хотела показаться назойливой — это было выражением сочувствия. Ну, кому охота рожать за другую женщину?

— Не знаю! — сухо ответила большая курица и поспешила по ступенькам в скудный полярный сад, где на лавочках сидели ходячие больные с посетителями. Ее появление не прошло незамеченным. Люди смотрели ей вслед, шептались, даже перекрикивались — конечно же, в таком небольшом городке, да еще на краю Галактики, новости распространяются мгновенно. Здесь все знали о смерти археолога и трагедии в космпорту, где погибли две женщины — Кора и Гальени-папа. Так что всем было ясно, что под перьями громадной курицы скрывается гибкое тело земной девушки.

Кора прошла в глубину сада, где кусты сблизились настолько, что скрывали ее от любопытных глаз. Вот и забор — высокий кирпичный забор. Через него еще надо перебраться. Но как?

Кора решила, что забор-то одолеть можно. Потому отыскав свободную от кустов полянку, примыкающую к забору, она разбежалась и отчаянно замахала крыльями, надеясь перелететь через забор. Ей это почти удалось — но все же она со всего размаха ударилась грудью о верхнюю часть забора и, каркнув от ушиба, медленно сползла на траву.

Тут же вспыхнула тревожная мысль: как бы не разбить яйца!

Она прислушалась, сидя у забора и вытянув вперед короткие желтые когтистые ноги. Внутри нее все молчало!

И все же перелетать через забор придется.

Кора отошла подальше от забора и мысленно прицелилась к перелету с большим запасом. Крыльями она начала бить так, словно плыла на скорость.

В нужный момент тело послушно оторвалось от земли и перелетело через забор так, что между животом и вершиной забора оставался просвет сантиметров десять.

Рожденный курицей летать не может! Кто это напи-

сал? И имелась ли в виду курица? Нет, кажется речь шла о робких пингвинах.

Перелетев через забор, Кора довольно плавно опустилась на пешеходную дорожку, до смерти перепугав мирно гулявшую розовую лохматую собаку. Собака, как назло, оказалась небольшой, но совершенно бесстрашной. Она угадала в гигантском существе самую обыкновенную курицу и кинулась за ней. Кора поняла, что ей нельзя ждать от собаки добра. Она припустила по улице и нырнула в первый же проулок. Проулок был узок, так что крылья пришлось прижать к телу. Собака, не ведая страха, кинулась следом за Корой и готова была уже схватить ее за пятку. Вот тут-то Кора остановилась и, подождав, наклонила тело вперед таким образом, чтобы загнуть голову под брюхо и посмотреть назад. Когда собака подбежала, завывая от предвкушения того, как она сейчас вонзит зубки в куриное тело, Кора резко выставила назад ногу. Ударившись с хода о костяную пятку, собака отлетела назад и скрылась на основной улице. Она обогнала свой собственный визг, который еще несколько секунд бился в проулке в поисках выхода.

К счастью, проулок не был тупиком, и Коре не пришлось встречаться с опечаленным хозяином собачки. Она проследовала дальше и вскоре вышла к дому, где жили археологи.

К тому моменту голод завладел всеми ее желаниями — она была рабыней собственного желудка. И даже понимала, в чем дело: ведь она была будущей матерью, ей приходилось кормить не только себя, но и, как минимум, три яйца.

Дверь в дом была открыта.

Кора вошла в коридор и позвала:

— Господин Орсекки, где вы? Я к вам в гости пришла.

Дом молчал. И молчание отзывалось пустотой. Было очевидно, что никого дома нет.

Кора сразу прошла на кухню.

Это никуда не годилось — дело должно стоять на первом месте. Но Коре хотелось есть.

Не таясь, она зажгла свет и поразилась тому, насколько иначе устроена кухня в доме археологов, чем в человеческих домах.

На кухне не было ни плиты ни печки. Вокруг комнаты шли широкие полки, на которых стояли мешки с различными зернами и орешками. В большинстве своем они были Коре незнакомы, но по запаху и вкусу очень приятны.

Тело Кору знало, как устроиться на круглой плоской метровой подушке, лежавшей на полу рядом с другими такими же подушками. Тело даже подсказало, какую из подушек занять и за каким из мешков с орешками протянуть когти.

Высыпав орешки в удобную неглубокую миску, Кора поставила ее на круглое возвышение. Затем принялась клевать орешки — наконец-то она почувствовала себя естественно и свободно. Голова сама наклонилась вперед — не надо было ее подгонять, клюв раскрывался, хватая орешки, все тело радовалось, словно слушало небесную музыку. Наклевываясь и тяжелея, Кора поводила взором по полкам, размышляя, в чем бы лучше унести с собой орешков и крупы в больницу. Хватит мучить себя бутербродами и супом из консервированных шампиньонов, хватит пожирать ватрушки и кулебяки — мы курицы, в конце концов!

Впервые наевшись вкусно и сытно, Кора хотела было тут же проследовать в комнату профессора Гальени, но ее сморила дремота. Три минутки, сказала она себе, три минутки, и я встану.

Не поднимаясь с уютной подушки, Кора сунула голову под крыло и задремала.

Ей снилось, что она летит высоко над равниной, а за

ней клином — десятки птенцов. Это мои дети, думала она во сне. Это мои кровиночки!

Когда Кора проснулась, за окном было совсем темно. Часы над головой показывали половину одиннадцатого вечера. В больнице ее наверное уже хватились, и поднимается тревога. Еще бы — проспала три часа!

Кора была сердита на себя.

Но все же первым делом собрала мешок с орешками для больницы и лишь затем проследовала в комнату Гальени.

Там было все, как прежде.

Кора проследовала за широкий и низкий письменный стол профессора.

Положила мешок с крупой на пол, зажгла настольную лампу.

Затем Кора начала последовательно открывать, выдвигать ящики письменного стола и знакомиться с их содержимым. Именно за этим она пришла в дом к археологам.

Она совершенно не представляла, что может отыскать здесь и, более того, не знала, что может лежать в ящике у ксера. Но любое действие лучше ожидания.

Более всего в ящиках оказалось тонких папок, набитых листками бумаги, исписанными словами на непонятном языке — пускай этим займется переводчик, когда придет.

В нижнем ящике нашлись две видеокассеты. Кора сунула их в мешок с орешками — иной сумки с собой она не взяла. Справа под очередной папкой она увидела небольшую странную фотографию. На ней было изображено нечто подобное кораблю викингов — вид сверху на сохранившиеся очертания корпуса.

Ничего подобного Кора еще не видела.

Она разглядывала фотографию, стараясь понять, может ли она представлять интерес для следствия, и тут почувствовала, что кто-то тихо вошел комнату и стоит за ее спиной — совсем близко, и даже склонился,

чтобы разглядеть фотографию, которую она держит в руке.

Кора даже не успела испугаться. Почему-то она решила, что это возвратился домой ассистент Орсекки и, увидев свет в кабинете, пришел к ней.

— Поглядите, — произнесла Кора.

И в тот же момент что-то тяжелое ударило ее сзади, да так сильно, что вместо фотографии образовался звездный дождь, фейерверк, который быстро погас, оставив Кору в беспросветной ночи...

* * *

Кору нашел Орсекки.

Он пришел около двенадцати, увидел, что дверь приоткрыта, а в кабинете профессора Гальени горит свет. "Странно, — подумал он, — не грабитель ли залез? Но что может понадобиться грабителю в кабинете археолога..." К тому же он не слышал, чтобы на этой малонаселенной планете уже появились собственные грабители.

Войдя в освещенный лишь настольной лампой кабинет, Орсекки сразу увидел лежащую на полу пузатую курицу.

— О, нет! — закричал ассистент так, что в соседних домах начали открываться окна и жители их перекрикивались, полагая, что на город напали пещерные тигры.

Ассистент постарался поднять курицу за крылья, чтобы вынести наружу, но это было слишком тяжело, и тогда он положил тушу на пол и бросился к видеофону, пытаясь дозвониться до больницы.

Пока он вызывал машину, Кора пришла в себя.

Она не сразу сообразила, где находится, иначе пресекла бы бурную деятельность Орсекки. Но ее настолько поразило зрелище гигантских куриных ног у ее глаз, что она решила, что спит и ей видится кошмар. Прошло

несколько секунд, прежде чем она вспомнила, что это ноги археолога, а сама она — такая же птица, только лежит на полу.

— Погодите, — сказала она наконец. — Лучше помогите мне подняться.

— Вы живы! — радостно воскликнул ассистент и пропел петушиную песню облегчения, чем еще более смутил окрестных жителей.

— А почему я должна умереть? — сказала Кора и стала с его помощью подниматься, но сделать этого не смогла, потому что страшная боль пронизала ее голову. Она чуть было вновь не потеряла сознание.

— Отпустите меня, — приказала Кора и уселась на подушку — кресло профессора. Орсекки нежно поддерживал ее.

Постепенно в голове сформировалось воспоминание.

— Орсекки! — воскликнула Кора, не обращая внимания на боль. — Разве это не вы ко мне подошли?

— Когда подошел? — спросил ассистент.

— Я сидела вот здесь, я смотрела... рассматривала... что я рассматривала?

— Когда я вошел, вы лежали на полу без движения.

— Значит, ничего не рассматривала. А где же тогда фотография?

— Какая фотография?

— Я рассматривала фотографию, конечно же фотографию ладьи викингов. И тут вы подошли и стали смотреть мне через плечо.

— Я не подходил и не смотрел!

— Если это были не вы, то где же фотография?

Кора опустила голову — боль была страшная. Но ей хотелось поглядеть, нет ли следов на полу. Следов не было... валялся только маленький значок, маленький круглый значок с изображением высокого строения и надписью: "Вграй".

— Это что такое? — спросила Кора, поднимая значок.

— Общество "Вграй", — пояснил ассистент. — Такие значки всюду раздают.

— Что они делают?

— Они строят...

Договорить ассистент не успел, потому что двери открылись и в комнату ворвались санитары во главе с местным врачом. За ними появились соседи и просто любопытные, которым не спится за полночь.

Кору вшестером взгромодили на широкие "семейные" носилки и потащили к "скорой помощи".

От того, что ее быстро и энергично поворачивали, поднимали и тащили, голова Кору вновь закружилась, и она лишилась сил и рассудка. Но она запомнила, что к машине подбежал Грегг ан-Грогги и громко спросил:

— Кто убил инспекторшу?

— Не надейтесь! — грубо ответил Орсекки, что удивило Кору — даже помутненным сознанием она уловила открытую неприязнь. И подумала, прежде чем впасть в беспамятство, — насколько она здесь чужая и необразованная!

* * *

На следующее утро местный врач объяснил Коре, что ее ударили по затылку томом Археологической энциклопедии — но, несмотря на силу удара, совершенно очевидно, что нападающий убивать ее не намеревался.

— Почему? — спросила Кора. — Может быть, намеревался, но не смог стукнуть как следует?

— Тогда бы он использовал в качестве орудия любимое пресс-папье профессора, которое стояло на видном месте. Или попросту свернул вам шею. Простите за прямоту...

— Значит вы убеждены, что это был сильный человек?

— Разумеется. Мне стукнуть вас по затылку книжкой

с такой силой никогда бы не удалось. Вы только посмеялись бы надо мной.

— Любопытно, — сказала Кора. У нее не было оснований не доверять местному доктору.

Она провела когтями по затылку — под перьями ощущалась основательная шишка.

— А археолог Орсекки смог бы? — спросила она.

Местный врач задумался.

— Мне трудно ответить на ваш вопрос, — сказал он.

— Но на вашем месте я бы исключил его из числа подозреваемых. Для того, чтобы стукнуть вас Археологической энциклопедией, ему надо было как следует замахнуться. Но перья крыла создают торможение. Таким крылом куда проще вонзить нож, чем нанести удар. Вы меня понимаете?

— Понимаю. Мне можно вставать?

— Полежите немного. Все-таки у вас было небольшое сотрясение мозга.

— У нас это бывает?

— У кого — у нас?

— У куриц.

Местный врач показал белые зубы:

— У обитателей планеты Ксеро мозг не уступает размером и сложностью строения мозгу жителей Земли. Так что сотрясается он точно так же.

Местный доктор был начисто лишен чувства юмора. Кора отпустила его: по крайней мере, он на нее не нападал — уж очень он был мал и худ. Том Археологической энциклопедии он поднял бы, но сшибить Кору с ног не сумел бы.

Зато следующий кандидат в убийцы показался Коре куда более подходящим для этой роли.

Пришел администратор Грегг ан-Грогги.

Он был в официальном мундире и новой шляпе. Он был мрачен, словно специально старался оправдать прозвище "Мертвая голова".

Полулежа на кровати, Кора видела его снизу и

подумала, что именно такие длинные руки могли схватить со стола и метнуть в ее голову том энциклопедии... Но местный врач уверен, что целью нападавшего было лишь оглушить Кору. Если это так, то ему нужна была... фотография! Он видел ее, стоя за спиной Кору, разглядывал через ее плечо. Потом решил, что оставлять фотографию в руках Кору нельзя и тогда схватил энциклопедию... Фотография! Загадочная фотография!

— Как я вижу, вы себя отлично чувствуете, — сказал Грегг, улыбаясь одними губами. Лицо оставалось неподвижным, глаза спрятаны в ямах глазниц.

— Спасибо за заботу. Кстати, я рада, что вы заглянули.

— Это мой долг как главы администрации.

Местный врач покинул палату, но дверь за собой закрывать не стал, и Кора была благодарна ему за это. Разумеется, она не боялась Грегга, но открытая дверь успокаивала нервы.

— Скажите мне, Грегг, в чем причина ваших разногласий... споров с археологами?

— Голубушка, — произнес администратор, усаживаясь в кресло у кровати и закидывая ногу на ногу. Сапоги администратора ослепительно блестели: видно потратил все утро для того, чтобы довести блеск до совершенства. Порой Грегг косил глазом, любовался собственным, искаженным отражением в носках сапог. — Голубушка, здесь не так много людей, чтобы трудно было догадаться, кто кому враг, а кто — друг. И если твои интересы вступают в противоречие с интересами твоего соседа, об этом сразу становится всем известно.

— Так почему же неизвестен убийца?

— Он будет известен, — со значением ответил Грегг.

— Как только вы захотите его отыскать.

Кора не стала спорить, хотя намек на ее некомпетентность был неприятен. Поэтому она предпочла быть упрямой:

— Вы так и не сказали мне, в чем конфликт...

— Между мной и археологами? Между нами нет и не может быть конфликта, как не может быть конфликта между мною и муравьями.

Грегг-Мертвая голова сделал паузу, чтобы Кора могла оценить глубину его высказывания.

Кора все оценила и ждала продолжения.

— Как вы знаете, плато, на котором расположен наш город, — сказал Грегг, — невелико и ограничено с трех сторон долиной реки, с четвертой — отрогами хребта. В то же время, эта долина — единственное на много километров вокруг удобное место для жизни людей: уникальная преграда холодным ветрам и пыльным бурям дает возможность жить здесь без масок, противогазов и теплых шуб. Недаром уже тысячу лет назад здесь приземлялись ксеры. Впрочем, здесь приземлялись все, кому не лень. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — ответила Кора. — Почему вы так на меня смотрите?

— Честно говоря, порой мне странно обращаться к вам. Трудно поверить, что под этими перышками прячется настоящий человек.

— Галактика для людей! — вспомнила Кора. — Немало крови было пролито между звезд из-за этих криков и лозунгов. Одним не нравилось, что у людей — две ноги, другим, что у воскозов — четыре.

— Надеюсь, скоро вам отдадут нормальное тело, — заметил Грегг.

— Я тоже надеюсь, — сказала Кора.

— Как глава администрации, — продолжал Грегг-Мертвая голова, — я обязан заботиться о разумном расширении города. Я хочу, чтобы здесь вырос один из центров Галактики. Но в этом мне мешают археологи.

— Почему?

— Потому что они раздобыли лицензию на раскопки в Галактическом центре, где чиновникам и в голову не пришло проверить, не помешают ли раскопки нашим планам.

— А разве помешают?

— Потенциально — да. Мы уже начали проектирование гостиничного комплекса, который даст нам возможность приглашать гостей. Этим занимается, может быть вы слышали, межпланетная компания "Вграй".

— "Вграй"? Где-то я встречала это слово...

— Громадная компания. Они готовы прислать сюда строительную технику и установить здесь телетранспортные пункты для перемещения сюда строительных материалов. Будущее всей планеты зависит от того, какие условия мы сможем создать для "Вграя"

— А причем тут археологи?

— Вы еще не догадались? Да при том, что их раскопки занимают как раз тот конец плато, где должен строиться гостиничный комплекс. И чем больше археологи здесь сидят, тем дороже это обходится всей планете!

— И вы готовы на все, только чтобы отправить археологов домой?

— Госпожа Орват, наверное вы хотите отыскать убийцу профессора, чтобы скорее вернуться домой и получить со склада стройное и соблазнительное тело. Я тоже хочу, чтобы строительство началось как можно раньше. Я жду не дождусь, когда они уберутся отсюда со своими черепками и скорлупками! Со своими точилками для клювов!

Грегг-Мертвая голова не скрывал своего отвращения к археологии.

— Но я отлично понимаю, — продолжал он, — что в моих интересах — опекать археологов, как насадка цыплят! Потому что пока они не выполняют свою программу, на которую получили в Центре Открытый лист, мне их отсюда не выковырнуть и бульдозером. Они же оголтелые патриоты! Они рехнулись на своем величии! Так что, чем скорее они все кончат, тем скорее начнется строительство. Пускай выкопают все до последней скорлупы! Пускай забирают свои сокровища и летят к чертовой матери! Я достаточно понятно выражаюсь?

— Вы понятно выражаетесь, — согласилась Кора. — И это означает, что смерть профессора вам не с руки?

— Конечно, она мне как ледяной душ! Раскопки, не завершившись, прервались. Следовательно, можно ждать, что пришлют другого профессора — ведь от экспедиции из трех специалистов остался лишь один, и притом дурак.

Грегг имел в виду ассистента Орсекки. Кора, не соглашаясь с характеристикой археолога, понимала позицию Грегга и всего поселка. Разумеется, археологи здесь не были нужны.

— И что же будет теперь? — спросила Кора.

— Теперь мне нужно всех убедить, что раскопки сможет завершить идиот Орсекки. Это — экономия двух или трех недель. Но Орсекки совершенно неуправляем. Он одержим подозрением, что я ухлопал его профессора, а может и жену профессора — а уж ее-то убивать мне было совсем не к чему!

— Чтобы она не предупредила меня!

— Чтобы не предупредила о чем? Что она знала? Чем она могла быть мне опасна? Не говорите чепухи, Орват. Мы не изуверы. Я уже третью неделю только о том и слышу, что госпожа Гальени-папа беременна, что скоро она снесет яички! Как же после этого ее убивать? Чтоб прославиться как главный изувер в Галактике? Нет уж, увольте!

Возмущенный Грегг-Мертвая голова резко поднялся со стула и нервно принялся мерить шагами палату, причем сначала он касался пола окованным металлом носком сапога, затем пристукивал каблуком, и от этого казалось, что по комнате гарцует лошадка. Местный врач в тревоге заглянул из коридора. Оказывается, он, голубчик, благородно дежурил за косяком, оберегая спокойствие и жизнь Кору. Тоже, видно, не доверял главному администратору.

— А тут еще ваше расследование мне на голову! — заявил Грегг. — Завтра прилетает вице-директор

"Вгряя". Меньше всего мне хочется, чтобы он увидел, как по поселку носится инспектор ИнтерГпола, замаскированный под курицу.

Кора не улыбнулась. Она понимала, что Грегг не лжет. Ему и на самом деле нет смысла убивать профессора из-за трех или десяти лишних дней раскопок, тем более, что он может и не извлечь никаких выгод из убийства, если с Ксеро пришлют нового профессора. И все же что-то настораживало ее в поведении и словах администратора. То ли излишний пафос, подчеркнутая театральность, к которой Грегг, в общем-то, не был склонен, то ли незнание Корой каких-то деталей, винтиков местного существования, отчего картина получалась искаженной.

— У вас есть значок компании "Вграй"? — спросила Кора у Грегга.

— Что? Что еще? Какой значок? — он был сбит с толку. — Ну есть значок, конечно есть. Почему я, в конце концов, не могу носить элементарный значок: его каждый второй носит, а уж все акционеры — подавно!

— И где он? — спросила Кора.

— Кто? Значок? — Грегг ударил себя по груди, намереваясь показать значок, но ладонь его встретила пустоту, и он быстро сообразил, что лучше ничего не выяснять... рука его вяло упала вниз. — Надо дома посмотреть, — произнес он тусклым голосом. — Я для вас найду.

— А ваш потерялся?

— На другом костюме, — ответил Грегг. — Конечно же на другом костюме.

Но Коре было достаточно его секундной растерянности.

Когда Грегг ушел, Кора попросила разрешения встать. Но местный врач велел лежать. Сошлись на компромиссе: Коре разрешили пойти в сад и посидеть там на лавочке.

Кора поднялась и посидела минуты две, преодолевая

головокружение. Она попросила у доктора блокнот, ей хотелось, пока не забылись детали, нарисовать странный абрис "корабля викингов".

Неся в когтях правого крыла блокнот и карандаш, Кора спустилась в сад и медленно пошла по дорожке, стремясь уйти подальше от здания больницы. Погода была пасмурная, и все лавочки были пусты. Кора отыскала низко спиленный большой пенёк — вот тут ей будет сидеть удобно.

Кора уселась на пенёк, и с непривычки никак не могла пристроить блокнот таким образом, чтобы можно было на нем рисовать. Наконец, ей вроде бы удалось, но тут что-то дернулось у нее в животе.

Стало больно. Будто нечто чужое и очень большое решило двинуться вдоль ее тела. Вниз.

И почти сразу страшная догадка поразила ее: она начала рожать!

Надо было бежать, скорее бежать в больницу, пускай они примут меры. В конце концов, она не просила снабжать ее таким нелепым телом...

Но убежать она не успела, а чуть присела, расставив ноги, потому что курицы не бегают в больницу, когда пришла пора нестись.

Тужась и прикудахтывая, Кора лихорадочно собирала расставленными крыльями и подгребала листья, траву, веточки, — пускай поздно, но следует собрать нечто вроде гнезда для того, чтобы яйцо не разбилось. Господи, надо позвать на помощь... О, как больно! Неужели курицы терпят такое сотни раз в жизни? Нет, это простые курицы, а не цивилизованные.

— Вам плохо? — послышался голос из-за кустов. Любопытствующая физиономия показалась среди листвы.

— Ах, уйдите! — прикрикнула на зеваку Кора, да так, что он сразу исчез — только треск сучьев донесся до нее. И Кора тут же пожалела, что была так резка: следовало послать за врачом. Но причем тут врач? Ведь в больнице нет ветеринара по птицам!

— О, нет! — воскликнула Кора и тут же ее куриное тело закудахтало, вскрикивая и ахая.

Яйцо уже было на выходе. О, как это трудно — нести яйца!

Как бы вчерашняя травма не помешала нормальной яйценоскости — такая вот канцелярская мысль пронеслась в голове. Надо беречь...

По дорожке мчались медицинские сестры и врачи. Оказывается, зевака все-таки позвал их на помощь.

Но что они могли сделать? Потому лишь окружили Кору кольцом сочувствующих лиц и начали давать советы — они были как на стадионе, потому что никто из них раньше не видел, как курицы несут яйца.

Прибежал местный врач, он нес одеяло, которое начали подводить под Кору, как пластырь под тонущий броненосец. — А идите вы все к чертовой бабушке! — закричала Кора. — Яйценоскость идет нормально! Нормально!

И в этот момент первое яйцо выскользнуло из ее тела и улеглось на одеяло.

Кора пошатнулась и, отойдя на шаг, уселась на землю.

Она никогда в жизни не подозревала, что бывают такие большие яйца. Ни один страус не смог бы такого снести. И, как ни странно, вместе с физическим облегчением Корой неожиданно овладело чувство гордости за свое свершение. Словно создание такого большого и круглого яйца было на одном уровне с ее интеллектуальными достижениями.

— Вы можете идти? — спросил местный врач, также не отрывая взгляда от яйца, но Кора остановила его поднятым крылом:

— Погодите, — тихо простонала она, — мне кажется, что у меня... что во мне движется еще одно яйцо.

К этому времени в отдаленном уголке сада собралась вся больница, включая некоторых лежачих и даже парализованных больных. Но когда подступили схватки,

Кора перестала обращать внимание на окружающих, думая лишь об одном: как бы не повредить уже снесенное яйцо и, тем более, как не раздавить то, что еще из нее не вышло.

Второе яйцо появилось на свет быстрее и как-то легче — Кора уже начала привыкать к процессу носки яиц. Зато, когда после короткой паузы ее организм решил отделаться от третьего яйца, Кора поняла, что смертельно устала и готова оставить третье яйцо в себе. Но ничего поделаться она, конечно же, не могла. И третье яйцо легло на одеяло следом за двумя первыми.

Проследовать обратно в больницу самостоятельно Кора была не в силах. Она распласталась на яйцах, не обращая внимания на зарядивший дождь.

— Давайте мы отнесем вас на носилках, — предложил местный врач. — А яйца положим в коробки и обложим ватой.

— Нет, — прошептала молодая мать, — сейчас самые критические минуты. Я не могу их оставить.

* * *

— Вы должны теперь обязательно высидеть эти яйца! — заявил ей на следующий день ассистент Орсекки. — Это ваш долг!

Он примчался сразу, как только прознал о событии, для всех людей в городе ставшем лишь предлогом для шуток, в крайнем случае — для сочувствия в адрес Кору. Для него же в яйцах заключалось почти религиозное содержание — слабо размножающееся общество ксеров каждое яйцо почитало на вес золота. А три яйца — это было событием редким. К тому же яйца появились на свет уже после смерти их знаменитого отца.

С утра ассистент пытался добиться связи со своей планетой, но связь работала плохо и он не был уверен, что сведения о подвиге скромной земной женщины,

которая унаследовала тело погибшей госпожи Гальени-папа и взяла на себя вынашивание и высиживание яиц покойной семьи, дошли до планеты Ксеро и вызвали сенсацию, которую и должны были вызвать.

Орсекки отыскал Кору на первом этаже, в родильной палате.

За ночь сотрудники больницы соорудили мягкое гнездо с подогревом, в котором и улеглись яйца размером с воздушные шары или среднего размера арбузы. Так что Коре было удобно сидеть на яйцах. Туда же принесли журнальный столик, магнитофон и настольную лампу, чтобы наседка не чувствовала неудобств.

Орсекки мог быть доволен.

Конечно же, он полагал, что для яиц могли быть созданы условия получше, но беда в том, что сам ассистент не имел опыта в высиживании яиц, так что его советы были бессодержательны.

Пока он суетился рядом и давал эти советы, Кора дремала — после родов она стала сонливой и равнодушной к миру. Ее беспокоило только, чтобы яйцам было тепло. Впрочем, она отдавала себе отчет в том, что сейчас она — рабыня собственного куриного тела и ее мозг уступил руководящие позиции.

Ассистент Орсекки был терпелив и даже нежен, что выражалось в умении принести вовремя воды, поправить подушки, посидеть на яйцах, если Коре надо отлучиться по гигиеническим делам. Ассистент постепенно оттеснял от нее всех людей, словно был не только единоплеменником, но и отцом яиц.

Впрочем, Кору это мало беспокоило. Она вдруг поняла, как волнующе и интересно прислушиваться к неясным звукам и стукам, доносящимся из яиц и свидетельствующим о пробуждении новой жизни. Станные и неожиданные для самой себя черты она начала угадывать в своем меняющемся характере. Например, она обнаружила, что петушок Орсекки строен и красив. Да-да, красив неброской мужской красотой. Все в нем

— и линия короткого клюва, и гордая шея, и смелая стремительность хвоста выказывали благородное, смелое и незаурядное существо. Более того, беседы с ним оказались куда более интересными и поучительными, чем разговоры с суматошными нетактичными людьми.

Хотя, впрочем, разговаривать с людьми все же приходилось.

Местный врач принес видеограмму из Центра. Когда Кора набрала личный шифр и включила карточку, на ней возникло сердитое лицо комиссара Милорада, который подняв левую бровь — знак недовольствия, — выговаривал своему инспектору:

— Кора, я должен сказать тебе, что есть элементарные нормы поведения агента в полевых условиях. Одно из важнейших — ежедневный отчет о состоянии дел. Мы не знаем, жива ты или нет, перевербована противником или перекуплена местной мафией — нет, не смейся, тому имеется множество примеров! Дело Гальени серьезно и с каждым днем становится все более серьезным. Должен сказать тебе строго конфиденциально, что вчера нами получена новая нота с планеты Ксеро. Там глубоко встревожены отсутствием вестей, и кстати, обеспокоены судьбой жены профессора, тело которой, как нам известно, тебе временно предоставлено. Надеюсь, что ты пользуешься им разумно и не оставишь на нем царапин, ран и даже синяков. В последней ноте с Ксеро высказано подозрение, что в убийстве профессора замешана местная администрация, которая, якобы, коррумпирована и продажна. Если это так, то по первому же твоему требованию мы высылаем из Центра отделение бластерщиков для наведения порядка. Однако, надеюсь, ты понимаешь, насколько нам надо быть осторожными — скоро выборы и не хотелось бы, чтобы оппозиция твердила снова, что мы расстреливаем оппонентов.

Еще раз желаю тебе успехов, но учти: если ты,

пользуясь сложностями, возникающими из-за твоего внешнего облика, будешь манкировать своими обязанностями, то мы вспомним, что инспекторов много. А тело, в котором ты находишься, может стать твоим навсегда.

Любящий тебя, комиссар М.

— Скажите, — спросила Кора местного врача, — а что такое манкировать?

— Пренебрегать, — ответил врач. — Но я считаю, что наказание, которым вам угрожает шеф, слишком суровое.

Врач не стал делать вида, что он не читал письма.

Он стоял в дверях палаты и старался не дышать, потому что за последние сутки в палате воцарился своеобразный и не совсем приятный для человеческого обоняния запах куриных ясель.

Кора тщательно выбирала из своих перьев крошки и пыль. Она казалась растрепанной, неопрятной и усталой. Никогда бы не догадаться, что перед тобой инспектор ИнтерГпола!

— Сам бы он родил, потом бы угрожал, — сказала Кора, имея в виду комиссара. — Ты не мог бы посидеть немного на яйцах — мне надо сходить в туалет?

— Избавь! — отказался врач. — У меня зад недостаточно велик.

— Ты прав, скелетик, — без юмора ответила курица.

— Не уходи, я хотела у тебя что-то еще спросить.

— Спрашивай, только поскорее, у меня обход начинается.

— Администратор Грегг имеет отношение к строительной корпорации "Вграй"?

— Разумеется, — ответил местный врач, который был при этом местным секретным агентом ИнтерГпола. — Здесь каждая собака об этом знает. Треть акций отеля, который должны строить на месте археологических раскопок, принадлежат ему и его любовнице Кларе М.

— Я ее не видела?

— Не исключено, что увидишь.

— Она здесь ? — спросила Кора.

— Здесь и на работе. Обслуживает вице-директора "Вгряя".

— Из-за смерти профессора произойдет задержка с началом строительства.

— Лучше задержка, чем отмена.

Сказав так, местный врач поспешил на обход, а вместо него возник суетливый милый Орсекки, который принес мешочек чудесных зернышек — именно таких, о которых Кора, оказывается, мечтала. Кора признательно погладила его крылом по боку, и Орсекки кинул на нее нежный взгляд. Кора подумала: как странно, что еще несколько дней назад глаза ксера казались ей бессмысленными черными шариками. А в них отражаются такие сложные чувства!

Орсекки посидел немного на яйцах, пока Кора занималась туалетом. Лишь после этого он сообщил ей трагическую новость. Оказывается, из морга исчезло тело профессора. Вернее всего, до него добрались длинные руки изоляционистов.

— Почему ты так думаешь? — спросила Кора, поудобнее устраиваясь на яйцах.

— Потому что тело уже найдено. С ним обошлись цинично.

— Объясни понятнее.

— Из тела профессора вырваны все перья. До единого! Только страшно озверевший садист мог пойти на такое издевательство над беззащитным телом профессора!

— Это странно, — сказала Кора. В среднем яйце что-то стукнуло.

— Садист, который пошел на это преступление, — продолжал Орсекки, — знал о варварском средневековом обычае, имевшем место у нас. Еретиков, нарушивших закон веры в священное Яйцо, привязывали к позорному столбу и прилюдно ошипывали — потом

несчастный обязательно умирал — от стыда, боли или простуды.

— Зачем же это делать сегодня? С мертвым профессором?

— Наказание остается таковым, несмотря на то, что объект его уже мертв, — серьезно сообщил ассистент.

— Для того, чтобы ошипать тело профессора, нужен был изоляционист. Но насколько мне известно, ни одного корабля за последние дни сюда не прилетало, а если бы и прилетел, мы бы обязательно разглядели мстителя среди пассажиров.

— Они могли нанять агента!

— Тебя?

— Ты сошла с ума! Я сознательный борец против изоляционизма. Я готов положить голову за идею галактической экспансии!

— Не шуми, не кричи, детей разбудишь. Они уже в яйцах зашевелились.

— Неужели?

— Да, мой милый. Поэтому в будущем не кричи при яйцах, хорошо?

— Я повинуюсь, моя птица! — воскликнул Орсекки, и Кора невольно улыбнулась, хотя увидеть и оценить эту улыбку мог бы лишь взгляд ксера.

В исчезновении и последующем унижении тела профессора не было никакого смысла, и это смущало Кору. Скорее всего это был акт хулиганства, вандализма, но для этого хулиганство должно было существовать на планете, а его еще не было. Даже ненависти к курицам-археологам не наблюдалось. Значит, понимала Кора, этот инцидент — часть общего заговора, в который входило и покушение на профессора. Давайте тогда подумаем, чего мы можем добиться, обесчестив труп профессора?

Кора так глубоко задумалась, что не услышала, как медсестра, зажимая нос платком, спрашивает ее, не открыть ли форточку?

Кора удивилась, поняв, что ее обоняние изменилось — она не чувствует запахов, которые неприятны человеку.

— "Еще чего не хватало — воскликнула она мысленно. — Так я скоро и на самом деле превращусь в курицу!"

— Открывайте! — сказала она. — Конечно же, открывайте.

Но эти слова вызвали сопротивление ассистента.

— Ты что, захотела простудить крошек? Я этого не допущу!

— Ах, оставьте, Орсекки, — воскликнула Кора. — Я на них сижу и никакой сквозняк им не страшен.

— Здесь очень уютно и хорошо пахнет, — настаивал Орсекки.

— Простите, но в больнице свои правила, — сурово произнесла сестра. — По больничным правилам здесь вовсе не так хорошо пахнет.

Для того, чтобы отвлечь надувшегося петушка, Кора спросила его:

— У тебя блокнот с собой?

— Разумеется, — ответил археолог и достал блокнот из кармана на поясе, которым он был перепоясан подобно всем ксерам.

— Смотри, — сказала Кора. — Что это может быть?

Она нарисовала в блокноте силуэт "Ладьи викингов", которая была изображена на пропавшей фотографии.

Орсекки внимательно посмотрел на рисунок. Потом спросил:

— Где ты это видела?

— Сначала скажи, что это такое?

— Ах, перестань притворяться! — воскликнул Орсекки. — Ты же отлично знаешь, что это очертания "Небесной птицы".

— Почему я должна притворяться? Я первый раз слышу это слово.

— Изображение "Небесной птицы", найденное на

стене пещеры Бегущего Медведя, известно каждому птенцу. Его учат в детских садах и рассматривают в школах.

— И тем не менее я никогда не бывала в ваших детских садах и не училась в ваших школах! — прокудала Кора. — Когда ты это поймешь?

Но ассистент не слышал ее — он был слишком взволнован.

— "Небесная птица" — легендарный корабль, рассказы о нем передавались из уст в уста... Он исчез сотни лет назад, и столько же продолжают поиски. Найти его — мечта каждого археолога!

— Это была фотография... не очень хорошая фотография, но на ней можно было разобрать какие-то камни, даже растения... Это был большой корабль?

— "Небесная птица" — громадный корабль.

— Значит его сфотографировали.

— Кто? Где? Что ты говоришь?!

— Пока я ничего не могу тебе сказать. Но основания для размышления у меня появились!

И как ни добивался ее новый друг ответа, она ничего ему не ответила. Она же не знала, где и когда профессор Гальени (или кто-то другой) сделал эту фотографию. И, главное, она не знала, куда делась фотография потом и кому она понадобилась. Неужели, думала она, эти самые изоляционисты с Ксеро заслали сюда своего шпиона, который пытается помешать следствию? Ну что ж, на свете все возможно. Надо учитывать и такую возможность.

* * *

После обеда Кора включила посильнее отопление в своей палате и оставила с яйцами Орсекки. Сама же решила, пока не поздно, разгадать тайну похищения тела профессора из морга.

На этот раз она не стала никого приглашать с собой,

потому что Орсекки, бывший на опознании ошипанного профессора, точно рассказал ей, где это тело было обнаружено: в небольшом нечистом болотце, в задах торгового центра, там, где кончаются склады. Место это безлюдное, даже неприятное. Городские власти уже третий год собираются его расчистить и устроить здесь спортивную площадку.

Кора не спеша прошла торговой улицей, куда выходили витрины двух десятков магазинов и одной сувенирной лавки. Больше и не требуется, подумала Кора, взглянув на ее пыльную витрину, где стояла аметистовая друза, две фигурки из стелющейся березы, модель каравеллы Колумба "Санта-Мария" и кокосовый орех.

Был разгар дня, магазины были открыты, но почти пусты, потому что в городе почти не было бездельников, а детей и женщин было немного — далеко не все шахтеры и изыскатели привезли сюда семьи.

Некоторые узнавали Кору, — о ее судьбе и приключениях не раз уже рассказывала местная видеогазетка — раскланивались с ней.

— Как там ваши яйца, инспектор? — спрашивали ее без издевки, а даже с сочувствием. В конце концов, каждый может попасть в передрагу. Среди шахтеров, кстати, встречалось немало рискованных ребят, которые уже сменили не первое тело.

— Насиживаю, — отвечала встречным Кора, не обижаясь на неделикатные расспросы.

— Заходите ко мне, — позвал ее вышедший из бара его толстый, лысый владелец. — Выпейте пива. Кормящим матерям полезно.

Он беззлобно расхохотался.

На его смех вышел на улицу владелец открытого напротив магазина "Натуральный продукт".

— Может, присмотрите чего-нибудь для ваших деток? — спросил он.

Владелец бара был толст и велик, а хозяин магазина "Натуральный продукт" мал и похож на зайчика. Два

больших передних зуба прикусывали нижнюю губу, а глазенки были черными и остренькими.

— Мои детки еще не вылупились, — объяснила Кора.

— Но мамыши всегда заранее подбирают для них нужные вещички: соски, клизмы и пирамидки.

— Ну уж с сосками ты загнул! — расхохотался владелец бара. — Чем же они сосать будут, клювами, что ли?

— Неважно. У каждой матери свое чувство к детям.

— А откуда же у госпожи инспектора может быть куриное чувство, если у нее мозги земные, человеческие?

— А тело? А примат тела над духом? — крикнул маленький хозяин магазина. — Пройдет две недели, и она сама их будет грудью кормить.

— Грудью курицы не кормят, — прогудел владелец бара.

— Смотря какие курицы.

Кора между тем миновала их и пошла дальше от центра.

— Эй! — крикнул ей вслед хозяин магазина. — Вы что, на болото, что ли, собрались?

— Да, — подтвердила Кора, обернувшись. — Я хочу посмотреть место, где нашли тело профессора.

— Глупая история, — заметил владелец бара. — И кому понадобилось измываться над телом?

— А я с тобой не согласен, — возразил хозяин магазина. — Весь смысл — в целесообразности. Как на старых космических кораблях: ничего не теряется зря, ничего не пропадает. Все человеческие отбросы после переработки приобретают первоначальный вид воды, кислорода, азота. Ведь кислород, полученный из экскрементов, не хуже того, что выработан листьями дуба.

— По твоей теории, — сказал владелец бара, — покойников лучше всего перерабатывать на костяную муку.

— Раз им суждено стать удобрением, то лучше не

лицемерить, — согласился хозяин магазина. И как бы ставя точку в своих рассуждениях, крикнул вслед Коре: — Я прав, инспектор?

— У природы свои законы, — отозвалась Кора. — У разумных существ — другие. Нам бы лучше их совмещать, а не спорить, какие правильнее.

— Вот видишь, — хозяин магазина показал верхние резцы, — госпожа инспектор со мной согласна.

Он подошел к ней ближе и протянул узкую ручку.

— Рад познакомиться, — произнес он напыщенно. — Хосе Мария Эрредия, владелец магазина "Натуральный продукт". Сторонник искренности во всем. Никаких подделок! Настоящую подушку нельзя набить поролоном. Настоящая подушка набивается пухом и перьями. Вы со мной согласны?

И он погладил Кору по мягким перышкам под крылом.

Этот жест был таким деловитым, что Кору передернуло.

— Рада была познакомиться, — сказала она, отходя.

— Заглядывайте к нам в магазин, — засмеялся зайчик Хосе...

Магазины кончились и потянулись глухие стены складов. Мостовая здесь была разбита, а поднявшийся холодный ветер гнал пыль словно в трубе, напоминая, что короткое лето на исходе и скоро безжалостный мороз погубит зеленую траву.

— Эй, тетя Кура, ты туда не ходи! — крикнул мальчишка, шагавший ей навстречу. — Там голого нашли.

— Кого?

— Такого, как ты, только голого и мороженного. Страшный как смерть.

— Откуда ты об этом узнал? — спросила Кора.

— А кто у нас не знает? Его в болото кинули, он и утонул. А кто кинул — неизвестно. Так что тебе, тетя Кура, придется разгадывать.

— Почему мне?

— Ты думаешь, я не знаю, что ты инспектор Интер-Гпола, только переодетая? У тебя бластер есть?

В ожидании ответа мальчишка приоткрыл рот, и два больших верхних резца превратили его лицо в заячье. И он стал похож на Хосе.

— Твой папа владеет магазином? — спросила Кора.

— А что, похож? Знаешь, папашу Хосе сеньором зовут, а меня Хосе-джуниором. Джуниор, значит — младший. А так, мы похожи. Только я бескорыстный, а мой папаша за монету задавится. Чес-слово.

— А как к болоту выйти?

— Прямо и прямо, — сказал мальчик. — Скоро придешь.

Она чувствовала, что он стоит и глядит ей вслед.

Асфальт кончился, дорогу прорезали глубокие колеи. Вскоре между покосившихся гофрированных стен блеснуло болото. Лишь в центре его виднелось небольшое пространство чистой воды, а дальше к берегам вода превращалась в топь, из которой торчали железки, шины, куски пенопласта, ящики, баллоны, а между ними тянулись к серому небу острые стебли тростника.

Кора спустилась к болотцу. Его топкие берега хранили следы бурной деятельности: тростник был вытоптан, железяки перевернуты грязными, обросшими тиной пальцами наружу, а там, где подъезжала машина, на подсохших плюхах грязи были отпечатки ее протекторов.

Нет, здесь ничего не найдешь. Впрочем, что искать? Ведь осквернили тело профессора где-то в ином месте. Оставалась лишь надежда увидеть следы машины или людей, которые приволокли тело сюда. Но не сейчас, когда все следы перемолоты. Надо будет сделать серьезное внушение администратору и местному врачу: как могло случиться, что ее не уведомили о событии? Ведь ее должны были сразу привести сюда. Надо поговорить с Греггом и показать ему, где раки зимуют... И тут же Кора сообразила, что ничего Греггу не покажет, потому

что тот разумно ответит: он не посмел отвлечь инспектора от святого дела — высиживания драгоценных яиц. Не дай бог, что-нибудь случится с яйцами — тогда международного скандала не избежать.

Проклятие! Теперь, когда яйца были далеко, Кора как бы сбросила с себя гипноз ложного материнства и поняла: она же проваливает дело! Она ведет себя, как беспомощный новичок. И даже те улики, которые сами бежали к ней в руки, она не использовала. Что за тайна связана с фотографией "Небесной птицы"? Кто знал о значении фотографии и был заинтересован в том, чтобы она пропала?

Кора размышляла, стоя на кромке болотца. Почва под ногами была ненадежна и пружинила.

Что скрывается за унижением, которому подверглось тело профессора?

Додумать она не успела, потому что ощущение неминуемой опасности пронизало все ее тело. В ужасе, не отдавая себе отчета в том, что делает, Кора кинулась вперед, взлетая на метр или два, но не удержала равновесия и плюхнулась в середину болотца.

Прежде чем столб черной жирной грязи поднялся из болотца, другой столб — серой пыли и огня, возник на том месте, где только что стояла Кора.

Болотце было неглубоким, но страшно вонючим, и дно его на метр было покрыто липкой тиной с увязшими в ней старыми шинами, ящиками, кусками арматуры, велосипедными рулями, упаковками компьютеров и гнутыми торшерами. Кора старалась не нахлебаться вонючей жижи, так как понимала, что скорее умрет от отвращения, чем от иных причин.

Она отчаянно билась по грязи отяжелевшими крыльями, задирая к небу голову. Очевидно, она издавала какие-то звуки, кудахтала, но сама этого не слышала.

Самое отвратительное заключалось в том, что ее действия совсем не приближали ее к цели — близкому и такому желанному берегу.

О ужас, подумала она, если я погибну в этом болоте, то даже после смерти буду посмешищем всей Галактики...

Сквозь ее отчаянные мысли, плеск грязи и хлюпанье тины пробился голос... или это ей показалось?

— Перестань метаться, курица! А ну хватай палку!

Наглый знакомый голос заставил Кору взять себя в руки. Она попыталась оглядеться и смогла рассмотреть возле болота неясные суетливые силуэты людей. Пошагивая вокруг когтями на крыльях, Кора сравнительно быстро отыскала конец шеста, и как только схватилась за него — спасатели потянули ее к берегу. Вот тут-то ей и пришлось хлебнуть тины.

Кашляя и хрипя, на берег выполз гигантский ком грязи и тины, на который даже смотреть было настолько страшно, что взрослые люди, прошедшие немало трудных дорог и сражений, закрывали глаза ладонями и отступали выше по берегу, чтобы не потерять сознание.

К счастью для всех, как раз в эту минуту, разгоняя кошек и приведя мальчишек в состояние восторга, сверху, со звоном и сверканием сигнальных огней, примчалась пожарная машина, на переднем сиденье которой рядом с шофером сидел администратор Грегг ан-Грогги в шлеме поверх шляпы.

Именно он, выскочив из машины, приказал:

— Все шланги на госпожу инспектора!

И через две или три минуты окружающие уже могли узнать сидящую в черной луже мокрую курицу — инспектора ИнтерГпола.

Кора очнулась, захлопала глазами, поднялась и начала подпрыгивать на месте, чтобы согреться.

Все обрадовались и приветствовали ее возвращение к жизни радостными криками. Хосе-джуниор объяснял зевакам, что это именно он позвал взрослых, увидев с горы, в какое несчастное положение угодила тетя-курица.

Первыми успели к Коре Хосе из магазина "Натуральный продукт" и массивный владелец бара. По доро-

ге они схватили длинный шест и с его помощью выудили Кору из болота.

— Но что это было? — спросил владелец бара. — Что так по ней бабахнуло?

— Я знаю, — сказал администратор. — Это был совершенно случайный, незапланированный запуск метеорологической ракеты. Вы же знаете, что наш синоптик ежедневно запускает их. На этот раз произошло непроизвольное возгорание и непроизвольный запуск.

— Этого не может быть! — возразил Хосе-сеньор. — Этого раньше не было.

— Все бывает в первый раз, — философски отозвался Грегг. — Я сам там был. Как раз в тот момент. Я видел это... ну, как тебя вижу! Я на нее смотрел, а она вдруг поднялась и полетела.

Все согласились, что чудеса бывают и у синоптиков.

Кору повезли обратно в больницу на пожарной машине. От нее еще пахло гнилью и тухлятиной, так что Грегг ан-Грогги сослался на срочные дела и пошел к себе в контору пешком.

Машина медленно пробиралась по бездорожью, пожарники обсуждали свои проблемы, а спасители Кору — хозяин бара и хозяин магазина натуральных товаров — шагали рядом с машиной и обменивались сладостными воспоминаниями — каждый любит вспомнить моменты своего героизма.

— Надеюсь, я смогу вас отблагодарить, — сказала Кора. Спасители стали отнекиваться. Им, дескать, не нужны подарки и награды. Достаточен сам факт благодарности.

Когда машина достигла торговой улицы и навстречу стали попадаться люди, удивленно разглядывавшие единственную в городе пожарную машину, на сложенной лестнице которой сидела крупная мокрая курица, подошло время прощаться со спасателями.

— Может зайдете, согреетесь, — предложил владелец бара.

— Спасибо, как-нибудь в следующий раз, — сказала Кора. — Я ведь даже не знаю, как курицы переносят спиртное.

— Буйствуют, — уверенно ответил Хосе-сеньор. — Наверняка буйствуют. Давайте попробуем?

Водитель пожарной машины посигналил, торопя Кору.

— Заглядывайте ко мне, — сказал Хосе. — У меня все натуральное.

И тут Кору поразила простая, но невероятная мысль.

— Вы говорили мне, что подушки набиваете только настоящими перьями?

— Когда есть, то набиваем, — уклончиво ответил Хосе-сеньор.

— А нельзя ли мне посмотреть на эти подушки?

— У меня сейчас их нет, — быстро ответил Хосе. — Все закончилось. Вы не представляете, какой спрос!

— А когда еще были? Вчера? Сегодня?

Хосе поднялся на цыпочки, чтобы приблизиться к голове склонившейся к нему Кору.

— Мне позвонил вчера незнакомый человек и спросил, нужно ли мне перо. И пух. Я ответил, да. Он сказал мне, что согласен отдать пух и перья задаром, при условии, что я сохраню нашу сделку втайне и тут же зашью перья и пух в подушки и перины. Сегодня утром у моей двери лежал мешок с... перьями.

— Это точно, — подтвердил Хосе-джуниор. — Я сам видел. Я папаше помогал пухом и перьями наволочки набивать.

— Какого цвета были перья? — спросила Кора.

Пожарник настойчиво сигнализировал.

— Белые, — ответил Хосе.

— Но почему вы не сообщили никуда о звонке и перьях, когда узнали об этом... событии?

— А какое отношение имеет одно к другому? — спросил Хосе невинно. — Туша в болоте сама по себе, а перья сами по себе...

— Я полагаю, — сказала Кора, — что ты выкрал тело профессора из корыстных соображений и выкинул в болото...

— Мой папаша за монетку удавится, — сообщил Хосе-джуниор. — Он такой.

Получив подзатыльник, Хосе отлетел к стене.

— Как же я его из морга вытащил бы и сюда приволок? — спросил Хосе-старший скорее у сына, чем у Кору.

— Подъемным краном! — прокричал уже издали оскорбленный мальчик.

— Молчи, дурачье, — отмахнулся его отец. — Кран вызвать в пять раз дороже, чем стоят подушки.

Пожарники не вытерпели, и машина поехала вперед, оставив на мостовой двух Хосе.

Кора понимала, что Хосе прав — ему и в голову бы не пришло тащить тело грузного профессора из морга только ради того, чтобы его ошипать. Хотя пух и перья он использовал...

Бред какой-то! Кому же все-таки понадобилось ошипывать труп профессора?

В больнице Орсекки уже извелся, ожидая подругу. Он хотел знать все о профессоре и Коре. Чтобы успокоить его, пришлось рассказать, что покойного профессора украл из морга и ошипал корыстный торговец, который возжелал набить подушки и перину настоящим пухом и перьями. Такое объяснение хоть и не удовлетворило Кору, было самым простым, и Орсекки его принял.

Более того, археолог вознамерился тут же бежать на торговую улицу, чтобы собственными когтями разорвать на части этого корыстного торговца, но Кора его отговорила. Все равно профессора уже не оживить и лучше всего будет его здесь кремировать.

Потом Кора снова села на яйца и стала размышлять, связан ли спонтанный запуск метеоракеты с присутствием там администратора Грегга? Но знал ли он, куда направилась Кора?

— Скажи, Орсекки, — спросила она ассистента, — пока я отсутствовала, никто меня не спрашивал?

— Только администратор Грегг-Мертвая голова, — ответил ассистент. — Я ему сказал, что ты поехала на болото.

— Спасибо, — ответила Кора и задремала.

Ассистент на цыпочках вышел из палаты.

* * *

На следующий день Кора проснулась простуженной. В горле першило, с кончика клюва капало. Вот уж никогда раньше она не думала, что курицы простуживаются.

Так что весь день Кора просидела на яйцах, впрочем, в этом были свои преимущества. Хотя бы польза яйцам: им всегда лучше под матерью. Во-вторых, на яйцах, как оказалось, очень удобно думать. Главное — привыкнуть.

Кора хотела поглядеть на фотографию профессора, которую нашла в его доме, но та куда-то запропастилась. Так она и не смогла для себя уточнить, какой расцветки был ее покойный муж.

После обеда пришел Орсекки, который, оказывается, с утра успел поработать на раскопках и отыскал там древние куриные лыжи — это же надо придумать: курицы на лыжах, словно в цирке! Орсекки прослышал в городе о вчерашнем покушении на Кору и был возмущен. Он ни на секунду не сомневался, что ракета полетела не сама по себе — ее направил злобный Грегг. Кора оставляла за собой право сомневаться. Она не верила в романтических злодеев. Для Грегга важнее всего было удержаться на престижном месте. Покушаясь на инспектора ИнтерГпола, он рисковал карьерой в немыслимом масштабе.

Чтобы отвлечь Орсекки от тревожных мыслей, Кора спросила его, летают ли курицы и бывают ли среди них летуны.

— Разумеется, бывают. У нас даже есть клубы летунов. И проводятся соревнования на дальность полета. Но все это лишь в школе. Взрослым летать не рекомендуется. Представь себе — солидный господин и вдруг летает!

Кора склонила голову, будто бы соглашалась с мнением ассистента.

— Летающий господин опасен для нравственности. Он может заглянуть через любой забор, в любое окно — как ты укроешься от любопытного глаза и последующего за ним шантажа? А впрочем, после окончания университета, взрослые ксеры и не могут летать — комплекция не позволяет.

— И тебе никогда не хотелось полетать? Ведь ты птица, а не баран какой-нибудь.

— Нет, — искренне признался молодой петушок. — Никогда меня не тянуло к полетам. Я даже самолет плохо переносу. Как посмотрю вниз, сразу голова кружится.

— А профессор Гальени? Он тоже не выносил полетов?

— Как ни странно, он, несмотря на свой почтенный возраст, не раз в разговорах со мной сожалел, что преклонный возраст не позволяет ему летать.

— А вдруг он на самом деле умел, но стеснялся тебя?

— Я бы никому не сказал!

— Но тебе было бы неприятно?

— Конечно неприятно. Хотела бы ты взглянуть на меня со стороны живота?

— Зачем?

— Если я полечу, ты будешь вынуждена лицезреть самое некрасивое место моего тела — живот.

Кора подумала, что живот у ассистента совсем не так уж плох: он покрыт таким нежным пухом, он такой тугой и теплый, что и . него приятно было бы преклонить голову.

— Значит, профессор мог бы и полететь?

— Сомневаюсь, — сказал Орсекки. — По крайней мере я никогда его за этим не заставлял.

— Кстати, ты не брал фотографии профессора?

— Зачем мне?

— Может на память.

— Я его помню и без этого.

— Какого он был цвета?

— Светлый!

Кора прислушалась.

— Сегодня с утра они постукивают, — сообщила она ассистенту.

— Я счастлив за тебя, — сказал ассистент.

— Мои терзания скоро кончатся. Сколько можно изображать наседку?!

— Разве ты изображаешь? — в голосе петушка прозвучало недовольство. — Любая другая на твоём месте была бы счастлива!

— Можно подумать, — сказала Кора, — что ты только и делаешь, что сидишь на яйцах.

— Ты неправ. Я же тебя подменял и не раз.

— Но не носил их в себе!

— Это твой женский долг!

— Я его выполнила.

— Теперь с удовольствием забудешь о детях?

— Разумеется. Я жду — не дождусь, когда вернусь в человеческое тело.

— Неужели тебе после того, как ты пожила в теле прекраснейшей из женщин, захочется вернуться в эту нескладную палку, в этот кривой тростник!

Кора почувствовала жалость к этому молодому существу. Ведь на самом деле он так одинок! После смерти супругов Гальени ему кажется, что Кора должна понимать его. А вместо этого она не скрывает своей мечты — бросить его и нерожденных еще цыплят. И как бы угадав ее мысль, Орсекки отчаянно воскликнул:

— Ты подумала о маленьких? Подумала о детях? Каково им без матери?

— Я думаю, что у тебя на планете найдется, кому о них позаботиться.

Орсекки вскочил и отошел к окну. В палате сразу стало тесно.

— Неужели ты думаешь, что кто-нибудь им заменит тебя?

— Ну вот, — Кора развела крыльями. — Оказывается, ради цыплят я вообще должна остаться и без тела, и без родины.

— Ты должна остаться в лучшем на свете теле! — голос ассистента дрожал.

— Простите, молодой человек! — в запале выкрикнула Кора. — Но не вам судить о достоинствах моего тела.

— А кому же? Кому, простите?

Трепеща крыльями и громко топая, ассистент кинулся прочь из палаты.

Кора была уже готова догнать его и успокоить, но тут в одном из яиц послышался такой стук, словно пьяный муж вернулся под утро домой и требовал, чтобы его впустили.

Когда птенец уgomонился, Кора вновь задумалась. Оказывается, профессор, в отличие от своих соплеменников, не чурался полетов. А если полеты ему не были отвратительны, значит, ничто не мешало ему при желании подняться в воздух, над раскопками. А если так, то инспектору следует воспользоваться этим телом и повторить достижение покойного археолога.

Однако в тот день, простуженная и травмированная падением в болото, Кора решила никуда не выходить и проанализировать накопленную информацию. Ее ум еще не был готов к такой деятельности, но нельзя обвинить ее в том, что она не старалась.

Разумеется, если бы планета не была столь первобытной, Кора воспользовалась бы услугами компьютера, чтобы проанализировать имеющиеся факты. Но ни минуты компьютерного времени ей не дали, потому что,

как сказали в администрации, время компьютера было расписано на год вперед.

Кора накрыла яйца одеялом, включила печку на полную мощность и вышла в коридор к телефону — в палате телефона не было.

Она позвонила в дом археологов, а когда там никто не подошел, позвонила на площадку. Ассистент, в меховой накидке, делавшей его похожим на большого ежа, обрадовался звонку — он всегда радовался Коре. Ей даже бывало неловко за то, что она столь равнодушна к этому милому существу.

— Что случилось? Что-нибудь с детьми?

Орсекки никогда не произносил слово "яйца", может быть в нем было нечто неприличное?

— Все в порядке, яйца спят, — сказала Кора. — У меня к тебе небольшой вопрос. Умел ли профессор фотографировать? Был ли у него фотоаппарат?

— Да, конечно. Он всегда таскал с собой старую камеру. Он сам проявлял и печатал снимки.

— Замечательно! — воскликнула Кора. — Я так на это надеялась. Значит фотография, которую я нашла у него в столе, была сделана здесь.

— Почему? — удивился ассистент. — А может быть профессор привез ее с собой?

— Но ты же сам сказал, что на вашей планете известен лишь пещерный рисунок корабля. А это — фотография!

— Ну, может, это реконструкция?..

— А где сейчас аппарат? — спросила Кора. — Где все пленки?

— Странно, что ты об этом спрашиваешь — я и сам не могу понять. Мне нужны были его пленки, чтобы сделать отпечатки найденных нами предметов — но ни аппарата, ни пленок я не нашел.

— Украли?

— Мне трудно произнести это слово, — потупился петушок, — у нас на планете это совершенно неизвестно!

— А что еще украли? — спросила Кора.

— Ничего. Клянусь тебе, ничего!
— Значит, кто-то пришел и забрал аппарат, пленки, отпечатки...

— И еще фотографическую бумагу и все химикалии,
— добавил Орсекки.

— Станный вор!

— Я решил, что это ребенок, который решил стать фотографом.

— Почему ты не сообщил об этом?

— Кому?

— Администратору Греггу.

— Мертвой голове? Я ему сообщил. В тот же день.

— А он?

— А он улыбнулся — ты знаешь, какие он умеет строить рожи, и сказал, что я наверное ошибаюсь и что у профессора никогда не было ни аппарата, ни пленок.

— Так и сказал?

— Я никогда не лгу.

— Спасибо, милый, — сказала Кора. — Иди работай, откопай что-нибудь радостное для планеты Ксеро.

— Бегу!

Кора выключила связь. Как преданно он смотрит! На Земле ей ни разу не попался мужчина, который смотрел бы на нее с такой сладкой преданностью.

Она была почти убеждена, что администратор Грегг ан-Грогги каким-то образом, как ни тяжело это сознавать, связан с преступлением. Но как это доказать?

В ординаторскую, где стоял телефон, заглянула встрепанная, наколка набок, медицинская сестра.

— Госпожа Орват! — закричала она. — Скорее! Вы нужны!

Кора поняла — что-то произошло с яйцами. Стремглав бросилась она за сестрой.

В палате уже был местный врач и еще одна сестра. Они растерянно глядели на шевелящееся одеяло.

— Ну что же вы! — воскликнула Кора. — Они могут задохнуться!

— Откуда нам знать! — огрызнулся местный врач.

— Это надо чувствовать.

Кора осторожно подняла одеяло и отбросила в угол. Два яйца уже раскололись и в развале скорлупы копошились цыплята. Желтенькие, пушистые, забавные, толстенькие, каждый размером с гуся.

Оглушительная нежность обрушилась на Кору — свершилось! Вот они, ее детишки!

Она готова была покрыть их нежными поцелуями, но сдержалась, так как понимала: все присутствующие смотрят на нее.

Поэтому Кора склонила голову к третьему яйцу, обитатель которого стучался, требовал помощи, и осторожно вонзила кончик клюва в трещинку.

— Крак! — с громким треском яйцо раскололось, и мокрый цыпленок торжествующе выпрямил голову — будто хотел сказать: "А вот и я!"

— Ну вот и хорошо, — сказала Кора. — Все живы.

— Принести горячую воду? — спросила сестра, имевшая некий акушерский опыт.

— Если вы хотите загубить детей, то пожалуйста, — грубо ответила Кора. — Их тоже надо сушить, а не купать! Лучше уберите скорлупу и смените подстилку!

А эти необыкновенные цыплята, едва вылупившись, начали ходить.

Ноги им, видимо, понадобились для того, чтобы окружить свою мать и поднять оглушительный писк, требуя пищи.

— Доктор! — воскликнула Кора. — Бегите к телефону, вызывайте сюда археолога Орсекки, он на раскопках. Я не представляю, чем кормят новорожденных.

Доктор побежал к телефону, а Кора постаралась погладить цыплят по пушистым головкам, но цыплята еще не понимали такой ласки — они были слишком малы...

Через двадцать минут примчался взволнованный Орсекки, который знал ненамного больше Кору, как обра-

шаться с цыплятами. Своих детей у него не было, а собственное детство он позабыл. Но общими усилиями цыплят все же накормили и утихомирили. Орсекки остался на ночь в палате Кора, Кора была ему благодарна: она боялась, как бы чего не случилось с желтыми пушистыми детьми.

* * *

Птенцы росли не по дням, а по часам. Уже на следующее утро они резво бегали по палате и умудрились сшибить с ног худенького местного врача Мурада, когда тот без предупреждения вбежал в палату, неся миску с рыбьим жиром.

Орсекки был незаменим и послушен.

Кора, освобожденная от необходимости вынашивать и высиживать яйца, снова почувствовала себя сыщиком и по крайней мере смогла планировать операцию против Грегга-Мертвой головы.

Но прежде всего она хотела поставить эксперимент, о котором никто не должен был знать.

Для этого Кора поднялась рано, на рассвете, когда за окнами висела синева. Легкие снежинки — напоминание о скорой осени — лениво кружились над миром.

Орсекки мирно посапывал в центре палаты на подушке с подогревом, у него под боком уместились цыплята. Орсекки прикрыл их крыльями от возможного врага.

Кора знала, что ей будет очень холодно, но условия эксперимента требовали, чтобы она ничего на себя не надевала — иначе эксперимент провалится.

С вечера она налила горячего кофе в термос, принесенный Орсекки. Его горлышко было приспособлено для куриного клюва. Кофе сильно действует на кур, и вскоре Кора ощутила бодрость.

Она тихонько открыла дверь в коридор. Там было

пусто. В конце коридора за столом дремала дежурная сестра. Осторожно ступая по пластику, Кора прошла мимо сестры и через вестибюль вышла в утренний двор.

На траве и деревьях лежал иней, над землей кисеей покачивался легкий морозный туман. Коре было холодно.

Она поспешила прочь от больницы и самым коротким путем прошла к окраине города, туда, где расположились археологические раскопки и где вскоре будет возведен гранд-отель "Вграй".

Путь занял минут двадцать, не больше. Кое-где Кора переходила на бег. Разогнавшись, она пыталась взлететь, но холодный туман, пропитавший перья, прижимал ее к земле.

На пути Коре встретился лишь разносчик молока, ехавший на мотороллере. Он узнал Кору.

— Бегом от инфаркта? — спросил он курицу.

— Сбрасываю лишний вес, — ответила Кора.

За пределами раскопок в яме возился Хосе-джуниор, который помог вытащить Кору из болота двумя днями раньше. Он тоже узнал ее.

— Ты что здесь делаешь? — спросила Кора.

— Вы никому не говорите, — сказал мальчик. — Но я рассчитал, что в этой части корабля был сейф. В сейфе лежало золото. Я уж третью неделю копаю. Папаша думает, что в школе, а я копаю. Видите, какая яма?

Яма была ему по пояс.

— Какой корабль ты имеешь в виду? — спросила Кора.

— Этого я вам пока не скажу. Потому что это тайна, — ответил сорванец.

— А как ты догадался, что здесь был корабль?

— А все знают, — отмахнулся мальчик. — Вы идите, тетя-кура, идите, а то мне всего час осталось копать — в школу пора.

Кора вышла к обрыву.

Если она намерена доказать себе и окружающим, что профессор Гальени поднялся в воздух, полетел над окрестностями, увидел и сфотографировал с птичьего полета остатки корабля "Небесная птица", то ей самой надо подняться в воздух и облететь район раскопок.

Кора выбрала прямой и ровный участок, чтобы было где разогнаться. Мальчик подошел к ней.

— Ты чего? Полетать хочешь? — спросил он.

— Разве не видишь?

— Поосторожнее летай, — предупредил Хосе. — Тут один до тебя был, профессор. Хороший мужик, хоть и курица. Он тоже летал. Вон туда летал к горам, над речкой летал, сверху фотографировал. Потом его пришли.

— Ты слишком много знаешь, малыш, — сказала Кора. — Лучше бы ты держал язык за зубами.

— Это точно, — согласился мальчик. — Папаша мне всегда об этом говорит.

И он засмеялся, показав длинные верхние резцы, и стал похож на папу.

Под внимательным взглядом молодого человека Кора разбежалась. Она изо всех сил колотила по воздуху крыльями, а мальчишка неся за ней и кричал:

— А ну, поддай, толстая курица! А ну, поднажми! Мы рождены, чтобы сказку сделать былью!

Кора почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она летит!

Но это сладостное чувство не успело пустить корней в ее груди, как она поняла, что падает обратно — вот-вот ее ноги коснутся земли...

Но, о ужас! Ни о какой земле и речи быть не могло.

Взглянув вниз, Кора поняла, что нечаянно проскочила обрыв и теперь под ней — несколько десятков метров пропасти. Далеко внизу сквозь утренний туман поблескивает голубая речка.

Ей грозила неминуемая гибель!

От страха Кора начала отчаянно молотить по воздуху крыльями, но это мало помогало — ее заваливало набок, и небо, обрыв, раскопки, речка, горы — все медленно кружилось перед глазами. "Кажется, я вхожу в штопор!" — успела подумать Кора.

Сквозь шум крови в ушах и пулеметные удары сердца она услышала отчаянный мальчишеский крик:

— Держись, тетя! Не мельчи! Реже крыльями двигай! Раз — и два!

И — о чудо! — Кора начала махать крыльями реже и шире.

И вот уже полоса горизонта возвратилась туда, где ей положено находиться...

Воздух — такой невесомый и ненадежный, становился плотнее с каждым взмахом крыльев... Когда Кора, наконец, поняла, что она не упадет и не разобьется, она открыла глаза и увидела, что летит высоко над плато, исчерченным полосками археологических траншей. Среди траншей бегала маленькая мальчишеская фигурка и в тишине утра далеко разносился его голос:

— Молодец, птица! Так держать, птица! Рожденный ползать — летать не может!

Господи, чего ж она не летала раньше? Это такое наслаждение! Ведь если ты птица, то летай!

Кора закудаhtала, и ее торжествующий крик разнесся над планетой.

Тогда она вспомнила, зачем полетела.

Затем, чтобы осмотреть раскопки и плато с птичьего полета.

Только что поднявшееся утреннее солнце светило почти горизонтальными лучами, высвечивая каждую выбоину и выемку в грунте... А через несколько минут Кора увидела силуэт закончившего свой век космического корабля. Корабль покоился между раскопками и складами.

Видно давным-давно, сотни лет назад, верхнюю часть вросшего в землю корабля разрушили ветры и дожди. Так что именно разрез корабля остался снаружи. Увидеть его можно было лишь поднявшись в небо, желательно ранним утром или вечером, когда лучи солнца косо падали на плато. Что и сделал в свое время профессор Гальени, который и сфотографировал его.

Но кому-то своим открытием он помешал настолько, что тот пошел на преступление, чтобы избавиться от археолога.

Опускаясь кругами на землю, Кора уже догадалась, кто этот человек. Хотя не знала еще, как уличить его. Ведь доказательств у нее не было. Уверенность была, а доказательств — нет.

— Ну что, убедилась? — спросил мальчишка, когда Кора опустилась рядом с ним и, пробежав несколько шагов, остановилась.

— В чем? — схитрила Кора.

— Не притворяйтесь. Вы же корабль искали. Как тот петух. И нашли. Его трудно не найти.

— Но откуда ты все это знаешь?

— А у нас многие знают. Когда еще на вертолете здесь летали, то его геологи засекли. Только внимания не обратили. Мало ли что у нас здесь валяется. А кто хочет — здесь золото ищет.

— А археологи раньше не знали об этом?

— Откуда им знать? У нас один свободный вертолет в городе, но Мертвая голова его никому не дает. А другие вертолеты у изыскателей. Только этот профессор сам полетел. Полетел, прилетел и весь трясется! Я тогда здесь ошивался, помню, как он кричал: "Небесная птица"! "Небесная птица"! Великое открытие! Вызываем большую экспедицию — закрываем район! Какое счастье!" А я думаю: кому счастье, а кому — несчастье! Правда?

— Правда, — согласилась Кора.

Когда Кора возвращалась обратно в больницу, город уже начал просыпаться: на улицах появились первые повозки, вертолет геологов прошел низко над крышами, у открытой двери булочной разгружали батоны. Молодая дама гуляла с крупным зеленым скорпионом, закутанным в вышитую попону. Скорпион покачивал поднятым жалом. Когда Кора поравнялась с ними, она услышала, как скорпион говорит даме:

— Такой расклад прибыли нас не может устроить. Я надеюсь связать этот вопрос со сроками завершения строительства.

— Как только площадка освободится, он обещает начать земляные работы под фундамент, — пояснила дама.

Обгоняя их, Кора сказала: "Простите", и тут скорпион ахнул:

— Она не опасна?

— Нет, это инспектор ИнтерГпола, — ответила молодая дама. — Она угодила в чужое тело...

Окончания ее речи Кора уже не слышала...

В палате все еще спали, и Кора благодарно привалилась к туше Орсекки. Цыплята попискивали во сне, тоже прижимаясь к теплему археологу.

Проснувшись она от оглушительного писка: медсестра принесла миски с рассыпчатой гречневой кашей, и цыплята сходили с ума от желания скорее ее склевать.

Орсекки, едва продрав глаза, спросил:

— Ты никуда не ходила ночью? Мне приснилось, что тебя не было.

— Знаешь, — призналась Кора, желая сказать что-нибудь приятное археологу. — Кажется, я распутала это преступление.

— Кто? — громко и, как показалось Коре, удивленно, спросил Орсекки. — Кто тот злодей?

— Я скажу тебе сегодня же, к вечеру.

Пока ее соседи по палате завтракали, Кора отправилась к местному врачу. Тот уже сидел в ординаторской, просматривая истории болезней.

— Доктор, — спросила Кора. — Можно ли мне получить на час вертолет с фотокамерой?

— Обратитесь к Греггу, — ответил врач. — Вертолет находится в его распоряжении.

— Вот именно этого мне и не нужно, — ответила Кора. — Мне хочется получить вертолет помимо него, вопреки его желанию, но так, чтобы он совершенно случайно узнал, что это сделала я.

Местный врач отложил карточки и покрутил усики. Он хотел казаться старше и солиднее.

— Выкладывайте, инспектор, — сказал он. — Что вы откопали?

Он был очень подкован в литературе, даже такой вопрос он, видимо, где-то вычитал.

Кора не стала скрывать от него своих подозрений. Но ей надо было их доказать.

— Все так просто, — сказал на это местный врач. — Сейчас в нашем городе находится вице-директор компании "Вграй", который приехал для переговоров о строительстве гостиницы. Я думаю, он сможет разрешить ваши сомнения и помочь вам найти доказательства.

— Вы душка, — заявила Кора. — Вы самый очаровательный мальчик на всей планете. Хотите я вас расцелую?

— Большое спасибо, — поспешно поблагодарил врач, и Кора перехватила его испуганный взгляд, направленный на ее желтые лапы. — Но если вы не спешите, я бы предпочел целоваться на следующей неделе.

— Отлично. Я пошутила, — сказала Кора и поняла, что теперь посвятит всю сознательную жизнь тому, чтобы отомстить этому наглецу.

Вернувшись в палату, Кора сообщила Орсекки, что ему придется задержаться, так как интересы дела требу-

ют, чтобы она отлучилась еще на час. Но тут Орсекки, взбунтовался. Он заявил, что при всей любви к Коре он не может манкировать работой — ведь от результатов раскопок зависит судьба его планеты.

— А если бы нашлась "Небесная птица"?

— Прекрати издеваться надо мной!

— А если?

— Тогда мое имя выбили бы золотыми буквами на всех мраморных досках нашей империи! — воскликнул петушок.

— Ладно, — сказала Кора. — Будут тебе доски. Иди, копай. Если найдешь еще одну пуговицу, напиши об этом поэму.

— Мы не пишем стихов, — гордо ответил Орсекки.

Оставшись одна, Кора решила заняться птенцами. Им уже третий день, а живут они предоставленные сами себе, словно у них нет матери.

Птенцы были пушистыми, ласковыми, говорливыми, и ее материнский взор уже научился их различать. У старшего, Чука, на затылке был белый хохолок, средний, Гек, при ходьбе смешно крутил задом, а младшая, Мила, была попрыгунчиком.

Малыши возились, лазили по Коре, как по горе, и ей было смешно наблюдать за ними и трогательно ощущать их доверчивость и даже нежность к ней, к ее большому теплему телу.

Уже на третий день у них кое-где стал выпадать пух, уступая место перышкам. Чук обещал стать черно-оранжевым петухом, Мила пошла в Кору, и будет пеструшкой, зато Гек совместил в своей окраске цвета брата и сестры.

Цыплята были постоянно голодными и требовали еды. Хорошо, что еще вчера Орсекки притащил два мешка орехов — иначе больница не смогла бы обеспечить их пропитание.

Поддавшись настойчивым требованиям детей, Кора дважды покормила их до обеда.

Во время одной из кормежек заглянул врач, он сообщил, что смог добыть для Кора геологический вертолет. На пять часов пополудни. Не выслушав благодарности, он тут же побежал из куриной детской.

— Погодите, Мурад! — окликнула его Кора. — У меня к вам последняя просьба. Дозвонитесь до гостиницы и узнайте, когда там будет вице-директор фирмы "Вграй".

Доктор возвратился через пять минут, но в палату заходить не стал, а сообщил из коридора, что вице-директор намерен вернуться в номер после обеда.

— Спасибо!

— Учти, он страшненький.

— Я сама страшненькая.

— Он страшнее. Зато у него красивая любовница. По имени Мария М.

— Откуда мне знакомо ее имя?

— Ее основная служба — любовница господина Грегга ан-Грогги. Вице-директор — лишь почетный гость.

Оттолкнув доктора и даже не заметив этого, в палату ворвался Орсекки. Во-первых, он беспокоился, накормлены ли дети. Во-вторых, он откопал череп древнего ксера, который притащил с собой, чтобы продемонстрировать Коре. Вид черепа вызвал приступ писклявого страха у птенцов и Кора приказала спрятать его с глаз долой.

— Ты не понимаешь! — вопил Орсекки. — Это же замечательное открытие! Череп моего пращура на другом конце Галактики!

— Теперь ты освободился? — спросила Кора.

— Да. Я полностью в твоём распоряжении.

— Вернее всего, я вернусь живой часа через два...

— Ты в этом сомневаешься?

— Разумеется. Я же на работе.

— Перестань шутить!

— Я не шучу. Детей я поручаю тебе. Пусть из них вырастут достойные вашей планеты археологи.

— Что ты говоришь?!

Кора поняла, что нервное состояние Орсекки выходит из-под контроля, и потому решила перевести разговор в более спокойное русло.

— Кстати, — сказала она. — Дети растут быстрее, чем я ожидала.

— А что случилось? — Орсекки еще не успел переключить свое сознание с трагических картин на семейные сцены.

— У них появляются первые перышки.

— Перышки? — Орсекки наклонился к детям, клевавшим что-то у его ног.

— Смотри, видишь: у Чука — желтенькие с черным, а Мила — вся в меня.

Орсекки тут же позабыл о Коре и предстоящих ей опасных испытаниях. Он полностью углубился в лицемерие цыплят.

Кора же отправилась в гостиницу — небольшое двухэтажное, толстостенное здание, оставшееся еще с эпохи первых экспедиций.

Элегантный портье узнал ее, позвонил в номер вице-директора фирмы "Вграй" и сообщил, что госпожа инспекторша инкогнито желает его видеть.

От этого произошло небольшое недоразумение. Когда Кора постучала в дверь на втором этаже, оттуда послышался голос:

— Входите, госпожа Инкогнито!

Впрочем, вряд ли можно было ожидать, что вице-директор фирмы изучал древние земные языки, ибо им оказался тот самый скорпион, которого Кора встретила недавно на улице. А сопровождавшей его дамой была Мария М., любовница Грегга-Мертвая голова.

Скорпион сам открыл дверь, хотя ему пришлось для этого подняться на задние ноги и опереться на хвост.

— Чем обязан? — спросил он.

Кора обратила внимание, что скорпион был очень

богат — все его конечности были украшены перстнями с драгоценными камнями.

На широком диване сидела, поджав обнаженные ноги, знакомая Коре девица в купальном костюме из вологодских кружев. Она пила джин с тоником из высокого бокала.

— Ах! — произнесла дама. — Вы к нам?

— Я помню! — скорпион был элегантен и изыскан в движениях. — Это инспектор ИнтерГпола. Но мы не совершили никаких преступлений.

— Надеюсь, — сказала Кора.

— Садитесь.

— Я постою. У меня к вам один простой вопрос, — сказала Кора. — Думаю, что не отниму у вас много времени.

— Не беспокойтесь, — сказал скорпион. — Вы наша гостя. Что будете пить? Джин? Мартини? Водку? Я сам ничего, кроме крови и трупного яда, не пью, но мои гости могут угощаться.

— Меня интересует гостиница "Вграй", — сказала Кора, — ведь вы ее финансируете?

— Инспектору ИнтерГпола я отвечу искренне, — сказал скорпион. — Да, я вице-директор компании "Вграй" и прилетел сюда, чтобы понять, почему строительство не начинается.

— И почему оно не начинается?

— Не отвечай, — потребовала женщина в купальнике, которая, как Кора уже знала, именовалась Марией М. и была постоянной любовницей Грегга-Мертвая голова. — Она все лучше нас знает.

— А вас я не спрашиваю и не вижу, в каком качестве вы находитесь в этой комнате, — сказала Кора.

Она понимала, что ее слова не произведут должного впечатления, потому что Мария М. видит перед собой толстую курицу. Но вице-директор был тертым калачом и его внешней видимостью не удивишь.

— Мария М., — сказала он, вежливо качая концом

хвоста, — моя любовница. Мне положена любовница. Она всегда присутствует при моих деловых разговорах, чтобы все знали, какая красивая любовница мне положена по рангу.

— Вот именно, — сказала Мария М.

— Но зачем вам это нужно? — спросила Кора. — Я вас как женщина женщину спрашиваю. Неужели вам чего-то не хватает?

— Мне не хватает настоящей любви, — сказала Мария М. — Мы со скорпиончиком решили покинуть Грегга. От него никакого толка.

— К тому же, я по своим каналам узнал, что осложнения со строительством гостиницы оказались куда более серьезными, чем уверял наш местный партнер, — сказал скорпион.

— Но вроде бы через месяц экспедиция заканчивает работу, — сказала Кора. — Тогда вы сможете приступить к строительству.

— Чепуха! — скорпион ловко вскочил на колени к Марии М. и та, отложив бокал, принялась почесывать ему затылок. — Мы не можем рисковать капиталом. Если он не представит мне до завтра доказательство того, что археологи скоро улетают, ярываю договор с ним. Планет у нас много, обойдемся и без Дил-ли.

— Обойдемся, — сказала Мария М.

Скорпион закрыл пленками глаза и начал похрапывать.

— Значит дела Грегга плохи? — тихо переспросила Кора, чтобы не разбудить вице-директора.

— Хуже некуда, — сказала Мария М. — Поэтому мне нет смысла терять хороший шанс. Вы меня понимаете?

— Я вас совершенно не понимаю, — резко ответила Кора, но Мария М. не смутилась:

— Вы, курицы, такие отсталые, — сочувственно произнесла она.

Вертолет изыскательской службы ждал Кору на стоянке за гостиницей. Юный улыбчивый, будто сошедший с рекламного плаката, пилот передал ей небольшой пакет. В нем был фотоаппарат.

— Куда летим? — спросил пилот, глядя, как большая птица втискивается в кабину.

— На археологические раскопки.

— Глупо, — сказал пилот, — туда пешком ходят. Зачем машину гонять? У нас и без того каждая минута расписана.

— Вам было сказано, чтоб вы мне подчинялись? — спросила Кора.

— Сказано-сказано, а здравый смысл где?

— Здравый смысл там, где я приказываю, — откликнулась Кора, проверяя, есть ли пленка в аппарате. — Ваша машина вооружена?

— Не дай бог! — отозвался молодой пилот. — С кем мне здесь воевать?

— Пока не знаю, — ответила Кора. Она лучше себя чувствовала бы в вооруженном вертолете. — А парашюты у вас есть?

— Вас ни один парашют не удержит, — сообщил пилот.

— Вы правы, — согласилась Кора. — Поднимайтесь и не спеша, на бреющем полете, берите курс на археологические раскопки.

Пилот подчинился, всем видом показывая, что смиряется перед блажью начальства.

Вертолет взял курс на край плато, изрезанный траншеями.

Издали силуэт корабля не был виден, так как солнце стояло высоко. Кора велела вертолету зайти со стороны реки.

Где же противник? Неужели он не клюнул?

Кора сделала несколько снимков и тут увидела приближающуюся черную птицу.

Все правильно! Он попался!

— Жаль, — сказала Кора, — что у вас нет оружия. Я подозреваю, что нас сейчас будут сбивать.

— Как? — не понял пилот.

— Поглядите направо. Что вы видите?

— Вертолет, — сказал пилот. — Вертолет администрации. А кто будет нас сбивать?

— Он и будет, — сказала Кора. — Но я попрошу вас до последнего момента не удирать от него, потому что иначе нам ничего не доказать.

— Слушаюсь, генерал! — радостно воскликнул пилот, всем своим видом давая понять, что ему приходится катать по воздуху сбрендившую курицу.

И в тот же момент пилот, несмотря на свой нежный возраст и привлекательную внешность, выругался, как извозчик, потому что вертолет администрации резко изменил курс и пошел на таран, словно Кора и ее машина были древнефашистским бомбардировщиком.

— Молодец! — похвалила агрессора сумасшедшая курица.

Она смогла разглядеть пилота, который вел вражеский вертолет. Несмотря на большие темные очки и шлем, сомнений не было — за ней охотится администратор планеты господин Грегг ан-Грогги, разоренный случайной находкой археолога профессора Гальени. Мирный администратор пошел на зверское убийство профессора, надеясь, что никто больше не догадается подняться над археологическими раскопками и увидеть в непосредственной близости от них бранные останки корабля "Небесная птица".

Теперь же Грегг совершал очередное, безумное, но почти удачное покушение на инспектора Орват, которая слишком много знает.

— Что делать? — крикнул юный пилот, с трудом уводя свою машину из-под удара.

— Дай мне его сфотографировать! — отозвалась Кора, направляя на администратора объектив.

Это привело Грегга в такое бешенство, что он, презрев опасность, разогнал машину до упора и принялся стрелять в Кору из тяжелого охотничьего бластера.

Нажимая на гашетку фотоаппарата, словно отстреливаясь от Грегга, Кора не ощущала страха — чтобы теперь ни случилось, она выполнила свой долг: долг инспектора и долг матери. Вот они, кадры для суда: глава администрации планеты Дил-ли расстреливает из бластера невинную курицу!

Но, размышляя таким образом, Кора не учла желания жить, свойственного молодости. Юный пилот совершил невероятное: у самой земли он смог рвануть в сторону пробитую пулями машину.

Тогда случилось непоправимое: не в силах удержать свой вертолет, Грегг-Мертвая голова врезался на нем в край обрыва и в куче обломков упал на берег реки.

Когда юный пилот и Кора вышли из своего вертолета, приземлившегося в двадцати метрах от тела Грегга, тот, как ни удивительно, был еще жив.

— Ненавижу! — прохрипел он Коре. — Всех куриц, сующих клюв в чужие дела... ненавижу...

— Лежите спокойно, — сказала ему Кора. — Сейчас пилот привезет врача.

— Поздно, — ответил Грегг. — Я не хочу жить. Я разорен и обесчещен.

— Летите за врачами! — приказал Кора пилоту.

— А вы? — спросил он. — Вы не боитесь?

— Я не боюсь, — ответила Кора. — Я умею летать — в случае чего, я от него улечу.

— Чепуха, — блеснул из черных глазниц тускнеющим взором Грегг ан-Грогги, — я уже не поднимусь...

Пилот прыгнул в вертолет и поднял машину в воздух. Кора на всякий случай включила прикрепленный к ее поясу магнитофон. Запись могла пригодиться следствию.

— Ты сама догадалась? — спросил Грегг. Он смотрел в холодное облачное небо.

— Догадалась, когда поняла, что некоторые курицы могут летать.

— Мне надо было провести обыск до твоего приезда. Я недооценил тебя... и знаешь почему? Потому что я знал разницу между твоим старым телом и телом курицы. И решил, что ты обезврежена.

— Я поняла, — сказала Кора, — что вы пойдете на преступление, только если возникнет угроза строительству. А с находкой корабля о строительстве пришлось бы забыть.

— Я стал бы музейным смотрителем, а планета — Меккой для куриц, — с горечью произнес Грегг.

— Как вы убили его?

— Что? — в голосе раненного администратора звучало изумление.

— Как вы убили профессора?

— Но я его не убивал! Мне не пришлось убивать этого толстого старого петуха! Кто-то меня обошел!

— Тогда зачем же столько усилий, чтобы убить меня?

— Потому что с твоим приездом моя надежда на то, что со смертью профессора я выпутался из этой истории, пошла прахом. Потому что ты вышла на фотографию! Ты догадалась подняться над площадкой... тебя пришлось убрать!

— Но кто тогда убил профессора?

— Понятия не имею. Когда я добрался до него, он уже лежал мертвый, правда еще не ошипанный! — тут Грегг ан-Грогги злорадно захохотал, но это усилие далось ему с таким трудом, что он лишился сознания.

Поэтому, когда через три минуты прилетел вертолет с носилками и местным врачом, Кора была расстроена и мрачна, как собравшаяся над головой снежная туча.

— Не расстраивайся, — утешал ее масляноглазый доктор Мурад. — Главное, что ты распутала преступление. Если Грегг даже не сознается в убийстве профессора, его засадят за вереницу преступлений — начиная от покушения на тебя и возможного убийства жены про-

фессора, и кончая использованием служебного положения в корыстных целях с попыткой расстрелять казенный вертолет.

— Ты так прост? — удивилась Кора. — Неужели ты до сих пор не понял, что настоящий убийца остался на свободе?

— Врет твой Грегг. Убил, а теперь врет!

— Не врет. Он был при смерти... он не убивал профессора. Иначе бы он стал хвастаться этим... я знаю людей.

Врача она не убедила, но осталась при своем мнении. Путь же, по которому шло расследование, оказался тупиком.

* * *

— Ну где ты пропала! — встретил ее упреками ассистент. — Дети без тебя извелись.

Дети и в самом деле кинулись к ней со всех сторон. Они терлись о нее своими пушистыми боками, топтали, казалось, норовили свалить и заклевать. Коре показалось, что за прошедшие часы они еще подросли.

— Надо собираться, — сообщил ей Орсекки. — И закрывать экспедицию. Детям вреден этот климат.

Коре конечно же надо было объяснить молодому археологу, что никуда отсюда он не улетит, а будет ждать, пока на Дил-ли, как коршуны, слетятся все археологи и уважающие себя начальники от культуры с его родной Ксеро. Но она чувствовала такую усталость, будто весь день таскала тяжелые бревна. Это была нервная реакция на воздушный бой, но рассказывать сейчас обо всем петушку — значит вызвать в нем истерику. Тогда уж не удастся отдохнуть...

Кора сказала, что устала, и уткнув клюв себе в грудь, задремала. Ей снилось, что она летит над лежащим на земле космическим кораблем, а за ней гонится с ножом Грегг, и она знает, что он хочет отрезать ей голову.

Какие-то голоса мешали спать и в конце концов заставили ее очнуться. За окнами палаты было темно — уже наступил вечер. Редкие снежинки неслись по синему фону.

В палате стоял доктор.

— К сожалению, — повторял он, — я должен ее разбудить.

— Нет, не беспокойте ее, она так устала, — отвечал Орсекки. Цыплята пищали. Лампа горела под потолком.

— Что еще случилось? — устало спросила Кора.

— Грегг умер, — сказал местный врач.

— Он что-нибудь сказал? — спросила Кора, поднимаясь — сна ни в одном глазу.

— Он говорил о ненависти к курам... В общем это был бред.

— Правильно, — сказала Кора. — Это был бред. Но у меня есть пленки, где он стреляет в меня из охотничьего бластера.

— Я знаю, — сказал врач. — Пленки уже проявлены и отпечатаны. Убийца профессора известен. Вы можете собираться в обратный путь.

— Его обыскали?

— Да, — ответил местный врач и вынул из кармана фотографию, найденную Корой в кабинете профессора, из-за которой она чуть было не погибла.

— Что это? — спросил Орсекки. Он нервничал. Он чувствовал, что происходит нечто интересное, но его в это не посвящают.

— Завтра, завтра, все завтра, — повторяла Кора, не в силах побороть усталость.

— Это очертания "Небесной птицы"! — воскликнул Орсекки. — Где она?

Кора махнула крылом, чтобы врач ушел из палаты. Тот подчинился.

Орсекки размахивал фотографией перед ее клювом. Кора спрятала голову под крыло и больше не отзывалась на вопросы.

Кора проснулась рано.

Птенцы еще спали. В палате горел свет, и Кора заметила, что цветные перышки на ее детишках подросли и стали еще ярче.

Орсекки не спал. Он по-птичьи сидел у двери и ждал пробуждения Кору, не спуская с нее страстного взора.

Как только он заметил, что она открыла глаза, сразу заговорил:

— Я не спал всю ночь! Что случилось? Ты должна мне открыться. Я не могу больше терпеть.

Кору стало жалко петушка.

— Твой шеф в отличие от тебя, — произнесла она, — умел летать. А умеющий летать имеет преимущества — у него шире кругозор.

— По-своему ты права, — осторожно согласился с ней Орсекки.

— Профессор Гальени поднялся над плато, — продолжала Кора, — как только предположил, что корабль "Небесная птица" нашел здесь свое смиренное кладбище.

— Разумеется! — замахал крыльями Орсекки. — Как же я не догадался!

— Потихе, детей разбудишь!

— Ах, как же я не сообразил! Он говорил мне, и не раз, что лагерь экспедиции, который мы раскапываем, необычен. Здесь слишком много предметов, нужных на борту. Он подозревал, что, корабль потерпел здесь крушение, но я не принимал его слов всерьез, потому что... прости, я привык считать его выжившим из ума стариком, никому не нужным маразматиком!

— Почему ты не летаешь? — строго спросила Кора.

— Потому что летать неприлично!

— А он плевал на приличия. Понимаешь теперь, почему Гальени-папа вышла замуж за него, а не за тебя!

— Не лги! — закричал Орсекки и конечно же разбудил цыплят.

Они уже начали привыкать к тому, что взрослые — что ни ночь, скандалят, но не могли полностью игнорировать этот шум и тут же вплели в него свои возмущенные голоса.

Кора расправила крылья и накрыла ими детей. Потом сунула клюв под крыло и принялась гладить детей по маленьким перышкам. Те умерили крик.

Занятая своими милыми крошками, Кора плохо слушала монолог Орсекки, который упрекал ее за то, что она скрыла от него правду.

— Я разрываюсь между любовью к тебе и страстью к археологии! — заявил он.

— Хочешь знать, как погиб твой учитель?

— А ты знаешь? — Орсекки закрыл глаза.

— Я могу предположить. Я понимаю, как счастлив был профессор, сделав великое открытие. Но ему предстояло поставить в известность местную администрацию. И Гальени отправился к Греггу со своей новостью и фотографией.

— Нет, не верю, — усомнился сказал Орсекки. — Как же так? Мы же коллеги! Он мой учитель. Почему он скрыл это от меня?

— Может быть, он был на тебя за что-то сердит?

— Он? На меня? — задав два риторических вопроса, археолог почему-то насупился и замолчал. И Кора поняла, что попала в десятку — между археологами пробежала какая-то черная кошка.

— Ты слушаешь? — спросила Кора.

Орсекки молча кивнул.

— Профессор Гальени вернее всего ничего не знал о том, что на месте раскопок планируется построить гостиницу. Когда же Грегг ан-Грогги услышал о находке профессора и поверил в нее, он впал в такой гнев, что решил убить профессора. Он выследил его на раскопках и нанес ему смертельный удар...

— Но почему? — вдруг спросил Орсекки. — Неужели он был таким злым?

— Нет, — ответила Кора, поглаживая по головкам притихших птенцов, — он не был жестоким, но он был смертельно испуган. Он погряз в долгах — гостиница была единственным способом от них избавиться. Он был в гневе, потому что рушилось дело его жизни.

— Но наша цивилизация...

— Поверь, Орси, ему было плевать на вашу цивилизацию.

— Как ты груба, Кора, — вздохнул петушок. И он был прав.

Наступила тишина. Даже цыплята замолкли, как бы понимая, что у взрослых важный разговор, мешать нельзя.

— Да, — произнес наконец местный врач, который незаметно вошел в палату и остановился в дверях, слушая версию Кору. — Все, что ты рассказала, великолепно. И ты разгадала мотивы, действия, последовательность событий... Хотя допустила одну ошибку.

— Какую? — Коре был неприятен настойчивый взгляд маслянистых глаз Мурада.

— За ночь мы проверили действия и передвижения Грегга ан-Грогги в тот день. И выяснили... — местный врач сделал значительную паузу. — Выяснили, что администратор Грегг ан-Грогги прилетел с дальней шахты "Звездочка" через три часа после того, как профессора убили. Причем он летал к шахте не один, а с надежными свидетелями. Свидетели показывают, что при получении известия о смерти Гальени администратор в сердцах воскликнул:

— Судьба меня хранит! Я думал, что убью его или погибну сам.

Он был весел и не скрывал своего хорошего настроения.

— Не может быть, — упавшим голосом произнесла Кора. — Но ведь он в меня стрелял...

— Когда появилась ты, — сказал местный врач, — и начала распутывать это дело, он испугался не за то, что его объявят убийцей профессора. Он боялся, что ты раскроешь тайну небесного корабля. Что тогда строительство прикроют. А раз профессор был кем-то убит, то Грегг принялся за тебя — все равно спишут на действительного убийцу.

— А кто же убил профессора? — наивно спросила Кора.

И тогда местный врач ответил:

— Вот это и есть твоя работа. Подозреваемых осталось совсем немного. Ищи, да обрящешь.

— Подозреваемых вообще не осталось, — сказала Кора.

— Но корабль на самом деле существует? — упавшим голосом спросил Орсекки.

— Существует, существует.

— А как его увидеть?

— Крылья есть — летай.

— Я не умею.

— Все мы умеем. Только одни очень хотят, а другие очень боятся.

— Хорошо, — сказал Орсекки и направился к двери.

— Но если я упаду с гигантской высоты и разобьюсь в лепешку, ты будешь нести за это моральную ответственность.

— А ты для начала летай пониже, — ответила Кора, не скрывая издевки. Но Орсекки ее не уловил.

* * *

Скептически взглянув на растерянного Орсекки, местный врач загадочно произнёс:

— За счастьем надо летать!

— Не преувеличивайте, — сердито отозвался археолог.

Местный врач подмигнул Коре и, сославшись на срочные дела, покинул палату.

— Ты мне не поверил? — спросила Кора ассистента, статуей растолстевшего командора торчавшего в углу.

— Я давно подозревал, что все это плохо кончится, — сказал археолог.

— Ты имеешь в виду смерть профессора?

— Смерть профессора — наименьшая из бед, — отрезал археолог, и вдруг Кора увидела, как из его черного глаза по перышкам сползает, скатывается, падает на клюв и оттуда на пол — большая слеза.

— А что же хуже?

Орсекки ответил не сразу. Пока он собирался с силами, птенцы атаковали Кору, требуя завтрака. Кора насыпала им в миски зерна и выставила плошку с водой. Малыши возились, отталкивали друг дружку и весело пищали — они были такие милые и забавные! Кора подумала, что уже научилась различать их — нет, не только внешне, по цвету первых перышков, но и по их разному характеру — по индивидуальности, если можно говорить о ней применительно к недавно вылупившимся малышам. Вот Чук — золото пробивается на грудке, вороная масть на хвостике — самый крепкий, шустрый, активный и независимый. Он всегда опережает рыженького Гека, но тот и не лезет в драку, а тихо ждет своего часа — впрочем не отказывает себе в удовольствии незаметно подобраться и клюнуть брата в пушистый зад. А Мила никогда не опускается до дележа добычи, она — будущая певица, создание романтическое, впрочем, это осознают и братья, уступая ей место у миски или под маминым боком... под маминым боком, то есть под моим боком... что я несу! У меня же нет детей. А почему нет? Надо, пора заводить ребенка. Чтобы он был пушистый и желтенький... Ты с ума сошла, инспектор Орват! Твое настоящее человеческое тело не несет яиц!

— Я тебе отвечу со всей искренностью, — услышала Кора рядом голос Орсекки.

Не отрывая взгляда от малышей, Кора кивнула, приглашая Орсекки к монологу.

— Теперь, когда все уже позади, когда корабль найден... я думаю, что наше с тобой присутствие здесь более необязательно.

— Ты так думаешь? — удивилась Кора. — А я была убеждена, что тебя назначат начальником экспедиции. Археология — твоё призвание.

— Во-первых, никто не оставит меня начальником *такой* экспедиции: сюда, как даже тебе ясно, примчится половина Академии наук и меня затрут крыльями, разорвут шпорами. Но не в этом дело!

— А в чем?

— А в том, что я не могу с тобой расстаться.

— Орсекки, милый, ты неизбежно со мной расстанешься! Ты же забываешь, что я только кажусь твоей... Гальени-папа. Я покину это тело и оно перейдет к какой-то даме с вашей планеты, которая в нем нуждается.

— Этого я не могу допустить! Мало ли кто это будет! И даже если тело не разберут на запасные части...

— Будем надеяться на лучшее.

— Мне не на что надеяться! Мне ничего больше не нужно, моя *papa*!

— Я — Кора Орват!

— Да ты погляди на своих детей, на детей, которых ты выносила и снесла! Как они тянутся к тебе, как они признали в тебе свою маму!

— Это не я, а мое тело!

— Посмотри, что делает твое крыло! Правое крыло! Правое крыло нежно гладило по головке прижавшуюся к боку Кору Милочку. Кора убрала было крыло, но спохватилась: это же ничего не меняет!

— Это ничего не меняет, — сказала Кора.

— Это меняет! Я люблю тебя и только тебя!

— Господи, еще этого мне не хватало. И давно ты меня любишь?

— С того момента, как я прилетел сюда.

— То есть ты любишь не меня, а мою... предшественницу?

— Да. Всех вас. И тебя, и предшественницу! Но сейчас существуешь только ты! И если ты не согласишься улететь отсюда вместе со мной, то я тебя убью.

— Еще этого не хватало! А как же дети?

— Наши дети улетят с нами.

— Что ты имеешь в виду?

Тут подошла очередь Орсекки разводить крыльями.

— Разве у вас в школе не проходят элементарную генетику?

— Причем тут генетика?

— А при том, что твой покойный муж Гальени был белым петухом! А при том, что я — золотой с черным. Что ты — пеструшка! Ты посмотри на наших детей! Среди них есть хоть один белый? Нет, и быть не может!

— Ты хочешь сказать, что я тебе... то есть с тобой изменяла моему покойному мужу?

— Откуда у тебя такой тон? — произнес Орсекки и расхохотался. — Ты же сама твердишь, что живешь лишь в чужой оболочке. Почему тебя вдруг заинтересовало, с кем целовалась твоя оболочка до того, как ты ее надела?

Кора потупилась. Разумеется, она была не права. Но разве объяснишь этому толстяку, что несмотря на сильное влияние тела, Кора сохранила свои вкусы, и эти вкусы склонялись более к мужчинам земного типа, чем к петухам с планеты Ксеро. Что мысль о том, чтобы этот петух... нет, увольте!

— Ты уверен, что это твои дети? — спросила Кора, поглаживая Милу по пушистой головке.

— Да! Это наши родные, общие, замечательные дети!

— Может быть ты возьмешь их себе на воспитание? У тебя же есть какие-то родственники, которые тебе помогут.

— И публично признаюсь, что я обладал женой моего начальника? Как я могу!

— Не знаю...

— Это скандал, это больше, чем скандал!

Вытирая слезы, Орсекки покинул палату.

Кора осталась с сиротками, которые оказались не только сиротками, но и бастардами — то есть незаконными детьми матери-одиночки с чужими мозгами. С ума сойти!

Эта печальная мысль повлекла за собой другие, и Кора, забыв о детишках, которые, сытно накушавшись, устроились у нее под боком, стала рассуждать о том, что в сущности все преступления мира совершаются либо из корысти, либо по любви.

Преступление Грегга ан-Грогги было вызвано корыстью. Для него делом жизни было строительство гостиницы. И даже если он не успел убить профессора, то он к этому был готов, по крайней мере, он принял все меры, чтобы отправить на тот свет Кору.

Но если допустить, что страсти правят бал не только среди людей, но и среди других разумных существ, которые обладают иным обликом, то в известном нам кругу действующих лиц сразу появляется новый кандидат в убийцы.

А что, если человек-зайчик по имени Хосе не лгал?

Что, если действительно пух и перья профессора достались ему случайно? И что если телефонный звонок — не его изобретение?

На Земле такое невозможно. Если у твоей возлюбленной-китайки родился ребеночек с голубыми, как у тебя, глазками, тогда как все ее близкие тоже китайцы, то глазки ему не перекрасишь. А уж тем более не перекрасишь их китайскому мужу любовницы.

Но допустим, что члены комиссии с планеты Ксеро не вспомнят о расцветке оперения профессора. Перьев нет, все забыто... Тогда у безумного любовника появляется шанс?

Убедившись, что малыши крепко спят, Кора прошла в ординаторскую, где местный врач с медсестрой играли в шашки, и связалась с ИнтерГполом. Она задала два вопроса.

Первый вопрос: Были ли у профессора Гальени какие-нибудь родственники на его родной планете Ксеро, которые желают получить его тело?

Второй вопрос: Каковы семейные правила и порядки на Ксеро? Насколько крепка там семья, насколько отрицательно общественность относится к прелюбодеянию и каков статус незаконных детей?

В Центре очень удивились, но обещали вскорости прислать ответы.

Ответы пришли даже раньше, чем было обещано. После обеда. Первый ответ: У профессора Гальени нет родственников. Никто не ждет возврата его тела. Более того, решено после окончания следствия похоронить профессора на месте, где он совершил свое великое открытие.

Второй ответ: Семейное право находится во власти традиций. Семья считается священным институтом. До последнего времени соблазнитель подвергался суровому наказанию, вплоть до смертной казни. И сегодня он становится парией, теряет работу и положение в обществе. При конфликтах и спорах об отцовстве решающую роль играет цвет оперения птенца. Есть легенды о возлюбленных, которые всю жизнь скитались в диких местах, скрываясь от наказания.

— Ты удовлетворена? — спросил местный врач.

— Еще не знаю, — ответила Кора.

— А мне он всегда не нравился, — сказал врач.

— Что ты понимаешь в любви! — в сердцах ответила Кора. Она была огорчена. Бывают случаи, когда врач, узнав, что его диагноз точен, предпочитает ошибиться.

— Будешь его допрашивать? — спросил местный врач. У него была неприятная манера потирать ладони.

— Я буду вести расследование дальше, — сказала Кора.

— Не вздумай отправиться к нему одна, — предупредил местный врач, когда Кора попросила его или медсестру присмотреть за малышами. — Если ты окажешься там без свидетелей, а он догадается, что ты его разоблачила...

— То он меня заключет?

— Не пытайся меня смешить. Он уже заклевал профессора.

— Ко мне он относится иначе.

— Так арестуй его сначала, а потом допрашивай!

— У меня нет никаких доказательств. Только догадки. И я не получу доказательств, а тем более признания, если он будет настороже.

— Тогда хоть возьми пистолет.

— Я возьму диктофон. Он будет приклеен лентой вот здесь... — Кора приподняла левое крыло и приспособила под него клейкой лентой маленький диктофончик. — Если со мной что-нибудь случится, ты знаешь, где искать.

Будто сообразив, что мамочке грозит опасность, птенцы подняли громкий писк. Кора приласкала их.

Она отправилась на раскопки пешком — десять минут от больницы. На улице было холоднее, чем вчера, по земле несло пыль, в небе появилась снежная белизна. Кора перед отлетом сюда прочла, что курицы живут на Ксеро в полосе теплого климата, там не бывает морозов. Но если наступают холода — как они укрываются от них?

Зайчик-Хосе выглянул из дверей магазина "Натуральный продукт" и вежливо, не без робости, раскланялся с сыщиком.

— Здравствуйте, — сказала Кора. — Я как раз собиралась к вам заглянуть.

— Добро пожаловать, — без энтузиазма произнес Хосе, обнажив верхние резцы. — Я всегда рад.

— Не беспокойтесь, — сказала Кора. — Я проверила ваши показания и думаю, что вы мне не лгали.

— Я никогда никому не лгу! — радостно воскликнул Хосе. — У меня дети растут! И когда вы узнаете, кто тот мерзавец, который ощипал господина профессора, отдайте его мне, я его разорву на куски собственными руками. — Хосе протянул к ней тонкие руки.

— Хорошо, — согласилась Кора. — Я ему передам ваше желание.

Пока Хосе переваривал ее обещание, не зная, хорошо ли, что инспектор поняла его буквально, Кора проследовала дальше.

На ближних подступах к раскопкам она увидела небольшое облако холодной пыли, которое, когда она подошла вплотную, оказалось мальчиком Хосе-джуниором, убегающим от археолога Орсекки. Почему-то у мальчика был длинный желтый хвост.

— Как ты смеешь! — кричал археолог. — Ты не уйдешь отсюда живым!

Хосе-джуниор, увертываясь от археолога, перепрыгивал через траншеи и кричал в ответ:

— А вам чего? Жалко, да?

— Убью! — кричал Орсекки.

Еще мгновение — и когти разъяренного Орсекки, кричавшего что-то угрожающее, вцепятся в затылок мальчишки, но тот, увидев Кору, с криком: "Тетя, спаси!" кинулся к ней под крыло.

Орсекки не успел остановиться и врезался в Кору. Но она удержалась на ногах и даже не дала в обиду Хосе-джуниора.

— Что здесь происходит? — спросила она по мере сил грозно.

— Я его убью, — ответил, переводя дух, археолог.

— Да я всего два перышка вытащил! — ответил мальчик, показав два золотых пера Орсекки.

— И зачем же ты хулиганишь? — спросила Кора.

— Я не хулиганю! — возразил сорванец. — Я папе

помогаю. У нас на натуральный продукт всегда покупатель идет. Людям надоела синтетика, честное слово. А меня воспитывать, вы думаете, — легко? А за мной еще трое — мал-мала меньше и все жрать просят.

— Нет, ты представляешь! — Орсекки уже взял себя в крылья и говорил чуть спокойнее: — Ты представляешь: я работаю, завершаю раскопки, а этот негодяй подкрадывается сзади и вырывает у меня перья!

— Я же не все! — ответил мальчик. — Я немножко.

— А ну, отдай!

— И не подумаю! — закричал мальчишка. — Вы, тетя Кора, его придержите, а я домой побежал, мне обедать пора.

Он кинулся со всех ног к городу, а Кора и в самом деле постаралась удержать археолога, но забыла об эффекте своего прикосновения. Тот буквально затрепетал и прижался к ней своим горячим телом.

— Любимая! — клокотал он горлом. — Мое счастье! Ты обнимаешь меня?

— Ни в коем случае! — ответила Кора, хотя ее куриное тело жаждало ласки археолога. — Отойди на шаг, нет, лучше на два.

Археолог всхлипнул и отошел.

— А теперь скажи мне, только честно, ты меня, то есть госпожу Гальени-папа, любил?

— Любил и люблю. Ты об этом знаешь.

— У меня родились твои дети?

— У тебя родились наши дети, — уточнил археолог.

— Но разве это не грозит большими неприятностями?

— О, не говори! Об этом даже страшно подумать!

— Именно из-за этого ты ошипал тело профессора Гальени?

Археолог вздрогнул, как от удара током.

— Ты знаешь об этом?

— Боюсь, что об этом завтра узнают все. Ты, как всегда, не аккуратен.

— Но что я сделал не так?

— Ты не смог изменить свой голос, ты оставил на мешке отпечатки пальцев... тебя видели, наконец, когда ты подвозил мешок к заднему ходу магазина. — Кора лгала, полагая, что хоть в чем-то она попадет в цель. А Орсекки был в таком состоянии, что не мог возражать...

— О, ужас! — прошептал он. — Я попался...

— Ты так надеялся, что никто в комиссии не вспомнит, какого цвета было оперение профессора?

— Это было наивно, — сказал петушок. — Но я находился в таком нервном состоянии, что не смог придумать ничего лучшего. Я выкрал тело профессора, ощипал его и спрятал в болоте. А перья решил спрятать в подушках магазина...

— И все неаккуратно, непрофессионально, — презрительно произнесла Кора. — Лучше бы и не начинал. Ну какой из тебя преступник? А куда ты его фотографию дел?

— Я ее закопал. Он же на ней весь белый! Я не гожусь даже для этого...

— К тому же, я считаю, что ощипать и выкинуть своего учителя, знаменитого профессора, — акт чудовищного цинизма, — заключила Кора.

— Я его ненавидел! — громко заявил петушок. — Я его ненавидел за то, что он купил тебя, несмышленишастудентку, затащил как паука, в свою спальню! Он не имел права владеть тобою! Он не имел права жить! И я должен признаться тебе, любимая, что ошипывая этого старого развратника, я испытывал наслаждение — наслаждение мстителя!

— А когда ты его убивал, то тоже испытывал наслаждение? — спросила Кора в том же тоне, надеясь, что он сразу признается.

— Я его не убивал, — просто ответил археолог.

— Ну, ну, — мягко укорила его Кора. — Ты же во всем уже сознался. Осталось совсем немного. Ты только

расскажи мне, как ты подкрался к профессору и с наслаждением вонзил ему в шею нож.

— С наслаждением?

— С таким же, как ошипывал его.

— Нет! Нет, только не это! Я ошипывал его мертвого, это совсем другое. Но убить его я не смог. Я пытался..., я хотел, ты же знаешь! Когда я узнал, что ты беременна от меня, когда я понял, что вылупятся цыплята наших с тобой цветов, я понял, что придется от него избавиться...

— Иначе тебя выгонят с работы.

— И не только это! Я стану отверженным...

— А, когда ты понял это, то взял нож и пошел за профессором?!

— О, нет! Не надо! — археолог бросился бежать от Кору. — Я не могу смотреть тебе в глаза!

— Нет, ты признайся! — кричала, догоняя его, Кора.

— Ты это сделал?

— Если ты... если ты, любимая... — тут он сильно взмахнул крыльями и неожиданно для Кору, а возможно и для себя самого, взмыл в небо.

Он летел вдаль, над пропастью, над рекой и до Кору донесся его прощальный крик:

— Если ты так считаешь, то я согласен! Я убил профессора! Я убил его!... Убииииииииил...

— Иииил! — подхватило эхо.

— Убил, оказывается, — сказал мальчик Хосе-джуниор, который никуда не убежал, а стоял неподалеку, держа в руках два выдернутых из Орсеки пера, два золотых пера, каждое размером с мальчика.

— А ты что здесь делаешь? — грозно спросила Кора. Этот свидетель ей был не нужен. Еще пойдут сплетни...

— Не бойся, тетя Кора, — сказал мальчишка, который был очень сообразительным. — Я никому не скажу. Рано еще, да?

— Рано, — сказала Кора.

— Но когда будет нужно, ты меня позови, я, где надо,

выступлю свидетелем. Собственными ушами слышал, как этот чайник сознался.

— Хорошо, — сказала Кора. Ей было ужасно жаль молодого археолога. До слез жаль. Преступление страсти — все равно преступление. И без сомнения, на родной планете его ждет горькая судьба... если не гибель. И зачем только я избрала такую жестокую профессию? Кто дал мне право решать, жить или не жить этим существам, которые полюбили друг друга... Но Кора преодолела минутную слабость. Она подумала, что ради собственного счастья совсем не обязательно убивать старого мужа своей любовницы.

— Ничего, — сказала Кора вслух. — Справедливость должна восторжествовать.

— Справедливость? — спросил Хосе-джуниор. — Где вы ее видели, тетя?

— Но ведь мы с тобой хотим ее торжества?

— Разве? — удивился мальчик. — А я думал, что не хотим.

— Как так?

— А я видел, — сказал мальчик, глядя в землю. — Я видел, как этого профессора кокнули. Я же всегда возле ошиваюсь.

— погоди! — попыталась остановить мальчика Кора. Но тот во всю прыть припустил к городу. За ним струились по ветру золотые перья из хвоста убийцы.

* * *

Ну вот, рассуждала Кора, шагая по центральной улице городка и автоматически раскланиваясь с прохожими, ну вот, мы и завершили дело. Оказалось, что это не преступление ради корысти, а преступление ради любви.

И чего мы добились?

Мы добились того, что отныне в мире на трех сирот

стало больше. Ведь совсем необязательно новая обительница тела их мамы, если такая найдется, а тело не разберут на детали, будет с ними так же нежна и заботлива, как чужая земная женщина Кора Орват.

Первые снежинки кружились в воздухе. Еще неделя-другая и снег пойдет пеленой и засыпет раскопки, город и всю планету. То-то будет нелегко комиссии с Ксеро.

Кору начала грызть тревога — ей стало страшно за детей. Бывает же материнское, ничем необоснованное предчувствие... Нет, больше она здесь быть не могла.

Она побежала по улице, размахивая крыльями...

Навстречу ей мчался Орсекки. Он тащил колоссальных размеров узел из нескольких простыней. За Орсекки неслись, обгоняя друг дружку, местный врач и шесть или семь медицинских сестер.

— Стой! — закричала Кора.

— Это мои дети! — завопил в ответ совершенно рехнувшийся археолог.

Кора уже знала, что сейчас произойдет! Куры учатся летать!

Разбегаясь все больше, Орсекки начал бить крыльями по воздуху, оторвался от земли и даже смог набрать некоторую высоту.

Ни одного вертолета рядом не было.

Коре пришлось самой стать истребителем-перехватчиком.

Она поднялась в воздух и вскоре настигла Орсекки, который держал курс к горам.

— Ты что делаешь? — спросила она на лету.

— Тебя не касается, — глухо ответил он. Говорить Орсекки было трудно, потому что он держал тюк в клюве.

— А что ты тащишь? — спросила Кора.

— Тебя не касается.

— Если это дети, то ты подвергаешь их страшному риску!

— Меня все предали! — сообщил Орсекки.

— И что ты намереваешься делать?

Тюк затрепетал в клюве, норовя вырваться. Никаких сомнений не оставалось — преступник похитил своих детей и готов их погубить, только бы не отдать в чужие руки.

— Я их сам воспитаю, — невнятно ответил Орсекки.

— На морозе? В горах?

Орсекки выбился из сил... Он судорожно колотил крыльями по воздуху, но они уже не хотели его держать — с каждым метром он терял высоту. Кора летела рядом, стараясь придержать клювом тюка, — она боялась, что тюк выпадет и дети разобьются о камни вниз.

Но каким-то отчаянным усилием Орсекки удержал тюка, и они вместе опустились в лощину между скал — не очень далеко от города, но невидимые оттуда.

Орсекки упал на спину и хватал воздух широко раскрытым клювом. Из его горла вырывался хрип.

Кора сразу же развязала тюка, и перепуганные цыплята забились под ее бок, спасаясь от холода и страха. Как жаль, что птицы не выкармливают детей грудью, пожалела Кора. Я бы сейчас покормила и успокоила их.

— Все это глупо, — сказала Кора. — Ты только погубил бы детей.

— Но я не могу так больше жить... я не могу.

— Не надо было убивать профессора Гальени, — сердито сказала Кора.

Орсекки приподнял голову. Он смотрел на Кору отчаянным взглядом.

— Клянусь тебе здоровьем наших детей, — воскликнул он. — Клянусь всем святым! Я не убивал профессора!

— Ах, оставь, — сказала Кора. — Завтра ты скажешь, что не уносил на верную гибель своих цыплят.

— Я не хочу жить...

— Теперь это самое легкое.

— Ты мне не веришь или не хочешь верить?

— Ты единственный, кто хотел убить профессора...
Ведь ты хотел?

— Хотел.

— И единственный, кто имел такую возможность. Имел?

— Имел. Но не убивал!

— Может, ты даже знаешь, кто убил?

Последовала длинная зловещая пауза...

— Ну говори же наконец! Мне надо детей обратно нести.

— Знаю, — тихо сказал археолог и заплакал.

Таким Кора его и оставила.

Она загнала детей в тюк и с невероятным трудом донесла его до города.

На окраине она не выдержала и буквально рухнула у крайнего дома. Ее страшно беспокоило здоровье малышей. Как бы сиротинушки-кровинушки ее не схватили простуду.

Цыплятки выползли из тюка. Они тоже настрадались и потому были непривычно тихи и малоподвижны. Вот Чук и Гек с золотыми и черными перьями, а вот пеструшка Мила...

Как она их всех любит... Ради них она готова на все. Такова доля женщины... ради любимых пойти на все.

По улице несли Хосе-джуниор.

— Тетя Кора! — закричал он. — Что случилось? Все бегает, по телефонам звонят. Говорят, ваших детей украли, а то и вас убили.

— Ничего, обойдется.

Цыплята при виде Хосе оживились и потянулись к нему. Они еще не видели таких маленьких людей, и Хосе им понравился.

Они тоже понравились мальчику.

— Во, никогда не думал, что цыплята такие бывают, — сказал он. Потом пригляделся к Чуку, который пытался склонуть с его куртки яркий значок, и произнес: — Ну точно, ихний папаша!

— Ты и это знаешь? — удивилась Кора.

— Угу, — сказал парнишка и побежал по улице, Чук

за ним. Они бежали по кругу. Потом за ними побежал и Гек. Только Мила осталась возле матери.

Кора понимала, что Орсекки не лгал. Он не убивал профессора.

Или ему кажется, что он не убивал профессора.

Да, он в истерике, он почти лишился рассудка — но не от страха, а от обиды...

— Стой! — закричала Кора громко. Так, что мальчик и цыплята замерли. — Стой, Хосе! Ты же сказал мне, что видел, кто убил профессора?

— Конечно видел, — ответил мальчик.

— Так чего же ты скрывал правду?

— А кто меня спрашивал? Сам я в куриные дела не лезу. И папаша мой меня учил — если у соседей проблемы, пускай они их и решают — у нас своих проблем хватает. Правда, тетя Кора?

— Так расскажи мне, как он его убил.

— Кто убил?

— Расскажи мне, как археолог Орсекки убил нашего профессора.

— А при чем тут Орсекки?

— Ну, он же убил профессора! Он в этом сознался.

— Сознался, сознался, а что ему оставалось делать?

Мальчик подошел к Коре, обнимая за шею цыпленка. Цыпленок вырывался, но не сильно.

— Не говори загадками! — закричала Кора.

В тот момент она уже догадалась, кто убил профессора — кто имел и основания, и желание, и даже необходимость убить профессора. Но разгадка была столь необычной для Кору как для инспектора ИнтерГпола, что она никак не могла в нее поверить.

— Так вы же знаете, — сказал мальчик.

— Потому и прошу тебя сказать, что знаю, — сказала Кора. — Мне нужно твое независимое мнение.

— Ну, вы, тетенька, и убили, — сказал мальчик.

— Правильно, — согласилась Кора. И бессильно опустила на холодную землю.

Кора привела в больницу малышей, включила электрокамин, накормила, напоила, уложила спать свой детский сад. Тем временем местный доктор с помощью шахтеров отыскал в горах замерзшего и обессиленного Орсекки.

Его тоже привели в палату, кормили, согревали, утешали.

— Ты хоть Расскажи, как все произошло, — попросил Кору доктор.

— Эта ситуация многократно описана в художественной литературе. И обычно она заканчивается трагически.

— Попроше можно? — перебил врач. Но одна из медсестер, стоявшая в дверях, укоризненно произнесла:

— Мурадик, не старайтесь показаться циником.

— Гальени-папа понимала, что когда она снесет яйца и из них вылупятся птенцы, ее тайна станет известной всему свету: расцветка птенцов почти наверняка выдаст настоящего отца. В ином обществе она смогла бы найти выход — уехать, развестись...

— У нас это невозможно! — горько произнес Орсекки.

— Рождение детей ставило под угрозу судьбу, любимую работу, карьеру ее возлюбленного.

— Это так, — согласился Орсекки.

— Как можно было его спасти?

— Неужели она на такое решилась?! — ахнула медсестра.

— Да, — сказала Кора. — Молодая женщина подстергла на раскопках своего нелюбимого старого мужа и убила его.

— Лучше бы это совершил я! — произнес Орсекки.

— Она не знала, что за ней наблюдал мальчик Хоседжуниор, очень хитрый, себе на уме мальчик.

— Да, я себе на уме, — признался Хосе, который сидел среди цыплят и потихонечку щипал из них пух для папиного магазина. — Я там ошивался, как всегда, думал, чем поживиться. Я такой, я деловой. И вижу, как тот старый петух, который над площадкой каждый день летал и сверху снимки делал, к обрыву идет. А молодая курица, эта самая, — он показал на Кору, — за ним топает. И как-то так топает, что я сразу за палатку спрятался. Смотрю, у нее нож в когтях. Сзади подобралась, ножиком его по шее — вжик! Тот с катушек долой!

— Мальчик, говори культурно, — попросил его местный врач.

— А я культурно, — ответил мальчик без тени уважения к старшему. — У меня своя культура... Значит профессор с катушек долой, а тетя Кора, простите, его жена, кааак упадет на его тело и как завопит: "Прости, меня! Зачем я это сделала!". А тут бежит вот этот, — мальчик показал на Орсекки. Бежит и кудахчет: "Что такое, что такое?"

— Вы ужасно выражаетесь, — сказал Орсекки.

— Ладно уж, — мальчишка чувствовал, что находится в центре внимания, потому он был неуправляем. — Как умею, так и рассказываю. Значит, добежал этот самый до убитого и начал свою бабу успокаивать. "Не тужи, говорит, никто не узнает"... ну и так далее. Как в детективном романе.

— Она так казнила себя! — сказал Орсекки. — Я не мог ее успокоить. Я ее уговаривал, чтобы она берегла себя хотя бы ради наших детей. Но она боялась, что когда дети родятся, они все равно меня выдадут своей окраской. Нет, она готова была на все ради меня...

— Тогда и последний акт драмы мне становится понятен, — сказала Кора. — Гальени-папа узнала, что приезжает инспектор, и поняла, что я могу распутать это дело и погубить... нет, не ее, а Орсекки.

— Да, — согласился археолог, — она мне об этом

говорила в последний день жизни. Но я опять не уследил за ней.

— Она отправилась на космодром, — продолжала Кора. — Она подложила бомбу в кадку с пальмой. Она нажала на кнопку, когда я поравнялась с пальмой. Все получилось, как она и рассчитывала... Но нервное напряжение последних дней было таково, что у нее разорвались сосуды в мозгу — она не могла больше жить.

— Она не хотела жить, — поправил Орсекки.

— А так как никто не подозревал в покушении несчастную вдову, то не догадались обыскать ее сумку, где был спрятан миниатюрный передатчик. И если мы осмотрим сумку сейчас, то найдем это взрывное устройство

— Нет, не найдете, — сказал Орсекки. — Я его выкинул...

И все замолчали.

Ибо ужасно было преступление, но и ужасна судьба той, кто его совершила.

— Она так и не увидела своих детей, — произнесла, наконец, медсестра.

— Мы с папашей возьмем их к себе в магазин — вот реклама будет! — обрадовался Хосе.

— Ни в коем случае! — ответила Кора. — Вы же их поджарите!

Может это была злая шутка, а может и нет. Но все обиделись на Кору. Нельзя быть такой неделикатной в такой деликатный момент.

— Я им дам лучшее образование, — решительно заявил тогда Орсекки. — Я посвящу остаток своих дней работе о детях...

— Но вам будет нелегко на вашей планете, — сказал местный доктор.

— А я не намерен на нее возвращаться, — ответил Орсекки. — Мы будем жить в Галактическом центре. Там можно затеряться...

— Я помогу вам устроиться на первое время, — сказала Кора.

— Не надо, — возразил Орсекки. — Вы слишком напоминаете мне мою несчастную любовь.

— Не думайте, что я останусь в этой шкуре надолго, — ответила Кора. — В следующий раз вы увидите меня... более адекватной себе.

— А может быть останетесь в этом теле? — робко попросил Орсекки. — Мы с детьми вас будем любить...

— И не надейся, — вставил циничный мальчик Хосе-джуниор. — Она себе такое тело подберет, какое ни одной курице не снилось.

— Постараюсь, — коротко ответила Кора и погладила Чука по затылку.

Я — убийца, мысленно повторила она и обернулась к зеркалу. В зеркале отразилась добрая куриная физиономия.

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ПРОШЛОГО

Июль 2094 года на Вологодчине выдался неровным, скорее прохладным и дождливым, нежели жарким и сухим. Но немало случилось и теплых, солнечных дней.

В один из таких дней Кора Орват, впервые за два года вырвавшаяся на родину в отпуск, лежала на траве на берегу лесной речки Гусь, подставив северному солнышку красивое обнаженное тело. Будучи человеком принципиальным, Кора считала, что загорать в купальнике некрасиво, так как загар ложится неравномерно.

Деревня Пьяный Бор широко и вольно раскинулась по высокому берегу, дома в ней все как на подбор рублены из вековых сосен.

Вдоль берега медленно брело деревенское стадо.

Пастушок Витя, присланный родителями в деревню, чтобы побаловаться парным молочком, увидел лежащую в траве Кору и, подойдя к ней, спросил:

— Не холодно, Кора Игнатьевна?

— Мне приходилось лежать и на льду, — отрезала

Кора, которая не терпела назойливости. Она перевернулась на живот и стала рассматривать божью коровку, которая ползла вверх по травинке, а травинка все гнулась, да гнулась, пока божья коровка не упала на землю. Ей бы отыскать для восхождения травинку покрепче, а то и куст, но божья коровка, подобно человеку, снова полезла по той же самой травинке.

— Кора Игнатьевна, — спросил пастушок Витя, — а вы на Луне были?

— Была.

— А на Марсе были?

— И на Марсе была.

— А в Галактический центр летали?

— Летала.

Божья коровка уже добралась до середины травинки. Кора стала придерживать кончик травинки, чтобы она не согнулась. Ей было интересно узнать, какова конечная цель божьей коровки.

— А я в Галактический центр не летал, — сообщил Витя. — У вас на попке комар сидит.

Кора отпустила травинку, хлопнула себя, комар улетел, а божья коровка упала на землю. Кора поняла, что ненавидит пастушка.

— Кора Игнатьевна, а правда, что вы сыщик? — спросил пастушок.

Кора не ответила. Она снова придерживала конец травинки.

— Я думаю, что это правда, — сказал Витя. — Можно я вас шлепну, чтобы комара убить?

Кора поняла, что готова сдаться.

— Бей! — сказала она.

Важнее было узнать, чего же хочет божья коровка.

Витя размахнулся и с удовольствием шлепнул молодую женщину.

— Убил? — спросила Кора.

— Пятно осталось, — сказал Витя.

Божья коровка доползла до конца травинки, поду-

мала немного — то ли продолжить путешествие по пальцу Кору, то ли вернуться обратно. Потом, видно, вспомнила и, оттолкнувшись от травинки, упала на землю. Перехитрила Кору.

— А правда, что вы агент номер три Интергалактической полиции?

Божья коровка подошла к травинке и возобновила восхождение.

— И у вас наградной бластер с автографом президента Федерации?

— Иди, мальчик, иди, — сказала Кора. — Слишком любопытные пастухи долго не живут.

— А сколько они живут? — спросил Витя, но пошел прочь за коровами.

Ему было четыре года, и жизнь только начиналась.

Коре Орват было около тридцати, она уже потеряла четыре тела и пятое, выращенное из ее собственных, хранившихся в Первом отделе, клеток, было совсем новым. Физически оно на десять лет уступало хозяйке, а так как было материализовано лишь неделю назад, то еще совсем не загорело.

— Кора! — послышался голос бабушки Насти от крайней избы. — Куда ты запропастилась, противная девчонка? Немедленно обедать! Суп стынет.

Кора улыбнулась. Ах, как она истосковалась по родному бабушкиному голосу! Ведь это бабушка воспитала Кору после того, как пропали без вести ее родители. Каждое лето они всей семьей проводили здесь, в родной деревне, а на зиму переезжали в Москву, где Кору сначала отдали в детский сад, потом — в лицей.

Кора поднялась, накинула легкий плащ и побежала вверх по склону.

Баба Настя, отлично сохранившаяся стройная женщина семидесяти трех лет, без единого седого волоса, все зубы на месте, морщины — только в уголках глаз, уже накрыла стол. Теперь она хлопотала у печки, доставая оттуда горшочек с борщом.

Запах по комнате расходился — сказочный!

Кора забежала на минутку в туалетный блок, привела себя в порядок, затем зашла в свою спальню и мгновенно переоделась к обеду. Деревенская жизнь — деревенской жизнью, но опускаться нельзя! Тем более, если вспомнить, что фамилия Орват относится к старой шляхте из великопольского селения Кживда, а старая польская шляхта всегда переодевается к обеду.

Переодеваясь, Кора с любовью поглядела на портрет своего прапрадедушки Бронислава, активного участника польского восстания 1863 года, сосланного за это в российскую глухомань — деревню Пьяный Бор Великогуслярского уезда Вологодской губернии. Здесь пан Бронислав женился на русской девушке Параше, народил детей и прожил сто три года. На портрете кисти великого Выспанского бригадный генерал Орват был изображен в пике карьеры — на голове уланская рогатувка, усы достают до ушей, взгляд орлиный, ладонь на гарде сабли.

— Ну и что нового на работе? — спросила бабушка, усаживаясь напротив внучки.

Из гуманных соображений бабушке ничего не говорили о настоящих занятиях Кору.

Считалось, что Кора трудится юрисконсультантом в Галактическом центре, и потому ей приходится часто летать по делам в отдаленные районы Галактики.

— Мне так не хочется думать о работе, бабуся, — взмолилась Кора. — Дай мне насладиться беззаботной жизнью!

— Может быть, тебе лучше построить новую семью? — спросила бабушка, избрав другую линию нападения. — Остепенишься, заведешь детей, буду я с ними гулять...

— Одного раза достаточно! — отрезала внучка.

Первый брак Кору был неудачен, и она не любила о нем вспоминать.

Бабушка не стала настаивать. Она любовалась своей

внучкой и думала о том, что профессия юрисконсульта очень опасна для такой нежной девушки, как ее Кора. Как жаль, что Кора не стала литературоведом или математиком!

Нежное солнце проникало на веранду старого деревенского дома, нахальная оса кружилась над сахарницей, слышно было, как квохчут куры, как замычала на лугу корова и соловей в роще завел было песню, да спохватился, что день еще в полном разгаре: рано еще петь...

Кора была одета в простой, сшитый, правда, в Париже, сарафан, синий, в мелкий белый горошек, непослушные золотые волосы перехватывала голубая лента, узкое колечко с сапфиром было единственным ее украшением.

Такая нежная красавица — моя внучка, думала бабушка Настя. И как ей не повезло. Неужели она так и не отыщет себе достойного спутника жизни?

Чудесно, думала Кора, чудесно получить передышку, не чуют близкого дыхания преследующей смерти, не ощущать тягучий запах драконьей крови, не слышать, как визжат электронные стрелы и лязгают пули о бронежилеты. Да, пожалуй, зря я не стала математиком или энтомологом — почему бы мне не изменить жизнь? Ведь еще столько бабочек не описано и не изучено во Вселенной...

— Бабушка, — спросила Кора, — как ты относишься к энтомологии?

— Великолепно! — воскликнула бабушка, которая угадала, что в головке ее любимой внучки проносятся мысли о перемене специальности.

Малиновки мелодично перекликались в листве груш и яблонь. От реки доносился голосок пастушка Вити, который звал коров перейти в прохладу леса.

— Та-та-та-та, — мелодичным пулеметом завершал видеофон.

Кора глубоко вздохнула и пожалела о том, что не

успела сбежать в энтомологию. И судя по тембру видеофонного звонка, в ближайшие недели ей этого не сделать.

Не вставая из-за стола, Кора щелкнула пальцами, включая связь. На экране видеофона возникло мужественное загорелое лицо немолодого седовласого человека с ярко-синими смеющимися глазами и резко очерченными полными губами.

У бабушки дрогнуло сердце — неважно, что этот человек кажется немолодым — но какое благородство, какой мужественный облик! Пожалуй, такого мужа она пожелала бы своей красавице.

— Бабуля, — взмолилась красавица, — скажи, что меня нет дома.

Баба Настя никак не могла собраться с силами соврать в лицо такому человеку и конечно же упустила драгоценное время.

— Не трудитесь, Анастасия Тадеушевна, — сказал пожилой герой, — в вашем возрасте пора думать о боге, а не лгать первому встречному. Ваша внучка сидит справа от вас, и сейчас я ее вижу.

В этот момент аппарат видеофона повернулся так, чтобы Кора попала в поле зрения мужчины, чего видеофон никогда раньше не делал.

— Здравствуй, Кора, здравствуй, птичка, — произнес мужчина, с трудом удерживаясь от смеха.

— Ах, это вы, господин юрисконсульт! — воскликнула Кора, не делая попытки подняться. — Что заставило вас прервать свой послеобеденный отдых? Неужели в нашей конторе случилось нечто ужасное? Неужели кому-то надо мчаться в Антарктиду и подписывать доверенности?

— Ты права, Кора, — ответил юрисконсульт. — Тебе придется прервать отпуск и слетать на пару дней в Антарктиду.

— Ну уж, позвольте! — разобиделась баба Настя. — Какая еще Антарктида? Девочка только начала отды-

хоть. Лица на ней нет! Я буду жаловаться. И вас, милостивый господин, выгонят с работы.

— Я жалею обо всем больше вас, — признался юри-
сконсульт. — Но у вашей девочки замечательный по-
черк. Ей предстоит создать ряд документов. И прошу
вас — не сердитесь! Я клянусь, что Кора возвратится к
вам и к вашим знаменитым борщам не более, чем через
три дня.

— Ладно, бабуся, — сказала Кора, поднимаясь со
стула и целуя бабушку в щечку. — Я и на самом деле
постараюсь поверить этому хамелеону, обманщику ма-
лолетних, извергу Милодару. Но если он меня снова
обманет и я не вернусь сюда через три дня, то его внуки
скоро увидят труп любимого дедушки.

— Не говори так, Кора, это нехорошо! — всполоши-
лась баба Настя.

Но Кора не слышала ее, она уже прошла к себе в
спальню, за три минуты собрала походную сумку, пере-
оделась в дорожный комбинезон и укрепила на спине
автономный реактивджок.

Бабушка вышла на крылечко и воскликнула на про-
щание:

— Ты борщ не доела!

— Поставь его в холодильник, — отозвалась Кора.
Она спрыгнула с крыльца, пробежала, набирая скоро-
сть, мимо клумбы, мимо клубничных грядок, к открытой
калитке... взлетела, и взяла курс на Вологду.

* * *

Не спеша пролетая над густыми лесами, с таким
трудом восстановленными после опустошений двадца-
того века, любуясь извивами рек, очищенных от промыш-
ленных отходов, поглядывая на орлов и соколов, вновь
заселивших небо, Кора размышляла о том, что бабушка,
как всегда, права. Ну сколько можно отдавать всю себя

мужскому делу — сколько можно быть полицейской ищейкой и пугалом для детишек на отдаленных коррумпированных планетах?

Все! Решено! Я свободна!

В ухе зазвенело — это Милодар поторапливал своего агента — дело, видно, было серьезным.

Кора стукнула себя по уху, звон стал потише, но не смолк. Это ее встревожило.

Свою тревогу Кора высказала через сорок минут в кабинете комиссара Милодара, опустившись на лифте под ледяной километровый щит Антарктиды, где располагалась земная штаб-квартира ИнтерГпола.

— Скажи, Милодар, — спросила она голосом, будто впитавшим в себя вековой холод Антарктиды, — когда меня возвращали в мое тело, что туда еще внедрили?

— Ничего, — ответил Милодар, широко улыбаясь.

Его синие глаза лучезарно сверкали на морщинистом загорелом лице, седые кудри элегантно падали на лоб. Он не встал со своего места за широким столом, только поднял руку, приветствуя Кору.

— А что звенело? — спросила Кора, подходя к столу и опускаясь в кресло, которое послушно приняло форму ее тела. — Что во мне звенело?

— Это ребята из экспериментальной лаборатории бадовались, — отмахнулся Милодар. — Никакого вреда для организма, так, легкий сигнал...

— Значит, так, — сказала Кора. — Прежде чем я продолжу этот разговор, попрошу вынуть из меня все звоночки, сигнализацию, руководящие указания и напоминания.

— Разумеется, — ответил Милодар, улыбаясь доброй улыбкой старшего брата. Но Кору этим не обманешь: она отлично знала, что Милодар, с которым общались сотрудники ИнтерГпола и даже друзья (хотя у него, конечно же, не было друзей) — был не более чем удачной голографией. Настоящий Милодар вы-

глядел неизвестно как, скрывался неизвестно где, поэтому ни одно из покушений на него не увенчалось успехом. В Земном управлении сплетничали, правда, что в истинном облике его видели только новые молодые жены — синхронные пловчихи, близнецы Джульетта и Макбетта Пу.

— Разумеется, — повторил Милодар, — но учти, что разборка и сборка твоего тела займет чуть больше двух недель и на нем могут остаться шрамы.

— Спасибо, дружище, — ответила Кора, — потерплю до следующего тела.

— Ломать — не строить, — загадочно произнес шеф.

— Говорите, зачем вызвали из отпуска? — формальным голосом спросила Кора, рассматривая ногти — ногтем бы еще подрасти.

— Покой нам только снится, — ответил загадочным афоризмом шеф ИнтерГпола. — Я вот в отпуске четыре года не был.

— Ужасно! — согласилась с ним Кора.

— Любой бухгалтер волен поехать на Гавайские острова!

— Вот именно.

— А мы должны копать в отбросах человечества.

— Так что же случилось? — повторила свой вопрос Кора.

— То, чего мы опасались. Убит Эгуадий второй.

— Это еще где?

— Разумеется, ты вообще перестала читать газеты и смотреть новости. Может, ты не знаешь, где находится планета Нью-Гельвеция?

— Ума не приложу.

— Мне за тебя стыдно.

— Послушайте, Милодар, вы же посылаете меня к чертям на кулички, я месяцами не вижу ни одного разумного лица, я пашу на вас, как Микула Селянинович — богатырь из русского эпоса. Когда мне смотреть

новости? Где мне их смотреть? В джунглях, под землей, в облаках? В вертепе?

— Кора, только без этого! Только без рук! — предупредил ее Милодар, вскакивая с кресла и отпрыгивая в угол. — Только без эмоций. Я сейчас тебе все объясню.

— Так-то лучше, — Кора уселась в кресло и перевела дух: вспышки гнева обходились ей недешево. Новое тело к ним еще не привыкло и ответило приступом радикулита.

— Эгуадий второй — законный правитель планеты Нью-Гельвеция, потомок славного рода Супремидов. Всеми возможными методами он боролся за мир и межпланетное сотрудничество. Он развивал у себя в империи экономику, экологию и искусства. Он пригласил с Земли ведущих специалистов различных научных областей, и они были счастливы трудиться на благо его народа.

Говоря так, Милодар нажал на кнопку, и в дальнем конце комнаты на белом фоне возникло голографическое изображение высокого, сутулого пожилого человека в старомодных очках и чуть потертom костюме. Человек обратил рассеянный взгляд на Кору и губы его шевельнулись. Робкая улыбка озарила его некрасивое, но доброе лицо...

— Вот его и убили, — мрачно сказал Милодар, почесывая голографический живот.

— Бомба? — спросила Кора. Бомба была самым обычным орудием убийства диктаторов, императоров и демократически избранных президентов.

— Убит он был странно, — сказал Милодар. — Настолько странно, что мы вызвали тебя, а не обычного агента. Его пронзили двумя шампурами.

— Как так?

Милодар включил на экране новое изображение. На этот раз Кора увидела обнаженное желтоватое тело императора, лежащее на полу в пустом, мрачноватом

помещении. Лежал он навзничь, раскинув руки, и из его груди торчали рукоятки двух шашлычных шампуров. На теле и на полу была видна запекающаяся кровь.

— Все равно я не понимаю, зачем было меня вызывать. У них на планете существует собственная полиция, которая наверняка этим уже занимается. И чем меньше мы будем совать носы в их дела, тем лучше для всех.

— Великолепно сказано! — Милодар щелкнул пальцами, и этот звук, соответственно усиленный, разнесся по всему его скромному дому. Не прошло и полминуты, как в кабинете возникла стройная, как тростиночка, фигурка одной из молодых жен Милодара — судя по доброй улыбке, скорее Джульетты, чем Макбетты. Нежную красоту ее лица чуть портила крупная прищепка на носу, которую Джульетта не снимала как профессионал в синхронном плавании.

Милодар, уставший менять любовниц-киноактрис, манекенщиц и журналисток, недавно женился на близнецах, десятиклассницах из Мариуполя Джульетте и Макбетте. Их мама руководила самостоятельным театром рыбацкой артели — отсюда и выбор имен. Станный, но не случайный. Вскоре обнаружилось, что славная, скромная, послушная Джульетта боготворит своего немолодого мужа, тогда как Макбетта уже трижды изменяла ему с прыгунами в воду и пыталась отравить шефа галактической полиции жареными сморчками. Разумеется, лишь самые близкие друзья знали об этой трагедии Милодара. Среди них была и Кора.

— Ты Джульетта? — спросил Милодар у жены, которая расставляла на столике чашки.

— Джульетта, мой повелитель, — ответила та, потупясь и чуть гнуся из-за прищепки.

— Вроде Джульетта, — сказал Милодар, поднимаясь с кресла и делая шаг к молодой красавице.

Он указал на родинку на ее правой щеке и произнес:

— Знаешь, как я их различаю? У Джульетты — родинка, а у Макбетты — нету.

Он дотронулся до родинки, жена резко отклонилась назад, но не успела — плохо наклеенная "родинка" отклеилась и упала на пол.

— О, проклятие! — воскликнул Милодар. — Мы были на волосок от смерти!

Макбетта, замаскированная под Джульетту, зловеще захохотала.

Милодар выхватил бластер и направил его на жену.

— Убью!

Кора наблюдала эту сцену с интересом; но без страха, потому что знала: бластер у шефа тоже голографический.

— Убей, — согласилась юная женщина. — Я все равно буду тебя ненавидеть.

— Всегда? — спросил Милодар, и его голос дрогнул.

— Всегда, — ответила жена и отбросила в угол кофейник с отравленным напитком.

Милодар взял юную женщину за плечи и притянул к себе.

— Нет, никогда! — воскликнула Макбетта и выхватила тонкий стилет. Она вонзила стилет в голографического мужа, но клинок прошел сквозь его тело, не причинив вреда.

Макбетта с плачем убежала из комнаты.

— Позови Джульетту! — крикнул ей вслед Милодар.

Пока они ждали, когда Джульетта принесет новый кофе, Кора спросила:

— Зачем вам понадобились две жены?

— Ах, это случайность! — отмахнулся Милодар, которому надоело отвечать на этот вопрос.

— Никогда бы не завела двух мужей, — не сдавалась Кора.

— Я их увидел на вечере встречи старшеклассниц

Мариуполя с героями-полицейскими... И понял, что женюсь. Но на ком из них? Оказалось, что эта дилемма неразрешима. Хотя бы потому что я не умею их различать и не знаю, какую из них желаю больше. А потом я понял, что умру от ревности, допустив, что одна из них заключит в свои объятия другого мужчину... Да и сами девочки не хотели разлучаться.

— А потом?

— Потом? Оказалось, что я был прав. Одна из них пленила меня трогательной нежностью, а вторая обожгла страстной ненавистью. И не знаю, что меня волнует больше. Тебе этого не понять...

— Каждая настоящая женщина, — возразила Кора, — может обеспечить мужику и любовь, и нежность, и ненависть по полной программе. Для этого нет нужды заводить гарем.

Вернулась Джульетта, поглядела на мужа, как кролик на очень красивого удава, и прогнусавила:

— Вы пока пейте, а я принесу тряпку и вытру за сестренкой.

— Не беспокойся, — сказал Милодар и дотронулся до ее родинки. На сей раз родинка оказалась настоящей...

Кофе был горячий, крепкий и душистый.

У каждого человека, подумала Кора, есть в жизни свои сложности. И чем крупнее личность, тем драматичнее сложности. Сложности в жизни императора Нью-Гельвеции привели его к трагической гибели. Надо будет спросить...

— На Нью-Гельвеции полигамия или моногамия? — спросила Кора.

Милодар ухмыльнулся, раскусив подводный слой вопроса:

— Там моногамия. Обходятся одной женой. Воображение никуда не годится.

— Может еще чего-нибудь желаете, мой господин? — спросила Джульетта.

— Иди, иди, отдыхай, — отослал ее Милодар.
Потом обернулся к Коре.

— Но любит меня — с ума сойти! — задумчиво произнес он. — Нет, не эта, в этой огня нет. Я имею в виду Макбетту.

— Убьет она вас когда-нибудь.

— Обязательно убьет, — согласился шеф ИнтерГла. — Я для этого в спальне запасное тело держу.

Они помолчали.

— Ты спросила меня, почему на Нью-Гельвеции не могут провести расследование силами местной полиции. Все очень просто. Они не хотят.

— Почему?

— Потому что власть захватил Дуагим. Племянник императора. Тебе это имя что-нибудь говорит?

— Что-то неприятное.

— Правильно. О нем у нас много писали, когда он организовал бандитское нападение на мирный лайнер "Миннесота" и перебил видимо-невидимо пассажиров. Конечно, его вина так и не была доказана, но сомнения в том практически нет. Тогда Организация Объединенных Планет потребовала его выдачи для международного суда. Ему пришлось бежать и скрываться три года в горах.

— Откуда такая нелюбовь к Земле?

— Для нас это было загадкой, пока не удалось обнаружить в архивах, что двадцать лет назад он прилетел на Землю и пытался поступить в Московский архитектурный институт. На первом же экзамене ему досталось рисовать голову Сократа... И он провалился. К черчению его даже не допустили.

— Какой ужас!

— Не улыбайся. Порой войны начинались и из-за меньших поводов. В результате принц остался без высшего образования, возвратился домой и принялся рачищать себе дорогу к престолу, уничтожая наследников и претендентов. Из него получился реакционер, души

тель свобод и развратник. Главное — монстр, ненавидящий все земное!

— В сущности это их внутреннее дело, — возразила Кора. — В Галактике немало душителей свобод и деспотов. Вряд ли нам удастся навести в ней порядок.

— Ты права. Но беда в том, что на Нью-Гельвеции находится двести сорок земных специалистов, советников и торговцев. Все они стали заложниками Дуагима, который намерен отыгаться на них за все унижения своей юности, а главное — отвести от себя подозрения в том, что именно он стоит за убийством законного монарха.

— Как он может отыгаться на земных торговцах?

— Очень просто. Он уже официально объявил, что убийство императора Эгуадия — злодейский заговор Земли. Так что всех землян будут судить и наверняка признают виновными. Хочешь поглядеть на этого монстра?

— Покажи.

Милодар включил экран снова и Кора могла полюбоваться портретом нового императора.

Император произвел на Кору неприятное впечатление. Рыжие курчавые волосы красным нимбом окружали пятнистую лысину, под низким лбом прятались, таились на подушках лиловых щек шоколадные глазки. Видно император слишком любил поесть и ни в чем себя не ограничивал. Но самым неприятным Коре показался рот Дуагима — тонкая шелка, совсем без губ.

— Понравился? — спросил Милодар.

— Не понравился, — ответила Кора.

— Злобная скотина, — сказал Милодар. — Его охрана называется "Бригада исчезновения". Кто неугода Дуагиму — исчезает без следа.

— Приятная перспектива.

— Я не хотел бы, чтобы наши дипломаты и программисты, агрономы и певцы пропали таким образом.

нечно, потом мы этого Дуагима накажем. Но когда и насколько сильно, я не знаю. А раз так, то я не намерен отдавать ему землян.

— Значит его полиция и не собирается искать убийцу?

— Нет. Уже назначен день суда над землянами. Исход его не вызывает сомнения. Все будут признаны виновными в заговоре с целью убийства императора суверенного государства и зверски казнены.

— Этого не может быть!

— Все формальности будут соблюдены. Найдутся и свидетели, и вещественные доказательства. А Дуагим войдет в историю своей планеты как борец за ее независимость.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Почти ничего. Мы можем только послать туда одного независимого детектива — это удалось пробить через ООП — и он за неделю должен убедиться, что Дуагим прав.

— Зачем же тогда лететь?

— Пока есть один шанс из миллиона, мы должны его использовать.

— Но нет даже одного шанса!

— Это будешь решать ты.

— Почему я?

— Потому что ты — никуда не годная дура, фаворитка твоего начальника, от которой не знают как отделаться.

— Я — ваша фаворитка?

— Не пронзай меня взором. В ИнтерГполе, сообразив, что это дело опасное и безнадёжное, решили послать самое ненужное существо, которое на самом деле интересуется только драгоценными камешками, которыми славится Нью-Гельвеция. Не спорь! Информация такого рода уже просочилась сквозь секретные заслоны и унеслась на Нью-Гельвецию.

— Но зачем посылать меня... то есть идиотку?

— Это и есть наш шанс: если они не примут тебя всерьез, то у тебя будет возможность что-то узнать. Только один шанс...

— Вы сами в это верите?

— Я — профессионал. Мне поручили дело, я стараюсь сделать его достойно. Я посылаю моего лучшего агента, потому что это преступление — вызов для меня как детектива.

— Почему?

— Потому что убить императора Эгуадия было невозможно.

— Невозможного не бывает, — ответила Кора. — Если есть человек, значит на него найдется убийца.

— Не перебивай старших! — от гнева Милодар весь затрясся и пришлось подождать несколько секунд, прежде чем прекратилась вибрация голографического изображения. Наконец он смог продолжить: — Эгуадий опасался покушений. Дело в том, что в Нью-Гельвееции за последние триста лет лишь один правитель умер своей смертью, неудачно свалившись с трона во время коронации. Так вот, Эгуадий решил стать исключением. Он обитал в замке, за гранитными стенами и стальными дверьми.

— Это еще не гарантия от покушений.

Милодар ничего не ответил, но включил изображение величественной крепости. Крепость поднималась над пологим холмом, вокруг которого располагался город.

— В ночь на второе, — продолжал Милодар, — император как всегда заперся в правой верхней башне. В его спальне — только одно окно. Находится оно в шестнадцати метрах от земли, забрано решеткой и бронированным стеклом. Дверь запирается изнутри. На финский замок и два засова из титановой стали. Вот в этой комнате утром второго июля был обнаружен его труп.

— Как это случилось?

— В семь тридцать император выходит из спальни и идет чистить зубы. В тот день он не вышел до восьми. В восемь десять был вызван начальник охраны и постучал в дверь. Никто не откликнулся.

— Дальше!

— Дальше. С вершины башни на веревке спустился смельчак и заглянул в окошко. И увидел, что господин император лежит на полу возле своей постели, а из его окровавленной груди торчат рукоятки двух шампуров.

— И что они сделали?

— Они взорвали дверь серией направленных взрывов и обнаружили, что император мертв уже несколько часов.

Милодар щелкнул пальцами, вбежала Джульетта с бокалом водки и подставила щечку. Милодар проверил родинку и, убедившись, что его не отравят, вылил в себя напиток. Он был взволнован.

Коре он не предлагал пить, потому что она уже находилась при исполнении задания.

Закусив бананом, комиссар Милодар негромко заметил:

— Среди заточенных и ожидающих смерти землян есть женщины и дети.

— Я готова, — сказала Кора, поднимаясь с кресла.

— Ну вот, отработаешь — и снова к бабушке. Говорят, отличные борщи она готовит.

Черт побери, подумала Кора, кто же работает на Милодара в нашей деревне?

* * *

Подготовка к путешествию заняла у Кору сутки — все это время она учила тамошний язык и готовила себя к роли глупейшей сыщицы во Вселенной, получившей дело по протекции только для того, чтобы благополучно его завалить.

Новый для Кору образ следовало придумать, создать и отшлифовать, потому что за ней будут неотступно следить сотни глаз и десятки стволов.

... Еще через несколько дней на космодроме Бернса, столицы планеты Нью-Гельвеция, небольшая группа людей ожидала маршрутный корабль из Галактического центра.

Под козырьком здания вокзала, укрываясь от холодного осеннего дождя, стояли представитель Организации Объединенных планет, земной консул и заместитель начальника городской полиции.

Так как связь с Галактическим центром работала нормально, а слухи и сплетни, как всегда, обгоняли скорость света, то встречавшие уже знали, что на Шерлока Холмса надеяться не следует. Но реакция на новости у всех троих была различной.

Земной консул Нкома, высокий и гибкий чернокожий дипломат в форменном золотистом цилиндре и расшитом золотом терракотовом мундире, был мрачен даже более, чем в последние дни. Если в первый момент по получении известий о прилете агента ИнтерГпола он воспылал было надеждой на спасение заложников дикого императора, то теперь эти надежды развеялись. Представитель ООП, зеленый человечек ростом чуть меньше метра, надеялся на то, что вся эта дикая история обойдется без крайних межпланетных эксцессов: у него подрастали многочисленные дети и не хотелось терять удобное место. Что же касается заместителя начальника городской полиции Аудия Реда, столь схожего с гончей собакой, что он получил прозвище от коллег "Догони-подвинься", то он не скрывал предвкушения встречи со специалистом из ИнтерГпола. Он дергал за рукав господина Нкому и задавал ему странные вопросы:

— Говорят, шеф Милодар предпочитает рыженьких?

Встречающим пришлось томиться в ожидании до-

вольно долго, но они уже не в первый раз встречались на этом поприще, и потому привычно коротали время в буфете. К тому моменту, когда, наконец, корабль приземлился и госпожа Кора Орват приблизилась к ним, они не только устали, но и находились в некотором подпитии.

Встречающие увидели шагающую по поролоновой дорожке молодую земную женщину, одетую как вызывающе, так и крайне скудно.

Наряд госпожи Орват состоял из серебряных сапог выше колен, некоторого количества страусовых перьев, которые крепились к телу широким ремнем, снабженным кобурой, а также кружевной накидки, едва скрывавшей от ветра и посторонних взоров ее плечи и грудь. На голове девицы красовалась форменная шляпа сыщика, но ни один из трех мужчин, даже махонький оповец шляпу не заметил — сверкающие серебром безукоризненно прямые ноги сыщика, высокая грудь и тонкая талия куда больше привлекли их внимание.

Кора же увидела, как высокий негр, зеленый человечек и одетый в пышный мундир и фуражку человек с собачьей мордой и нафабранными усами дружно шагнули ей навстречу. Она догадалась, что эти люди ее встречают.

— Здравствуйте, господа, — пропела она ласково, — я — Кора Орват, сыщик по особым поручениям.

— Мы ждем вас, — первым заявил зеленый человечек, запрокинув головку. — Мы надеемся, что ваше появление разрешит наши проблемы.

— Судьба заложников в ваших руках, — мрачно заявил высокий негр.

— Номер в гостинице ждет вас, — ухмыльнулся Аудий Ред, — ванна исходит благовонным паром, но мы предлагаем сначала пропустить с нами по рюмочке чудесного вина. Это займет полчаса, но вы приедете в гостиницу совсем другим человеком.

— Ах, что вы, что вы! — возмутилась Кора. — Я приехала трудиться! Что скажет шеф Милодар, если он узнает, что я распивала с вами спиртные напитки?

— Он не узнает! — твердо ответил полковник полиции.

— Ах, узнает! — уверенно ответила Кора, которая в том не сомневалась, но тут на нее нашел приступ хохота, и она проследовала за Аудием Редом и его спутниками в бар для особо важных пассажиров, к каковым она относилась.

— Что-то у вас жарко, офицер! — сообщила она Аудию Реду и вырвав страусиное перо из своей юбочки, воткнула его за ремешок полицейской шляпы, что придало полковнику легкомысленный вид.

Усевшись в прохладном, пустынном и полутемном баре, они заказали местную грибную наливку — очень полезную, как полагают, при гастрите. Коре первый бокал понравился. Гриб был кисловат, слегка горчил и от него сразу же запело, закружилось в голове. Лица сидевших с ней за столиком слегка поплыли и показались такими милыми, добрыми, что Кора встревожилась и постаралась взять себя в руки.

— Это ужасное преступление, — говорил зеленый карлик в зеленом же комбинезончике, отчего казался голеньким. Он покачивал лысой головкой и сокрушенно повторял:

— Главное — не совершить непоправимой ошибки!

— Народ скорбит! — отрезал пес с намаженными усами, уставившись белесыми рыбьими глазами в разрез кружевной накидки и елозя под столом сапогом, в надежде дотянуться до ножки сыщика. Но ему все попадались мужские ноги, что раздражало его самого и соседей. Хотя возмутиться вслух они почему-то не смели.

— Мы так надеялись на помощь Земли, — скорбно сказал высокий худой негр, — но нам никто не поможет. Люди могут погибнуть.

Весь его вид говорил о том, что надежды на помощь Земли рухнули именно в тот момент, когда он увидел Кору Орват.

— Люди не погибнут, — залаял полицейский начальник с белесыми глазами. — Свершится суровая месть нашего народа в адрес подлых убийц.

Говорил он очень громко, и Кора предположила, что это делается для внимательных ушей соглядатаев, которые как сонные, осенние мухи бесшумно кружили вокруг стола — Кора сразу их вычислила. Впрочем, в пустом баре это было нетрудно сделать.

Неожиданно Кора Орват захихикала и наклонилась вперед, чтобы полковнику Аудию Реду было удобнее ознакомиться со строением ее бюста.

— Вы же их не убьете, — прошептала она, протянув тонкий пальчик и дотронувшись им до скользкого вспотевшего носа полицейского, — вы же их пожалеете, мой цыпленок.

Негр не скрывал своего отвращения при виде этой сцены, зеленый человечек из ООП отвернулся, как будто в поисках официанта.

Полицейский разлил грибной напиток по бокалам, и когда остальные стали отнекиваться, строго приказал:

— За здоровье его величества императора Дуагима! Прошу всех встать.

Все встали. Выпили. Кору пошатнуло, и негр поддержал ее под локоток.

— Ах, — сказала Кора заплетающимся языком, — вы такой сексуальный.

— Продолжим нашу радостную беседу, — сказал Аудий Ред, вытащив зеркальце и проверяя, горизонтально ли расположены его усы. — В честь первой, но не последней встречи.

— Расскажите мне, расскажите, — умоляла Кора. — Я хочу знать, как все произошло! Это так увлекательно!

— Зачем тебе, красавица?

— Я не красавица, — поправил его Кора, — я привлекательная женщина, но очень строгого поведения. Предупреждаю — очень строгого. Да перестань ты топтать мою ногу сапогом!

— Это не я, — нагло сказал полковник. — Это паршивый Нкома, такой же насильник, как все черномазые земляне.

— Простите, — сказал Нкома и поднялся из-за стола. — Я не намерен больше подвергаться оскорблениям.

— А ты не подвергайся, — ухмыльнулся полковник. — Иди откуда пришел. Вонючка проклятая! То-то я вижу — вот-вот кинется на женщину.

— Ах, ну зачем же так, — с трудом проговорила Кора. Грибной напиток оказался дьявольски хмельным. — Господин Нкома не имеет намере... намерения, хотя я не возражаю, можно сказать мы поехали... — И она попыталась подняться и тут же села опять, потому что ноги ее не держали.

— Я не намерен поддаваться на ваши провокации, — заявил Нкома. — И учтите, что вы нарушаете законы гостеприимства и дипломатического этикета на глазах у свидетелей.

— Это кто здесь свидетели? — зарычал полковник. Его лицо побагровело, а уши приняли вишневый цвет. — Вы забыли, кто я такой?

— А кто вы такой? — спросила Кора.

— Я командир взвода "Бригады исчезновения!" Не нужен нам свидетель — гоп-доп и исчез. Вот полюблю тебя, моя цыпочка, ты и исчезнешь!

— Ой, как интересно. Только давайте исчезнем вместе! — взмолилась Кора. — Я хочу исчезнуть вместе с вами.

И для того, чтобы ее желание не показалось пустым, она буквально повисла на полковнике, не сводя с него восхищенных глаз.

— Погоди! — полковник оттолкнул девушку, и та рухнула в кресло. Грибной ликер действовал все сильнее. — Погоди, я сначала разделаюсь с этим дипломатом!

Он пошел быком на Нкомо, который отступал к стене. Тени осведомителей в предчувствии боя растворились в углах бара, бармен согнувшись убежал в маленькую дверь.

— Господин полковник! — пискнул зеленый человек. — Остановитесь! Я вас прошу!

— Ты молчи, а то и тебя ликвидирую. Неужели ты не видишь, что меня опоили недоброкачественным гриб-ликером, и теперь я не отвечаю за свои действия!

С этими словами полковник вытащил из кобуры пистолет.

Нкомо испугался — даже в полумраке видно было, что его кожа стала серой.

— Ах, полковник-полковник, — неуверенно поднимаясь со стула, произнесла Кора... И тут случился конфуз: она двигалась так неловко, что рухнула на Аудия Реда, в ужасе заверещала, страусиные перья полетели в разные стороны, обнажив совсем уж укромные части ее прекрасного тела, кружевная накидка разорвалась, рука полковника под неожиданным напором женского тела дернулась вниз, пистолет палил, пока не кончились заряды, прострелив в баре пол, оттяпав полковнику три пальца на правой ноге, разворошив всю мебель и перебив половину бутылок в баре.

Грохот, шум, писк, звон, рев стояли такие, что соглядатаи разлетелись из бара словно вспугнутые птицы из гнезда. Нкомо выскочил на улицу, ударился о столб головой и на его лице вздулась длинная шишка — ото лба до подбородка. Представитель Организации Объединенных Планет, который в стрессовые моменты приобретал способность летать, воспользовался этим и улетел на вершину гигантского дерева гренго, с которого его только на следующий день смогли снять вертолетом.

Покрутившись на месте от боли и растерянности, полковник Аудий Ред рухнул в глубокий обморок, и вот тогда из дверей бара

на улицу,
где стояла толпа зевак,
привлеченных грохотом и криками,
вышла,
моргая длинными ресницами,
одетая лишь в широкий пояс с кобурой
прекрасная женщина, сыщик ИнтерГпола Кора Орват
и воскликнула:

— Ах, как они меня напоили!

С этими словами она лишилась чувств и упала на услужливо подставленные руки подбежавших зрителей.

Проснулась она лишь через несколько часов, в палате центральной больницы, где ее уже обследовали и обнаружили, что за исключением опьянения, других болезней и травм в ней не наблюдается.

* * *

Кора очнулась куда раньше, чем о том сообщили медикам их приборы и глаза. Не зря же она училась в высшей школе спецслужб ИнтерГпола...

Она лежала, полностью расслабившись и посылая на датчики, которыми была опутана, сигналы спокойного глубокого сна. В то же время она подытоживала результаты первых часов пребывания во вражеском лагере.

Полковник Аудий Ред вел себя нагло, цинично нарушая нормы протокола. Он даже намеревался на ее глазах убить земного консула. Это можно было объяснить лишь тем, что гельвецийское правительство было полностью уверено в исходе суда. Тогда смерть дипломата можно будет списать на спонтанный гнев народа. Впрочем, могло быть и другое объяснение — полковнику

было велено на всякий случай нейтрализовать земного сыщика. Сначала он эту дамочку напоил, а потом в ее присутствии решил убить или ранить земного консула — а там доказывай, кто это сделал. Зелененький представитель ООП — свидетель ненадежный и более всего беспокоится о собственной безопасности. Впрочем, останемся в пределах известных нам фактов: местный полицейский чин пытался открыть стрельбу в космопорте, предварительно запугивая инопланетян, отчего сам и пострадал. Впрочем, продолжения истории Кора предугадать не могла и потому открыла глаза и жалким шепотом произнесла:

— Пить...

Ее взору предстала картина необычная, и потому прошло несколько секунд, прежде чем Кора смогла осознать значение того или иного человека и предмета.

Это неудивительно, потому что пока Кора пребывала в космопорте и угощалась грибным ликером, ее окружала та безлика, стандартная, повторяющаяся в сотнях космопортов и вокзалов Вселенной картина, при взгляде на которую не догадаешься, попал ли ты на Пересадку, на спутник Альдебарана, или прилетел на Марс.

Сейчас же Кора очнулась в обыкновенной гельвецкой больнице, не очень чистой, по нашим стандартам, тесной и построенной, видно, лет сто назад, когда основным строительным материалом был плохого качества кирпич, а штукатурка использовалась лишь в богатых домах.

Разглядывая темно-серые стены и желтый сводчатый потолок палаты, Кора старалась вспомнить соответствующие статьи энциклопедии, которую пролистала в день отлета, и проведя мысленное сравнение со статьей, сделать правильный вывод.

Вот женщина. В длинном, до земли синем платье с вышитым бисером воротником. На ней странный голо-

вной убор, напоминающий черный гробик. Кора вспомнила: женщина эта — сестра милосердия; обязанности таких сестер заключались в уходе за больными и подыскании им достойного гробовщика, о чем и напоминал головной убор.

Женщина протянула Коре поилку и поддержала ей голову, чтобы удобнее напиться.

Пока Кора пила, она смогла внимательно разглядеть еще двух действующих лиц этой сцены: в ногах койки стояли рядышком два страшного вида молодца. Один, молодой и тонкий, второй, старый и коренастый, у первого усы — черные и торчащие, у второго — седые, обвислые. В остальном они были схожи: одинаковые лиловые камзолы, красные шаровары, сверкающие ботфорты. На головах — белые шляпы с черными перьями. Это, поняла Кора, заботники. Заботники о народе. Их назначение становилось понятным при взгляде на два маленьких топорика, вышитых у каждого на груди камзола. Топорики символизировали всегдашнюю готовность заботников вырубить любые заросли сорняков, мешающих процветать любимому народу. Если надо, мрачно шутили в империи, они вырубят и сам народ ради его же блага.

Увидев, что Кора проснулась, заботники одинаково улыбнулись и помахали ей руками, словно оставались на перроне, а она смотрела на них из окна уходящего поезда.

Кора пила, изображая страх и растерянность.

— Где я? — спросила она.

— Не беспокойтесь, госпожа, — сказала сестра милосердия. — Вы в больнице Благополучной кончины.

— При-вет! — воскликнул старший заботник.

— Ку-ку! — откликнулся младший.

— Мы счастливы, — сказал старший заботник, — что видим тебя живой и в одном куске.

— Вам что-нибудь принести? — спросила сестра милосердия.

— Я хочу знать, что со мной? Я ранена? Я умираю? Почему нет врача?

— Врача вам не положено, — ответила сестра милосердия. — Рано еще.

Кора прикусила язык. Память подвела ее. Конечно же, врач в Нью-Гельвеции — эвфемизм, то есть приличное слово, которое на самом деле означает "гробовщик".

— А мы здесь, — сказал младший заботник.

Он стащил с бритой головы шляпу и стал обмахиваться.

— Мы ждем признания, — сказал старший заботник.

— В чем? — спросила Кора.

— В преступлении.

— В каком?

— Ну вот, — рассердился старший заботник. — Она безобразно напилась в космопорте, хулиганила, била посуду, затем напала на полковника полиции Аудия Реда, избива и искалечила его. Да знаете ли вы, что он из-за вас лишился трех пальцев на ноге?

— Какой ужас! Как он теперь будет стрелять?!

— Вы не поняли, мадам — на ноге!

— Ах, да, конечно! У меня такое помутнение сознания... Но вы продолжайте, продолжайте говорить! Я отрезала кому-то пальцы?

— Совершив нападение, вы пытались скрыться с места преступления, — сообщил старший заботник.

— Молодец! — похвалила себя Кора. — Но мне это не удалось?

— Не удалось, — ответил старший. Он был недоволен, словно допрос складывался вовсе не так, как он того желал.

— Кто ваши сообщники? — спросил лукаво младший заботник. — Консул Нкомо? Правильно я угадал? Представитель ООП? Зелененький такой... Ну?

— Дайте-ка мне мою кобуру, — попросила Кора слабым голосом, проводя ладонями по бедрам.

— Не отвлекайтесь, — оборвал ее старший. Он отвернулся, потому что в процессе поиска кобуры Кора скинула с себя простыню и оказалась совершенно обнаженной.

— Не нужно вам кобуры, — сказал младший заботник, который не отвернулся, а наоборот, впился взглядом в прелести Кору.

— Куда я попала? — капризным голосом произнесла Кора. — Я буду жаловаться! Сначала меня пытаются спойть, затем на меня нападают, а теперь грабят. А ну, отдайте кобуру!

— Зачем вам кобура? — спросил младший. — Мы же пристрелим вас раньше, чем вы успеете вытащить свой пистолет.

— Давайте договоримся, — подобрел старший. — Вы нам во всем признаетесь, а мы потом дадим вам кобуру. Хорошо?

Он наклонился и бережно накинул на Кору простыню.

— Только честно? — спросила Кора.

— Честно! — поклялся старший.

— Тогда я вам честно скажу — я прибыла сюда для выполнения сложного и ответственного поручения ИнтерГпола. К сожалению, вам я не могу рассказать об этом, это тайна.

Заботники понимающе улыбнулись.

— На космодроме меня встретил ваш этот... насильник! С усами, похожий на собаку.

— Полковник Аудий Ред, — подсказал заботник.

— Вот именно. Встретил, затащил в бар и напоил каким-то наркотиком.

— Грибным ликером, — подсказал старший, обнаружив большую осведомленность. — Но не исключено, что это вы его напоили.

— А потом он начал хватать меня за коленки, вы представляете?

Кора вновь откинула простыню и доверчиво показала заботникам, за какие коленки ее хватал полковник.

Младший заботник шумно сглотнул слюну, но старший снова прикрыл ее простыней и произнес:

— Продолжайте, прошу вас.

— А чего продолжать! Дальше я была пьяна и плохо помню. Помню только, что этот полковник вытащил свою пушку и решил всех нас убить.

— Кого всех нас? — насторожился молодчик.

— Представителя ООП, такого зелененького, потом земного консула и конечно же меня, потому что я не давала ему хватать меня за коленки. Он так и кричал: "всех перестреляю"!

— Очень интересно, — сказал молодчик. — И что же дальше произошло?

— А что дальше — хоть убейте, не помню. Наверное, я упала и лишилась сознания. Меня еще никогда так не травили. Вы понимаете, что я теперь буду вынуждена подать в суд на полковника. А сейчас принесите мою кобуру, умоляю вас.

Заботники переглянулись. Они были в растерянности.

Из этой растерянности их вывел негромкий, но весьма внушительный голос, прозвучавший из-под потолка, точнее — из вентиляционной решетки:

— Верните ей кобуру.

Заботники вскочили и низко поклонились голосу.

Затем один из них кинулся к двери и через несколько секунд вернулся с кобурой Кору, так и не снятой с ремня. Чуть дрогнувшей рукой он протянул кобуру владельце.

— Спасибо, — сказала Кора и расстегнула кобуру.

Заботники и медсестра невольно присели.

Из кобуры высыпалось несколько пачек жевательной резинки в ярких обертках.

— Угощайтесь, — сказала Кора и развернула одну из жвачек.

Никто не воспользовался ее приглашением.

— Тогда вы все свободны, — сказала Кора. — Можете идти.

После короткой паузы, в течение которой заботники глядели на потолок, откуда доносилось лишь мерное дыхание, все посторонние вышли из палаты.

Кора задумчиво жевала резинку.

Когда дверь за последним заботником закрылась, она спросила, ни к кому не обращаясь:

— А вы-то небось знали, что у меня лежит в кобуре? Обыскали?

— Конечно знал, — ответил голос. И рассмеялся. — А ты, я вижу, соображаешь.

— При моей безумной красоте мне без этого совершенно невозможно, — призналась Кора. — Приходится хитрить. Иначе стану игрушкой низменных мужских страстей.

— Ты зачем три пальца на ноге моему верному полковнику Аудию отстрелила?

— Это он сам отстрелил, — резко ответила Кора. — Не навешивайте на меня всякую чепуху.

— Может быть, может быть... — не стал спорить голос.

— А спаивать женщину паршивым грибным бульоном нечестно, — заметила Кора.

— Этого я ему не приказывал. Это его личная инициатива.

— Раз так, то сам виноват, — согласилась Кора. — Я сейчас буду вставать и одеваться. Вы как, отвернетесь или пойдете по своим делам?

— У меня много неотложных дел, — не сразу отошел голос. — Так что увидимся у меня завтра утром. А сейчас я советую тебе, Кора, отдыхать — уже вечер, а у тебя был трудный день.

Раздался щелчок. В палате наступила гробовая тишина.

Кора развернула и кинула в рот еще одну жвачку.

Потом нажала на кнопку.

Тут же прибежала сестра милосердия.

— Я переезжаю в гостиницу, — сообщила Кора. —
Где мой багаж?

— Ваш багаж уже в гостинице. Машина у подъезда,
— сообщила сестра.

— Тогда я пошла!

— Подождите, я принесу вам халат! — крикнула
перепуганная сестра.

— Хорошо, подожду, — сказала Кора и отвернулась,
чтобы скрыть невольную улыбку.

Первый разговор с императором Дуагимом ее удовлетворил.

* * *

В девять часов следующего утра выпавшаяся, свежая, розовощекая Кора вошла в кабинет императора Нью-Гельвеции Дуагима первого.

Была она одета легко, но скромно — в тот самый сарафанчик, в котором она так недавно гуляла по полям в родной вологодской деревне. Правда, на шее красовалось скромное и бешено дорогое сапфировое ожерелье и маленькая, сапфировая же, диадема скрывалась в пышных золотистых волосах.

Император уже ждал ее. Поднявшись из-за стола, он строевым шагом направился навстречу гостье.

— Кора! — Воскликнул обладатель вчерашнего бесплотного голоса с фамильярностью, которая даже императорам дозволена лишь по отношению к старым знакомым. — Я мечтал увидеть тебя наяву.

— Ну и как? — спросила Кора, поворачиваясь и покачивая бедрами, чтобы император мог оценить ее фигуру.

— Чудесно, чудесно, высший класс!

Император был точно такой же, как на голограмме

у Милодара: рыжий, коренастый, низколобый, краснощекий и пузатый. Он был одет в странную для земного глаза смесь одеяний разных эпох. В его туалете ужились галстук-бабочка и пышное кружевное жабо, расширенные золотом шаровары и синий фрак, рукава которого заканчивались желтыми отворотами. Ботфорты у него были со шпорами, за кушак заткнуты два ятагана. В общем, император являл собой пирата, рожденного воображением пятилетнего фантазера.

Под стать хозяину была и обстановка кабинета, увешанного воинственных сюжетов гобеленами, с высоким потолком, украшенным сценой средневекового сражения. Пол был выложен небольшими зеркалами, в щелях между которыми почему-то торчали пучки высохшей травы. На письменном столе были свалены кипы бумаг, некоторые из них пожелтели: видно о них забыли еще за много лет до кончины предыдущего императора.

Возле стола стояли друг против друга два кресла с вышитыми спинками. Вышивка изображала скрещенные топоры, знакомый уже Коре символ заботников.

— Садись, — сказал император, откровенно любуясь Корой. — В ногах правды нет, а нам надо с тобой поговорить серьезно.

— Меня всегда возмущала эта формула, — серьезно возразила Кора. — Мне кажется, что в моих ногах и заключена вся правда жизни.

— Жизни и смерти, — согласился император. — Когда я доберусь до твоих ног всерьез, мы все с тобой испытаем.

— Ой, ну что же вы говорите! — ахнула Кора. — Ведь я же на службе!

— От этого твои ноги не стали короче, — засмеялся Дуагим.

— Спасибо за комплимент, я его не заслужила, — сказала Кора и уселась в низкое мягкое кресло.

Император опустил в кресло напротив и доверительно сообщил Коре:

— В ближайшие дни собираюсь переделать кабинет. В нем должно быть только одно мягкое кресло. Для меня самого. Остальные должны стоять. Идея моя понятна?

— Понятна, ваше величество, — сказала Кора. — Может я постою?

Она попыталась было подняться из кресла, но император властным жестом остановил ее.

— Тебя это не касается, — сказал он.

Он спокойно и довольно нагло разглядывал Кору, так что ей стало неловко и захотелось закрыться чадрой, закутаться в наряд монахини.

— Значит ты — агент ИнтерГпола, — сказал он наконец. — Да ты не красней, не красней. Я люблю людям в душу заглядывать.

— Я не краснею, — сказала Кора.

— Я спросил: ты агент?

— Да.

— Почему же тебя послали? Чем ты лучше других?

— Господин Милодар сказал, что дело очень деликатное, поэтому и послали меня.

— Значит, тебя используют для деликатных дел? Очень приятно. Но не совсем понятно. Но мы разберемся. А сначала скажи, чем я могу быть тебе полезен?

— Вряд ли вы сможете быть мне полезны, — сказала Кора, разглядывая наклеенные жемчужные ногти. — Обычно я использую более привлекательных мужчин.

Император громко захохотал, будто в жизни не слышал ничего забавнее, но смех его был деланным.

— Ты неумна, — сказал он.

— Мне об этом многие говорили, — сказала Кора. — Это, так сказать, мой фирменный знак. Глупая Кора из ИнтерГпола.

— Ни один дурак не признает себя глупым, — заметил император.

— Я — исключение. Люди думают: такая красивая, а такая глупая. И расслабляются.

— А на самом деле расслабляться не стоит? — император был доволен: он ценил шутки. Он уловил в Коре самодовольство — оказывается, можно гордиться собственной глупостью, играя в нее и балансируя на грани правды.

— Со мной лучше никогда не расслабляться, — серьезно ответила Кора. — А то чуть что — и глаза нет! — Она выставила вперед жемчужные ногти. Они замерли в сантиметре от лица императора. Тот отшатнулся и выругался — испугался.

— Стыдно, — сказала Кора.

— Я так и подумал, — сказал император, — что Милодар не настолько глуп, чтобы посылать ко мне откровенную идиотку: он ведь игрок и не теряет надежды выручить землян. Но это пустая надежда, потому что мне нужна их кровь.

— Это мы еще посмотрим, — улыбнулась Кора. — Я так просто вам их не отдам.

— Значит — война? — осклабился император.

— Значит — война, ваше величество! — Кора улыбнулась самой очаровательной из своих улыбок.

— И победитель выигрывает желание?

— Ваше желание — обладать мною?

— А ваше?

— Мое — унести от вас ноги!

— Завидная откровенность, — согласился император. — К тому же не одна, а со своими земляками?

— Вам я их не оставлю!

— Что ж, когда начинаем? — император показал Коре все свои двадцать пять золотых зубов — плод деятельности какого-то местного недоучки.

— Можно сейчас, — сказала Кора. — Только вы мне не мешайте разгадывать преступление.

— А чего там разгадывать?

— Ой, ваш величество! Вы видно ничего не смыслите в криминалистике.

— Не говори глупостей. Я по должности обязан все

знать. Я — ведущий физик Нью-Гельвеции, неплохой писатель, выдающийся художник и, разумеется, первый сыщик.

— Но тогда вы должны знать, какое нам досталось преступление.

— Какое?

— Идеальное!

— Ты говори конкретнее, — начал сердиться император, который искренне полагал, что должность способствует развитию талантов.

— Неужели вы не читали? Все детективные писатели мира обязательно написали хотя бы один роман про убийство в запертой комнате, в которую нельзя войти и в которую никто не входил!

— Знаешь что, — сказал тогда Дуагим. — Или ты мне свою мелкую мысль намерена изложить человеческим языком, или я заканчиваю аудиенцию. У меня дел много.

— Ваш дядя был убит в запертой комнате?

— Конечно.

— Запертой изнутри на засов?

— Это всем известно.

— Но засов мог открыть только он сам!

— Вот он и открыл, — сказал император.

— Зачем?

— Чтобы впустить убийцу, — объяснил император. — Впустил, а убийца его убил и ушел. Типичный случай: так все земляне поступают.

— Замечательно! — Кора даже всплеснула руками от восторга. — Вошел! Убил! Ушел! А как он, простите, запер за собой засовы?

Император думал недолго.

— Магнитом, — сообщил он.

— Ну и магнит у него был! — удивилась Кора. — Наверное засовы-то были крупными?

— Засовы как засовы! Ничего особенного.

— А дверь железная?

— Может, железная. Тебе-то не все равно?

— Нет. Потому что если дверь железная, то магнит не подействует на засов! — Кора смотрела на императора с торжеством дурочки, которой удалось наконец выяснить, что дважды два — четыре.

— Значит не железная, — быстро сказал император. Он не выносил допросов. Поэтому не смог сдать в жизни ни одного экзамена. Даже не кончил школы. По крайней мере, так полагали диссиденты и оппозиционеры Нью-Гельвеции.

— Так железная или не железная?

— Отстань. Сама посмотри.

— Ловлю вас на слове! — Кора почти нежно погладила императора по желтому обшлагоу фрака. — Сейчас же бегу в крепость смотреть на дверь. Я так счастлива, так счастлива. Ведь не каждому сыщику удастся распутать идеальное преступление! Тайну запертой комнаты! Мое имя прославится в анналах Галактики!

— Не спеши, — прервал ее император. — Я тебя еще не отпустил!

— А как же вы выиграете у меня спор, если я вам не проиграю? — спросила Кора.

— А вот так!

— Ваше величество, — серьезно произнесла Кора. — Вы — мужчина и — сильный человек. Я — слабая женщина. Неужели вы не умеете играть честно?

— Ну, ладно, — вздохнул император. — Иди, смотри башню.

— И чтобы мне все показали.

— Покажут. Я тебе хорошего провожатого дам.

— Спасибо, ваше величество. За мной — поцелуй.

— Я сам возьму у тебя столько поцелуев, сколько сочту нужным, — возразил император. — А сопровождать тебя в башню... — император подошел к письменному столу и поднял рожок, лежавший на рычажках. Слышно было, как из рожка откликнулся женский голос:

— Что прикажете, ваше величество?

— Гима ко мне.

— Он здесь. Сейчас будет.

В самом деле — распахнулась дверь и вбежал молодой человек, одетый столь пышно и изысканно, словно приготовился к детскому маскараду.

Молодой человек ел банан и так спешил, что не успел вынуть его изо рта.

— Доедай, — сказал ему император. — Мы подождем.

Давясь, молодой человек стал поглощать банан, а император обернулся к Коре и сказал:

— Все пользуются моей добротой. Разве вы найдете в Галактике еще одну империю, в которой адъютанты врываются в кабинет монарха, словно в обжорку. Да, именно! Я не побоюсь такого слова — обжорка! В другой империи такого мерзавца давно бы уже выпороли! Да какой там выпороли — ему бы отрезали уши. И голову.

Адъютант Гим от страха не мог доест банан. Рот его был переполнен, шкурка банана расползлась по щекам и лбу, словно Гим нюхал большой тропический желтый цветок. Черные глаза адъютанта готовы были выползти из орбит. Лицо стало красным — точно под цвет бархатного мундира, расшитого золотыми галунами, украшенного серебряными аксельбантами и таким множеством медалей и значков, будто Гим был не молодым адъютантом, а престарелым ветераном шести войн.

— Такое неуважение к императору означает, что в решающий момент эти подонки будут готовы всадить ему в спину нож! Да, именно нож!

Гим тряс головой, пытаясь возразить, но его никто не понимал. Император схватил стоявшую у стола трость с золотым набалдашником и принялся лупить адъютанта. Тот пытался увернуться от гнева монарха, разжеванный банан вылетел изо рта, и адъютант умуд-

рился, убегая, поскользнуться на коже, хлопнуться задом на паркет и проехать через весь кабинет, уткнувшись подошвами бисерных башмаков в Кору. Запрокинув несчастное, все в слезах, лицо, адъютант произнес:

— Простите, дама, я не желал вас оскорбить!

Император догнал адъютанта и еще разок ударил его тростью по спине.

— Будешь оскорблять своего любимого монарха? — вопил он.

— Никогда в жизни! — ответил Гим. — Я вообще не буду больше есть бананы. Ненавижу бананы!

Император снова занес трость, Гим сжался, закрываясь тонкой рукой, торчащей из кружевной манжеты.

— Ваше величество, перестаньте, прошу вас, — взмолилась Кора.

Император словно ждал этих слов, сразу опустил трость и отбросил ее в угол.

— Вставай, бездельник, — приказал он адъютанту, — и благодари госпожу Кору Орват, которая тебя защитила.

— Я не смею! — адъютант поднялся на ноги и поклонился сначала императору, затем его госте.

— Будешь верным спутником Коре, — сказал император. — Она будет копать, вынюхивать, гадить нашей империи, потому что она прилетела с ненавистной нам с тобой Земли...

— Воистину!

— Помолчи. Но ты будешь ей помогать и способствовать. Ясно?

— Так точно.

— Сейчас пойдете в башню, где был злодейски убит наш дядя.

— О, нет! Я боюсь, — вздрогнул адъютант.

— Вызовешь полковника Аудия Реда. Он вас проведет и все объяснит.

— Но он же в больнице! — напомнил Гим.

— Только не его, — запротестовала Кора. — Ведь он меня, наверное, ненавидит.

— Разумеется, ненавидит. А как бы ты относилась к человеку, который отстрелил тебе три пальца?

— Я отказываюсь! — Кора топнула ножкой.

— Значит, проиграла?

Кора поглядела на красную рожу императора и подумала, что сделает все от нее зависящее и даже более того, чтобы не допустить его к своему телу.

— Вызывайте своего полковника, кавалер, — сказала она. — Но чтобы мне не смел мешать.

— Для тебя, моя красавица, не будет закрытых дверей.

Император приблизился к Коре и запечатлел поцелуй на ее обнаженном плече.

— Не спешите, Ваше величество, — холодно заявила Кора и, покачивая бедрами, покинула кабинет императора.

* * *

Изысканно вежливый, надушенный и напoмаженный адъютант проводил Кору в вестибюль дворца. Сейчас, отставив ножку и ручку, сообщил он, если Кора не возражает, они подождут несколько минут, пока придет господин полковник "Догони-подвинься!".

— Но он же ранен! — Кора все еще пыталась придумать повод отделаться от полковника, но адъютант Гим только отмахнулся:

— Господин полковник уже поправляется, — сказал он. — И не надо его жалеть.

— Почему?

— Потому что он — некрасивый, — сообщил ей адъютант и томно вздохнул. Потом добавил: — Я люблю только красивых мужчин.

— И императора? — спросила Кора.

— Император обладает внутренней красотой. Нас связывают духовные узы.

— Все ясно, — сказала Кора. — И долго нам ждать некрасивого полковника?

— Надеюсь, что недолго, — ответил адъютант.

Они спустились по мраморной лестнице, перила которой в знак траура по недавно усопшему императору были перевиты стеблями терновника. С потолка прихожей свисали траурные желтые вымпелы.

Могучие охранники распахнули перед ними двери, и яркое утреннее солнце ударило в лицо. Свежий ветер принес с далеких гор запахи хвои и грибов — на Нью-Гельвеции, к счастью, еще не завершилась промышленная революция. Адъютант остановился на широкой лестнице, которая вела к прямой аллее из хвойных деревьев.

— Чего мы ждем? — спросила Кора.

Адъютант ответил не сразу. Он извлек из кармашка в перевязи флакон с благовониями и начал умасливать себя за ушами.

— Почему вы не отвечаете? — спросила Кора.

— Потому что он уже едет, — ответил, наконец, Гим.

У ворот императорского парка показалась карета скорой помощи, влекомая четверью вороными конями. Неприятное предчувствие кольнуло грудь Кору.

Карета скорой помощи плавно остановилась у дворцовой лестницы и два санитар, соскочившие с запяток, открыли ее дверь и вынесли кресло на колесиках. В кресле, облаченный в больничный оранжевый халат, с торчащей вперед, словно пушка, забинтованной и загипсованной ногой, сидел полковник Аудий Ред и глядел на Кору с такой отчаянной собачьей ненавистью, что она непроизвольно спряталась за спину адъютанта Гима, а тот сказал примирительно:

— Аудий, не сердись! Это приказ самого императора.

— Убью! — прорычал полковник.

— А если в самом деле убьет? — спросила Кора у адъютанта.

— Не думаю, — ответил тот, — его величество этого бы не желал.

— Так скажите ему об этом!

— Честно говоря, я его тоже побаиваюсь, — признался адъютант. — Убить не убьет, но искушать может, а потом будут разбираться.

— Нет, — сказала Кора, выходя вперед, — мы от него убежим.

Санитары стояли сзади коляски. Из-под халатов у них выглядывали армейские сапоги.

Кора решила более не полагаться на мужчин.

— Слушай мою команду! — приказала она. — Сейчас мы все вместе отправляемся на место гибели императора Эгуадия. Там мы выслушаем объяснения полковника Аудия Реда. Господин император Дуагим желает, чтобы я была ознакомлена со всеми обстоятельствами преступления. Адъютант Гим, чего вы стоите, как столб? Где наша машина?

— Лучше помру! — сказал на это полковник, — лучше оторвите мне вторую ногу! Но чтобы я подчинился этой... этой инопланетной девке, — увольте! Нет, ты подойди ко мне поближе, девка, ты подойди! Я тебя придушу! Слава богам, у меня еще руки остались.

— Ах, так? — сказала Кора. — Тогда купите мне немедленно билет на ближайший рейс в Галактический центр. Пусть Организация Объединенных Планет знает, что на Нью-Гельвеции царит незаконие и бандитизм. Что ее император не может даже управлять собственными полковниками! А ну, пошевеливайся!

— Молчать! — раздался с неба голос императора, настолько могучий, что деревья в парке склонились до самой земли, а людям стало трудно дышать. Оказывается, Дуагим опять подслушивал разговор. — Ты,

полковник Аудий, больше не полковник, а лейтенант. Ясно?

— Так точно, — прошептал несчастный калека.

— А ты, Кора Орват, занимайся своими делами и не устраивай истерик в моем дворце. Никто тебя не тронет и никто тебя не убьет. Лейтенант Аудий проводит тебя в башню, а адъютант Гим будет защитником и опорой.

— Слушаюсь, — радостно закричал адъютант Гим, словно его произвели в генералы.

И тут же он засуетился, стал покрикивать на санитаров, торопить бывшего полковника, полковник смотрел на Кору волком и мысленно разрывал ее на части, а Коре было очень его жалко — в конце концов по ее же вине он отстрелил себе пальцы, мучается, страдает, вынужден будет уйти в отставку, а теперь вот подчиняется инопланетной девке.

Но тут Кора отбросила мысли о полковнике, потому что вот-вот она увидит это самое замкнутое помещение — мечту всех детективных писателей: от Эдгара По до Хруцкого, от Конан-Дойля до Сименона.

Появится шанс вписать свое имя в золотые скрижали детективной элиты...

...Западная башня, в которой погиб предыдущий император, относилась к тому же дворцу, в котором Кора только что побывала, но принадлежала к его отдаленному старому крылу, построенному еще в незапамятные времена средневековья, когда нравы были просты, а постройки крепки.

Так что им не потребовалось ни особых экипажей, ни проводников, чтобы добраться до одной из шести серых, сложенных из каменных глыб, высоких круглых башен, вид которых навевал образы рыцарей в кольчугах, с треугольными щитами, которые сражались у этих башен с драконами, защищая прекрасную даму, или просто ошивались вокруг в надежде, что дама покажется между зубцов на вершине башни, и

тогда можно будет закинуть ей туда ключик от пояса верности.

Санитары следовали впереди, толкая старомодное кресло с бывшим полковником, затем рядышком шли Кора и адъютант. Адъютант старался развлекать гостью, рассказывая примитивные, но жуткие истории, связанные с башней и, разумеется, кровавой борьбой за трон в Нью-Гельвеции.

Затылок полковника, возвышавшийся над спинкой кресла, был противен Коре и она старалась не смотреть на него.

— Подобный случай уже был шесть веков назад, — говорил между тем Гим. — Король Гидеон отправился в поход против горных еретиков, оставив свою прекрасную супругу Гиневьеву сторожить его замок и пасти стада.

— У вас моногамные браки? — спросила Кора.

— У нас всякие браки, — поспешил заявить Гим, и Кора поняла, что смысл вопроса до него не дошел. — Значит, он уехал воевать. А Гиневьева осталась пасти... можно сказать осталась в одиночестве...

— Балбес! — не оборачиваясь крикнул лейтенант-полковник. — Извольте придерживаться правил! Балладу о Гиневьеве положено докладывать в стихах!

— Но госпожа Орват не любит стихов, — сказал Гим.

— Тем хуже для нее.

И Аудий Ред принялся речитативом декламировать балладу, обращаясь к кружившим над ним попугаям:

— Спою о любви, о любви моя речь...

— Моя речь! — подхватил Гим.

— Король уезжая, оставил стеречь...

— Оставил стеречь или голову с плеч! — хором подхватили санитары в армейских сапогах.

— Стада и усадьбы оставил стеречь

Свою Гиневьеву!

Последние строчки спели хором, Гим подталкивал

Кору в бок, призывая принять участие в хоровом пении. Но Кора не присоединилась к хору.

— Король на войне отрубает врагам

Что нужно, ах нужно для вражеских дам!

Дает он врагам...

Тут смело вмешался мужской хор:

— По рогам, по рогам!

Не спи, Гиневьева!

Коляска катилась быстрее, Аудий Ред дирижировал хором, а все, включая Кору, печатали шаг.

— Не спит Гиневьева и слезы не льет, — хрипло завел новый куплет полковник.

Гим повел ласковым фальцетом:

— Но рано ложится и рано встает.

— На стирку и дойку с рассветом встает! — подхватили санитары.

— И помнит о муже! — завершил басом полковник.

И тут же повел третий куплет:

— А в замке соседнем брюнет и барон

Из рода ворон, из далеких сторон...

Увлеченная хоровым пением, процессия во главе с коляской въехала на пологий холм и уткнулась в дверь замшелой старинной башни.

Полковник желал петь далее, но Кора испортила песню, сказав:

— Этот ничтожный ворон из дальних сторон, то есть брюнет, вашу Гиневьеву соблазнил и бросил.

— Как так бросил? — возмутился полковник. Он даже повернул голову и попытался приподнять повисшие от позора и унижения усы. — Она сама его бросила!

— Я не спорю! — мягко сказала Кора. — Но мы приехали и вряд ли имеет смысл петь внутри башни, если мы хотим поглядеть, где и как погиб ваш любимый император.

— Ну уж — какой он любимый?! — вдруг усомнился чуткий к переменам в политике Гимочка. — Некоторые

его уважали, но многие не любили. Не было в нем твердости. А вы как думаете, господин Аудий Ред?

— Я думаю — распустил он вас! Якшался с демократами и либералами. Приблизил к себе секретаря!

— Уууу! — угрожающе завывали санитары в сапогах.

— И эту самую даму — Синдику!

— Ах, позор! — сказал Гим.

— А его связи с предсказателем Парфаном? — заметил один из санитаров.

— А может, и лучше, что его убили? — спросил Гимочка у Кора.

— Вы так думаете? — ответила вопросом Кора.

— Это моя теория.

— Я расскажу о ней в ИнтерГполе, — обещала Кора.

— Ну, зачем такие формальности! — почему-то встревожился Гим. — Сообщите господину императору Дуагиму, а уж он сам решит, кому сообщать дальше.

С кресла-каталки зарычало. Полковнику надоело ждать у башни. Может быть он хотел петь дальше, а может быть, не любил адъютанта Гима...

Низкая дверь в башню была приоткрыта.

— Пошли? — спросила Кора.

Санитары послушались ее и протолкнули коляску внутрь, трижды ударив о косяк гипсовой ногой полковника. Каждый раз полковник издавал львиный рык, Гимочка морщился и зажимал ушки, но Кора терпеливо ждала — лучше хоть какое-нибудь движение в расследовании, чем участие в спевках.

Первый этаж оказался достаточно просторным помещением. Пол был устлан соломой, напротив двери у стены на соломе сидело несколько солдат. Расстелив одеяло, они играли в кости. При виде гостей солдаты подниматься не стали — только проводили их взглядами до лестницы.

Лестница на второй этаж башни, к опочивальне покойного императора, вилась, прижимаясь к стене башни, она была крутой и, к сожалению, без перил.

— Здесь всегда пусто? — спросила Кора.

Полковник был вынужден ответить, потому что Гим дотронулся до его плеча.

— Когда покойный император здесь почивали, — сказал полковник, — то внизу целый взвод сидел.

— В ту ночь они тоже сидели?

— А как же!

— И ничего не заметили?

— Император вошел к себе в восемь вечера, — нехотя ответил Аудий Ред. — Затем закрыл за собой дверь на замок и засовы.

— Солдаты допрошены?

— Все, как положено. Допрошены. — Аудий Ред поморщился. Разговаривал он через силу. Но Кору его чувства не волновали.

— Кто из них слышал что-нибудь подозрительное?

— Послушай, дамочка! — У Аудия Реда не выдержали нервы. — Ну, если бы кто из них услышал подозрительное, он бы поднял тревогу, и все побежали бы наверх. Ежу и то ясно!

— Спасибо, — сказала Кора. — Теперь давайте осмотрим место преступления.

— Давайте, давайте, — поспешил поддержать Кору Гим, которому допрос полковника не нравился. Будто он боялся, как бы полковник в чем-то не проговорился.

Санитары стояли по обе стороны кресла, ждали команды.

Кора посмотрела наверх — лестница жалась к стене башни, каждая ступенька в полметра высотой, а шириной лестница чуть шире полуметра.

— Придется его на руках нести, — с сомнением сказал один из санитаров.

Полковник тоже смотрел наверх. Хоть воображение у него было бедным, он мог представить, как будет своими боками пересчитывать ступеньки. Полковник побледнел. Глаза стали совсем белыми. Если он и был сейчас похож на ищейку, то перед поркой.

Кора отлично понимала, что окажись она в положении Аудия Реда, он бы с садистским наслаждением заставил ее взбираться по лестнице. Он и не ждал милости от Кору.

Полковник не догадывался, что Коре было выгоднее оказаться наверху без него. Она сама сыщик и увидит все, что ей хочется.

— Чего вы ждете? — строго спросила Кора полковника.

Тот заморгал, но рта не раскрыл — держал себя в руках.

— Отдайте ключ господину адъютанту, — приказала Кора.

Полковник понял. Он тяжело перевел дух. Санитар произнес:

— Не положено. Ключ остается у нас.

— Желающие могут носить кресло вверх и вниз, сколько им заблагорассудится, — сказала Кора. — А мы с Гимом пойдем налегке.

Санитар сдался. Но последнее слово должно было остаться за ним.

— Чтобы там ничего не трогали! — приказал он.

— Пускай идут, — остановил его рвение полковник.

— Вот это речь не мальчика, но мужа, — сказала Кора, и Аудий Ред по-собачьи оскалился, чуя в ее словах оскорбление.

Дверь в опочивальню императора была открыта. Кора остановилась на площадке, рассматривая ее. Дверь была погнута и искорежена взрывами, что свидетельствовало о ее крепости: видно, ее сооружали в местные средние века в расчете на боевой таран.

Сама комната была меньше размером, чем казалась на экране. Справа от входа была лежанка, или кровать, на которой погиб император, но ни простыни, ни одеяла на ней не было — испачканные кровью вещи давно убрали. Судя по всему, никто в этой комнате больше не ночевал.

На полу мелом был нарисован контур человеческой фигуры. Там было найдено тело императора, который, видно, при последнем издыхании сполз на пол.

Кора поглядела вверх, выискивая взглядом окошко. Вот и оно — сквозь узкую, забранную решеткой щель, шириной сантиметров тридцать, скупно пробивался свет. На столике возле лежанки стоял подсвечник. Огарок свечи оплыл и накренился.

Потолок комнаты скрывался во тьме, пол был сложен из каменных плит.

— Пол проверяли? — спросила Кора. Так, на всякий случай.

— Да как вы снизу пробьетесь? Там же солдаты сидят, — удивился Гим.

Но потом все же решил не спорить с женщиной, подошел к открытой двери и крикнул вниз:

— Пол и потолок проверяли?

— Простукивали, мать твою! — пролаял снизу полковник.

— Вот видите, — сказал Гим. И развел руками: такой вот грубый нам попался полицейский.

Больше в комнате делать было нечего. Кора лишь осмотрела засовы и поняла, что закрыть их можно было только изнутри, а открыть — только взрывом, что и было сделано.

Кора подошла к пружинному матрасу, лежавшему на козлах, и уселась на край. Ей надо было подумать. Гим только мешал.

— Уходите, адъютант, — велела она.

— Куда? — не понял красавчик.

— Куда угодно. Вниз. К полковнику. Я буду думать.

— Ну, уж это лишнее, — искренне возразил Гим.

— Этим я отличаюсь от вас, адъютант, — спесиво ответила Кора. — Покиньте помещение.

Гим пожал плечами и ушел, предварительно окинув взглядом комнату, будто проверяя, не осталось ли здесь ценных вещей, которые Кора может похитить.

Кора откинулась на лежанке, опершись на локти, и попыталась представить себе, что же видел отсюда покойный император.

Снизу донесся голос Гима:

— А что возьмешь с идиотки? Она изображает из себя сыщика.

В ответ послышался смех.

Допустим, засовы закрыты. Мы верим полиции. Окно забрано решеткой. Печки или камина в комнате нет. Так что проникновение через дымоход исключается. Теперь вентиляция? Не видно никакой вентиляции. Значит, остается только пол. Плиты его кажутся достаточно тяжелыми, пыльными и хорошо пригнанными, чтобы можно было проникнуть снизу. К тому же, на первом этаже башни были солдаты. Даже если они и спали, то наверное, слышали бы как злоумышленники возьмется, поднимая плиту... мысли Кору изменили направление. Почему убийца выбрал такое странное оружие? Надо будет спросить, где лежат эти шампуры. Шашлыки... Может император готовил себе шашлыки, и убийца воспользовался тем, что оказалось под рукой? Нет, в комнате не видно и следа шашлычницы, да и странно, если бы император жарил шашлыки в своей спальне.

Если я убийца, размышляла Кора, то почему из всех возможных и удобных видов оружия я изберу предметы, оружием не являющиеся? Ведь убить человека шампуром трудно — какую силу надо иметь, чтобы вогнать в человека гнущийся стержень! А зачем вгонять два? Это означает, что убийца прокрался с двумя шампурами в руках, как матадор с бандерильями.

Да, следует начинать с шампуров, поняла Кора.

Она вскочила с лежанки — ей стало зябко.

Она вышла на лестничную площадку.

— Полковник, — спросила она. — А где орудия убийства?

Полковник сделал вид, что спит.

— Гим, помогите полковнику ответить на вопрос, — сказала Кора.

— Господин Аудий Ред, — заявил Гим ядовитым голосом. — С вами разговаривают!

Полковник упрямо молчал.

— Я буду вынужден доложить о вашем поведении императору, сказал Гим.

— Ах, зачем так грубо! — вмешалась в сцену Кора.

— Господин полковник такой рассеянный. Он забыл, где лежат шампуры!

— Да провалитесь вы сквозь землю! — зарычал полковник. — Не получишь ты шампуров! Это наше главное вещественное доказательство!

— Почему такая секретность?

— А потому что они земные! На них написано, что они земные! Да на нашей планете никто бы и не догадался, что это за палки такие, если бы не надпись — сделано в Махачкале! В мастерской имени Магомаева.

— Вы хотите сказать, что на вашей планете не знают шашлыков?

— А на вашей знают проколяки? — огрызнулся полковник. Он говорил с Корой, не поворачивая головы и глядя в стену. Он не скрывал своей ненависти.

— И не используют шампуры?

— Да мы их первый раз в жизни увидели!

— И кто же их привез сюда?

— Госпожа Орват, — поспешил вмешаться адъютант Гим, — вы на Земле, очевидно, полагаете нас варварами или людьми, не ведающими законов. На самом деле вы глубоко ошибаетесь. Вас беспокоят обвинения в адрес землян, которых нам пришлось изолировать до конца следствия. Вам обвинения кажутся беспочвенными и даже пустыми. Красавица, все это не так! Никто не намеревался обидеть землян, но обнаружилось, что наш возлюбленный монарх жестоко убит оружием, которого у нас не только никто не

употребляет, но никто и не знает. Вы называете это оружие шампурами. Ну скажите, прекрасная моя Кора, на кого должны были пасть наши подозрения, когда мы увидели тело императора, пронзенное именно шампурами?

Такой поворот дела был полной неожиданностью для Кору. Милодар ее к этому не подготовил, видно и сам не подозревал.

— Вы выяснили, кто привез сюда шампуры? — спросила Кора.

И тут же замолкла — господи, она же забывает, что играет роль идиотки! Она настолько увлеклась делом, что перестала следить за своим голосом. Кто-нибудь может догадаться, что она не так глупа, как кажется. К счастью, полковник и не смотрел в ее сторону, а Гим не слышал никого, кроме себя.

Кора громко засмеялась.

— Я догадалась! — воскликнула она. — Конечно же догадалась!

— Не может быть! — буркнул полицейский.

— Убийца купил шампуры, когда был на Земле. Купил, привез сюда и воткнул!

— Кто же тот турист? — спросил Гим.

— Наверное, надо искать среди приближенных императора, — посоветовала Кора.

— А мы ищем среди ваших соотечественников, — улыбнулся Гим.

— Они наверняка говорят, что не виноваты! — воскликнула Кора.

— Ваши соотечественники несут чепуху, — сказал полковник. — Они пытаются отрицать очевидные вещи. Они пытаются доказать, что не привозили шампуров и не делали шашлыков. Но все знают, что земляне любят шашлыки. Вот им и крышка!

— Можно подумать, что ваша цель — наказать всю Землю.

— Вот только доберемся, — мрачно сказал полков-

ник и Кора поняла, что стоит первой в списке кандидатов на наказание.

— Тогда я не представляю, что мне делать дальше,
— призналась Кора. — Вроде все ясно и ничего не ясно.

— Я знаю, что вам делать дальше! — пролаял полковник и его усы вздрогнули. — Сматывайтесь отсюда как можно скорее, пока мое терпение не лопнуло.

— А может быть, вы правы?

— Я всегда прав.

Кора сбегала по лестнице, обошла кресло и протянула полковнику узкую кисть.

— Господин Аудий Ред, я пришла поблагодарить вас за неоценимую помощь, которую вы оказали следствию.

— Еще чего не хватало! — испугался полковник. — Я этого не хотел.

— Но вы подсказали мне замечательный ход!

И оставив полковника и Гима в полной растерянности, Кора легко выбежала из башни и подозвала пробежавшего ленивой трусцой рикшу, который тащил разукрашенную двухколесную тележку.

— Куда, госпожа? — спросил тот.

— Прямо! — приказала Кора.

Когда рикша потянул легкую тележку вперед, Кора оглянулась. И не зря. Она увидела, как от башни отделились два велосипедиста в малиновой и белой форменных шляпах заботников, а из-за угла дворцового здания показалась черная карета, окошко в ней было приоткрыто, а из-за занавески поблескивали стекла бинокля. Как Кора и ожидала, император не хотел оставлять ее без присмотра. Что ж, придется отделяться от хвоста. Но так, чтобы это получилось случайно, а то усомнятся в ее глупости.

Из своего универсального ремня, к которому крепилась кобура, полная жвачки, Кора извлекла пудреницу и принялась прихорашиваться, поглядывая в

зеркальце, чтобы держать велосипедистов в поле зрения.

Дальнейшее требовало тончайшего расчета либо сказочного везения, которое выпадает лишь крайним идиотам.

В тот момент, когда черная карета настигла у перекрестка велосипедистов, кативших в нескольких шагах позади рикши, Кора неловко повернулась и выронила пудреницу, которая сверкнула золотой крышечкой, осыпала пудрой спину рикши и сгнула под колесами.

Испуганная потерей, молодая женщина безрассудно кинулась следом за пудреницей, крича:

— Держите ее! Это тетин подарок!

Подобно молодой пантере, Кора совершила прыжок за пудреницей, да так неловко, что опрокинула тележку рикши и, соответственно, обоих велосипедистов, которые врезались в тележку. Сама же Кора на лету неловко ударилась о бок кареты, карета врезалась в проезжавший мимо автобус и рассыпалась на куски, обнаружив в своем чреве двух заботников, которые управляли телескопами наблюдения.

Кроме того, Кора не удержалась на ногах и вперед головой влетела в проходной двор, который выводил вниз, на тихую улочку.

На этой тихой улочке Кора и остановилась, чтобы подсчитать свой ущерб и зализать раны.

Если не считать царапины на ноге, ран к счастью не оказалось. Любимый сарафанчик был помят, немного испачкан, но почти цел. Значит, не забыты еще уроки великого каскадера Пуччини-2, который работал в ИнтерПоле инструктором по прыжкам и считал Кору своей лучшей ученицей.

Очевидно, сыщики на какое-то время ее потеряли. Но не следует недооценивать их возможностей — преследователи охотятся за ней у себя дома, у них неисчерпаемые ресурсы и главное — страх перед императором. Скоро, очень скоро они ее отыщут.

Так что за тот короткий промежуток времени, который ей отпущен судьбой, она должна выполнить задуманное.

Кора хорошо знала план города: выучила его еще на Земле. Ей не составило труда за десять минут добраться дворами до посольства землян. Она знала, что посольство тщательно охраняется, а все телефонные разговоры прослушиваются. Казалось бы, самое разумное — кинуть через забор посольства письмо, но человек, которому Кора могла написать письмо, не поверил бы, что письмо от нее. Он решил бы, что вновь стал жертвой имперской провокации. Необходимо было личное свидание.

Никакие прыжки Коре бы не помогли — оставалось лишь запрещенное в цивилизованном мире действие — агрессия. Но так как ИнтерГпол никогда не ограничивался лишь цивилизованными действиями, Кора не колеблясь ни секунды, перебежками бросилась от дерева к дереву — вдоль задней стены посольства.

Стена там была высокой, а улица пустынной, потому с задней стороны посольство охранял лишь один часовой. Именно он и стал жертвой Кору.

Она подкралась к нему сзади, оглушила умелым приемом, затем раздела, связала и затащила на дерево, где принайтовила к толстому суку, торчавшему под углом над тротуаром.

От этой маяты она устала и вынуждена была прислониться к стене, чтобы перевести дух.

Как только дыхание восстановилось, Кора туго перебинтовала высокую грудь, переделась в мундир стражника, который был узок в бедрах и коротковат, но Кора надеялась, что в сумерках никто не будет присматриваться к ней внимательно.

Надвинув шляпу с перьями на глаза, она спокойно подошла к небольшой двери в задней стене посольства и нажала кнопку звонка.

После минуты томительного ожидания глазок в двери приоткрылся и глухой голос поинтересовался:

— Что вам нужно?

— Откройте!

— На территорию посольства вам проходить нельзя.

Главное было заставить этого посольского стражника открыть дверь.

— Я не собираюсь проходить! — ответила Кора. — Но тут кто-то сверток потерял, с документами. Может ваши? Вы только взгляните. Если не ваши, я в службу охраны отнесу.

Наступила пауза. Кора могла себе представить, как разрывается в противоречивых чувствах душа посольского стражника. А если это в самом деле потерянные посольские бумаги? И получить их — значит избавить посольство от каких-то неведомых неприятностей? А что если это провокация, если эти бумаги хотят подкинуть в посольство и за углом уже ждут заботники?

Понимая это, Кора кинула на стол свой главный козырь. Приблизив лицо к двери, она прошипела в щель:

— Только не бесплатно! Понял?

— Сколько? — произнес стражник с облегчением. Он привык, что в этом мире все продается и покупается: если предлагают купить, то вернее всего это не провокация.

— Шестьсот империалов!

— Ты с ума сошел! — ответил стражник. — Шестьсот империалов! Мы на той неделе триста за всю дипломатическую почту плюс труп дипкурьера вашим разбойникам заплатили.

— Не хочешь, не надо.

— Сто кредитов.

— Пятьсот.

— Покажи.

— Еще чего не хватало! Позавчера наши вам на паспорта туристов дали взглянуть, только их и видели.

- Сто пятьдесят.
- Триста или я отношу их в Охрану.
- Мне надо посоветоваться с Послом.
- И не думай! Через три минуты обход капрала!

Решай.

- У меня с собой двести кредитов.
- Давай сюда!

Кора подняла сверток с собственной одеждой.

Стражник приоткрыл дверь.

Кора сделала шаг вперед. Стражник стал закрывать дверь. Он почувствовал неладное.

— Не бойся, — сказала Кора, глядя ему в глаза. — Ты хочешь впустить меня в посольство. Ты хочешь впустить меня, потому что я — потерянный дипкурьер...

Кора собрала все силы, стараясь загипнотизировать стражника.

Гипноз — запрещенное оружие. Недаром уже прошли три или четыре межгалактические конференции по запрету биологического, ядерного и гипнотического оружия. Правда, до сих пор дипломаты не пришли к окончательному решению — хотя бы потому, что гипноз действует избирательно. Есть расы ему не подверженные, а есть племена, готовые впасть в транс по первому же слову гипнотизера.

Когда Кора вступала в ряды ИнтерГпола, она давала торжественное обещание никогда и никого не гипнотизировать, но в то же время прошла полный курс гипноза. Так что понимайте, как хотите. Завтра вы узнаете, что Кора может читать мысли, но лучше не верьте этой лживой информации, исходящей от врагов ИнтерГпола. Вот когда вы сами убедитесь в том, что Кора прочла ваши мысли, можете бить тревогу и вызывать психологическую скорую помощь.

— Да, — сказал стражник, оказавшийся при ближайшем рассмотрении милым, невысокого роста молодым человеком в домашнем костюме и шлепанцах с краси-

вым, но невыразительным, как у старинного фарфорового робота, лицом. — Мы давно вас ждали. Вы пропавший без вести дипкурьер. Одну минутку...

Стражник сделал шаг в сторону, пропуская Кору, но Коре нельзя было выпускать его из виду, потому что тогда исчезнет ее власть и чиновник поднимет ненужную тревогу.

— Веди меня к консулу Нкомо, — сказала Кора, — и скорее. Я должен передать ему важное письмо.

— Сейчас, курьер, — сказал охранник, — я проведу тебя к консулу Нкомо.

Они быстро поднялись на второй этаж посольского дома. На лестнице им встретился молоденький чиновник с синей папкой в руке. Он с изумлением посмотрел на стражника безопасности, который мирно шагал по посольству рядом с имперским охранником.

К счастью, Нкомо еще не покинул своего кабинета.

При появлении неожиданных гостей он вскочил с кресла и, обойдя стол, шагнул им навстречу.

— Что случилось? — спросил он голосом человека, который сотый день подряд выслушивает лишь неприятности от всех гонцов и курьеров.

— Стойте здесь! — приказала Кора охраннику.

— Понял.

Кора обернулась к консулу.

— Вы меня не узнали?

— Я не имел чести...

Кора сняла с головы каскетку имперского охранника, и ее золотые волосы рассыпались по плечам.

— Госпожа Орват?!

— Вот именно. У меня есть только три минуты времени. Ясно?

— Ничего не ясно, — ответил высокий негр. — Что это еще за авантюра? Понимаете ли вы, что в нашем положении надо взвешивать каждый шаг, каждое слово...

— Прекратите читать мне лекции, — огрызнулась

Кора. — Пока что вы еще не сделали ничего для наших земных пленников. А я стараюсь делать. И учтите, что я не такая идиотка, как вам сообщили.

— Но вы не имеете права вмешиваться...

— Надеюсь, вы говорите это не подумав, — сказала Кора. — И мне грустно, что вы уже потеряли две минуты. Тогда слушайте. Вы должны немедленно послать запрос на Землю. Вот по этому адресу и с таким вот текстом. Я не могу зашифровать текст, потому что у меня здесь нет своей гравистанции. Моя единственная надежда заключается в том, что император не читает посольский шифр.

— Тем не менее...

— Помолчите, консул! У меня осталось тридцать секунд. Иначе я зря убежала от слежки, обезоружила сержанта и загипнотизировала вашего охранника. Вот текст телеграммы. Пошлите немедленно. Ответ сообщите мне сегодня же ночью. Если такой возможности не будет, скажите мне по телефону лишь имя. Одно имя.

Кора протянула Нкомо листок.

Тот прочел вслух:

"Срочно выясните всех покупателей шампуров, сделанных в мастерской имени Магомаева в г. Махачкала за последние годы. Вычислите, кто из покупателей мог доставить шампуры на планету Нью-Гельвеция."

Кора."

— Я вас не просила читать телеграмму вслух, — заметила Кора. — Надеюсь, что нас не подслушивают.

Впрочем, это было слабым утешением. Разведчики и полицейские не имеют права рассчитывать на упущения противника.

Оставив консула Нкомо в растерянности, Кора вышла из посольства тем же путем, как и вошла, а на

прощание приказала посольскому охраннику начисто забыть о ее визите.

Притороченный к дереву сержант уже пришел в себя и издавал мычащие звуки.

Кора не стала приближаться к нему, чтобы он не увидел ее лица, а бросила под деревом его мундир и снова надела сарафан в белый горошек.

Выбравшись из тихого посольского района, Кора оказалась на шумной торговой улице. Здесь она взяла рикшу и велела ему ехать к императорскому дворцу.

— Эх! — сказал рикша, оглядываясь через плечо. — Не ты ли опасная земная преступница, которую ищет вся полиция?

— Не знаю, — искренне ответила Кора. — Может быть, это я, а может быть, произошла ошибка и ищут совсем другого человека. Но я думаю, что если мы с тобой доедем до дворца, то обо всем узнаем.

— Может быть, я не повезу тебя дальше, моя госпожа? — вежливо спросил рикша. — Кто-нибудь может решить, что я твой сообщник, мне отрежут голову, что было бы очень прискорбно.

Кора вынуждена была согласиться с логикой рикши и сошла с тележки как раз перед последним поворотом ко дворцу. Оставшиеся несколько десятков метров она прошла пешком и была благополучно схвачена заботниками, которые сновали по площади, то и дело заглядывая в спрятанные в ладошках миниатюрные фотографии Кору.

* * *

Кора не сопротивлялась, и потому ее доставили перед светлые очи императора Дуагима почти невредимой. Что не помешало ей стенать и размахивать встрепанными кудрями, жалуюсь на грубость местных стервятников.

— А не надо было, — без всякой жалости приветст-

вовал ее император, — не надо было обманывать моих сыщиков, бегать куда ни вздумается, таиться по подворотням. Зачем ты все это сделала?

Император был очень строг, даже грозен, принимал он Кору на этот раз не в малом интимном кабинете, а в обычной приемной для просителей, незатейливо украшенной сценами казней и пыток для того, чтобы просители знали, на что могут рассчитывать в случае плохого поведения. Фрески этого зала были старыми, кое-где обсыпались, и ясно было, что по крайней мере несколько поколений местных императоров обучали здесь хорошим манерам своих подданных.

— Ну что же ты молчишь? — спросил Дуагим.

— Я даже не знаю, что мне ответить, — сказала Кора.

— Ума не приложу.

— Говори правду, это лучшее, что можно придумать, имея дело с императором.

— Значит так... я выпала из тележки, на меня наехали какие-то глупые велосипедисты, меня задавила какая-то карета и все потому, что подобного беспорядка я не видела ни на одной планете. У вас вообще еще не придумали правил уличного движения.

— То есть ты хочешь сказать, что ты не нарочно устроила эту катастрофу?

— Я вообще ничего не устраивала. Я просто задумалась.

— Задумалась? Ты умеешь это делать?

— Я вообще часто думаю, — серьезно возразила Кора, глядя на императора в упор своими голубыми глазами. — Но не все об этом знают.

— О чем же? — спросил император, начиная таять под напором взгляда Кору. — О чем же ты думала?

— А я думала, — ответила Кора, — что если императора убили шампурами, то кто-то их должен был купить?

— Какая замечательная идея! Продолжай, мой мыслитель.

— Но купить их можно только в Махачкале, в магазине при мастерской имени Магомаева. Наверное, это не такая уж большая мастерская.

— Откуда ты это знаешь?

— Полковник Аудий Ред сказал.

— Я его убью!

— Нет, лучше пускай помучается.

Император задумался. Через минуту спросил:

— А зачем нам это знать?

— Если мы с вами сыщики и заинтересованы в том, чтобы узнать правду, мы пошлем телеграмму в Махачкалу и спросим: кто покупал у них шампуры?

— И ты об этом думала, когда упала на мостовую?

— Я не только думала, я еще и пудрилась, но моя пудреница, изготовленная из червонного золота, пропала — наверняка ее утащили ваши охранники.

Небрежным жестом император указал на узкий стол, над которым висела мраморная вывеска "ДЛЯ ЖАЛОБ И ПРОШЕНИЙ". На его покрытой пылью поверхности, давно уже не выдавшей ни одной жалобы, поблескивала чуть помятая копытами лошадей и каблуков стражи пудреница Кору.

— Ах, какое счастье! — воскликнула она, бросаясь к своему сокровищу. — Вы не представляете, император, какую вы доставили мне радость! Можно, я вас поцелую?

— Не здесь и не сейчас! — отрезал император, взглянув на замерших у дверей стражников, обернувшихся на предложение Кору.

— Тогда посылайте телеграмму, — сказала Кора. — Я хочу побыстрее закончить это следствие и улететь, миновав вашу постель.

— Угодишь в нее как миленькая, — возразил император. — Какую телеграмму ты хочешь послать?

— "В магазин хозяйственных товаров города Махачкала. Сообщите, когда и кому вы продавали за последние годы шампуры производства артели имени Магомаева."

— А кто такой Магомаев? — спросил Дуагим.

— По-моему, дрессировщик или ирригатор, — сказала Кора. — Так вы пошлете телеграмму?

— Разумеется, — неискренне ответил император.

— А где ты была после того, как вылетела из тележки?

— Я? Я шла сюда. У меня же не было кошелька, а язык ваш я знаю недостаточно хорошо. Мне было очень страшно, многие мужчины меня домогались.

— Ах, оставь! Кто будет тебя домогаться в моей столице?

Кора не стала отвечать, она лишь оправила сарафан тем жестом, который наиболее выгодно выявлял линии ее бедер и обычно сводил с ума мужчин. Рыжий император зарычал от страсти, и Кора сказала:

— Я вся провоняла потом и пылью: у вас очень нечистый город. Так вы пошлете телеграмму?

— Разумеется! Сегодня же!

— Вы позволите мне покинуть вас и привести себя в порядок?

— Иди. Но в восемь-тридцать попрошу тебя быть во дворце на балу по случаю месяца со дня моей коронации.

На этом Кора откланялась.

Пожалуй, день прошел не зря. Ей удалось сделать то, что она задумала. Во-первых, пробраться в посольство и отправить запрос в Махачкалу о шампурах. Она была уверена, что Милодар из-под земли достанет полный список покупателей. Во-вторых, она с подобной же просьбой смогла обратиться к Дуагиму. Она не верила в то, что Дуагим пошлет второй запрос. Но если пошлет — значит не имеет отношения к смерти своего предшественника. Если же император не отправит запроса, то это означает, что он или отлично знает, чьими шампурами пронзен император, или знать этого не хочет. И то и другое полезно для следствия.

А теперь можно отправиться в гостиницу и пере-

одеться к вечернему балу. Бал тоже был нужен Коре: ведь она еще ничего не знала об окружении покойного императора — как будто он жил в вакууме. Коре было известно, что император был вдов и бездетен. Но ведь были у него близкие люди? И на балу она попытается что-нибудь о них узнать.

* * *

На бал Кора оделась тщательно, опустошив свой большой чемодан. Ей надо было поразить здешнее высшее общество — недаром перед отлетом она проштудировала модные журналы из Нью-Гельвеции и заказала в хозуправлении ИнтерГпола несколько нарядов. Сегодняшний должен перещеголять экстравагантностью любое одеяние на императорском балу.

Гим привез ее на бал и тут же исчез: умчался что-то улаживать, и Кора имела время осмотреться и показать себя избранному обществу. Мертвая тишина и последующая волна шума, прокатившаяся по залу, доказывали, что она попала в точку. Глухие удары тел о паркет и тихие крики свидетельствовали о нескольких обмороках, вызванных приступами черной зависти.

Танцевальный зал дворца был высок, этажа в три и длинен, но с боков стиснут двумя рядами мраморных колонн. На балконе, в торце зала размещался оркестр. Зал был освещен электрическими лампами. Ламп было много, но они все время перегорали и лопались, осколки сыпались сверху на высокие прически и обнаженные плечи придворных дам.

Кора выступила вперед на открытое пространство в центре зала — туда не смел ступить ни один из гостей. Кора понимала, что нарушает некие незывлемые правила этикета, но именно к подобным нарушениям она и стремилась.

Вокруг Кору шумели придворные, кривились недо-

вольными гримасами женские лица, пахло пудрой, потом и одеколоном; мужчины пожирали глазами украшенные золотыми бабочками обнаженные плечи и бедра залетной красавицы.

Император, который вошел в зал следом за Корой, увидел ее издали, потому что все склонились в глубоком поклоне, а Кора, не зная, что надо кланяться, осталась стоять, как сигнальный столб высотой в сто восемьдесят сантиметров. Кроме того, нарушив по крайней мере дюжину строжайших установлений и правил, Кора помахала императору прекрасной ручкой, охваченной вместо браслетов, совершенно как живыми, робо-гадюками, и крикнула:

— Привет, Дуагим! Вы послали телеграмму в Махачкалу?

Император, натянуто улыбаясь, широкими шагами пересек замерший зал и, подойдя к Коре, возмущенно зашипел:

— Спасибо, что хоть на ты не обратилась! За хамство тебя положено четвертовать.

— Тогда вы наверняка проиграете пари, — ответила Кора, лучезарно улыбаясь. Так лучезарно, что даже в злобной душе императора что-то дрогнуло.

— Первое танго за мной, — сказал он, отмахиваясь от золотых бабочек, которые восседали на плечах Кору, и время от времени, будто собираясь улететь, начинали взмахивать крыльями, усеянными маленькими алмазами.

Когда император, верный своему слову, пригласил Кору на первое танго, она повторила вопрос:

— А как с телеграммой?

— Пошлю, пошлю, — отмахнулся император. — А твои змеи не кусаются?

— Зачем же я буду своих поклонников истреблять? — удивилась Кора.

— А если бы я не был поклонником?

— Тогда и посмотрим, ваше величество, — ответила Кора.

— В таком случае я не буду рисковать. А как проходит ваше расследование?

— Отвратительно, — призналась Кора. — Мне не с кем поговорить о преступлении.

— Говорите со мной.

— Вы не скажете правды.

— Я поклялся не лгать вам, — ухмыльнулся император.

Кора чувствовала уколы враждебных глаз — сотни людей смотрели на нее и мысленно готовили ей гибель. Она была вызовом всей женской половине придворного человечества.

Танцевал император плохо, грубо, по-солдатски. Коре все время приходилось думать о том, как бы вовремя убрать ногу из-под его сапога. Наконец, танго кончилось. Император отвел Кору к стойке с прохладительными напитками и взял себе высокий бокал, забыв угостить гостью.

— Эй! — крикнул император. — Ирациум, пес паршивый! Иди сюда.

От небольшой группы придворных, напряженно наблюдавших за императором, отделился прямой в спине, выглаженный и тщательно причесанный господин. Подойдя к императору, он низко поклонился.

— Вот кто тебе нужен, — сказал император. — Это советник Ирациум, бывший секретарь моего дяди. Ирациум, расскажи даме из ИнтерГпола все, что ты знаешь об убийстве своего шефа.

— Убийство его величества императора было совершено заговорщиками с Земли, — ответил советник. Каждое движение его губ было экономным и размеренным. Размеренность была главным качеством господина Ирациума. — Я надеюсь, что это злодеяние не останется безнаказанным.

Советник обернулся к императору, словно ожидая похвалы. Так оборачивается пудель к дрессировщику. Глаза советника были испуганными.

— Молодец, продолжай, — сказал император и обер-

нул к Коре, пояснив: — После смерти моего дяди этот старый идиот остался без работы. А я так и не решил, дать ему пенсию или пускай проживает наворованное.

Император громко расхохотался и, еще не зная, в чем причина смеха повелителя, многочисленные гости разразились хохотом.

— Да помолчите вы! — император обернулся к хохочущему залу и замахал руками, стараясь его унять. Кора почувствовала, как тонкие сухие пальцы советника дотронулись до ее руки. Она приняла у него свернутый в горошину листок бумаги и незаметно заложила его за браслет. Змея блеснула алмазным глазом.

— Мне больше нечего сообщить следствию, — сказал советник Ирациум, когда смех улегся и император снова обратил к нему строгий взор.

— Хорошо, иди.

Император поднял руку и, подчиняясь этому жесту, сквозь толпу к ним приблизился адъютант Гим.

Император сказала Коре:

— Как видишь, ничего нового тебе от придворных не узнать. Весь мой народ убежден в том, что виноваты твои соотечественники. Я думаю, что в своем докладе ты сообщишь об этом.

— Посмотрим, император, — сказала Кора.

— Тогда иди в гостиницу. Гимочка тебя проводит.

Император потрепал красавца по курчавой голове.

— Я хотела бы еще повеселиться, — сказала Кора. — Я так редко бываю на балах.

— Хорошо, разрешаю тебе протанцевать три танца с моим Гимом.

Император ушипнул взвизгнувшего от радости адъютанта, потом ушипнул взвизгнувшую от боли Кору и довольный, смеясь, покинул зал.

Пока оркестр играл бурный местный танец, в котором кавалер и дама должны были по очереди подкидывать партнера (что удавалось далеко не всем), Кора спросила у Гима, где находится дамский туалет.

Тот смутился и покраснел. Оказывается вопросы такого рода — страшное табу. Женщина на Нью-Гельвеции скорее умрет, погибнет от разрыва мочевого пузыря, чем опустится до такого вопроса.

Так что Гим мог лишь зажмуриться и показать пальцем общее направление.

В том направлении Кора и упорхнула. Публика расступалась перед ней, и она неслась по живому коридору, как Золушка, убегавшая с бала.

В тесном и неблагоустроенном женском туалете она уединилась в кабинке и развернула записку, написанную микроскопическими буквами на папиросной бумаге.

"В десять вечера вас будет ждать человек у номера 64 на четвертом этаже вашей гостиницы."

Ни подписи, ни разъяснений. Но этого Коре было достаточно. Дело сдвигалось с мертвой точки. Она искала — ее нашли.

Кора поглядела на часы, вмонтированные в глаз одной из змеек. Восемь часов тридцать две минуты.

Кора вышла из туалета. Гим ждал ее поблизости, глядя в сторону.

Кора воспользовалась его деликатностью, сделав вид, что не заметила своего чичероне. Она скользнула в другую сторону и, не внимая призывным возгласам спохватившегося адъютанта, вбежала в танцевальный зал, выбрала офицера гигантского роста, который как раз вертел головой в поисках партнерши, и кинулась к нему в объятия с громким вопросом:

— Вы пригласите меня, кавалер?

Так как на Нью-Гельвеции такое поведение дам на придворном балу немыслимо, то офицер некоторое время ошалело хлопал глазами, стараясь понять, что же происходит. Однако его мама, баронесса Двраж, которая совсем недавно начала выводить сына в свет, отлично понимала, что нельзя отказывать иностранке, с которой

танцевал император. Поэтому она всадила в ляжку сына вязальную спицу (матери на балах вяжут) и зашипела: "Соглашайся, болван!".

Так что, когда Гим прибежал от туалета, Кора уже кружилась с офицером Двраж в страстном вальсе, недавно завезенном с Земли и потому считавшимся танцем экзотическим и эротическим.

Кора хихикала, визжала и смеялась так заразительно и непосредственно, что на следующие танцы у нее не было отбоя от кавалеров, а несчастный Гим был вынужден бегать вокруг нее, чтобы не оставлять ни на секунду без присмотра — но попробуйте это сделать в зале, где толпятся сотни знатных танцоров. Кроме нескольких синяков, полученных от особо щипучих кавалеров, Кора обзавелась и некоторыми нужными сведениями. В частности, она узнала, что госпожа Синдика страшно переживает смерть императора, но находится в опале, не допущена на бал в императорский дворец и ждет со дня на день ссылки в отдаленное имение, если не в монастырь. Однако навестить ее нельзя, потому что ее дом охраняется. Кора узнала, что Гим ревнует императора к балерине Пруцкой, которой тот увлекся последнее время, правда, судя по сегодняшним событиям, положение балерины Пруцкой пошатнулось, потому что император увлечен красоткой, прилетевшей с Земли якобы для того, чтобы разгадать тайну убийства бывшего императора. И главное: покойный император был склонен к оккультным наукам и нередко встречался с неким предсказателем Парфаном, существом подозрительным и неприятным, но весьма осведомленным.

Любой сыщик, не только Кора, был бы доволен своей работой на балу. Знай император о достижениях Кору, никогда бы не разрешил ей даже приблизиться к балу. Теперь настала пора возвращаться в гостиницу, благо репутацию самой нахальной, экстравагантной и сумасбродной девицы в империи она уже завоевала.

— Бежим, — шепнула Кора адъютанту, отыскав его в толпе потных танцоров. — Я устала как собака.

— Слава богам! — откликнулся адъютант, — я уже потерял надежду извлечь вас из этой стаи самцов.

— Неужели вы не опасаетесь называть так ведущих баронов империи?

— Они не посмеют поднять на меня даже палец, — сказал Гим, — пока император любит меня.

— Но все на свете проходит, — заметила Кора. — Любовь императора минет и они набросятся на вас.

— К тому времени, — лукаво усмехнулся молодой человек, — я отыщу себе другого могучего покровителя.

Кора потрогала змей, обвинивших ее предплечья — батарейки в них истощились, головки вяло повисли — словно это были не змеи, а усталые земляные черви. Кора сняла их и положила в сумочку, потом уже внизу, у лестницы, отцепила разноцветных бабочек. Сразу стало легко и свободно, как бывало в детстве, когда мама снимала с тебя лечебные банки или горчичники.

— Как жаль, что вы не мальчик, — с искренней горечью произнес Гим, помогая Коре сесть в карету. — Я бы мог вас полюбить.

— А я бы не смогла, — призналась Кора, — хоть ты и мальчик.

Гим обиделся, и они доехали до гостиницы молча.

Отдавая приказ дежурившему в вестибюле охраннику не выпускать Кору до утра из гостиницы, Гим торжественно поглядывал на нее: все-таки смог показать власть над ней. А это утешение для слабого.

* * *

Кора поднялась к себе на четвертый этаж и осмотрела номер. Номер, разумеется, был тщательно обыскан, вещи просмотрены, каждый шов распорот и зашит снова, правда не так аккуратно как раньше, даже в креме и

зубной пасте побывали чужие пальчики. Впрочем, Кора другого и не ждала. Это был не первый обыск в ее жизни.

Не зажигая света Кора подошла к окну и выглянула наружу. Окна номера выходили на переулок. Под фонарем маячила фигура в черной накидке агента внешнего наблюдения.

До назначенного свидания оставалось еще минут сорок, и потому Кора спустилась в бар по лестнице и убедилась в том, что в пустынных белых коридорах агентов не было. Очевидно, император считал, что им достаточно ошиваться в вестибюле и на улице.

В баре к Коре попытался пристать местный богач — рот в золотых коронках, брюки для слона, пиджак с висячими плечами: таков был очередной каприз моды на Нью-Гельвеции.

В полутемном, переполненном народом баре не было нужды изображать из себя дурочку-землянку. И тут Кора отыгралась за все: она перевернула нахала в воздухе и аккуратно уложила его на соседний столик, за которым сидели офицеры. Они принялись молотить нахала, который так вопил, что Кора смогла незаметно уйти. Никто за ней не следил. Она поднялась на четвертый этаж и отыскав шестьдесят четвертый номер, постучала в дверь.

Белая с золотыми разводами дверь отворилась не сразу — словно Кору долго рассматривали в замочную скважину. Затем дверь чуть приоткрылась и оттуда зашипели:

— Тшшшш...

Кора приставила палец к губам, чтобы показать, что поняла предупреждение.

Дверь открылась шире — так что Коре удалось втиснуться внутрь — и тут же захлопнулась. Щелкнул замок.

Может, ее заманили в ловушку? Завтра выйдут газеты с заголовками: "Еще один шпион Земли" или "Где была ты, Кора, в половине одиннадцатого?"

Кора не успела придумать, что последует за такими разоблачениями, как услышала размеренный голос господина Ирациума, советника покойного императора.

— Мы благодарны вам, что вы нашли время и мужество встретиться с нами.

В комнате горела только настольная лампа, и потому присутствующие были освещены лишь ниже пояса. Коре были видны черные брюки и хорошо начищенные башмаки советника, а также подол лилового, расшитого синим бисером, вечернего платья дамы.

— Нам тоже было нелегко решиться на такую встречу.

— Советник подчеркивал каждую фразу рубящим движением руки. — Но мы решили: если эта встреча поможет восстановить справедливость, мы готовы на все.

— Даже на смерть, — произнесла дама. У нее был ломкий голос много плакавшего человека.

— Даже на смерть, — повторил советник.

— Спасибо за доверие, — произнесла Кора. — За вами следили?

— Здесь следят за всеми, но верные люди провели нас черным ходом, через кухню, и потому есть надежда, что заботники из "Бригады исчезновения" нас не заметили.

Дама Синдика (это была она) глубоко вздохнула.

Кора понимала ее. Она испытывала теплое чувство к этой паре — как ко всем гонимым и преследуемым существам Галактики. Но понимала так же, что должна быть настороже: если в тоталитарном государстве встречаются трое, то, как правило, один из них оказывается агентом службы безопасности — таков всемирный закон, сформулированный на рубеже нашей эры римским естествоиспытателем Плинием Младшим в момент, когда он наблюдал извержение Везувия, погубившее Геркуланум и Помпеи.

— Если мы не будем рисковать, — сказала дама в лиловом, — то наша страна никогда не освободится от власти безумного тирана и импотента.

Глаза Кора привыкли к полутьме, и она разглядела тяжелые, но не лишённые привлекательности черты лица дамы, ее высокую причёску, напоминающую крепостную башню розового цвета, детские пухлые пальчики с золотыми ноготками.

— Держись, Патриция, держись, — произнес советник.

Он был незаметен и обтекаем, каким и должен быть хороший советник.

— Я хотела бы сесть, — сказала дама. — Я ничего не вижу!

Они уселись в мягкие кресла и головы их оказались в тени. Это Коре не понравилось, потому что она предпочитала наблюдать за лицами собеседников, читая их мысли и понимая, кто лжет, а кто говорит правду. Если ей приходилось допрашивать кого-нибудь, Кора всегда направляла в лицо собеседнику сильный свет настольной лампы, чтобы тот не мог скрыть от нее своих истинных мыслей. Такова практика в ИнтерГполе и не нам ее хвалить или осуждать.

— Дама Синдика, — произнес советник Ирациум, — являлась близкой подругой...

— Спутницей жизни, — всхлипнула дама.

— Спутницей жизни его усопшего величества.

— Очень приятно познакомиться, — сказала Кора. Она не знала, какие знаки внимания следует проявлять в таких случаях, и решила обойтись без них. Но сердце ее забилось сильнее — каждый сыщик знает это чувство: вдруг в твоих руках оказывался ценный свидетель! Настоящая добыча!

— Могу ли я задать вам несколько вопросов, госпожа? — спросила Кора.

— Для этого мы и устроили встречу, — сказал советник. — Если на какие-то вопросы госпожа не сможет ответить, я постараюсь ей помочь.

— Император жил один? — спросила Кора.

— В отличие от современного деспота, — ответил за

даму Синдику советник, — наш возлюбленный император не обладал развратными наклонностями. После кончины его драгоценной супруги...

Коре показалось, что скрытое в полутьме лицо госпожи Синдики исказила мимолетная гримаса. Кора улыбнулась — женщина в ней поняла другую женщину. Коре тоже надоели комплименты в адрес законных супругов ее поклонников. Сколько ей пришлось выслушивать в жизни любовных клятв, которые заканчивались сентенцией: "Ах, если бы я уже не был женат на этом ангеле!"

— После кончины драгоценной супруги нашего императора он жил в одиночестве. И госпожа Синдика помогала ему скрасить вдовство, — продолжал советник.

Госпожа Синдика громко всхлипнула.

— Вы жили во дворце?

— Ах, нет! — сказала Синдика.

— Это было бы самоубийством, — размеренно объяснил советник. — Даму Синдику отравили бы на второй день, а мы с императором были бессильны ее спасти.

— Значит ли это, что императору во дворце угрожала опасность?

— Если бы не угрожала, он был бы сейчас с нами, — горько пожаловалась дама Синдика.

— Он же мертв! — подытожил с нотой удивления в голосе советник.

— Смерть могла быть результатом внешнего заговора или нападения, — сказала Кора.

— Неужели и вас удалось убедить, что это могли сделать несчастные земляне, которых ко дворцу на пушечный выстрел не подпускали? — удивился советник.

— Меня в этом убедить невозможно, — улыбнулась Кора. — Я с детства принадлежу к этой сомнительной компании.

— Почему сомнительной? — дама Синдика не поняла иронии.

— Госпожа Кора Орват изволила неудачно пошутить,

— пояснил советник, и Кора почувствовала, что краснеет. Эти измученные и запуганные люди не были склонны к шуткам.

— Простите, — сказала Кора.

— Стремление людей Земли посмеиваться над тем, что им незнакомо или непонятно — одна из причин, по которой их не выносят в Галактике, — заметил советник.

— Не везде, — осторожно возразила Кора.

— Практически везде, — сказал советник.

— Дело не в шутках, — перебила его дама Синдика, — а в том, что с Земли исходят разные вредные течения и мысли. В частности, так называемая демократия, для которой наш народ еще не созрел.

Кора хотела спросить, сколько ему еще зреть, но удержалась от вопроса, который скорее всего лишь ухудшил бы отношение Галактики к жителям Земли.

— Мы отлично понимаем, — сказал советник.

— Как интеллигентные люди, — добавила дама.

— Мы отлично понимаем, что не бывает плохих планет и плохих народов. Есть плохие земляне и хорошие земляне.

— У меня даже были знакомые среди землян, — пояснила дама, — ведь и среди землян встречаются порядочные люди.

— Спасибо! — искренне произнесла Кора.

— Но другие так не думают, — сказал советник. — Другие говорят, что земляне — наши постоянные и опасные враги.

— Как тараканы, — не вовремя добавила дама Синдика.

— Ах, погодите! — остановил ее советник. — Дело не в наших мнениях, а в том, что с помощью гонений на землян, может быть, кое в чем несправедливых, наш новый император хочет оправдать свой приход к власти, а также заручиться поддержкой народа.

— Наиболее темных сил в народе, — уточнила дама Синдика.

— К этим силам покойный император относился отрицательно? — спросила Кора.

— Более чем отрицательно! — воскликнула дама Синдика. — Он говорил мне, что сначала они истребят землян, потом возьмутся за евреев, а в конце концов упразднят пост императора.

— Все, что было хорошо при покойном императоре, стало преступным при нынешнем, — сказал советник.

— И наоборот, — вставила дама.

— Он не уверен в том, что имеет право на престол...

— А разве он оттеснил кого-то?

— Четырех претендентов! — воскликнула дама Синдика. — И все имели больше прав на престол.

— Где же они теперь?

— Ах, не говорите! — дама Синдика достала из-за корсажа синий платок и промокнула глаза.

— Ее кузен — один из них, — пояснил советник.

Кора решила, что пора продолжить расспрос.

— Кто имел доступ к императору?

— Когда? — не понял советник.

— Ночью. Я имею в виду его спальню, башню. Ночью, вечером, утром...

— В опочивальню он не пускал никого, — твердо ответил советник.

Кора посмотрела на даму.

— Не хотите же вы сказать, — ответила на немой вопрос дама, — что я стала бы отдаваться императору на походном топчане?

— Нет, нет, это я сказать не хотела! — таким образом Кора вернула себе и даме уважение к племени любовниц.

Дама снова потянулась за платком.

— Господин Эгуадий, — сказал советник, — неоднократно объяснял мне причины своего поведения. У него были все основания бояться покушения со стороны племянника. Фактически шла гонка...

— Гонка? — удивилась Кора.

— Да, гонка! — повторил советник. — Император

набирал компрометирующие материалы на племянника. Ведь нельзя же посадить в тюрьму племянника просто так! Сначала его участь должен решить конституционный суд.

— У вас есть конституция?

— У нас — конституционная монархия, — гордо ответил советник.

— Продолжайте.

— Император ждал гонца с Севера: тот вез документы об участии племянника в заговоре. Племянник не стал ждать документов... Император понимал, что тот не будет ждать, но был уверен, что племяннику до него не добраться.

Советник упорно отказывался называть правящего императора по имени. Наверное, здесь это означает определенное презрение?

— Император говорил, что с радостью допускал бы в опочивальню меня или даму Синдику. Но где гарантия, говорил он, что за твоей спиной не спрячется убийца?

— Вы хотите сказать, — осторожно спросила Кора, — что убийцей мог оказаться сам нынешний император?

— Ни в коем случае! — ответил советник и в ужасе обернулся к двери.

Кора проследила за его взглядом, неуловимым движением подскочила к двери, открыла замок и распахнула ее.

Коридор был пуст. Но за поворотом были слышны быстрые шаги.

— Если не он, то кто же? — спросила Кора, возвратившись в номер.

— Есть человек, к которому мы оба испытываем подозрение, — сказала дама Синдика.

— Это предсказатель Парфан, — пояснил советник.

— Этот выскочка!

— Этот недоумок.

— К тому же он пьянствует. Я его вообще никогда трезвым не видела.

Послышался громкий скрип. Дама замерла. Советник тоже. Медленно отворилась дверь в номер. Кора метнулась к ней. Никого.

— Видно, я плохо прикрыла ее, — призналась Кора, но ей никто не поверил.

Гости Кору заторопились уйти, но она не отпустила их, пока не услышала мнения дамы о предсказателе Парфане.

— Я ненавидела этого Парфана! — дама Синдика взмахнула пухлыми ручками.

— Вы имеете в виду предсказателя?

— Меня всегда удивляло сближение господина императора с предсказателем. Ни один интеллигентный человек не верит Парфану! А наш повелитель всегда был таким интеллигентным человеком! — сказал советник.

Госпожа Синдика энергично кивала головой — слово "интеллигентный" на этой планете несло в себе большой эмоциональный заряд.

— Он пользовался предсказаниями Парфана?

— Мне кажется, что он не пользовался ими как руководством к действию, но прислушивался к словам этого грязного человека! — ответил советник.

— Дайте мне воды, — попросила госпожа Синдика.

— Я так волнуюсь!

Советник приподнялся и налил воды в бокал из высокого графина.

— Расскажите мне подробнее об этом предсказателе, — попросила Кора. Интуиция подсказывала ей, что в этом направлении возможны открытия.

— Но что можно сказать о таком недостойном существе? — воскликнула дама Синдика. Ее тяжелая розовая прическа закачалась.

— Я был бы осторожнее в оценках, — произнес советник. — Мы судим о человеке не по нашему к нему отношению, а по его реальным делам.

— Это не дела! — возразила дама Синдика. — Это жульничество. Я знаю много отличных интеллигентных

предсказателей, они помогают людям, открывают будущее, а этот... этот делает людям гадости!

— Предсказатель Парфан не берется гадать для людей, — объяснил секретарь. — Он утверждает, что не знает будущего. Но знает прошлое. И по прошлому может безошибочно отгадать будущее.

— Я не понимаю.

— Многие не понимают. Но объяснить наверное сможет только он сам. Я же узнал о его философии от самого императора, который доверял ему.

— Откуда этот Парфан родом?

— Кажется, как и вы — из Солнечной системы. Впрочем, разве это имеет значение?

— Не знаю. Продолжайте, господин Ирациум.

— Император говорил мне, что с помощью Парфана смог найти в прошлом некие разгадки для будущего. И говорил еще, что собирается с помощью предсказателя разоблачить покушение.

— Предсказатель и убил его, — уверенно произнесла дама Синдика. — И я надеюсь, что вы сможете это доказать.

— Мне надо увидеть этого предсказателя, — сказала Кора.

— Я понимаю, — сказал советник. — Но поймите и нас — мы не можем проводить вас в его дом. Это слишком опасно. За нами следят. Мы многим рискуем...

— Я согласилась на свидание с вами, — сказала дама Синдика, — только потому, что пылаю мстостью к убийцам моего драгоценного царственного сожителя. И если я, даже ценой собственной жизни, смогу им отомстить, считайте, что я умру счастливой.

— Предсказатель Парфан обитает за чертой города, — сказал секретарь. — В районе Стреггл, у поворота к молочной ферме Крогуса. Напротив этой фермы и находится вилла предсказателя. Но будьте осторожны. Мы не сможем дать вам провожатого — вы должны проникнуть туда одна.

— Хорошо, — сказала Кора.

— Теперь нам пора расставаться, — сказал секретарь.

Он по-земному протянул ей руку. Кора пожала его узкую, влажную от волнения ладонь. Госпожа Синдика приблизила к ней щеку. Щека была липкой от спекшейся пудры, духи сожительницы покойного императора пахли удушающе.

— Я надеюсь, что мы встретимся в лучшие времена, — прошептала дама Синдика. — И я смогу принять вас у себя дома. К сожалению, пока я блюду траур и никого не принимаю.

Кора вышла первой. В коридоре было пусто. На цыпочках она добежала до задней лестницы и спустилась на свой этаж.

Дверь в ее номер была не заперта.

Кора вошла без опасения — интуиция изменила ей. Лишь пройдя до середины комнаты, она догадалась, что в номере не одна.

— Кто здесь? — прошептала она.

— Это я, — раздался ответный шепот, в котором послышался смехок. — Не ждали?

* * *

Кора протянула руку к выключателю, но знакомый голос остановил ее:

— Не смей!

— Почему?

— Из темноты лучше видна улица.

— Зачем мне смотреть на улицу?

Коре казалось, что желтые, в медь, волосы императора светятся в темноте.

— Подойди к окну! — приказал император, — но особенно не высывайся.

Голос звучал так, что не подчиниться ему было нельзя.

Кора прижалась к раме и выглянула наружу. Улица, на которую выходил боковой фасад гостиницы, была хорошо освещена, у тротуара стояла длинная черная машина.

Из-за угла, от входа в гостиницу, появились два человека. Кора сразу узнала их. Советник покойного императора, одетый в длинный темный плащ, в низко надвинутой на лоб шляпе, вел под руку закутанную в черную мантилью даму Синдику.

Они подошли к машине. Секретарь оглянулся, прислушался, потом открыл дверцу машины. Кору настигло предчувствие неминуемой беды.

— О, нет! — воскликнула она и попыталась открыть окно.

— Поздно, — сказал император. — Часы судьбы бьют двенадцать.

Мгновенное колебание Кору оказалось роковым.

Госпожа Синдика успела обойти машину и нырнуть в дверь, открытую советником, занявшим место водителя.

Хлопнула одна дверца, другая. На шестой секунде раздался взрыв.

Оранжевое пламя заполнило автомобиль, приподняло его и кинуло на землю.

— Вот и все, — сказал император. — Так мы расправляемся с предателями родины и народа.

— Вы убийца! — воскликнула Кора и кинулась на императора с поднятыми кулаками.

Император захохотал. Сквозь открытую форточку в комнату пополз черный дым.

Кора поздно спохватилась, что в гневе она себя выдает. Император не должен был догадаться, что она любимая ученица каскадера Пуччини-2 и обладательница тройного черного пояса по борьбе у-ку-шу.

От ее мгновенного выпада, все еще продолжая хохотать, император перевернулся, встал на голову, несколько раз подпрыгнул, пружиня темечком и взлетев в воздух, въехал рожей в зеркальный шкаф.

Потом тяжело свалился на пол и принялся тихонько подвывать, как побитый щенок.

Кора кинулась было с извинениями, но спохватилась, потому что поняла, что извинения лишь усугубят ее вину. Важнее было убедить побитого императора, что она ни в чем не виновата.

— Император, что с вами? — воскликнула она. — Почему вы кидаетесь на шкаф? Что вас напугало?

— Кто... — промычал император, пытаясь подняться с ковра... — Что это ... кто посмел? — он снова рухнул на ковер.

Несмотря на всю ненависть и презрение к этому мерзавцу, Кора пересилила себя, присела перед ним на корточки, нежно приподняла его тяжелую, все еще вздрагивавшую от страха голову и прикоснулась кончиками пальцев к оцарапанному носу.

— Кто посмел обидеть моего мальчика? — проворковала она. — Кто так толкнул господина императора? Мы найдем, кто нас обидел...

Император уже собрался с силами и оттолкнул Кору.

— Это ты, змея? — спросил он. — Это ты меня...

— Простите, ваше величество, — отпрянула Кора. — В чем вы меня подозреваете?

— В том! — отрезал величество. — Вот именно!

Он поглядел на разбежавшуюся трещинами зеркальную дверь шкафа, потрогал шишку, выросшую у него на лбу, потрогал другую, уже заметную на макушке, утер кровь из носа...

— Это было так ужасно! — произнесла Кора. — Он выскочил из угла и так вас толкнул!

— Из угла? Кто? Здесь никого быть не может! Что ты несешь?

— Разве бы я посмела, ваше величество...

В три широких шага император преодолел комнату, и распахнул дверь в коридор. От двери прыснула охрана — человек шесть.

— Что тут произошло? — рывкнул император. — Кого вы впустили?

— Дверь была закрыта, ваше величество, — посмел ответить Гим. — Но там так шумело, мы просто испугались... за вас, ваше величество.

Император обернулся, поглядел на робко стоявшую красавицу и, вздохнув, заявил:

— Пришлось немножко рассердиться... а я когда сердитый, то очень опасен. Вот именно — опасен! И пускай об этом помнят наши враги.

Последние слова были сказаны так решительно, что охрана не выдержала и ударила в ладони. Аплодисменты заполнили гулкий коридор.

Кора сложила ладони на груди. Она была — само смирение.

— И чтобы больше — ни-ни! — рывкнул император. По коридору бежал покрытый сажей охранник.

— Ваше величество? — закричал он, — все удачно! Мы их взорвали!

— Молчать! — взбеленился император. — Мы никого не взрывали. И если кто-то сам взорвался, туда ему и дорога.

Охранник заблеял, но повинувшись легкому движению руки императора, его поволокли прочь. Пошатываясь и поглаживая большую шишку на макушке, император кинул еще один угрожающий и недоуменный взгляд на Кору. Рожа у него была краснее обычного, нос распух, на лбу вздувался синий бугор.

Император захлопнул за собой дверь.

Кора кинулась к окну. Внизу догорала машина. Кучка любопытных стояла на расстоянии, не подходя близко — люди здесь знали, что лучше не приближаться к чужому несчастью.

Кора стояла у окна, глядела вниз и думала, что ее вина в гибели этих людей велика и непростительна. Она должна была сообразить, что император легко выследит этих наивных вельмож и будет рад возможности и

погоду от них избавиться. А она еще дала волю своим чувствам... Если даже император и сделает вид, что верит в ее невиновность, в душе он затаит хамское недоверие. И месть. Отныне она должна быть трижды осторожной. Ах, Милодар, Милодар, где ты сейчас? Где твои мудрые советы, секретные подсказки и тайная помощь? Как ты далек от своей ученицы!

* * *

Кора услышала тихий скрип. Будто кто-то наступил на половицу. Нет, звук иной... Так открывают дверь.

Кора метнулась к выключателю. Яркий свет люстры озарил номер. Номер был пуст, но совершенно разгромлен. Короткая схватка Кору с массивным императором недешево обошлась гостинице. Кресла были повалены, кровать разворочена так, словно на ней отдавались любовным ласкам несколько слонов одновременно, зеркальная дверь массивного шкафа являла собой громадную звезду из трещин, в центре которой находилось черное отверстие — место, к которому прикоснулся лоб императора.

Именно эта зеркальная дверь качнулась и медленно открылась, словно под порывом ветра.

С облегчением Кора шагнула к двери, чтобы прикрыть, но она упорно продолжала открываться.

Коре это надоело, и она дернула дверь на себя.

Дверь сразу распахнулась и обнаружилось, что за ней в шкафу стоит небольшого роста, средних лет, чуть начинающий полнеть человек. Одет человек был в длинный малиновый бархатный халат, ночные туфли на босу ногу и серый ночной колпак. Несмотря на столь домашний вид и некоторую расхлябанность движений, свидетельствующую об опьянении гостя, он сохранял респектабельность. Во взгляде, округлости щек и блеске глаз

Кора сразу разгадала любителя поестъ, выпить, приударить за красивой женщиной; однако все в меру, все без напряжения... Ах, как далека была она от истины!

— Простите, — улыбнулся человек вежливой, сдержанной улыбкой. — Вы разрешите войти?

— Еще этого мне не хватало! — невежливо откликнулась Кора. — И давно вы там?

Человек вышел из шкафа, бегло оглядел себя, стряхнул с халата пылинку, выпрямился и протянул Коре руку:

— Александр Александрович Парфан, — сообщил он. — Наверное вам обо мне уже рассказывали.

— Парфан? Предсказатель?

— Ну не так категорично! Если мне удастся иногда заглянуть в прошлое и увидеть в нем будущее, я рад помочь моим друзьям. Вы разрешите сесть, а то я устал стоять в пыльном шкафу.

Кора не возражала, он поднял с пола перевернутое кресло и уселся в него, совершенно забыв, что желательно поднять и поставить еще одно лежавшее на боку кресло — для хозяйки дома.

— Давно вы здесь? — спросила Кора.

— Достаточно давно, если судить по тому, что у меня руки и ноги затекли, — сказал Парфан. — Мне надо было сказать вам всего три слова; для этого безопаснее всего встретиться с вами именно в вашем номере: в любом ином месте вы находитесь под наблюдением. Надеюсь, вам это известно?

— Мне это известно.

— Тогда прошу прощения, что позволил нанести вам визит в таком... фривольном наряде. Но у меня не было выбора.

— Продолжайте.

— Я проник в ваш номер примерно час назад. Вас не было, но следы вашего присутствия были налицо. Я понял, что вы вышли ненадолго, вернее всего в бар, и решил вас подождать... Но тут случилась неприятность!

Открылась дверь, и вошел известный вам человек, имени которого я не называю, потому что здесь даже стены имеют уши.

— Вы имеете в виду императора?

— Именно его.

— Так бы и говорили.

— Не зажигая света, император уселся в кресло, а я предпочел отсидеться в тишине, хотя честно говоря был встревожен тем, что у вас, простите, назначено с ним свидание, и я окажусь случайным свидетелем... Ах, как ужасно!

— Ну почему уж так ужасно? — сказала Кора, изображая удивление.

— Потому что я такой возбудимый, такой нервный! Я бы не вынес любовной сцены с вашим участием! Я бы умер от ревности!

— Вы ни черта бы не увидели, — заметила Кора. — Из шкафа, который стоит в темной комнате, много не увидишь.

— А воображение?

— Продолжайте: я устала, мне хочется спать.

— Во-первых, мне не о чем больше говорить, потому что дальнейшее вам известно... Во-вторых, вы спать не собирались.

— Что же я собиралась делать?

— Вы намеревались нанести мне визит. А так как я живу за городом, ваш визит затянется далеко за полночь.

— Какой еще визит, если вы здесь?

— Это я сейчас здесь, но для того, чтобы я оказался здесь, вы должны будете нанести мне визит туда.

— По-моему, вы сумасшедший.

— Я совершенно нормален, — сказал Александр Александрович, потягиваясь в кресле. — Только я устал сегодня больше вас. И этот визит для меня самого полная неожиданность. У вас не будет глотка рома или коньяка? Будьте любезны, посмотрите в холодильнике.

Кора хотела бы отправить его далеко-далеко, но

вспомнила, что все же он ее гость, хоть и незванный, а глоток коньяка и ей самой не повредит. Она открыла холодильник, отыскала в нем бутылку и рюмки, протянула одну Александру Парфану, а вторую залпом выпила сама.

— Нельзя так пить коньяк, — расстроился гость. — Хороший же напиток, а вы его, как русские водку — хлоп и готово! А букет? А аромат?

— Господи, да говорите же, что вам нужно и уходите!

— Во-первых, — возразил Парфан, — еще рано уходить: вокруг столько охранников, что даже мне сквозь них не просочиться. Дайте им разойтись и успокоиться. Во-вторых, я очень перенервничал в шкафу. Честное слово, я не думал, что останусь в живых... Простите, господин советник и госпожа Синдика уже взорвались?

— Вы надо мной издеваетесь?

— Значит, взорвались. Именно поэтому вы обозвали нашего любимого императора убийцей и нанесли ему телесные повреждения.

Кора не стала больше спорить с этим человеком. Он был или ненормален, или слишком хитер.

— Но поймите меня, — продолжал Александр Александрович. — Я сижу в шкафу, молю бога, чтобы император вас покинул, как вдруг раздается страшный грохот — я только потом сообразил, что таким образом вы пытались уничтожить нашего возлюбленного монарха. А когда он грохнулся головой в зеркало... — Парфан с грустью поглядел на зеркало и укоризненно покачал головой, — я был убежден, что в шкаф попала авиационная бомба, и мне пришел конец. Вам смешно?

— Нет, не смешно. Потому что я не знаю, что привело в мою комнату чужого мужчину в такое время ночи?

— В следующий раз я обязательно выберу лучшее время, — ответил Александр Александрович. — Хотите утром?

Он уютно устроился в кресле и протянул полную

руку с рюмкой, чтобы Кора налила ему коньяку. Та, удивляясь тому, что подчиняется этому человеку, наполнила рюмку.

— Я посмел вас побеспокоить, — сказал Александр Александрович, вальяжно отпивая из бокала, — потому что в нашем недавнем разговоре мы не все успели сказать друг другу.

— Я вас не знаю и никогда раньше не видела.

— Ах, Кора, милая моя Кора, — вздохнул Парфан.

— Разве я ставил под сомнение столь непреложный факт? Разумеется мы с вами еще никогда не встречались. И более того, я гарантирую вам, что по парадоксу, существующему в мироздании, через два часа я вас не буду знать, хотя вам покажусь знакомым. Понятно?

— Нет.

— Я не ожидал, что вы поймете, но в любом случае учтите мои слова при будущей встрече. Не забывайте, что меня считают предсказателем, хотя я не знаю истинного будущего. Я знаю лишь то будущее, которое уже свершилось.

— Александр Александрович, — заявила Кора. — Я вас не понимаю, а вы не хотите, чтобы я вас понимала.

— Умница. И в самом деле я сейчас этого не хочу — все должно идти своим чередом. Даже если тебе хочется поторопить события. Я завершу нашу будущую встречу тем, что оставляю вам эту вещицу. Если можете, то не раскрывайте сейчас этот пакет. Тем более, что смысл моего дара станет вам понятен лишь позже.

Александр Александрович вытащил из внутреннего кармана своего пиджака небольшой плоский пакет размером с портсигар и протянул ей.

— Берегите его пуше собственного ока. Надеюсь, что они завтра не будут устраивать нового обыска в вашем номере.

Александр Александрович смотрел, как Кора, не говоря более ни слова, кладет пакет на стол.

— Только не так! — возразил он. — Пакет должен быть спрятан. Здесь разгадка вашего дела. Без этого пакета вы будете бессильны. Поверьте мне.

— А если это взрывное устройство?

— Ну вот, нагляделись на других и теперь дрожите, — укоризненно сказал Парфан.

— Посмотрите в окно — машина еще дымится.

— Перестаньте, Кора. Ваша пуля еще не отлита, ваша бомба еще не собрана. Спрячьте пакет как следует.

И Кора подчинилась ему. Она открыла свою дорожную сумку, сделанную из мягкого вязанного металла, отстегнула второе дно, которое невозможно определить никакими приборами, и вложила в щель пакет.

Александр Александрович внимательно наблюдал за ее действиями.

— Теперь вы удовлетворены? — спросила она.

— Пока да. Думаю, что теперь мне можно идти. Охрана дремлет, спрятавшись по углам, господин император нажрался спирта, чтобы заснуть, потому что все его шишки и ссадины безумно болят. Вам же пора собираться с визитом ко мне.

— К вам?

— Вот именно.

— И не подумаю!

— Обязательно поедете, иначе как бы я догадался, что забыл вам передать этот пакет? Ведь сначала будет наша беседа, а потом я вспомню о пакете.

— Господин Парфан! — взмолилась Кора. — Вы меня совершенно запутали.

— Ничем не могу помочь, — ответил тот. — Но учтите, что при первой встрече я вас не узнаю. Не удивляйтесь этому парадоксу.

Предсказатель подошел к двери в коридор, приоткрыл ее и осторожно выглянул наружу.

Затем он оглянулся, подмигнул Коре и прошептал:

— До встречи!

Кора хотела было что-то сказать ему вслед, но Пар-

фан приложил палец к губам. И в самом деле, ему надо было быть осторожным.

Дверь за предсказателем закрылась.

В номере наступила тишина. Только в окно проникал запах горелой резины, шкаф был распахнут, а на столике возле кресла стояла пустая рюмка.

* * *

Кора посмотрела на часы.

Половина двенадцатого. Ничего-себе, выдался денек! Столько событий, что в иной ситуации на них не хватило бы и недели.

Следовало тщательно обдумать все, что уже произошло, но голова отказывалась думать.

Кора окинула взглядом комнату. Разумеется, голова и не будет думать, пока тело находится в таком окружении. Рассудив так, Кора за пять минут бешеной деятельности привела номер в порядок. Теперь лишь мусорное ведро, полное битой посуды, да зеркало в шкафу напоминали о прискорбном инциденте с императором Нью-Гельвеции.

Работа помогла Коре восстановить бодрость мышц и ясность мысли.

Но главную проблему она распутать так и не смогла.

Проблема заключалась в таинственном визитере, который выдавал себя за предсказателя Парфана и утверждал, что она придет к нему сегодня же ночью. Это было бредовое предположение, если не считать того, что она и в самом деле намеревалась нанести визит предсказателю по подсказке ее несчастных знакомых — советника и дамы Синдики.

Если разгадка этому визиту существовала, то она могла заключаться лишь в том, что ее визитеры до посещения гостиницы почему-то поделились своими мыслями с респектабельным Александром Александро-

вичем (если он, конечно, Александр Александрович), и тот считал нужным спрятаться в шкаф в номере Кору.

Но что же в пакете?

Кора достала его и взвесила на руке. Он не тикал, не шумел, не жужжал, вообще не издавал никаких звуков. Наощупь он был тверд, но не настолько, чтобы казаться металлическим.

Ах, будь что будет! Кора решила рискнуть. Она положила пакет на стол, сама присела за столом на корточки, полагая, что если он оторвет ей руки, это меньшая беда, чем потеря головы.

Прижав голову к толстой ножке стола, Кора поднятыми руками разодрала обертку.

Ничего не случилось.

Она осторожно ощупала пальцами гладкую, даже скользкую поверхность подарка. Сбоку были какие-то вырезы. Похоже на видеокассету.

Кора поднялась. Догадка оказалась правильной — у нее в руках была кассета. Но в комнате не было телевизора и тем более видеомэгнитофона — надо найти место, где можно прокрутить кассету в одиночестве. Пока такого места она не знала и вряд ли его можно найти среди ночи.

Конечно, можно попробовать еще раз побывать в посольстве, но связанного полицейского наверняка уже нашли и ее там ждут. Еще нет ответа на телеграмму.

Возвратив кассету в тайник, Кора налила себе полную рюмку коньяка и, отпивая его большими глотками, напряженно думала.

Очевидно, ей ничего нового не узнать, если не поговорить с настоящим предсказателем Парфаном. Именно там и может таиться ответ на тайну.

Кора отделила от своей сумки боковую стенку, которая, развернувшись, превратилась в тончайший черный комбинезон с капюшоном и черными очками ночного видения, закрывающими большую часть лица. Потом натянула все это на себя.

Кора свернула одеяло на постели, как делала в детстве, убегая с мальчиком в кино из-под маминого надзора, и осторожно выглянула в коридор. Но тут ей не повезло — по коридору, посматривая по сторонам, шел настороженный заботник. Кора еле успела прикрыть дверь. Чтобы не тратить зря время, она подобралась к окну — с четвертого этажа было видно, что внизу под фонарем дежурят два агента. Еще один выглядывал из-за угла. Но Кору эти соглядатаи не смущали. Стараясь слиться с серой, давно некрашеной стеной, она медленно выбралась на карниз и поползла по нему к углу. Поднялся ветер, который норовил столкнуть ее в пропасть. Летучие мыши, сидевшие в ряд на карнизе, бесшумно, но зловеще взмывали в воздух перед самым лицом.

Кора доползла до угла дома и, тщательно выбирая опору, переползла на другую стену. И тут, как назло, один кусок штукатурки оторвался от карниза и полетел вниз. Кора вжалась в карниз, понимая, что сейчас в нее ударят лучи фонарей и прожекторов... раз, два, три... Но удара о землю не последовало. Вместо этого послышался пронзительный крик:

— Убивают!

Кора поняла, что, на ее счастье, штукатурка угодила в голову соглядатаю, и все внимание агентов приковано сейчас к нему. словно черная молния она ринулась вдоль карниза и через несколько секунд достигла пожарной лестницы. Когда она спускалась по ней, то увидела, как с запозданием лучи фонарей с мостовой ударили вверх, в угол карниза, в поисках причины обвала. Но ее лучи не коснулись — никто не мог бы предположить, что Кора может так быстро передвигаться по карнизам.

Ночная темнота гостеприимным покровом скрыла Кору от чужих глаз. Мимо проезжала большая карета и, практически невидимая, Кора примостилась на запятках. Через полчаса, сменив две кареты и один автомобиль, она достигла окраины города. Именно там, на

краю леса, — любимого места отдыха горожан, засыпанного консервными банками, пакетами из-под сладостей, презервативами и прочими атрибутами цивилизации, располагался район респектабельных вилл. Район Стреггл был престижным и считалось, что жить там — свидетельство отличного вкуса и наличия достаточных средств. Жители этого роскошного района терпели вопли и пьяные песни загулявших горожан, страдали от постоянных ограблений и вторжений пьяных хулиганов ради того, чтобы на вопрос "Где вы живете?" отвечать многозначительно:

— У нас небольшая вилла в Стреггле.

Нужная ей вилла была обнесена высоким каменным забором. На столбах горели электрические лампочки, в их свете поблескивали кусочки битого стекла, увенчивавшие гребень стены. Железные ворота, перетянутые стальными полосами, словно старинный сундук, были покрашены в черный цвет, а на столбе над калиткой была прикреплена табличка: «Вилла "Лунный свет"».

Можно было попытаться перелезть через забор, но Кора отказалась от этой мысли. Человек, который принял такие меры, чтобы не допустить к себе в сад случайного прохожего, наверняка предусмотрел такие попытки.

Отказавшись от идеи незаметно проникнуть к предсказателю и поглядеть, как ему живется-может, Кора нажала кнопку звонка.

Через несколько долгих минут ожидания по ту сторону ворот послышались степенные шаги. Мужской голос произнес:

— Потерпи, Колокольчик, ты успеешь его растерзать.

Кора откинула тонкий черный капюшон и сняла черные очки. В железной калитке открылся круглый глазок и в нем Кора увидела внимательный человеческий глаз.

— Кто такая? Почему не знаю?

— Я — Кора Орват, агент ИнтерГпола, — ответила она... — Ваш адрес мне дали господин советник Ирациум и дама Синдика...

— Почему я должен вам верить? Может быть, вы самозванка?

— Я ничем не могу доказать вам, что я не самозванка. Но хочу сказать, что всего час назад дама Синдика и советник Ирациум были убиты.

— Что?!

— Они взорваны в своей машине. На моих глазах, возле моего отеля.

— Подождите, подождите, — голос предсказателя дрогнул. — Сейчас я открою... это же злодейство!

Наконец калитка со скрипом отворилась. Возле нее стоял мужчина в длинном халате и ночном колпаке. Рядом — громадный добродушного вида пушистый кот, размером с овчарку, который нервно зевнул при виде Кору: ему была видна лишь ее голова — белое лицо и золотой локон, все остальное было затянато в черный комбинезон и неразлично в ночи.

Лицо мужчины было Коре хорошо знакомо. Это был недавний гость из шкафа. Никакого сомнения в том, что перед ней стоит либо сам Парфан, либо его брат-близнец, быть не могло.

Не выдав ничем своего удивления при виде Кору, хозяин дома пропустил ее во двор, а сам выглянул наружу, проверяя, не привела ли она с собой преследователей. Кот обнюхал Кору и высоко поднял хвост, выражая добрые чувства к гостье.

Парфан зазвенел цепочкой, заскрипел засовом, закрывая калитку.

— Здесь район — ужасный! — с горечью сказал он. — Я все собираюсь отсюда уехать, но так трудно найти хорошую виллу! А здесь у меня лаборатория, приборы, оборудование. Вы хотите меня спросить, почему я не держу охраны? До потому что я очень недоверчивый человек. А охрану можно купить или запугать. Нас же

с Колокольчиком запугать и перекупить нельзя, правда, котик?

Кот прошел, касаясь Кору телом, погладил ее хвостом, заглянул в глаза.

Убедившись в том, что ворота надежно закрыты, предсказатель повел Кору к довольно мрачному, запущенному двухэтажному строению с узкими почти крепостными окнами и белыми пузатыми покосившимися колоннами перед фасадом. Свет горел лишь в одном из окон первого этажа.

В тесной прихожей предсказатель задержался, запирая входную дверь, — он был взволнован, и даже его обычная респектабельность куда-то подевалась — перед Корой был средних лет полный мужчина в дурацком ночном колпаке, с мешками под глазами.

Предсказатель не скрывал своего страха и в гостиной. Он закрыл шторой окно, заглянул в соседнюю комнату, словно хотел убедиться, не таятся ли там враги.

— Говорите, — попросил он Кору наконец.

— Странно, — сказала Кора. — Мы же с вами встречались.

— Когда? — жидкие брови Парфана поднялись вверх.

— Наверное, два часа назад. Неужели вы меня успели забыть? — Кора совершенно не верила этому типу, но должна была признать, что он гениальный актер: мужчина в халате был буквально потрясен заявлением Кору. Трудно было поверить, что он так естественно лжет.

— Клянусь вам, что я не видел вас никогда в жизни! — сказал мужчина. — Клянусь здоровьем моей покойной мамы!

Это была самая странная из клятв, которые ей приходилось слышать, но Кора старалась не показать своего удивления.

— Я видела вас в гостинице "Олимп", в моем номере

на четвертом этаже. Вы, кстати, дожидались меня в шкафу.

— Продолжайте, продолжайте! — воскликнул Парфан с заинтересованностью ребенка, которому не терпится узнать, чем закончится увлекательная сказка. — Я вас дожидался в шкафу? Два часа назад? Зачем же я залез в шкаф?

— А вот это — ваше мужское дело! — рассердилась Кора.

Сбитый с толку ее словами предсказатель опустил взгляд на ее талию, бедра, колени... потом судорожно сглотнул слюну и произнес: — И все же нет! Хотя в некотором смысле, я понимаю, что ваше высказывание оправданно. Таких ног мне не приходилось встречать уже шесть лет. А какой у вас рост, простите?

— Сто восемьдесят шесть! — отрезала Кора. — А в шкафу вы сидели, потому что у меня в номере тайлся император.

— Кто?

— Им-пе-ратор! И перестаньте меня разыгрывать. Не делайте из меня дурочку. Неужели вы думаете, что я верю хоть единому вашему слову?

— Не верите? — Парфан искренне вздохнул, еще раз покосился на ноги ночной гостьи и сказал: — Вы садитесь, садитесь, пожалуйста. В ногах правды нет...

— тут он неожиданно смутился, покраснел и добавил: — Только не подумайте, что имею в виду ваши личные ноги! Это такая поговорка.

— Спасибо за подсказку, — ответила Кора. — У вас выпить чего-нибудь найдется? Мне надо успокоить нервы.

— Одну минутку!

Запахивая развевающиеся полы халата, Парфан кинулся к резному шкафчику, который стоял у стены, справа от покрытой изразцами печки. Он раскрыл дверцы шкафчика и вытащил оттуда бутылку, до половины наполненную прозрачным напитком, и две фарфоровые чашки.

— Вы простите, — сказал он. — Обычно я не пью и

не употребляю, даже не угощаю никого. Только его императорское величество... А вы уверены, что вас навестил именно сам императорское величество?

— Наливайте, Александр Александрович, — попросила Кора. — И не будем изображать невинных кроликов. Если вы смогли пробраться ко мне на четвертый этаж, в гостиницу, оцепленную агентами императора, гостиницу, возле которой произведено злодейское убийство...

— О, бедная дама Синдика! — вновь расстроился предсказатель и разлил напиток, судя по запаху, пшеничный спирт, по чашкам. — Я так ее уважал! Это она сообщила вам, что друзья иногда называют меня земным именем — Александр Александрович?

— Это вы мне сами сообщили. Как вылезли из шкафа, так и сообщили. — Кора отхлебнула из чашки — напиток был и на самом деле спиртом, вполне чистым, даже приятным. Кора допила спирт. Предсказатель сразу разлил еще по чашке. И вроде бы даже не заметил, как выпил.

— А что я еще сообщил?

— Вы мне передали пакет... — Да что я с вами разговариваю всерьез! Вы что, тянете время? Вы вызвали императорскую стражу и теперь ждете, пока она появится здесь и заберет меня?

— Ни в коем случае, Кора Игнатьевна, — взмолился предсказатель. — У меня ничего подобного и в мыслях не было.

— Кора Игнатьевна?

— У меня тоже есть свои источники информации, — потупился предсказатель. — Мне не все равно, кто прилетел из ИнтерГпола, мне не безразлична судьба моих соотечественников.

Коре хотелось ему поверить: голос его звучал искренне, и он с такой готовностью подливал спирт Коре, и сам выпивал вместе с гостьей, что трудно было заподозрить в нем злодея.

— И все же я не понимаю, — сказала Кора. — Почему вы настаиваете на том, что видите меня впервые. Мы же виделись два часа назад!

— Я не могу вам все объяснить сразу, — сказал Парфан. Язык с трудом подчинялся хозяину. — Но я те, Кор, все изложу, честное слово.

Он пьянел буквально на глазах.

— погоди, погоди! — закричала на него Кора. — Ты мне нужен трезвый. Времени — в обрез!

— А ты мне скажи, Кор, — предсказатель стащил с головы ночной колпак и стал вытирать им вспотевшее лицо. Тонкие редкие волосы разметались серым нимбом.

— Ты мне скажи, я те угрожал из шкафа, да? Обидел?

— Ты меня не обидел, — сказала Кора. — Ты говорил, что мы еще встретимся. Предсказывал.

— Во, видишь! Я ж предсказатель, а не фей драконий?

Кора задумалась. Разумеется, он был прав. Выйдя из шкафа, Александр Александрович предсказал ей, что они с ней встретятся в ближайшие часы, и его предсказание полностью сбылось. Вот она на его вилле — правда, есть опасность, что великий предсказатель намеревается, напившись спирта, заснуть мертвым сном.

Голова предсказателя упала на грудь. Кора потрясла его за плечо.

— Зачем прибежал в гостиницу? — спросила она настойчиво.

— Вот именно, — согласился предсказатель. — Я еще не прибежал. Я попозже побегу, понял? Я — предсказатель, а не фей драконий!

Он аккуратно свернулся калачиком и улегся на потертый ковер, намереваясь окончательно заснуть.

Все случившееся было для Кору неожиданностью и неожиданностью неприятной. Она спешила сюда, чтобы вести расследование, а вместо этого получила смертельно пьяного человека.

Кора поглядела на часы. Прошло чуть больше часа с момента ее бегства из гостиницы. Совершенно неизве-

стно, когда погоня настигнет ее. А настигнет она ее наверняка.

Кора оглядела комнату. В ней царил запущенность, холостяцкий неуютный быт. Всюду были разбросаны книги, кассеты, бумаги. В углу валялся компьютер с разбитым дисплеем, на ковре — тестер. Плоскогубцы уместились на тарелке с недоеденной лапшой. Этого жилья давно не касалась заботливая женская рука.

Кора наклонилась к предсказателю и легонько хлопнула его по щеке. Тот забормотал что-то в глубоком забытии. Да, не повезло тебе, Кора Орват!

Но сдаваться было не в правилах Кору. Будучи настоящим сыщиком, она знала, что если попала в дом — особенно в дом подозреваемого, следует обязательно провести осмотр этого места — когда еще попадешь сюда снова!

Громадный кот Колокольчик вошел в комнату, обнюхал спящего хозяина, поднял голову, перехватил взгляд Кору и глубоко вздохнул. Глаза у него были умнее человеческих.

— Я тут ни при чем, — сказала Кора. — Он сам наливал. Ты же видишь — я в норме.

Колокольчик наклонил голову, видимо соглашаясь с гостьей.

— Ты не возражаешь, — спросила Кора, — если я посмотрю, как вы тут устроились?

Кот удивился и поднял одно ухо.

— Я не все еще поняла, — объяснила Кора. — Но от моего решения, от моей догадки зависит жизнь многих людей. Мне не хочется, чтобы они умирали. Среди них есть ... как бы тебе объяснить, — не только коты и кошки, и даже человеческие котята.

Кот широко открыл пасть и нервно зевнул. Ему было неприятно слышать об угрозе жизни котят.

— Тогда я пошла, можно?

Колокольчик пошел первым, он умел открывать двери. Если дверь открывалась наружу, он нажимал громадной

лапой на дверную ручку, поворачивал ее вниз и толкал дверь крутым лбом. Если дверь открывалась вовнутрь, то он умело подцеплял ее когтями и тянул на себя.

Кора понимала, что кот ей попался очень умный, так что она решила довериться Колокольчику и не соваться в те комнаты, куда Колокольчик ее не приглашал.

Не останавливаясь, они миновали рабочий кабинет, который показал предсказателя как достаточно опытного мастерского — всюду, без всякого порядка, правда, были разбросаны инструменты, стояли измерительные приборы, валялись кассеты и ленты самописцев. Здесь Кора немного задержалась, так как имела достаточный опыт лабораторной работы и ей хотелось понять, на чем основывается репутация предсказателя: что за кухню он здесь устроил, чтобы вешать лапшу на уши населению своей планеты, включая бывшего императора.

Но судя по тому, что ей удалось увидеть, она имела дело вовсе не с предсказателем — фигурой мистической и загадочной, а с ученым, скажем физиком-экспериментатором, с хорошими руками, толковой головой, не очень свежими и передовыми, но интересными идеями. То есть попади этот экспериментатор на хорошую планету, в нормальные условия, из него мог бы выйти ученый на уровне заведующего сектором.

Оценив так достижения Парфана Александра Александровича, Кора последовала за нетерпеливо переминавшимся с ноги на ногу и влекшим ее далее Колокольчиком.

Следующее помещение когда-то было центральным залом виллы — возможно хозяева даже задавали здесь балы. Кору немного удивила насыщенность этого зала различной аппаратурой. Кот шел перед ней, высоко подняв хвост, и вел себя, как хозяйка дома, прогуливающая почетную гостью по своему саду и гордая тем, какие в этом году удались фикусы и крокусы.

Разумеется, даже Кора, специально подготовленная в центре ИнтерГпола, чтобы различать разные приборы

и машины (агент должен уметь с одного взгляда видеть разницу между станком для подделки пластиковых монет и швейной машинкой для сшивания воздушных шаров), не решилась определить, чем же занимался в этом зале предсказатель: ясно было лишь, что он использовал для своих прогнозов сложную технику, то есть был жуликом. Кора давно уже убедилась в том, что провидцы, предсказатели и ясновидцы делятся на две категории. К первой относятся люди очумелые, готовые взглядом приподнять завесу над тайнами Космоса, кончиком мизинца опрокинуть причинно-следственную связь, царящую во Вселенной, и на основе кошмара после сытного обеда предсказать судьбы всех знакомых, включая собственную. Представители второй категории провидцев искренне или лицемерно основывают прогноз или пророчество на показаниях компьютеров, кофейных зерен либо устройстве бараньей печени. То есть ищут правду о будущем вне собственного тела. Обе категории включают в себя как искренне увлеченных людей, так и жуликов, не верящих ни во что, даже в доброту собственной мамы, но зарабатывающих своим занятием славу и хлеб с маслом.

Трудно сказать, какая из этих категорий опаснее для человечества. Искренний маньяк может сжечь планету попавшей ему в лапы бомбой, ибо полагает, что планета свое отжила. Прожженный жулик может сделать то же самое, чтобы замести следы. Искренний маньяк может поднять миллион обывателей на массовое самоубийство по поводу завтрашнего конца света и сгореть вместе со всеми, жулик может сделать то же самое, правда для себя он подготовит тайный ход.

Итак, Кора убедилась, что ее новый знакомый относится ко второй категории прорицателей. Оставалось выяснить, искренний ли он маньяк или прожженный жулик.

Следом за котом она медленно брела по залу, тесно уставленному аппаратурой, аккумуляторами, процессорами, принтерами и некоторыми предметами, назначе-

ние которых Коре тоже было непонятно. Например, непонятно ей было, почему в этом зале оказалось роскошное ложе — по крайней мере пятиспальное, под розовым в цветочках балдахином, накрытое таким же розовым покрывалом. Ложе было несколько продавлено в середине, одна из подушек стояла пирамидкой, вторая была смята. На ложе недавно спали.

Ложе было немыслимо в аппаратном зале — очевидно Александр Александрович за респектабельной оболочкой таил в себе монстра, маньяка, одним из выражений мании которого служил: обычай спать у себя в лаборатории на королевской кровати.

Кора осмотрела ложе со всех сторон и обнаружила, что оно связано множеством проводов и прозрачных нитей с огромным, выше человеческого роста и шестиметровой ширины пультом, кнопки, рычажки и тумблеры которого не имели объяснений. Как цивилизованный человек Кора не стала нажимать кнопки. Так делают только персонажи плохих фантастических романов в надежде, что откроется заветная дверь.

Кот Колокольчик с интересом наблюдал за Корой, но когда она задержалась возле кровати, ткнул ее в бедро, как бы призывая следовать дальше.

— Погоди, — сказала Кора. — ложе самое интересное.

Махнув на нее лапой, кот легко вскочил на ухнувшую под его весом кровать и улегся во всю длину, глядя на Кору с видом превосходства из-под чуть прикрытых глаз, похотливо и нагло.

— Что ты мне хочешь сказать? — спросила Кора, которая имела слабость к сильным и наглым мужчинам.

Кот совсем закрыл глаза.

Кора занялась пультом. Судя по энерговодам, уходившим под потолок и скрывавшимся в стене, аппаратура предсказателя пожирала большие мощности, но источник энергии был неизвестен. Кора обратила внимание на то, что провода от пульта ведут за невысокие перегородки.

К своему удивлению за одной из перегородок она обнаружила еще одно ложе — вовсе не схожее с королевским. Это была относительно скромная узкая кровать, покрытая серым солдатским одеялом, с вышитой крестом подушкой. Вышивка изображала маленькую девочку, которая поставила на табуретку таз и мыла в нем своего любимого медвежонка. От этой картинки у Кору защемило сердце: она сразу представила себе, как баба Настя вышивает точно такую же наволочку.

Возможно, подумала Кора, это помещение представляет собой нечто вроде кабинета психоаналитика, а на этих постелях возлежат пациенты, пока доктор пытается их о сексуальной склонности к собственной матери или дедушке, или о стремлении перебить всех родственников...

Придя к такой рабочей гипотезе, Кора решила поглядеть, что же находится дальше.

— Я пошла, — сообщила она коту.

Кот мгновенно прыгнул с королевского ложа и повел Кору дальше, к задней двери, которая вывела их из лаборатории в широкий коридор, служившим складом или помойкой для предсказателя. Сюда он сваливал сломанные или вышедшие из строя приборы, уже ненужные компьютеры, распотрошенные дисплеи, свитые в клубки разноцветные провода.

— Здесь нам делать нечего, — сказала Кора.

Но кот с ней не согласился. Он отправился дальше так уверенно, будто не сомневался в том, что Кора последует за ним.

В этом коридоре было полутемно, слабые лампочки под высоким потолком роняли скудный свет на груды хлама. Кора покорно следовала за Колокольчиком, внимательно смотря по сторонам. И оказалось — не зря.

Она увидела лежанку.

Слово "лежанка" вспыхнуло в голове потому, что Кора его уже употребляла по отношению к подобному сооружению.

Лежанка была сбита из нескольких широких темных досок, положенных на раму, укрепленную на четырех деревянных ножках, в виде львиных лап. Рама была затянута крепкой плетенкой из веревки. Рядом, в двух шагах, к стене был прислонен тюфяк — точно подходящий по размеру для этой рамы.

Я ее видела, сказала себе Кора.

Я видела ее в башне, в которой убили императора.

Подчинившись внутреннему голосу, Кора обхватила тяжелый тюфяк, подняла и положила на раму. Теперь сомнений не оставалось: это была точная копия лежанки, на которой убили императора. Важное различие между той лежанкой, в башне, и этой заключалось в том, что следов крови на здешней не было. Убедилась в этом Кора буквально обнюхав доски к искреннему удивлению Колокольчика, который глухо мурлыкал, возвышаясь над ней. Но Кора его не боялась, потому что от Колокольчика исходило полнейшее дружелюбие и добродушие уверенного в себе сильного и сытого животного.

Итак, сказала себе Кора, мы столкнулись со странным феноменом. В лаборатории стоят три различные кровати. Одна из них — копия императорской кровати в башне, той самой, на которой император встретил свою смерть. Две других кровати неизвестны. Она их никогда не видела.

Если рассуждать, пользуясь аналогиями, то можно предположить, что все три кровати — не просто кровати, но копии кроватей, которые стоят в других местах. Если так, то где?

Одна, роскошная, пятиспальная, под балдахином, без сомнения, принадлежит дворцу. Одна — узкая, скромная, — должна стоять либо в девичьей светелке, либо, на худой конец, в палатке фельдмаршала. Но, разумеется, всем им не место в лаборатории.

Если предположение Кору правильно и предсказатель зачем-то изготовил и установил у себя копии кроватей, то следует поискать розовый балдахин в импера-

торском дворце. Проникнуть туда для Кору реально. Даже можно попросить рыжего императора показать ей свою спальню, только надо учитывать, что это опасная затея. Женщина, которая добровольно просится в спальню к узурпатору, рискует потерять больше, чем жизнь. Император шутить не любит.

Первая кровать — из башни, допустим, что вторая — из дворца.

Но третья кровать? Зачем она понадобилась предсказателю? Где может быть ее оригинал?

Настоящему сыщику свойственны моменты прозрения. Кора относилась именно к такому типу сыщиков.

— Колокольчик, — ласково попросила она, — проводи меня в спальню твоего хозяина. Хочу посмотреть, на чем он спит.

Колокольчик сначала не мог поверить, что к нему обращаются с такой необычной просьбой. Вернее всего, ни одна из посетительниц этой виллы, если таковые были, не обращалась к местному коту с просьбой проводить ее в спальню хозяина дома.

Наконец он потряс головой, словно ему в ухо попала вода, и повел Кору дальше по коридору, потом по узкой лестнице на второй этаж.

Кора размышляла о том, откуда у кота такая человеческая голова? Почему он разумен, как комиссар Милодар? Что за мутант такой — за годы своих блужданий по космосу Коре еще не приходилось встречать такое существо. Существо ей нравилось.

Как бы угадав ее мысли, кот оглянулся и негромко, с глубоким чувством, мяукнул. Он привел Кору к закрытой двери. Толкнув ее, Кора оказалась в спальне предсказателя. Это была небольшая пыльная и захламленная, как и все в этом доме, комната. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: интуиция не обманула Кору. У стены стояла неубранная, смятая, с простыней, испачканной яичницей, койка. На подобных спят девицы и тщеславные фельдмаршалы.

На койке валялась небольшая, вышитая крестом, подушка, которая изображала девочку, кормящую из ложки медвежонка.

Вот и оригинал!

Теперь у Кору почти не оставалось сомнений: оригинал третьей кровати следует искать в опочивальне императора.

Но почему? Зачем предсказателю нужны различного вида кровати? Что означают все машины, собранные в большом зале?

— Котик, — в полной растерянности сказала Кора, — я совершенно не понимаю, чем занимается твой хозяин, когда не пьет чистый спирт. А какова его роль в гибели императора, о чем так настойчиво говорил мне господин советник? Может ты подскажешь?

К сожалению кот Колокольчик не умел говорить и уж тем более не разбирался в сложных машинах, недоступных пониманию Кору.

На всякий случай, Кора перед уходом возвратилась в аппаратный зал и с помощью вшитой в воротник тонкого черного комбинезона камеры отсняла на пленку все оборудование зала. Теперь следовало срочно отправить пленку в Галактический центр, чтобы узнать, чем же балуется здесь предсказатель.

Затем она перешла в гостиную.

Хозяин дома мирно храпел, свернувшись калачиком на полу у потухшего камина.

Кора попыталась его разбудить. Для этого она прошла на кухню и сделала там напиток из перца, томатной пасты, горчицы и еще нескольких ингредиентов, которые могли разбудить слона.

Вернувшись, она села на пол, положила голову Александра Александровича на колени, вознамериваясь влить ему в глотку адскую смесь.

Но к сожалению она не успела это сделать.

Раздался оглушительный звонок — такой, что даже предсказатель зашевелился и застонал. Кот зарычал и

начал нервно поводить кончиком хвоста. Над дверью замигала яркая алая лампочка.

— Похоже, что у нас гости, — сказала Кора. — Может нам лучше уйти?

Кот шумно втянул воздух, потом обернулся к ней и кивнул — он тоже полагал, что Коре лучше уйти.

Коре никогда бы не выбраться оттуда живой, если бы не помощь Колокольчика. Котик провел Кору задним двором к тому месту в ограде, где к ней привалилось поваленное недавней бурей дерево. Тем временем у ворот шумели, ругались, а потом и начали стрелять заботники. К счастью для Кору, ворота виллы были сделаны на совесть. И некоторое время продержались.

Легко, словно был махоньким котенком, а не хищником размером с волкодава, котик взлетел по стволу и нагнул большую ветвь, помогая Коре взобраться. Потом протянул ей лапу, и Кора с благодарностью схватилась за нее — когти были убраны и жесткие подушечки были подобны натруженной мужской ладони.

Еще мгновение — Кора была на стене. Оттуда, скрываясь в листве, она увидела у ворот виллы два автомобиля и броневик. Башня броневика развернулась и оттуда по воротам ударила пулеметная очередь.

— Увидимся, киса, — сказала Кора коту и потрепала его по щеке. Колокольчик резко отвел в сторону голову — оказывается, он не терпел фамильярностей. Тогда Кора вытащила ленточку из своих волос и повязала котику на шею. Такой подарок он принял.

— Прости, — сказала Кора. Натянув на голову черный капюшон комбинезона и опустив на лицо очки ночного видения, она легко прыгнула с забора в кусты. Заботники шумели так, что ее прыжок остался незамеченным.

Таясь в тени кустов, Кора пробралась поближе к воротам — она надеялась узнать из разговоров осаждающих, что вызвало ночной штурм виллы: ведь это вернее всего значит, что кто-то узнал о ее неожиданном визите

сюда. О визите знать не мог никто, кроме советника, дамы Синдики и самого хозяина виллы.

К сожалению, нападающие не разговаривали, а невнятно вопили. Она уже собиралась уходить, как ворота виллы сдались и рухнули под напором броневика. После короткой паузы вперед выехала инвалидная коляска. В ней, потрясая автоматом и выставив словно пушку свою загипсованную ногу, восседал Аудий Ред. За ним во двор въехал броневик, и ворвалась толпа охранников. Раздался громкий боевой вопль кота Колокольчика, и в ответ — нестройный залп. Эти идиоты стреляли по коту!

Господи, только бы не сделали ему больно! Ведь с них станется и убить котика.

В хвосте процессии, вторгшейся в ворота виллы, вышагивал коренастый мужчина, закутанный в темный плащ. Шляпа была низко надвинута на брови, но под фонарем блеснул клочок волос — волосы были рыжими, как медь.

Все стихло — нападавшие вошли в дом.

Итак, наш пострел — император и сюда успел. Кого же он так боялся, что ломал двери у своего подданного? Неужели меня, скромной, глупой Кора?

Вечер был зябким. Кора быстро пошла по обочине дороги. К счастью, в этом мире было еще очень мало скоростных машин и ей не грозила смерть под колесами.

Кора миновала открытую ночную обжираловку — запахи жареного мяса, пива, горячего хлеба дразнили так, что она с трудом подавила в себе желание забраться на кухню и пожить там. Вместо этого перешла на бег — так-то лучше, а то застоялась за последние дни.

По ночной прохладе бежать было легко и приятно, если бы не ямы на дороге, да не кусты, вплотную подступавшие к мостовой.

Вскоре потянулись дома окраины, а еще через полчаса Кора достигла отеля.

Перед тем, как лечь спать, она позвонила домой консулу Нкомо, но там никто не поднял трубку.

Кора проснулась, как всегда, в семь часов утра.

Некоторое время она лежала и мысленно прокручивала пленку событий вчерашнего дня.

Ей не удалось разрешить ни одной из загадок, более того, она не смогла спасти советника и даму Синдику, но в то же время нельзя сказать, что день прошел впустую — по крайней мере, теперь она существовала не в вакууме — приобрела нескольких знакомых, а это главное в любом расследовании. И даже нашла одного настоящего друга — кота Колокольчика. Кора улыбнулась, вспомнив, как котик помогал ей бежать с виллы.

— Надеюсь, — сказала она вслух, — что они тебя не подстрелили.

К сожалению, основное расследование было еще впереди. Ей так и не удалось узнать, чем же на самом деле занимается предсказатель, зачем ему нужны кровати императоров, а также собственная койка. Интуиция подсказывала Коре, что если ей удастся разгадать эту загадку, то откроется и тайна смерти императора, а значит будут спасены невинные земляне.

Коре следовало немедленно связаться с земным посольством, чтобы получить оттуда сведения о том, кто же покупал в Махачкале шампуры артели имени Магомаева, и отдать консулу микропленку, чтобы на Земле срочно выяснили, чем же занимается предсказатель.

Вскочив с постели и пробежав в туалет, Кора кинула осторожный взгляд на шкаф. Она знала старую истину: если в шкафу однажды спрятался мужчина, рано или поздно там спрячется и другой.

Она привела себя в порядок, почистила зубы, залезла было под душ, но тут подозрения, которые она испытывала к шкафу, победили обычную девичью застенчивость. Опясав себя полотенцем, Кора пересекла номер, решительно дернула дверь шкафа на себя и сказала:

— Выходите и говорите, что вам от меня надо!

От неожиданности адъютант Гим выпал из шкафа, рухнул на колени и зажмурился, чтобы не ослепнуть от наготы Кору.

— Я вас второй час жду! — воскликнул он. — Господин император велел без вас не возвращаться.

— Ах, это ты, Гим, а я думала — ну кто это в шкафу чихает? Подожди, сейчас помоюсь и выйду. А ты пока кофе закажи, будь дружочком.

— Госпожа Кора, — искренне взмолился Гим, поднимаясь с колен, — кофе я заказать не смогу, потому что мой кредит в этой гостинице совершенно исчерпан. Я же существую на скромное адъютантское жалование и притом содержу старушку-мачеху.

О старушке-мачехе он, конечно, врет, подумала Кора. Но кредит ему закрыть могли.

— Тогда закажи кофе от моего имени, — сказала Кора и пошла домываться. Звонок в посольство придется отложить.

Пока они с Гимушкой пили кофе, Кора принялась расспрашивать адъютанта о ночных событиях.

— На кого свалили смерть советника и дамы Синдики? — спросила она.

— Зачем же сваливать? — Гим смотрел на нее доверчивыми коровьими глазами. — Их террористы убили, демократы.

— Зачем же им убивать этих людей?

— Все демократы — агенты Земли, — сообщил Гим.

— Для них отравить водоем, пустить под откос поезд или взорвать невинных людей — лучшее удовольствие.

— Значит и я такая же?

— Ответить не берусь, — сказал Гим. — Но меня смущает ваша красота. Наверняка она синтетическая и рассчитана на то, чтобы погубить какого-нибудь достойного, но слабовольного мужчину.

— Кого же? — заинтересовалась Кора. — Не тебя ли?

— Очень боюсь за господина императора, — признался Гим. — Он такой эстет! Он любит красивые вещи.

И Гим принялся изучать свои ногти.

— Опасаешься за свое место? — спросила Кора.

— А я за него не держусь, — ответил Гим. — Меня многие приглашают в секретари или адъютанты. Даже маршал Клодт.

— Кстати, о рабочем месте, — заметила Кора. — У императора наверно красивая постель? Под балдахинном?

— У его величества, — наставительно ответил Гим. — есть несколько опочивален. Мой повелитель никогда не проводит две ночи в одной спальне. У него есть традиционная королевская спальня, опочивальня, куда водят школьные экскурсии и иностранных туристов. А есть и другие места... впрочем, вам об этом знать не положено.

— Я об этом могу узнать в любой момент, стоит мне захотеть, — сказала Кора, не скрывая желания подразнить Гима.

— К сожалению, я вам верю, — вздохнул Гим. Он допил кофе и добавил: — Пожалуй, нам надо идти. Император ждет нас сразу после завтрака.

Внизу их ждал дворцовый автомобиль. Путь до дворца Коре был уже знаком.

— Как себя чувствует господин Парфан? — спросила Кора.

— Почему вы об этом спрашиваете? — спросил Гим.

— Значит что-то случилось?

— Вам не следует много знать о нашей жизни, — сказал красавчик. — Это опасно.

— Для кого?

— Для вас, госпожа, — Гим оскалился и стал похож на хищное животное.

Император ждал Кору в своем кабинете, как и в первую встречу.

— Надеюсь, вы хорошо спали? — спросил он, идя ей

навстречу и протягивая короткопалые волосатые руки. Щеки его были надуты, как у хомячка, и глазки сверкали из-под бровей.

— Спасибо, ваше величество, — ответила Кора. — Спала я отвратительно. При всем моем опыте я не привыкла к тому, чтобы у меня под окном взрывали невинных людей.

— Ах, эти демократы! — отмахнулся император. — Я порой сам боюсь, что и до меня доберутся. Но это, должен вам сказать, обычный риск в моей редкой профессии. Вот мой дядя — казалось бы, кому мешал? Так нет, добрались до него твои соотечественники!

— Может быть кончим толочь воду в ступе? — грубо спросила Кора, чем только позабавила императора.

— Ах, какое тонкое сравнение!

Кора спохватилась. Нельзя давать волю чувствам.

— Зачем вы пригласили меня, ваше величество?

— Соскучился, — добродушно ответил император. — Еще ночью подумал — как бывает мне без тебя одиноко. Вот и пригласил.

— Ваш адъютант, оказывается, всю ночь сидел в шкафу, чтобы я не потерялась.

— Ну зачем же уж всю ночь? — усмехнулся император. — Ты, голубушка, возвратилась домой в половине четвертого. Можно сказать под утро. Воздухом дышала?

— Воздухом дышала, — согласилась Кора.

— И никуда не заходила?

— Что вы имеете в виду?

— Никого ночью не навещала?

— Я? Ночью? Что вы говорите, ваше величество! Я же честная девушка, ложусь спать с курами и встаю с петухами.

— Замечательно! И что тебе рассказал мой Парфан?

— Он был пьян! — сказала Кора. Будто сам черт тянул ее за язык. Еще минуту назад она была уверена, что будет запирается.

Оговорка Кору вовсе не удивила императора. Он спросил только:

— Он был уже пьян, или ты его напоила?

— Сам напился, — уверенно ответила Кора.

— Много пьет, — печально сказал император. — Боюсь, спивается. А без него плохо будет нашей науке. Гений...

Глазки императора сверкнули хитро и настороженно. Он испытывал Кору, пытался что-то выведать у нее, но что — этого она не знала.

— Чем он занимается? — спросила Кора.

— А ты не знаешь?

— Мне сказали, что Парфан — предсказатель.

— Вот оно что!

— Это правда?

Император прошел за свой письменный стол, тяжело уселся, начал почему-то разбирать бумаги. Кора ждала.

Прошла минута, две.

— Что еще ты знаешь о Парфане? — спросил император, углубившись в чтение какой-то голубой бумажки.

— Ничего.

— Кто тебя к нему послал?

— Мне о нем сказала дама Синдика.

— Правильно, — согласился император. — Не успел я ее остановить. Моя вина как руководителя государства. Такие истории надо предусматривать и предупреждать. Надо было взрывать их по дороге к тебе, правильно?

— Значит их убили не террористы с Земли?

— Террористы с Земли, — уверенно ответил император. — Но надо было, чтобы Синдику уничтожил я сам раньше, чем до нее добрались террористы с Земли. Неужели непонятно?

— Не очень. Чего вы намерены добиться? Вы же отлично знаете, что Земля здесь ни при чем.

— Ты так думаешь? А у меня накапливаются доказательства обратного. Например... — Он протянул Коре

листок, который только что изучал. Это была космограмма с Земли. Секретная. По каналам Посольства. Написано там было вот что:

"ПРОВЕРКОЙ МАХАЧКАЛЕ ОБНАРУЖЕНО ШАМПУРЫ ПРИОБРЕТЕНЫ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ГРУППОЙ НЬЮ-ГЕЛЬВЕЦИИ ОЧЕВИДНО НЕКИМ ГИМОМ ПОРУЧИКОМ И АДЪЮТАНТОМ УСКОРЬ РАССЛЕДОВАНИЕ ЖДЕМ НЕТЕРПЕНИЕМ БУДЬ ГЛУПЕНЬКОЙ ОБНИМАЮ МИЛОДАР"

Кора чуть не выругалась вслух! Это же надо — из всех возможных проколов случился именно этот.

Император склонил набок курчавую рыжую голову.

— Ну и как, глупышка? — спросил он. — Мне с самого начала не нравился твой откровенный идиотизм, Кора.

— Как это к вам попало? — спросила Кора.

— У нас есть свои маленькие хитрости, — ответил император, растягивая в ухмылку узкую щель рта. Его глазки пылали рыжим пламенем. Он был доволен.

— Это фальшивка, — сказала Кора.

— Разумеется, — согласился император. — Ваш консул Нкомо, который давно мне не нравился, возил с собой только фальшивки.

Коре не понравилось прошедшее время, в котором император говорил о консуле.

— Что с консулом? — спросила она.

Император поднялся, уперся в стол толстыми ладонями и, глядя в упор на Кору, глухим и торжественным голосом произнес:

— Госпожа Кора Орват, я должен поставить вас в известность, что Консул Земли, который возвращался из ресторана в компании представителя ООП, неожиданно выехал на полосу встречного движения, грубо нарушив этим правила. Он не нашел ничего лучшего, как врезаться в грузовик, который перевозил бетонные плиты для мавзолея покойного императора. Консул Нкомо и представитель ООП погибли на месте и притом не мучились. Это серьезная трагедия и потеря для нашего

государства и для меня лично. Принесите же мне платок, в конце концов!

Последние слова император прокричал в селектор, стоявший у него на столе, и в мгновение ока в кабинете распахнулись три двери — одна большая, через которую вошла Кора, а две другие — потайные, невидимые постороннему взгляду. В кабинет ворвались адъютанты с платками в руках и подбежали к столу.

— Ну зачем так, зачем так шумно, зачем выдавать наши маленькие секреты агенту Земли? Ведь в следующий раз она воспользуется секретным ходом, проберется ко мне в кабинет и убьет меня. Они все такие — земляне.

Три адъютанта, среди которых был и ласковый Ги-мушка, выхватили пистолеты и направили на Кору.

— Идите, — отослал их император вялым движением руки. — Пускай она немного поживет... — до суда.

Адъютанты исчезли, двери закрылись.

— И зачем весь этот балаган, ваше величество? — с отвращением произнесла Кора. — Вы признаетесь, что по вашему приказу убиты дипломатические представители Земли и Организации Объединенных Планет?

— Я ни в чем не признаюсь и не намерен признаваться. Но мы дорого запросим с Земли за то, что ее дипломаты в пьяном виде разъезжают по нашим дорогам, толкают грузовики с памятниками нашим предшественникам и забрызгивают кровью наши чистые мостовые!

Последние слова развеселили императора и он, опершись рукой о стол, стал корчиться от хохота.

— Наши чистые! — повторял он, — наши мостовые... кровью и мозгами!

Я до тебя доберусь, дала себе слово Кора. Еще не знаю как, но ты мне заплатишь за все свои зверства.

Видно, император почуял что-то во взгляде Кору. Он оборвал свой смех и трезво сказал:

— У меня есть медицинское заключение о том, что Нкомо был сильно пьян во время аварии...

— И совершенно случайно на ее месте вы нашли его портфель с этой телеграммой, — сказала Кора.

— Ты как всегда права, моя крошка, — согласился император.

— Вы его убили из-за портфеля? Из-за документов?

— Не лови меня на слове, красавица, — ответил император. — Все знают, что Нкомо погиб в катастрофе. Но, кстати, его портфель совсем не пострадал. Как ты думаешь, почему у него в портфеле оказалась эта телеграмма? Кто на Земле решил вмешаться во внутренние дела нашей мирной империи? Какое вам дело до того, кто и где покупает шампуры? — Император все более разогревал себя, надувался гневом и справедливым негодованием. — И кому, простите, советуют оставаться глупенькой и вводить в заблуждение наше величество? Это же международный заговор, и все участники его должны быть строго наказаны! Ну, чего ты молчишь?

— Значит, вы убили дипломатов... — тихо сказала Кора. — Вы очень суетитесь, ваше величество, вам есть чего бояться...

— Ты от меня живой не выйдешь! — язык с трудом слушался императора. — Они за моей спиной... ловушку... сговорились...

Охрана не спешила ворваться и арестовать Кору: видно император самую главную кнопку нажимать не спешил. Напугать, обезвредить Кору он хотел. Но вряд ли намеревался убивать или сажать в тюрьму.

— Я полагаю, — заявила Кора, сбросив маску протушки, — что мой долг — как можно скорее информировать Галактический центр, что убийство дипломатов организовано вами, император.

— Нет никаких доказательств! Нет! Автомобильная катастрофа — грузовик, груженный бетоном, а они были пьяные!

— Отлично! — сказала Кора, глядя в упор на императора. — Я благодарна вам за то, что ознакомили меня с космограммой. Теперь я знаю, что шампуры, которыми

был убит император, куплены в Махачкале вашим адъютантом.

— Что? — император совершенно не ожидал такого поворота событий. — Какой адъютант? Это были другие шампуры! Ты не веришь?

— Разумеется, я не верю.

— Тогда ты сейчас убедишься!

Император терял инициативу. Он перешел к оправданиям. С точки зрения монарха, Кора вела себя неправильно — она должна была испугаться, растеряться, покаяться — мало ли путей у поражения? Она же нагло перешла в наступление.

Потупив взор и шагая мелко, но изящно, вошел Гим.

— Адъютант Гим! — рявкнул император. — Наша гостья с Земли утверждает, что вы, по сведениям, на которые она ссылается, купили в Махачкале шампуры для изготовления... Кстати, а что такое шампуры?

Лицо императора выражало растерянность, словно его владделец оказался перед неразрешимой загадкой.

Кора не стала отвечать. Она была убеждена в том, что император все знает, может даже лучше ее.

— Так точно! — радостно закричал адъютант.

Прозвучало это столь громко, что явные и тайные двери открылись и в них появились охранники и адъютанты. На этот раз император и не пытался никого выгнать, будто и не заметил многочисленных свидетелей.

— Так точно! — воскликнул Гим, Гимушка, добрый красавец, изящная душа. — Находясь в туристическом полете на старушку Землю и заметив элегантные приборы для накалывания мяса, я приобрел шесть шампуров и привез сюда.

— Как так? — наигранно взревел император. — И мы об этом не знали? Нас обманули? За нашей спиной устроили козни? Сейчас же сознавайся, куда ты дел эти шампуры?

— Простите, ваше величество! — патетично взвыл

Гим и рухнул на колени. — Я покупал эти уродливые предметы не для себя!

— Для кого же? — император начал переминыться с ноги на ногу, притоптывая при этом, словно вот-вот намеревался пуститься в пляс.

— Для моего... возлюбленного, — потупился Гим.

Вся эта сцена казалась Коре отлично отрепетированной, будто перед ее приходом все они — и император, и телохранители, и лукавый Гимушка уже разыгрывали ее в лицах, а потом долго смеялись.

— Кто... кого ты завел, мерзавец!

— Это известный вам предсказатель Парфан, — ответил, потупя взор, адъютант. — Я был с ним близок...

Неизвестно откуда в руке императора появилась плеть. Он накинулся на Гима, словно зверь, и принялся обрабатывать его бока плетью, причем стегал его всерьез. Гим крутился, вопил, а император вошел в раж, и Кора даже пожалела Гимушку, стоны которого, поднявшись до визга, стали ослабевать.

— Может хватит? — спросила Кора, воспользовавшись паузой между ударами. — Ему еще служить вам и служить.

— Ты так думаешь? — император сразу поскукнел и отбросил плеть в сторону. — Ну ладно. Главное, чтобы возмездие совершилось.

— А оно совершилось?

— Разумеется, — сказал император. — Мы уже сегодня утром выяснили, что лжепророк Парфан на самом деле — тайный резидент земной службы безопасности, грязный и поганый агент твоей планетки, Кора. Он замыслил убийство нашего драгоценного императора еще несколько лет назад. Да, да, не удивляйся! Он замыслил убить своего благодетеля, родного отца страны, которая дала ему убежище! И как он все продумал!

Император развел руками, показывая, насколько он потрясен коварством Парфана.

— Это же надо, отыскать среди нас слабовольного и доброго...

— Влюбчивого, — пискнул Гим, который все еще пребывал возле письменного стола на коленях, как нашкодивший мальчишка, поставленный в угол на горох.

— Похотливого, — сказал император, — развратного мальчишку Гима. Он послал его с тайным заданием на Землю, чтобы купить там особо злодейское оружие и употребить его против императора.

— А как? — спросила Кора.

— Как? — строго спросил император у Гима.

— А вот так! — Гим сделал выпад, и охранники, стоявшие в раскрытых дверях, ахнули, как бы в ужасе от опасности, которая могла угрожать нынешнему императору.

— А вот так! — повторил император, также сделав выпад. — Воткнул и пронзил.

— И вы пробовали кого-нибудь пронзить шампуром? — спросила Кора.

— Злодей всегда найдет способ убить доброго человека, — ответил уклончиво император. — Он его и карандашом проткнет. Такие уж они, злодеи!

— Знаете, что я вам предлагаю, — сказала Кора, — велите принести сюда шампуры — они наверняка у вас где-то неподалеку запрятаны.

— Зачем? — спросил император.

— Потом я лягу на кровать, — сказала Кора. — А вы меня проткнете этими шампурами.

— Ты с ума сошла! — зарычал император.

— Но почему же? Если ваш Парфан мог проткнуть и убить императора, то вы-то, наделенный такой большой физической силой, наверняка это сделаете со мной, слабой женщиной.

— Нет уж, — отрезал император, проведя перед собой открытой ладонью. — Это типичная провокация, призванная опорочить меня в глазах галактической общественности. Небось за дверями уже ждет целая толпа

продажных писак, готовых ради дешевой сенсации погубить доброе имя Нью-Гельвеции и мое.

— Значит, вы признаете, что это невозможно? И вы все это придумали, чтобы свалить вину на землян?

Говоря так, Кора боялась простого вопроса: "Если я не могу, то кто тогда смог? Ведь императора все же убили и проткнули шампурами, словно кусок шашлыка". На такой вопрос Кора не смогла бы ответить.

Но ее оппонентов не волновали абстрактные вопросы. Они смотрели на Кору, и у каждого в голове были своя мысль, своя похоть, свои интересы.

— Ваше величество, — облизывая красные пухлые губы, сказал адъютант Гим. — Разрешите, я попробую ее проткнуть. Я надеюсь, что мне это удастся.

— Ты? Да тебе цыпленка не проткнуть.

— Ой, ваше величество, я так хочу попробовать! Вы мне ее отдайте, свяжите и запрягите. А я с ней разберусь.

— Все ясно, — хмыкнул император. — Проткнуть шампуром ты ее не сможешь, но вообще-то чем-нибудь проткнуть намереваешься. Мы ее для тебя свяжем...

Тут все охранники, стоявшие в комнате, расхохотались так, что со стены сорвалась батальная картина.

Гим закрыл глаза, щеки его стали пунцовыми, как у императора.

— Я никогда не думал... я не подозревал такого коварства...

— Ах, оставь, — отмахнулся император. — Попался, так уж признавайся.

Это лишь прибавило веселья. Кора терпеливо ждала, пока они успокоятся. Ее цель была достижима, но для ее достижения требовалось терпение.

— Принеси шампуры, — приказал император одному из охранников.

Смех сразу смолк — словно пролетел порыв ледяного ветра.

Император послал охранника за шампурами, а сам обратился к Гиму:

— Мы подумали, — сказал он, — и решили удовлетворить вашу просьбу о телесном наказании сыщика Кору Орват, которая проникла к нам обманом, чтобы вести подрывные действия. Так что действуй, Гим. Но предупреждаю, тет-а-тет я тебя с ней не оставляю. И не потому что боюсь, что ты ее обесчестишь, а потому что она тебе отвинтит глупую головку.

— Это правильно, — сочла нужным согласиться Кора. — Отвинчу.

— А ты помолчи, с тобой здесь никто не разговаривает.

— Я успею помолчать, — возразила Кора. — После моей смерти у меня есть к вам просьба. Когда будете меня протыкать, пожалуйста, не шекочите, я ненавижу шекотку.

Кора почувствовала, что на глазах глупеет, но не сопротивлялась естественному течению событий.

Император посмотрел на нее с подозрением.

— Ты что, всерьез или так? — спросил он.

— Знаете что, — возмутилась Кора. — Меня еще ни разу не протыкали шампурами, так что я имею право на мужское сочувствие. Вообще-то говоря, это безобразие какое-то — отыскать девушку, слабую и незащищенную и проткнуть ее как кусок шашлыка.

— Сама напросилась, — отмахнулся император. — Теперь отступать некуда, да и не дадим мы тебе отступать. Пока не проткнем, не выпустим.

На этот раз никто не засмеялся, и Кора подумала, что в самом деле она не так часто оказывалась столь близка к гибели.

Но отступать было некуда.

— Только я попрошу создать мне условия, — сказала она капризно.

Это был самый ответственный ход. Здесь нельзя было промахнуться.

— Какие еще условия? — спросил император.

— Для протыкания.

— Говори точнее, не мельтеши!

— На каком ложе вы меня будете убивать?

— Ну, здесь, — сказал император. — Ложись на пол, а мы тебя уьем.

— Не выйдет, — твердо сказала Кора. — И не надейтесь, или следственный эксперимент ставится в нормальной обстановке, или вы хотите халтурить.

— Что еще за нормальная обстановка? — удивился император.

— Попрошу предоставить мне настоящее императорское ложе, — сказала Кора. — На нем и будете измываться. Вашего императора тоже не на полу убивали.

Император пожал плечами, потом поглядел на Гима. Гим ничего подсказать не смог.

Тогда император сам принял решение.

— Черт с тобой, пошли в королевскую опочивальню.

И первым направился к выходу из кабинета.

У выхода император столкнулся с охранником, который спешил с вычищенными, новенькими шампурами в руке. Шампуров было четыре.

— Еле нашел, ваше величество, — заклокотал он, задыхаясь.

Император обернулся к Коре.

— Ты чего тормозишь? Оробела?

— Я думаю, — сказала Кора. — Разве вашего дядю этими шампурами убили?

— Этими, этими, — сказал император.

— А их здесь четыре.

— С запасом.

— Они чистые.

— Вычистили, с песочком.

— А может, это не те шампуры?

— Разумеется, не те, — вмешался Гим. — Те мы похоронили вместе с императором.

Гимушка врал — врун он был никуда не годный. Впрочем, Коре было не столь важно, этими ли шампурами убили императора.

— А эти шампуры откуда? — спросила Кора.

— А эти я не стал Парфану дарить, — ответил Гим.

— Пускай, думаю, лежат, еще кому-нибудь подарю.

— Вот видишь, — сказал император. — Все сходится.

Кора взяла один из шампуров и стала его разглядывать на ходу. Шампуром было трудно убить человека. Он представлял собой плоскую алюминиевую полосу, закрученную вокруг оси, заточенную с одного конца и снабженную колечком — с другого. Надеть на шампур кусок мягкого мяса было нетрудно, но как вонзить его в человеческое тело — непонятно. Хотя, конечно, попытаться можно. Кора внутренне содрогнулась, представив, как сейчас эти подонки будут ее убивать орудием, для этого не предназначенным.

Она возвратила шампур императору. Тот сделал вид, что не видит отвращения на лице Кору, зато сделал игривый выпад букетом шампуров, словно заправский дуэлянт.

После недолгого путешествия по анфиладе дворцовых комнат процессия, возглавляемая императором, влилась в обширную залу — опочивальню императора, посреди которой, кораблем в просторной бухте, замерла гигантская квадратная кровать под высоким розовым балдахином — именно такая, какую Кора видела на вилле предсказателя. Это был оригинал, а у предсказателя стояла копия.

— Ну и как? — спросил император, оглядывая запущенную и пыльную опочивальню. — Хочется ли тебе погибнуть на этой постели?

— Она не хуже любой другой, — ответила Кора.

Кора достигла своей цели, теперь следовало каким-то образом сбежать. Она стояла перед кроватью и думала, что все факты, нужные следствию, она уже собрала. От шампуров до кроватей-двойняшек. Надо было сделать еще шаг и назвать убийцу. Но она должна была признаться, что никакой гипотезы в ней не родилось.

Шампуры, предсказатель и три кровати не сливались в единую картину.

Может быть, пойти ва-банк и признаться императору, что она видела эту кровать, когда осматривала виллу Парфана? И что это ей даст? Она лишится своей тайны. А император вернее всего расхохочется ей в лицо, затопает толстыми ногами, будет доволен.

— Ну как? — спросил император. — Мы готовы начинать?

Кора оглянулась. Следом за ними в опочивальню проникли лишь Гим и два незнакомых охранника. Чем меньше зрителей, тем лучше — не очень приятно сознавать, что сейчас тебя будут мучительно убивать на глазах у зевак.

Император нервно облизал губы. Он был почти влюблен в земную женщину Кору Орват, но не мог себе в этом признаться и уж тем более не намеревался признаваться в этом Коре. Но так как он был садистом, Коре следовало принять все меры, чтобы остаться в живых.

Пока что Кора тянула время.

Она подошла к кровати и принялась вслух удивляться ее роскоши и несказанной красоте, на что император грубо заметил:

— Не притворяйся, ты отлично знаешь, что это глупое провинциальное рококо. Ты будешь раздеваться или так ляжешь?

Гимушка нервно хохотнул. Он был возбужден и все время потирал узкие ладони.

Кора быстро и по мере сил внимательно осмотрела кровать. В ней должен был скрываться ответ на тайну виллы предсказателя. Ведь не от безделья император приказал изготовить такую махину, а Парфан втиснул ее к себе в лабораторию, в самую гущу приборов и механизмов.

Кровать, говорила себе Кора. Думай быстрее, думай! Кровать — три кровати! Значит, на них надо лежать. Почему три, а не одна для всех? Потому что каждый

должен лежать на своей кровати! Почему каждый должен лежать на своей кровати? Чтобы видеть свои сны... уже теплее, теплее... сны! Предсказания! Биотоки мозга! Они еще не найдены, но не исключено, что Парфану удалось чего-то достичь в этом направлении или хотя бы сделать вид, что он чего-то достиг. Да, похоже, что она может быть права.

Ее размышления прервал невежливый толчок в бок.

Император был недоволен тем, что она задумалась.

— Что такое? Я имею право подумать!

— Раздеваться будешь?

— Нет, а то вы еще на меня наброситесь.

— Не принимай нас за банальных насильников, — возразил император.

— Мы эстеты, — добавил Гимушка.

— Все равно лучше вас не волновать, — сказала Кора. — Мое тело настолько прекрасно, что я за вас не ручаюсь.

— Видели и получше, — ответил император. — А твоим телом я еще понаслаждаюсь.

— Почему? — насторожилась Кора.

— Когда выиграю у тебя спор.

— Ах, спор...

Кора сделала вид, что у императора нет для того никаких шансов, хотя понимала, что с каждым часом ее положение становится все более трудным. Земляне все еще сидят в тюрьме в ожидании несправедного суда, убиты не только друзья покойного императора, но и единственные здесь защитники Кору Нкомо и представитель ООП, неизвестна судьба предсказателя... Черт побери, куда она положила его кассету? Теперь ее цена возрастает...

— Ты раздеваешься или будешь орошать своей кровью белые одежды?

— Орошать, — сказала Кора, она рассудила, что ткань ее платья все же хоть какая-никакая, но защита от глупого тупого шампура.

— Ложись!

Кора присела на край кровати. Мягкие пружины поддались нажиму ее тела, и все сооружение нежно застонало.

Вернее всего, кровать одновременно является прибором, может, в ней скрыт механизм. Ведь от ее дубликата во все стороны тянутся провода и трубки. Здесь их не видно, но это не означает, что их нет. Вернее всего, они искусно запрятаны, чтобы не смущать школьные экскурсии и иностранных туристов, которых сюда порой заводят, чтобы показать, как спали в прошлые века великие императоры Нью-Гельвеции.

Как бы узнать, в чем секрет кровати?

— Ложись, — приказал император. — Не вечно же нам с тобой здесь возиться! Начинай эксперимент! Сейчас мы тебе покажем, шпионка, как убивают императоров!

— Ну что ж, если вы иначе не умеете обращаться с женщинами, — вздохнула Кора, — придется мне терпеть.

Император не поддался этой демонстрации, а Гимушка, ревнуя, залепетал:

— Она сама хочет, чтобы ее помучили, сама просит, Ваше величество.

— Если так, — ответил император, — то она еще пожалеет.

Его рыжие глазки метали молнии из своих пещер.

Кора медленно улеглась на кровать и утонула в ней. Удобно было — сказочно! Подумалось: жили же императоры! А подсознание подсказывало: и их любовницы.

Она метнула короткий взгляд на императора, который склонился к ней с шампуром в короткопалой веснушчатой лапе. Нет, только не эта рыжая рожа!

Кора потянулась, незаметно ощупывая кровать — как бы включила датчики на всем своем теле. И части тела безмолвно рапортовали ей: пятки — ничего не

почувствовали: мягко и удобно. Левая икра — мягко, правая икра и бедро — некоторое возвышение, которое может оказаться результатом неаккуратной работы постельничьего; правая ягодица — ничего интересного, левая ягодица — а нет ли здесь проводка?

— Ты о чем задумалась? — спросил император.

— О своей неладной судьбе, — ответила Кора.

— Может откажешься от испытания?

— И что тогда будет?

— Тогда ты проиграешь спор, мои адъютанты покинут опочивальню, а я сниму с себя одеяние и присоединюсь к тебе в постели, — сообщил император. — А если ты вздумаешь сопротивляться, то через три минуты окажешься в тюрьме вместе со всеми земными шпионами.

— Или под автобусом на улице! — добавил Гим. Он все еще ревновал и мечтал, чтобы Кора помучилась.

— Ладно, — сказала Кора, протягивая руки за голову так, чтобы пальцы могли проверить часть ложа, примыкавшую к спинке и столбам балдахина. — Начинайте. И не мучайте меня больше, чем необходимо, ладно?

— Я первый! — сказал Гим. — Можно, я первый буду ее мучить?

— Стыдно, — откликнулся император, коротким энергичным жестом отсылая из комнаты всех, кроме Гима. Остальным не хотелось уходить, потому что они лишались увлекательного зрелища. Но пришлось подчиниться, хотя дверь осталась чуть приоткрытой, и за ней слышалось бормотание, возня и поблескивали блудливые глаза.

— Стыдно, — повторил император, — устраивать возню вокруг незначительного события. Неужели ты думал, что я снизойду до того, чтобы тыкать в девушку шампурами, словно в кусок маринованного мяса? Разумеется, это занятие для Гима.

Из-за двери раздался смешок. Император в два шага преодолел расстояние до двери и резким движе-

нием захлопнул ее, прихватив нос одному из адъютантов.

Это отвлечение оказалось Коре на руку. Даже Гимушка отвернулся к двери и захлопал в ладоши, радуясь беде своего товарища. Кора быстро провела руками по краю кровати, забралась пальцами в щель между периной и спинкой, пробежала кончиками пальцев по основанию столбиков балдахина — по крайней мере в двух местах она нащупала провода, а на спинке — пластинку, которая могла оказаться крышкой какой-то коробки. Это было интересно.

Император уже возвращался к постели. Он почуял, что Кора отвлеклась, и громко прикрикнул на нее:

— Не двигаться! Это тебе не койка в твоей конуре!

— Я устраиваюсь поудобнее!

— Какие могут быть удобства! Лежи, где лежишь, а то все испортишь!

— Что испорчу?

— Кровать испортишь. Мне она еще пригодится.

— А разве вы на ней спите, ваше величество?

— Что надо, то я на ней и делаю, — отозвался император. — Расстегни платье!

— Не буду. Эксперимент должен быть максимально приближен к действительности.

Осторожно-осторожно пальцами — снова к спинке кровати! Дотянуться, постараться открыть коробочку в тот момент, когда их внимание будет отвлечено.

Император протянул Гиму шампур так, словно передавал ему шпагу на поле сражения.

Гим принял шампур и взмахнул им как шпагой. И тут же вознамерился со всего размаха всадить в грудь Кору. Это ей не понравилось, и Кора завопила:

— Ты с ума сошел! Осторожнее!

— Давай! — закричал на адъютанта император. — Коли!

Гим замер с поднятым шампуром, затем все же ударил им в грудь Кору, но сделал это не в полную силу,

а как бы застеснявшись и осознав, что совершает не очень красивый поступок.

— Иййех! — взвизгнул он, и Кора подпрыгнула на постели, потому что удар в грудь оказался очень болезненным и ей показалось, что ее и на самом деле проткнули насквозь.

Шампур тут же согнулся, и Гим, который перенес на него весь свой вес, потерял равновесие и рухнул на постель, оказавшись при соприкосновении существом костлявым и жестким.

Коре и не понадобилось вспоминать, что она молодая глупая женщина — и без этого она завопила так, что затряслись дворцовые стены, а император отскочил к двери. Но сбегать ему не удалось, потому что адъютанты с той стороны захлопнули дверь и держали ее в четыре руки.

Гим пытался слезть со своей жертвы, но никак не мог понять, где верх, а где низ.

Довольная поворотом событий, Кора смогла приоткрыть крышку на спинке кровати и, изогнувшись, посмотреть наверх — под крышкой было несколько кнопок, под каждой из кнопок — цифра. Последняя красная кнопка была побольше прочих размеров...

Перестав кричать, Кора вытолкнула из постели незадачливого убийцу.

Император, недовольный собственным испугом, возвратился к постели, поднял Гима за шиворот и отбросил в угол опочивальни.

— Спасибо, — сказала Кора, — я подумала, что он меня задавит. А ведь мы об этом не договаривались. Или вы меня протыкаете, или отпускаете восвояси. Причем не одну, а со всеми землянами.

— Помолчи, дура! — рассердился император. — Тебе кажется, что здесь шутят. Так вот — здесь никто не умеет шутить. И ты не выйдешь отсюда живой. Даже если мне придется переломать все шампуры империи.

С этими словами он поднял с кровати согнутый шампур, по виду которого совершенно очевидно было, что им никакого человека и даже собаку проткнуть невозможно.

— А если не удастся шампуром... — произнес император задумчиво, — то я тебя проткну чем-нибудь еще.

— Это нечестно.

— Замечательно! Нечестно! Кто говорит о честности? Она, проникшая к нам змеей, для того, чтобы убить нашего законного государя!

— В то время я отдыхала у моей бабушки, под Вологдой.

— Ложь, ложь, ложь! Мы живем в окружении земных шпионов! У нас не хватает масла и сахара, потому что все крадут земные шпионы. У нас шахты и заводы работают кое-как, потому что мы ограблены земными шпионами. И пока мы с вами не разделаемся, наша планета не будет счастлива.

Он выкрикивал этот бред совершенно искренне. Даже слезы выкатывались из его глазниц и срывались с выпуклых сизых щек. Он почти верил в то, что нес. Гим, понуро стоявший за его спиной, послушно всхлипывал.

— Вот видишь, — император обернулся к Гиму и положил лапу на его узкое, украшенное витым погончиком плечо, — вот он остался сиротой из-за политики Земли.

— Да, — сказал Гим. — Я сирота.

— Кончайте балаган, — рассердилась Кора, потому что сцена слишком затягивалась. — Или вы меня протыкаете, или выпускаете. Решайте.

— Я сам, — сказал император и локтем оттолкнул ринувшегося к нему Гима. — Я сам ее...

Он стал выбирать из трех оставшихся шампуров самый крепкий и острый, Гим как замороженный смотрел на эту церемонию. Пока они были увлечены подго-

товкой к убийству, Кора снова смогла уделить несколько секунд изучению пульта на спинке кровати. Красная кнопка была снабжена внизу надписью: "пуск". Кора поняла, что ничего не теряет...

Император приготовился к покушению.

Два шампура похуже он отдал Гиму, а сам замер над постелью.

Он думал.

И Кора поняла, о чем он думает. Он думает о том, что его дядю было невозможно проткнуть этими алюминиевыми палками. Но тем не менее он был ими убит. В этом заключался нонсенс, и потому император намеревался сейчас принять все меры, чтобы опровергнуть этот нонсенс.

Он тщательно прицелился, взялся за середину шампура двумя руками так, что из нижнего кулака торчало лишь сантиметров пятнадцать металла. И это меняло дело — такой короткий кусок металла не согнется, а в самом деле проткнет грудь. Так и карандашом можно убить...

— Ну держись! — зарычал император.

И Кора поняла, что исхода нет — надо рисковать.

Она попыталась отпрянуть с пути движения оружия и в то же время нажала на кнопку "пуск".

Ничего не случилось.

Как в замедленном фильме, она видела надвигающийся на нее конец шампура.

Что еще? Что делать? — пальцы ее метались над пультом с быстротой электрического тока. За ту долю секунды, пока смерть надвигалась на нее, Кора успела нажать на соседнюю с красной кнопку — в надежде на то, что красная — пуск, а кнопка с цифрой "1" над ней — уточнение задания для кровати.

... И в этот момент в глазах у нее помутилось, император куда-то исчез, а вместо него возникли цветные разводы — это было знакомо, но мозг отказывался напомнить, почему знакомо...

Уши заложило, будто она вынырнула с большой глубины.

Кора открыла глаза.

Было темно.

* * *

Кора провела руками вокруг себя.

Она лежала на той же королевской кровати. Но вокруг было темно и тихо.

Кора стала ощупывать покрывало и подушки. Все то же самое — лишь кажется, что покрывало и подушки куда прохладнее, чем были. Словно из жилого, наполненного людьми помещения она попала в пустую и заброшенную комнату.

Коре показалось, что в опочивальне кто-то есть.

Нет, не император и не Гим — их бы она узнала по дыханию, по запаху. Агент ИнтерГпола должен уметь различать людей по запаху и дыханию — этому его учат в Высшей школе. В комнате был кто-то иной...

Почти беззвучно "иной" приближался к постели. И Кора не знала, куда бежать. Вот этот пришелец дотронулся до края постели и мягко, беззвучно вспрыгнул на ее край. Постель прогнулась под тяжестью тела, Кора подогнула ноги — в комнате было так темно, что она увидела лишь, как горят зеленым глаза у незнакомца. В ужасе, нахлынувшем на нее, она вытянула перед собой руки.

До руки дотронулось нечто холодное и влажное.

И горячее дыхание ожгло пальцы.

— Господи! — прошептала Кора с великим облегчением. — Колокольчик, дружок мой, ты меня нашел!

И тогда кот, замерший было при ощущении испуга своей новой подруги, кинулся на нее со всей радостью и напором соскучившегося и несчастного ребенка. Он

по-собачьи вылизывал ее щеки, он толкал ее мягкими огромными лапами, он урчал так, что она оглохла. Он был теплым, шелковым, мохнатым, добрым и страшно родным.

И Кора разрыдалась.

Потому что только минуту назад она делала вид, что ничего не боится, что она бесстрашный агент ИнтерГпола, что ее можно четвертовать, но она останется такой же хитрой, смелой и несгибаемой... все это оказалось враньем и показухой — оказывается, она чуть не умерла от страха, когда эти здоровые и наглые мужчины всерьез намеревались убить ее, мучительно проткнуть шампуром — и сделали бы это, не пожалев ее, потому что они жили в мире, где нет правил, а есть сила и лакейство. Это самый страшный из миров... И хоть Кора утешала себя тем, что она как всегда выпутается, на этот раз она уже не верила в свою удачу...

Но повезло.

И вот Колокольчик облизывает ее, как будто смертельно истосковался по своей подруге.

— погоди, — сказала она Колокольчику, ласково отталкивая его. — Может быть, у нас с тобой и времени свободного нет?

Обнимая урчащего зверя, она огляделась и поняла, что метрах в пяти от нее, полускрытое какими-то громоздкими предметами, находится окно, почти невидимое, потому что за ним несутся ночные облака, закрывающие звезды. Ночь...

Только что было позднее утро.

Значит, она переместилась не только в пространстве, ведь она предполагала, что кровать — средство телепортации, но и во времени, что было уже куда серьезнее.

Кора поняла, что должна проверить свою гипотезу.

Она притянула к себе Колокольчика. Ведь он ее узнал, ведь они с ним встречались. Значит, если она попала в ночь, то... ее пальцы нащупали шелковую

ленточку, которую она сегодня ночью повязала на шею Колокольчику. Ее подарок.

Ленточка была повязана примерно в час ночи. В большой комнате, где стояла кровать... именно эта кровать, именно на вилле предсказателя. Значит сейчас еще продолжается прошлая ночь?

Нет, этого быть не может, потому что она бежала с виллы в тот момент, когда ее взяли штурмом заботники императора. В числе их был и сам император. Ведь она его видела! Так сколько сейчас времени? Штурм уже был или скоро будет?

— Сколько сейчас времени? — спросила тихонько Кора у кота. Он конечно, не мог ответить, но потерял ее руку тяжелой теплой головой.

— Сейчас мы все выясним, — сказала Кора.

Она поднялась с кровати, тайну которой она уже разгадала, и направилась к двери — глаза настолько привыкли к темноте, что она смогла разглядеть ее белый прямоугольник.

По дороге она чуть не упала, сначала натолкнувшись на угол стола, затем разбив нечто высокое и стеклянное... Но вот и дверь. Возле нее она нащупала выключатель.

Одинокая пыльная лампочка загорелась под потолком лаборатории.

Да, недавно она здесь была. Вот копия королевской постели, вот генератор, вот стол с компьютерами... Над дверью висели круглые часы. Они показывали четыре часа.

Значит — сейчас четыре часа утра сегодняшнего дня. Нажав на цифру восемь, она переместилась на восемь часов в прошлое. И попала на виллу снова, через три часа после того, как убежала с нее.

Так, сказала себе Кора, машинально поглаживая затылок кота. Она прибыла сюда, чтобы разобраться в одном преступлении, а сама того не ожидая, натолкнулась на преступление другое, не менее опасное, чем убийство.

Она обнаружила нелегальную машину времени!

Машины времени не может быть. Доказано, что изобрести ее невозможно, потому что ее действие порождает парадоксы, которым нет объяснения и от которых могут происходить страшные беды для человечества. Это не означает, что в самом Галактическом центре машины времени нет. Есть и не одна! Но не только ИнтерПол, но и сама всемогущая Галактическая Безопасность тратят немало средств и сил, чтобы заранее пресечь любую попытку, на любой планете вырастить гения, который невзначай изобретет такую машину. Потому что если он ее изобретет, задача службы безопасности заключается в том, чтобы машину ликвидировать, а ее изобретателя увезти в Центр, где ему будет на всю жизнь обеспечена увлекательная работа по специальности, но без возможности путешествовать куда вздумается.

Существует, как вам, возможно, известно, несколько принципиально разных видов машины, как есть, например, несколько видов космических двигателей или несколько различных способов варить манную кашу. Но всех их объединяет "принцип гири". Что это такое?

Путешествие во времени возможно лишь в прошлое — в будущее путешествовать теоретически и практически невозможно, потому что нельзя путешествовать в страну, которой еще нет. Это все равно, что жениться на нерожденной еще женщине. Время — это как бы океан. Мы с вами на поверхности, а глубины его — наше прошлое. Так что с помощью машины времени можно нырнуть туда и затем выплыть обратно.

Для того, чтобы нырнуть в иное время, следует, образно говоря, раздвинуть уже существующие волны прошедшего времени. Если вы собираетесь поплескаться у поверхности, на это не требуется больших энергетических затрат. Но попробуйте, уважаемый читатель, нырнуть, допустим, на десять метров под

воду — вы увидите, как это трудно сделать. Силы, открытые древним Архимедом, будут все отчаяннее и мощнее выталкивать вас наружу, пока не наступит момент, когда всех ваших мускульных усилий не хватит, чтобы удержаться на достигнутой глубине. Чтобы достичь глубины на метр больше, придется брать в каждую руку по гире. И чем тяжелее гиря, тем глубже можно нырнуть.

Погружение в глубины времени требует энергии, затраты которой увеличиваются в геометрической прогрессии с увеличением глубины. Говорят, что в Галактическом центре уже создана машина, которая может отправить человека на семь лет в прошлое и даже при особом везении извлечь его оттуда. Но это, если в самом деле повезет. Обычно те, кто отправился в такое далекое прошлое, уже не возвращаются. Гигантские машины Галактического центра опутывают своими кабелями целые астероиды и находятся как можно дальше от населенных пунктов. Один запуск на семь лет в прошлое пожирает энергии столько, что за счет нее можно передвинуть Землю на орбиту Марса.

В Галактике уже удалось отыскать и обезвредить четыре подпольные машины времени. Одна машина отправляла испытателя на восемь минут в прошлое и была подключена к соседней электростанции. Две из них могли отправить человека в прошлое на день, и питались электричеством от нелегальных ядерных реакторов. А четвертая машина отправляла человека на неделю назад, и для ее работы требовались три атомные станции одной воинственной планеты.

Кора сразу поняла, что машина времени, которую она видит перед собой, относится к слабенькому типу — дальше чем на день-два человека ей не забросить. И судя по всему ее питает энергией атомная станция, расположенная где-то неподалеку. Наверное, Парфан смог подключиться к ней, потому что пользовался покровительством покойного императора. Можно считать, что для

человечества в целом машина опасности почти не представляет, а вот для города или даже всей империи опасность есть, и реальная: ведь порой достаточно вернуться на день в прошлое и исправить какую-нибудь ошибку...

Следовательно, хочет того Кора или нет, но Парфан будет вынужден отправиться в Галактический центр и там присоединиться к своим коллегам, запертым в Институте Временных исследований.

Правда, для этого его надо отыскать. А Кора не была уверена, что императорские заботники оставили предсказателя здесь. Его могли спрятать понадежнее.

Кора обернулась к Колокольчику. Тот смотрел на нее внимательно и напряженно, словно хотел что-то угадать в ее взгляде.

— Малыш, где твой хозяин? С ним все в порядке?

Колокольчик силился понять гостью. Потом неуверенно шевельнул хвостом, справа налево. Будто просил повторить вопрос.

— Я думаю, что если бы с хозяином было плохо, — сказала Кора вслух, — ты бы вел себя иначе, правда?

Кора хотела было пойти в гостиную, туда, где она оставила предсказателя прошлой ночью. Но Колокольчик заурчал, и бережно схватив Кору за пальцы, повел ее в обратную сторону — к узкому коридору.

— Ты хочешь сказать, что твой хозяин спокойно спит?

Кот не ответил.

Кора же, обходя приборы и механизмы, преграждавшие путь, пыталась найти объяснение тому, что случилось в час ночи. Ведь предсказатель, без сомнения, был близок не только к императору предыдущему, но и к его племяннику. Недаром копия ложа под балдахинном стоит у него в лаборатории. Кровать — как первая, так и вторая — это и есть пусковая установка машины времени. В сущности установка

может принимать любую удобную форму. Были бы кабины на обоих концах временного пути. Если твой заказчик повелел совместить путешествие в прошлое с путешествием по городу, то тогда мягкая постель превращается в замечательное устройство. Во-первых, при правильном расчете хрононавта, или как его там именовать, всегда обойдется без травм, очнувшись в родной постели. Во-вторых, в таком случае временная кабина во дворце вообще не привлечет постороннего внимания — как стояла королевская кровать, так пускай и стоит дальше. А что в ее спинке устроен пульт, а под ней — переплетение проводов и всякой электроники, это тоже личное дело императора. Тем более, что во дворце никто не пылесосит под кроватями. А когда требуется секретность, тот же король может спокойно удалиться в опочивальню, запереть за собой дверь, перелететь на виллу Парфана и веселиться в недавнем прошлом...

Колокольчик остановился перед полуоткрытой дверью в спальню предсказателя.

Предсказатель оказался цел и невредим.

Он мирно почивал на узкой девичьей кровати, поджав коленки к животу и уткнув в подушку аккуратный точеный носик. Ночного колпака не было: видно потерял его за бурную ночь, но халат был тот же самый, в котором Кора его видела дважды. Предсказатель так умирался, что не снял шлепанцев и они чудом держались на его голых пальцах. Кора обвела взглядом полутемную комнату, свет в которую проникал лишь из коридора, в поисках одеяла, чтобы прикрыть предсказателя, но ничего достойного не обнаружила и тогда решила не беспокоить его: ей стало жалко будить намаявшегося Александра Александровича.

Кора прикрыла за собой дверь в спальню и мысленно произнесла: "Поспи еще минут пять, скоро здесь начнется бедлам".

Она быстро прошла в гостиную. Колокольчик, как

привязанный, трусил за ней. Она обратила на это внимание и сказала коту:

— Обычно коты так не поступают. Но, может быть, ты голодный?

Услышав эти слова, Колокольчик на ходу принялся тереться теплой пушистой головой о бок Кору и той пришлось остановиться.

— Но я же не знаю, где у вас холодильник, — сказала она, стараясь не раздражаться. Ведь ей сейчас совершенно не с руки была любая, даже секундная задержка. Но Колокольчик поглядел на нее такими большими, круглыми восторженными глазами, что она поняла — пусть вся Вселенная валится в тартарары, но она должна накормить животное.

Колокольчик все понял и, тяжело подбрасывая пушистый зад, побежал по неизвестному Коре коридорчику, который привел их на кухню.

Колокольчик остановился перед холодильником и провел лапой по его двери, как бы опасаясь, что глупая женщина Кора не догадается, что холодильник надо открыть, ведь кот проголодался.

Холодильник был почти пуст, если не считать нескольких бутылок пива, банки консервов и тарелки с рыбьим хвостом. Кора поставила тарелку на пол, кот поглядел на хвост, а потом на Кору с таким человеческим укором, что она поняла: виновата! Виновата не своей даже виной, а виной всего человечества, которое вздумало приблизить к себе животных, изломать, искалечить им жизнь, отучить их самих добывать себе пищу, а потом забывать накормить своих якобы любимцев.

Чувствуя, как утекает между пальцев время, Кора достала из пояса свой охотничий нож. С его помощью она открыла банку консервов и вывалила их на ту же тарелку. Кот вежливо отвел в сторону голову и подождал, пока Кора закончит, затем углубился в поздний ужин, сразу забыв о ней.

— Я пошла, — сказала Кора виноватым голосом, будто оставляла кота на поле боя, и побежала в гостиную.

Уже знакомыми лабиринтами она в две минуты добралась до гостиной. Там все было перевернуто и разорено так, словно порезвилась семья носорогов — ночные заботники что-то искали. Ту же картину она обнаружила и в кабинете предсказателя. У нее создалось впечатление, что заботники Аудия Реда, громившие кабинет, преследовали как бы две разные цели — во-первых, им очень хотелось отыскать самого хозяина дома, и для этого они перевернули все столы, кресла, стулья, повалили шкафы и даже заглянули под ковры. Во-вторых, они искали какие-то документы или тайные бумаги — тут уж они занимались в основном изучением содержимого столов, ящиков, книжных полок и стеллажей. В спешке они сваливали все на пол и затаптывали каблуками...

Нет, поняла Кора, здесь она ничего не найдет. Или найдет, если у нее будет свободная неделя на "раскопки".

Она грустно смотрела на то, что осталось после разгрома, и старалась понять, что же скрывалось за ним? Зачем он понадобился императору? Что тот искал и чего боялся?

Но по крайней мере одну из второстепенных загадок Кора разгадала: она поняла, почему и как у нее в номере вчера вечером появился одетый в халат предсказатель Александр Александрович.

Вернее всего после ее бегства пьяненький предсказатель очнулся от шума и грохота, который производили штурмовавшие виллу охранники. Хотя и сильно пьяный, он сообразил, что скрывается за этим штурмом и почему императору захотелось зажарить свою курицу, несущую золотые яйца. А раз у Парфана оставалась машина времени, он решил передать Коре какие-то важные документы, которые не должны были попасть в руки императора. Он перенесся в прошлое с помощью дубли-

ката своей койки, кинулся в гостиницу, забрался в шкаф и вынужден был таиться в нем, пока император не убрался восвояси. То-то он узнал Кору, был с ней знаком, а она не имела никакого представления, что за чудище в халате прячется в ее шкафу. Затем он возвратился к себе на виллу, рассчитав все так, чтобы заботники ее уже покинули, а так как был еще пьян и наверное ужасно устал, то тут же и заснул. А случилось все это час или два назад.

Опасность, которой подвергался Парфан, не исчезла. В любой момент заботники могут вернуться...

И тут Кора услышала страшный крик — скорее не человеческий, а звериный. Он донесся издали, из недр виллы... Но кто это кричал?

Кора замерла, ожидая, не повторится ли крик.

Крик повторился. На этот раз сомнений не было — это кричит человек!

Кора кинулась в ту сторону. Кабинет... аппаратная... коридор... — спальня Парфана.

Кора уже понимала — крик доносился оттуда.

Дверь была раскрыта. Внутри горел свет.

Прижавшись к косяку, Кора заглянула внутрь.

Над кроватью, на которой неестественно изогнувшись, лежал предсказатель, возвышался император. Свет лампы подсвечивал его рыжие волосы, и казалось, будто его голова пылает.

Император спиной почуял шаги Кору.

— Заходи, — сказал он, медленно оборачиваясь. — Заходи, не стесняйся. Погляди, я выиграл спор!

Широким жестом император показал на лежавшего на кровати Парфана.

Из его глаза торчало кольцо шампура.

— Главное, — сказал, ухмыляясь, император, — найти подходящее место. Тогда и шампуром заколоть можно.

Кора кинулась к Парфану. Император преградил ей путь сильной волосатой рукой.

— Не суетись, — сказал он. — После моих ударов не оживают.

Кора и без того поняла, что Александр Александрович мертв.

— Я виноват — не сообразил, что ты можешь моей кроваткой воспользоваться, не догадался, что он успел тебе обо всем рассказать. Надо было мне его еще вчера убраться.

— А как вы сюда попали? — спросила Кора.

— Как и ты — на постельке. Я всех разогнал, подождал, пока энергия для перехода поднакопилась и — пошел за тобой. Не дурак ведь, в школе учился.

Император был доволен собой.

— Ты не бойся, — сказал он покровительственно, — я ведь в быту добрый. Это я только для врагов и изменников лютый. А раз ты мне проиграла, то ты мне не страшна и даже очень приятна. Будешь теперь меня улаживать, а я тебе буду делать подарки... Подарки.

— Я еще не кончила свое расследование, — сказала Кора, стараясь не смотреть на жуткую фигуру на кровати. — Я еще не проиграла.

— Кончила — не кончила, теперь это уже в прошлом, девочка, — сказал император. — Ты теперь знаешь столько лишнего, что я не могу тебя отпустить домой, к твоему дяде Милодару. Этот предатель паршивый во всем виноват!

— Нет, не он! — сказала Кора. — Он ничего мне не рассказал.

— Не покрывай мертвеца, — ответил император. — Он уже безопасен. Ты бойся меня. Тебе со мной придется прожить остаток жизни — в глубоком подвале... на всем готовом.

Император развеселился. Он стал бить себя в грудь кулаками, словно самец гориллы.

И тут Кора чуть не упала.

Колокольчик, ожидавший момента за дверью в ко-

ридоре, своим непонятным звериным умом наконец-то решившийся на мщение, слегка задев Кору, прыгнул из засады на смеющегося императора. Его прыжок был таким бесшумным и неожиданным, что император успел лишь прикрыть рукой глотку — и тут зверь, уже не домашний, милый, уютный, а настоящий дикий зверь — свалил его своим весом на постель и стал рвать руку, стремясь добраться до горла.

Император рычал, отбивался, старался оторвать от себя лапы кота. Кора не сразу вмешалась в этот бой — видно, она так устала за ночь, что не сразу даже поняла, что же происходит, почему кричит император.

Но через две секунды Кора кинулась на помощь императору.

Он был преступником, он был убийцей, он был подлецом, и по высокому звериному счету Колокольчик был прав и должен был в честном бою убить императора. И все же — куда тут денешься — император принадлежал к тому же племени людей, что и сама Кора. И по долгу службы она не могла сама убить человека и обязана была воспрепятствовать его смерти от иных причин.

— Колокольчик! — просила, кричала она, не надеясь, конечно, что кот услышит: его утробное рычание было настолько громким, что заглушало даже крики императора.

Кора стала оттаскивать кота от человека, она прижалась к его боку, чтобы поудобнее втиснуть пальцы в его пасть и разжать зубы — но лапы кота продолжали бить и рвать, конечно досталось и самой Коре — она почувствовала боль, но подумала прежде всего о том, что погибло платье, которое она шила в Париже.

И вдруг кот поддался ее усилиям.

Как будто его выключили.

Он покорно и тяжело поднялся на ноги, с удивлением глядя на свою жертву.

На кровати лежал Парфан. Правда, теперь он до

половины свесился на пол и страшная рана не была видна. Поперек его тела лежал окровавленный, тяжело дышащий император — он лишился сознания, но был жив.

Голова Кору работала четко и безошибочно. Теперь ей надо как можно скорее убраться отсюда.

Император пошевелился, открыл глаза и грязно выругался. Он пытался подняться.

— Убери свою кошку... — опять ругательство.

— Пошли, — приказала Кора Колокольчику. — Быстро!

Кот зарычал.

Император отпрянул.

Кора кинулась прочь.

Колокольчик, после секундного колебания, побежал за ней.

Кора добежала до аппаратной. Там, в углу за приборами, стояла кровать убитого императора Эгуадия.

Это было единственное средство вернуться в свое время и притом вырваться отсюда.

Кора кинулась на ложе. Топчан был ободран и облит краской; если он не работает — ей конец. Тогда им с Колокольчиком придется убивать императора.

Колокольчик куда-то убежал.

Кора лежала на кровати, стараясь открыть крышку пульта в ее спинке.

Из коридора донеслись проклятия. Потом прозвучал выстрел.

— Колокольчик! — закричала Кора. — Скорее сюда, миленький мой!

Пульт наконец открылся. Только бы заработал!

Рядом с красной кнопкой "пуск" она увидела зеленую — "возвращение".

— Колокольчик!

Тяжелое тело кота ухнуло на кровать. Топчан пошатнулся под ударом звериного тела.

Кора притянула к себе животное, стараясь прижать

к груди. Кот не понимал, что от него требуется, и сопротивлялся.

— Колокольчик!

Кора нажала зеленую кнопку, изо всех сил прижимая кота к себе.

Раздался щелчок. Все провалилось в темноту...

Она куда-то падала, выл, царапался кот... Потом — удар!

И вот она лежит на том же топчане. Вокруг полутьма — свет падает из высокого, забранного решеткой окна-бойницы. Совсем близко круглится каменная, сложенная из тщательно подогнанных глыб, стена.

Все обошлось.

— Мы с тобой в башне, — сказала Кора, поглаживая между ушей замершего в ужасе кота. — Отсюда все началось. Здесь все и кончилось.

Кот нервно зевнул.

Кора оттолкнула его и прыгнула с кровати-топчана.

Дверь спартанской спальни убитого здесь императора была полуоткрыта. Некому и незачем было запирать ее, если император сюда уже не вернется.

• • •

Главное теперь было успеть в гостиницу и отыскать кассету, оставленную предсказателем. В ней должны быть ответы на оставшиеся неразгаданными вопросы. В частности, на вопрос, как можно убить императора шампурами, которые для этого не предназначены.

Кора осторожно подошла к двери. Снизу доносились ленивые голоса.

Придется прорываться, хотя лучше обойтись без насилия.

Кора оглядела свое платье. После ночных приключений его едва ли можно было назвать элегантным или

хотя бы похожим на женскую одежду. Но вряд ли охранники разбираются в модах. Кора поправила короткие волосы и спокойно пошла вниз по лестнице. Кот, который почувствовал, что ситуация сложная, бесшумно крался следом, готовый, если нужно, ринуться на помощь.

Но к счастью, этого не понадобилось.

Приближался полдень, солдаты, что сидели на первом этаже, не очень старались охранять пустую башню. И то ли им было лень отрываться от еды, то ли они на самом деле полагали, что девушкам в рваных платьях в сопровождении гигантских котов положено здесь разгуливать, но они лишь равнодушно поглядели на Кору. Один из них, постарше, усатый, окликнул ее:

— Ты куда?

— Я ухожу, — сказала Кора.

— Зверя своего не забудь! — крикнул тот, что помоложе, показывая ложкой на Колокольчика.

Тот презрительно глянул на человека.

День выдался ярким, солнечным, ветреным. В гигантском дворе, вокруг которого раскинулись дворцовые здания, никого не было. Коре повезло — мимо проезжал рикша.

— Только зверя я не возьму, — заявил он.

— Он не кусается, — сказала Кора.

— Так все говорят, а моего племянника такой искусал — чуть руку не оторвал.

Колокольчик смотрел на рикшу удивленными круглыми глазами. Он изображал из себя кролика, но рикша своей позиции не изменил.

Впрочем, Колокольчика это не смутило: когда рикша побежал, кот затрусил за его коляской.

В гостиницу Кора на всякий случай вошла через черный ход. Она уже знала, где он. Ход вел через кухню ресторана, через склад по узкой служебной лестнице. Спустя полчаса после бегства с виллы Кора с Колокольчиком уже были у своего номера.

— Погляди, — попросила Кора котика, открывая дверь, — нет ли там чежеланных гостей?

Кот понял, легко скользнул в комнату и через три секунды высунул улыбающуюся морду наружу. Все в порядке.

Кора вошла в номер. Пока она так и не решила проблемы, где и как ей просмотреть кассету. Если у нее раньше были друзья или союзники в Нью-Гельвеции, то императору удалось всех их убрать — это же ужас какой-то! Император конечно же пошел на риск, но теперь он был подобен паровозу на рельсах: куда они тебя ведут, туда ты и едешь — не свернуть. Убив своего дядю, он вынужден был убирать опасных свидетелей — сначала секретаря и даму Синдику, затем ставшего опасным земного консула, затем последовало самое болезненное для императора решение — убить предсказателя. Кора почти не сомневалась, что император пришел к власти с помощью Парфана. С вольной или невольной, но с его помощью. Кора даже представляла себе, как можно было убить старого императора в абсолютно неприступной комнате и понимала, почему для этой цели годились даже алюминиевые шампуры, единственное достоинство которых, с точки зрения императора, заключалось в том, что они были с Земли, значит, в убийстве государя можно обвинить землян. В борьбе с придуманным противником куда легче захватить власть.

Зато захватив, как трудно удержать! Ты пришел к власти через преступление, через предательство, через убийство. Так чего тебе ждать от своих подданных — неужели искренней любви?

Убийца никому не доверяет. Он везде ищет заговоры, во всех видит врагов. И в поисках защитников он обращается к предсказателю...

Кора достала кассету, принесенную покойным Парфаном. К счастью, ночью никто больше не обыскивал номер.

Вот здесь, на видеопленке, наверное скрыты тайны общения императора и предсказателя. Пленка — это оружие, которое предсказатель рассчитывал пустить против своего покровителя. Но не успел... Значит тебе, Кора, предстоит довершить дело Парфана.

Кора подошла к окну. Заботников под окном не было — ее возвращения в гостиницу не ждали. Переулок, куда выходило окно, был малолюднен. Темное пятно на мостовой, где оставалась машина советника, останется надолго.

Как стать предсказателем, если ты можешь заглядывать в прошлое, но бессилён увидеть будущее? Возможно ли такое?

— Разумеется, возможно! — воскликнула вслух Кора. — Еще как возможно!

Путешественник в прошлое — незаменимый предсказатель. Для любого деспота. Для старого императора и для нового, для деспота и демократа...

Ты можешь предсказать будущее, заглянув недалеко в прошлое и увидев причины поступков. Ведь их последствия видны сегодня, так что сегодняшнее событие открывает тебе глаза на время и место своего рождения. Заглянув в прошлое, ты получаешь возможность увидеть будущее. Тому тьма примеров. Вот разведчики донесли вам, что некий вельможа ускакал сегодня на рассвете в свой замок. Чего же этот проклятый вельможа не видел в своем замке? Выясняем: вельможа за последние дни встречался с графом П. и деспотом Б. Когда он встречался с нелюбимым нами графом П? Позавчера, в восемь вечера. Как бы нам узнать, о чем они говорили? Мы отправляемся в позавчерашний день, в восемь часов вечера и подслушиваем на темных аллеях нашего парка Калери секретную беседу заговорщиков. Не было бы машины времени, мы бы не смогли узнать о заговоре и казнить предателей. Любое событие, которое намерено случиться завтра, имеет корни в прошлом, а развитие — в настоящем. Оно подобно животному, хвост которого

остался во вчерашнем дне, туловище мы видим сейчас, а голова уже в дне завтрашнем. Видя сегодняшнее туловище, мы можем пощупать хвост, а сложив их, представим, какой получится голова.

Используя эту возможность осторожно и со всей возможной хитростью, вы можете в прошлом исправить сегодняшнюю ошибку, и если твоя любимая фрейлина обвалилась вместе с балконом, нельзя ли отправиться на денек в прошлое и велеть там укрепить этот балкон? Здесь, правда, встает проблема, а что делать, когда встретишь самого себя? Как объяснишь самому себе, что балкон требует ремонта? Впрочем, с собой любой из нас в конце концов договаривается. Выгоды же изобретателя машины времени, который надевает маску предсказателя, также налицо. Предупредить властителя о зреющем заговоре и сообщить о составе его участников — полезно не только властителю, но и предсказателю. Один остался жив, а второй стал богаче.

Представьте себе иные ситуации, имя которым "легион". Вот, например, вызывает к себе предсказателя госпожа Вичика и говорит: "Полная подозрений, я арестовала свою служанку, которая, вернее всего, украла бриллиантовое кольцо. Но доказать ничего не могу, потому что свидетелей нет, кольцо нет, а служанка не признается. Чем ты можешь помочь, ясновидящий?" Ясновидящий велит прибыть к нему за ответом на следующий день, а сам отправляется в недалекое прошлое, в тот самый вчерашний вечер, когда дама покидала свою виллу ради свидания с кавалером Бринлизи. Не обращая внимания на злобных комаров, ясновидец сидит под окнами виллы и наблюдает за тем, как невинная дочка дамы Вичики запускает ручонку в шкатулку, потому что нуждается в денежках на кокаин. На следующий день предсказатель приходит мрачнее тучи, берет оплату авансом, потому что не верит в то, что получит ее после открытия страшной тайны. И сообщает даме, что кольцо лежит в ящике с игрушками любимой дочки, которая

уже созвонилась с продавцом наркотиков, чтобы отдать ему фамильную реликвию за сущие гроши. Мама, конечно, не верит, но поднимается в спальню дочери, достает колье, а предсказателя выгоняют из дома, чтобы не клеветал на ребенка, который, играя, надевал колье на куклу Рашу, да забыл вернуть в шкатулку. Вы все поняли?

Кора провела рукой по лбу, стараясь отогнать череду образов и вариантов, рождавшихся в ее мозгу.

— Пошли, — сказала она коту. — Время не ждет. Поищем, где здесь есть видеомэгнитофон.

С таким вопросом Кора обратилась к портье, и тот сообщил, что видик есть в малой голубой гостиной, но по нему детишки герцога Кальяри смотрят иностранные мультики.

Кора поблагодарила портье и прошла в гостиную. Кот улегся снаружи — он знал, что в некоторые места ему вход запрещен.

* * *

В тесном полутемном помещении без окон, стены которого были обтянуты голубым бархатом, а кресла сиреневым атласом, на ковре перед телевизором уютно расположились мальчик и девочка лет десяти-одинадцати, одетые в камзолчики пажей, лосины и башмаки с загнутыми носками.

Дети смотрели порнографический фильм. Они установились в экран, запрокинув голубые от света мордашки, тогда как их няня в длинном платье и рогатом головном уборе негромко похрапывала в кресле. В тот момент, когда Кора на цыпочках вошла и плотно закрыла за собой дверь, совершенно обнаженная, розовая как зефир красавица гонялась по пляжу за загорелым мускулистым красавцем, а ее, в свою очередь, преследовал возбужденный самец гориллы.

Дети сопровождали подвиги розовой толстушки подбадривающими криками.

Кора вытерпела это зрелище в течение двадцати секунд, затем шагнула вперед. Тут ее заметили дети и мальчик, державший в руке пульт, сразу же переключил программу на мультик, в котором козочка резво гонялась за волчонком, а волчонок догонял Красную шапочку.

— Ты что здесь делаешь? — зашипела на Кору девочка. — Разве не видишь, что мы отдыхаем!

— Очень приятно. Отдыхайте.

Кора направилась к телевизору, доставая на ходу кассету.

— Только посмей! — предупредила девочка.

— Тише, — сказала Кора, которая поняла, что с такими высокопоставленными детишками лучше обойтись миром. — Слушайте, у меня есть классная секретная шпионская пленка. Надо срочно просмотреть. Обалдеете.

— А не врешь? — спросила девочка, накручивая на пальчик золотой локон.

Нянька пошевелилась во сне, покачала рогатой шляпой и быстро сказала:

— Дети, не шалите, а то я донесу на вас вашему родителю.

— Он у нас знатный, но не очень культурный, — сообщила девочка. — А ты кто?

— Я — Кора Орват, агент ИнтерГпола.

— Земельная шпионка?

— Это клевета, которую придумал... один человек.

— Новый император придумал, — сказала девочка.

— Наши его не признают. Он обязательно лопнет. Выскочка. А вы как думаете?

— Я думаю, что мне надо срочно просмотреть пленку.

— Валяй, — согласился мальчик. — Только чтобы была интересная, а то мы лучше мультик посмотрим.

Кора протянула ему пленку. Мальчик лениво поднялся с кресла, подошел к телевизору, вставил кассету.

На экране возник предсказатель Парфан.

— Ого, — сказал мальчик. — Мы его знаем. Он нашел маме серебряный сосуд для благовоний, который свистнул наш двоюродный дядюшка.

— Он ужжжасный человек, — сказала девочка. — Его все боятся и ненавидят.

— Почему?

— Он колдун, — сказала девочка, — он нашего императора убил. Разве вы не слышали?

— Слышала-слышала, — вмешался мальчик. — Она для этого и прилетела. Только ее тоже убьют.

Они говорили так, словно Кору в комнате и не было. Она не принадлежала к их кругу, а других они привыкли не замечать...

— Помолчите! — приказала Кора... — Он говорит.

— Эта пленка, — произнес с экрана Александр Александрович, — записана мною на случай, если моей жизни будет грозить опасность. Я намерен спрятать пленку в надежное место или передать человеку, до которого не дотянутся лапы императора Дуагима. Точка.

Коре показалось, что изобретатель машины времени немного пьян и потому агрессивен.

— Я понимаю, что этот идиот, — продолжал Парфан, — готов меня убить. Убить курицу, несущую золотые яйца, потому что ему всего важнее удержаться на троне. Он боится меня. А те, кого он боится, обречены на смерть.

— Вот это точно, — взрослым голосом произнесла девочка. — Нашего дядю он на рудники сослал, хотя наш род древнее императорского.

— Тише! Запрещенная тема! — прикрикнула из темноты нянька.

Все замерли и молчали, пока она снова не захрапела.

Мальчик хихикнул.

Парфан сглотнул слюну и продолжал:

— Слушайте мое заявление, сделанное в здравом уме и твердой памяти, в опасении покушения со стороны императора Дуагима или его клевретов.

— Во дает, — сказала мальчик. — Лучше порнухи.

— Молчи! — оборвала его сестра.

— Я заподозрил существование заговора с целью убийства законного императора Эгуадия уже несколько месяцев назад. Но так как сам Дуагим, со слов моего бывшего друга адъютанта Гима, знал о том, как работает машина времени, то он принял все меры, чтобы я не смог разоблачить заговорщиков. Впрочем, в то время я не был настойчив, потому что ограничился туманными подозрениями.

Дверь в голубую гостиную приоткрылась, но Кора и дети были так увлечены исповедью предсказателя, что не обернулись.

— Месяц назад лукавец Гим прибежал ко мне с даром. Это были два шампура для блюда, называемого шашлык, которое готовят на планете Земля. Гим посетил ее недавно как турист. У меня в тот день были гости, Гим всем показывал шампуры и объяснял, что они — с Земли, родины моего деда. А на следующий день, после очередного визита коварного Гима, дареные шампуры исчезли. Я не придавал этому значения, и даже не заметил пропажи, если бы не покойный император. Он принес с собой поваренную книгу, намереваясь приготовить шашлык. Шампуры мы с ним не отыскиали. Тогда император велел мне забыть о шампурах — его беспокоили мрачные предчувствия. Он боялся покушения со стороны своего племянника Дуагима. Он так и сказал мне: "Я чувствую, что он меня убьет!" О, если бы я знал, что в тот вечер в последний раз вижу его живым! Если бы я знал, что несчастные шампуры, с дьявольской хитростью навязанные мне предателем Гимом, окажутся причиной его мученической кончины...

Предсказатель прервал речь и смахнул слезу. Герцогские дети рыдали навзрыд.

От двери раздался хриплый голос полковника Аудия Реда.

— Ни с места! Все арестованы!

Оказывается, он уже несколько минут подслушивал в дверях грустный монолог предсказателя и счел момент удобным для того, чтобы арестовать Кору.

Полковник Аудий Ред прибыл в отель в инвалидном кресле. Загипсованная нога торчала вперед, как противотанковое орудие. Взор его был дик и напряжен.

В руке был зажат пистолет.

— Осторожнее, — сказала Кора. — Здесь дети.

— Ты совратила и детей, — заявил полковник. — Так что нам придется избавиться и от них.

Кора молчала. Она сосредоточилась на том, как обезоружить маньяка. Парфан прекратил исповедь, словно испугался полицейского.

Кора шагнула вперед. Пистолет дрогнул в руке Аудия Реда.

— Вот тебе и конец пришел, — заявил он.

Именно в этот момент проснулась нянька молодых герцогов. За спиной Кору раздался ее сонный голос:

— Это еще что такое? Кто вам позволил тут хулиганить?

Кора напряглась — внимание полковника переключилось на няньку. Раз, два... — считала она.

Но нянька двигалась слишком медленно и неуверенно. Ее испугал пистолет в руке инвалида.

— Назад! — рывкнул полицейский.

— Дети! — заныла нянька, — дети, скорее сюда! Спрячемся под диван!

— Стоять!

— Я не буду стоять! — воскликнул юный герцог, делая шаг вперед. — Еще чего не хватало? Чтобы я, наследный герцог Кальяри, боялся жалкого полиция? Да ты знаешь, на кого ты поднял руку?

— Стреляю! — рывкнул полицейский, который не намеревался шутить.

Коре ничего не оставалось, как броситься на него.

Он выстрелил. Но к счастью в то же мгновение сзади, от двери, на полицейского бросился кот Колокольчик.

Полицейский рухнул на пол, выстрел пришелся в потолок, и Кора рыбкой ринулась к пистолету.

Но дотянуться до него она не успела. Тяжелый сапог императора жестоко надавил на ее кисть. Острая боль пронзила ее. Пальцы разжались.

— Вот так, — сказал император Дуагим. — К счастью, мы успели. И ваша попытка убить несчастного инвалида-полицейского не удалась. Вам не удалось убить несчастных деточек, наследных герцогов Кальяри. Идите сюда, крошки, адъютант Гим даст вам по конфетке. Ну, сколько раз вам говорить?

Потупясь, дети подошли к императору.

— Мотайте отсюда! — приказал император и вместо конфет дал им по подзатыльнику, да такие, что дети вылетели из комнаты. За ними на четвереньках проследовала нянька.

— Поднимите полицейского, — приказал он Гиму, вбежавшему следом. — Он представлен к медали за благоразумие.

Гим начал поднимать полицейского, чтобы посадить его в кресло-каталку. Полицейский завопил:

— Ой, у меня рука сломана!

— Терпи! — приказал император.

Он проследил за тем, как Гим и еще один охранник взвалили полицейского на кресло и выкатили из гостиной.

Император убрал каблук с руки Кору. Она попыталась шевелить пальцами, но пальцы не слушались.

— Изверг, — сказала она. — Я вам этого никогда не прощу.

— Тебе осталось так мало жить, — произнес император, — что я переживу твою ненависть.

Тут же его рука поднялась и он выстрелил в сторону зарывавшего котика.

Зазвенел экран телевизора, метнулась серая тень: кот успел скрыться...

— Ты что здесь делала? — спросил император, жестом приказывая Коре подняться. — Ты почему с герцогскими детенышами порнуху смотрела? С ума, что ли, сошла? Или вербовала?

Кора невольно оглянулась на разбитый телевизор. Значит, когда император вошел, на экране вновь крутился порнографический фильм — любимое зрелище испорченных детенышей?

Это любопытно.

Кора поднялась, поддерживая изувеченную руку. Боль была жуткая. Когда наваливается такая боль, начинаешь думать, что смерть лучше.

— Не хочешь отвечать?

— Не хочу, — сказала Кора. — Вы изувер и убийца. Зачем мне с вами разговаривать?

— Ты вмешивалась в мои дела! Ты перебегала мне дорогу! Ты решила, что сможешь меня обмануть! Не на такого напала — в конце концов я взял верх. И вся ваша банда убийц и шпионов получит то, что заслуживает.

— Отвезти ее в тюрьму? — из-за спины императора спросил услужливый Гимушка.

— Отдайте ее мне! Я сам ее убью! — донесся из холла хриплый голос полковника.

— Не надо. Я ей не верю! Она уже столько раз меня обманывала, что боюсь, и из тюрьмы найдет подземный ход. К сожалению, припертая к стене доказательствами своей вины, убийца нашего любимого предсказателя Парфана взяла вот этот пистолет, — император дал ей издали поглядеть на пистолет, — и застрелилась из него в присутствии свидетелей. Ты, Гимушка, будешь свидетелем.

— Еще свидетелей вызвать? — деловито спросил Гим.

— Идиот! Хватит тебя одного!

— Нет, — вмешался в разговор новый голос. —
Одного свидетеля мало. Разрешите мне предложить
свою кандидатуру.

Император в бешенстве обернулся и выпустил всю
обойму в человека, стоявшего в темном углу гостиной.

* * *

Пули пронзили коренастого седовласого мужчину с
энергичным, испещренным глубокими морщинами заго-
релым лицом.

Мужчина отошел от стены. В ней было семь дырок
от пуль.

Затем он уселся в глубокое кресло и сказал, обраща-
ясь к императору:

— Присаживайтесь, Дуагим, в ногах правды нет.

И сразу наступили тишина и покой. Как будто в
отчаянной схватке бегуны пересекли линию финиша и
теперь уже им некуда спешить.

Кора подошла к императору и вынула пистолет из
его бессильной толстой руки.

— Гим, — сказала она, — дай мне оружие.

Голос ее был таким мирным и деловитым, что Гиму
даже не пришло в голову возражать — он сразу протянул
ей пистолет.

— Вот и умники, — сказал комиссар Милодар. — А
то у меня так мало времени — ведь для того, чтобы
отправить сюда мою голограмму, пришлось выключить
свет на шести планетах. Вы дорого обходитесь мировому
сообществу, Дуагим.

— Вы — комиссар Милодар? — догадался импера-
тор, глядя на седовласого мужчину.

— Да, я комиссар Милодар, а вы попались на месте
преступления.

— Я ни в чем не виноват! — сразу же заявил импе-

ратор, и голос его прозвучал, как голос обиженного ребенка. Даже губы выпятились вперед: такой мальчик — губошлеп, не очень приятный, но искренний.

— Кора, перечисли мне его последние преступления. Достаточны ли они для галактического вмешательства?

— Достаточны, комиссар, — сказала Кора. — За последние два дня на его совести убийство советника предыдущего императора и дамы Синдики.

— Это террористы! — быстро откликнулся император.

— На моих глазах он убил Александра Александровича Парфана.

— Ты не видела!

— Он организовал убийство консула Земли и представителя ООП.

— Это клевета!

— Он использовал в корыстных интересах машину времени!

— О, это уже совсем интересно, — сказал Милодар.

— Мы давно подозревали нечто подобное, но потребовались драматические обстоятельства, чтобы все выяснить.

— Никто не видел... я никого не убивал!

— Вы только что убили меня, — возразил Милодар.

— Семь пуль и все в цель.

— Я сразу догадался, что вы — голограмма. — Ха-хаха, я сразу...

— Но, главное, — сказала Кора. — Он убил своего дядю императора Эгуадия.

— А вот этого вы никогда не докажете! — завизжал Дуагим.

— Кора, — обратился комиссар к агенту. — Как это было сделано, ты знаешь?

— Да, комиссар.

— Нет, она не знает! — сопротивлялся император.

— В этом дьявольском заговоре участвовал его адъ-

ютант Гим, — сказала Кора. — Вот он стоит, как всегда, рядом с хозяином.

— Я тут совершенно не при чем! — Гимушка замахал руками.

— Гим влез в доверие Александра Александровича Парфана. Того самого, кто изобрел и построил машину времени-пространства — удивительный механизм. Он бывал у него в лаборатории и знал, что машиной пользуется покойный император. Его и замыслили убить наследник престола Дуагим вместе с Гимом.

— Нет, нет! — закричал Гим и попытался выбежать из комнаты.

Но в дверях лежал громадный кот, который зарычал по-львиному.

Гимушка метнулся обратно в комнату.

— Я не могу! — закричал он, по-женски ломая тонкие руки.

— Помолчите, вы нам мешаете, — сказал Милодар ледяным голосом, и Гим покорно замолчал.

— Главной целью Дуагима было не только убить дядю и захватить престол, но и отвлечь внимание от себя — свалить убийство на землян, вызвать ненависть к нашей планете. Для этой цели им пригодились странные предметы — алюминиевые шампуры — толстые закрученные спицы, на которые насаживается мясо...

— Знаю, — сказал Милодар.

— Гим привез шампуры из туристической поездки на Землю. Думаю, что это не имело отношения к покушению — он купил их как сувенир.

— Конечно же, как сувенир! — обрадовался Гим. — Конечно, как сувенир. Я никого не убивал.

— Но Дуагим увидел шампуры, и его изощренный ум придумал дьявольское по подлости убийство, которое должно было кинуть подозрение на несчастных землян. По приказу императора Гим подарил два шампура выходцу с Земли, изобретателю машины времени Парфа-

ну. Тот всем показывал подарок. Никакой тайны в том не было.

— Никакой тайны не было, — обрадовался Гим. — Я тоже всем говорил: вот смотрите, какие красивые шампуры я подарил моему другу.

— Помолчи! — зарычал император. — Ты же себе копаешь яму!

— Продолжай, Кора! — попросил Милодар.

— На следующий день шампуры пропали. Куда они делись? Лишь один человек имел доступ в лабораторию Парфана — его друг Гим.

— Нет, я не брал!

— Да помолчите вы! — рассердился Милодар.

— Для преступления они использовали машину времени. С ее помощью Гим и Дуагим догадались, как можно забраться в башню к императору. Ночью, когда там спал Эгуадий, проникнуть туда было невозможно. Но в башню можно было беспрепятственно войти в любое другое время. Днем, когда император отсутствовал, дверь была открыта, и башня охранялась кое-как.

— Это не я! — поспешил крикнуть Гим.

— И тем более не я, — сказал император. — Неужели вы думаете что императоры убивают императоров? На это есть убийцы!

— Я тоже думаю, что исполнителем был Гим, — согласилась Кора. — Он взял украденные у Парфана шампуры и отнес их в спальню императора.

— Это не я, не я, клянусь, что не я! Я их взял и отдал Дуагиму.

— Дурак, ты подписал себе смертный приговор, — усмехнулся император. — Со мной они ничего не сделают, а из тебя мы изготовим козла отпущения.

Кора подождала, пока кончится обмен криками. И продолжала:

— Меня с самого начала смущала одна деталь. Почему орудием убийства были избраны шампуры, которые

для этого в сущности не годятся? Для того, чтобы убить человека, надо, оказывается, поразить жертву в глаз. Проткнуть шампуром грудь невозможно. Я сама выступала в роли жертвы и осталась жива.

— Успела убежать, вот и осталась, — заметил император, который потерял свою гордую осанку и стал похож на пухлый мешок с тряпьем.

— Когда я догадалась, что шампуры были нужны императору как свидетельство земного происхождения убийцы, я пришла к выводу, что их не втыкали в грудь Эгуадию.

— Как так не втыкали? — удивился Милодар.

— Я подозреваю, — сказала Кора, — и можно поставить следственный эксперимент, что преступление основывалось на знании привычек покойного императора. Представьте себе, что император Дуагим поднимается в башню...

— Требую не упоминать моего имени! — приказал Дуагим.

— Император поднимается в пустую комнату башни, втыкает два шампура в постель.

— В постель? — спросил Милодар.

— Да. В этом-то и хитрость. Ему никого не надо было протыкать.

— Поясни.

— Сейчас. Представьте себе — император в это время находится на вилле у Парфана. Закончив разговор с предсказателем, Эгуадий ложится на копию своей кровати в лаборатории Парфана, которая служит транслятором — и в мгновение ока оказывается на точно такой же кровати в башне. Но пространство, в котором материализуется император, уже занято — двумя вертикально стоящими шампурами! И в тот момент, когда тело императора Эгуадия материализуется, шампуры оказываются внутри него! Понимаете — их никто не втыкает — тело как бы само облекает их. И император погибает.

— Это бред, это клевета, я этого так не оставлю! — взревел император Дуагим. — Это пустые выдумки. Император был закрыт на засов. Кто закрыл его на засов, если он был мертв?

— А правильно, — согласился с императором Милодар. — Что-то здесь не сходится. Ведь не мог же Дуагим проникнуть сквозь запертую на засов дверь. Представь себе: он приходит, устанавливает шампуры, но он же должен уйти! А как он закроет за собой дверь на засов изнутри?

— У меня есть версия, — сказала Кора. — Но мне хотелось бы выслушать свидетеля.

— Нет свидетелей, нет и не было! — торжествовал император.

Кора подошла к телевизору и нажала кнопку видео. На экране шел мультфильм. Кора переключила программ — начался порнофильм.

— Этого нам еще не хватало! — захохотал император. — Лучше, Кора, оставайся у меня в наложницах, и мы будем с тобой делать такие фильмы.

— Где же кассета? — спросила Кора.

— Если вас интересует кассета господина предсказателя, — произнес детский голосок от двери, — то я ее вынул, чтобы она не попала на глаза императору Дуагиму.

Маленький герцог протянул Коре кассету.

Растроганная Кора наклонилась и поцеловала герцога в щеку. Тот зарделся и сказал:

— Они на вас накнулись, а я решил — если им достанется пленка, то тогда они ничего не будут бояться.

— Что за пленка? — спросил император.

— Это показания Парфана.

— Не может быть! Он не успел!

— Когда вы ночью штурмовали его виллу, он переместился ко мне в номер гостиницы и отдал кассету. Он боялся вас и не зря...

— Как же я не досмотрел! Надо было тебя сразу убить!

Кора подошла к телевизору и вставила кассету. На экране вновь возникло грустное лицо Александра Александровича Парфана, человека респектабельного, причесанного на прямой пробор, всегда при галстукe и жилете. Талантливого изобретателя, но слабого и корыстного царедворца, потому так бесславно погибшего. Парфан продолжал говорить:

— ...расстался с императором, пожелав ему спокойной ночи. И только собирался сам пойти в постель, как раздался шум. Я ринулся в лабораторию к копии постели императора, на которой тот спит в своей башне. И каково было мое удивление, когда я увидел господина Дуагима, наследника престола. Он поднялся с ложа и спросил меня, где можно вымыть руки. Руки у него были окровавлены! Я понял — это кровь нашего законного владыки!

— Врет! Все врeт! — закричал Дуагим. — Это подстроено! Он этого не мог сказать! Выключите его!

— Подождите, — сказал Милодар так, что император, кинувшийся было к экрану, остановился на полдороге. — Пускай он кончит!

Словно подчиняясь приказу, Парфан оторвал ладони от лица и не скрывая текущих по щекам слез, дрожащим голосом продолжал:

— Этот мерзавец ничего от меня не утаивал. Он бахвалился своим преступлением, полагая, что я никогда, никому не посмею о нем рассказать. Он сказал, что прошел в башню с шампурами и вертикально установил их на ложе императора. Он рассудил, что если император возникнет на ложе, то шампуры окажутся у него внутри и убьют Эгуадия. Так и случилось. Он видел, как тело императора материализовалось на ложе — император лишь успел издать ужасный крик, заглушенный стенами башни и, обливаясь кровью, умер. Тогда Дуагим скинул его с ложа, сам

лег на окровавленные простыни и очутился в моей лаборатории. Он был радостен, как испорченный ребенок, он потирал окровавленные руки, он приплясывал, потому что его план удался! Теперь, сказал он, мы припишем это загадочное убийство землянам, и никто не подумает, что в башню можно проникнуть не снаружи, а из вчерашнего дня... Он потребовал, чтобы я его напоил. Он напился, и тут я понял, что он убьет и меня. Может не сегодня, а когда почувствует, что от меня исходит угроза разоблачения. Ведь Дуагим понимает, что если ему придется выбирать между машиной времени и властью, для него важнее власть. Империя! А я слишком много знаю. И сейчас, когда приехала госпожа из ИнтерГпола, я понял, что мои дни сочтены...

— Выключи его, — усталым голосом произнес император. — Слушать противно эту клевету.

Кора выключила телевизор.

— Эту пленку мы будем беречь пуще своего ока, — сказал Милодар. — Дай ее сюда.

Император сделал шаг, чтобы отнять кассету у Кору. Он сообразил, что Кора не сможет отдать кассету голограмме — изображению человека, которого здесь нет. А Кора здесь одна — ее некому защитить.

Вдруг он увидел, как пальцы Милодара сомкнулись на кассете, и она исчезла из комнаты.

— У нас есть некоторые профессиональные секреты, — улыбнулся Милодар. — Так что, я надеюсь, первым указом, который сегодня подпишет император Дуагим, он освободит всех землян. Второй ...

— Какой второй указ? — спросил Дуагим. — Почему вы замолчали?

— О вашем отречении, — тихо сказал Милодар.

— Нет! Я всю жизнь стремился к этому!

— Даже императоры должны подчиняться некоторым человеческим законам, — сказал Милодар. — Спокойной ночи.

Кора не стала прощаться с императором и Гимушкой. Но увидев в холле сидевшего в кресле полковника Аудия Реда, которому накладывали гипс на сломанную руку, она сказала:

— Не всегда следует проявлять инициативу, коллега. Аудий Ред заскрежетал зубами.

Маленькая герцогиня подбежала к Коре, и Кора поцеловала ее в щечку, чтобы ей не было обидно. Нянька в рогатой шапке проворчала:

— Наши дети не целуются с простолюдинами.

— Господи, няня, какая ты идиотка! — вздохнула маленькая герцогиня. А ее братик добавил:

— Скорей бы в лицей! Вы не представляете, как нам надоело домашнее образование.

Кора оглянулась. Котик Колокольчик, угадав, кого она ищет, выскочил из-за кадки с пальмой и подбежал к ней.

Кора подошла к стойке, узнала, что ближайший космический корабль к Галактическому центру уходит через три часа, и пошла наверх собираться. Потом она купила ошейник коту и дала телеграмму бабушке Насте:

*"Вологодская область. Великогуслярский район.
Деревня Пьяный Бор. Орват Анастасии Тадеушевне.
Прилетаю послезавтра. Приготовь коврик, привезу с собой котика.*

Твоя любящая внучка Кора."

Подлетая к Земле, Кора включила в каюте телевизор. Передавали последние новости. Две из них касались Кору.

"На Нью-Гельвеции произошла революция. Народ сверг тирана Дуагима, в президенты вот-вот будет избран известный демократ герцог Кальяри"...

"Из антарктического центра ИнтерГпола сообщают о страшной трагедии, постигшей известного комиссара

Милодара. Одна из его юных жен — Джульетта — отравила его из ревности к своей сестре Макбетте. В настоящее время комиссар находится в реанимации, осваивает свое новое тело”.

— Всюду жизнь! — сказала Кора котику. Тот был сыт и доволен. Глаза его смежились, а из груди вырывался мерный рокот.

ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ

Из своей поездки на планету Нью-Гельвеция Кора Орват привезла кота Колокольчика, существо пушистое, добродушное, сообразительное и привязчивое. У Колокольчика был один недостаток, который был очевиден для всех, кроме самой Кору: котик был ростом с немецкую овчарку, а при нужде мог прыгнуть на десять метров. Когда он мурлыкал, окружающим казалось, что включили отбойный молоток. Колокольчик обожал Кору и готов был защищать ее от всех врагов сразу. Но комиссар Милодар, прямой начальник Кору, категорически возражал против того, чтобы она взяла котика на Южную Педанту.

— Ты летишь на мирную цивилизованную планету, — говорил он расхаживая по гостиной своего скромного дома в Абрамцеве, — хороша ты будешь, когда появишься там со своим монстром.

Котик, который лежал у ног Кору, приподнял голову, приоткрыл зеленый глаз и, не мигая, уставился на комиссара.

— Почему вы его не любите? — спросила Кора. — Колокольчик никогда никому не причинил вреда.

— Он объявлен вне закона лигой защиты собак, — поправил Кору Милодар.

— Несчастному Пуфику не следовало кидаться на Колокольчика из-за угла. Котик даже не заметил, как его проглотил.

— Вот именно, — сказал Милодар.

— Давайте, я не полечу на эту Педанту, — предложила Кора. — Я еще не догуляла отпуск. Баба Настя ждет меня в Пьяном Бору. Отпустите меня, комиссар.

— Я бы рад, — ответил комиссар. — Но, к сожалению, преувеличенная слава обгоняет твои действительные возможности. Правительство и народ Лиондора просят, чтобы мы прислали именно тебя.

— Тогда только с котиком, — быстро сказала Кора. — Он спас мне жизнь в Нью-Гельвеции и я обещала всегда брать его с собой в командировки.

Котик заурчал так, словно включили двигатель танка. Он все понимал, но не умел разговаривать.

Молодая жена Милодара Макбетта, бывшая синхронная пловчиха, даже дома не расстающаяся с прищепкой для носа, принесла кофе. Она осталась в комнате и слушала разговор старших.

— Я думаю, — гнусаво сказала она, — что в твоём котике, Кора, заключен заколдованный принц. Или король. Это бывает.

Котик перестал урчать и негромко мяукнул, не спуская взгляда с прекрасной пловчихи.

— Не мели чепухи, Макбетта! — оборвал жену Милодар.

— Не хами, ты за это заплатишься, — предупредила Макбетта. — И если я до тебя не доберусь, то это сделает моя сестра.

Милодар поежился. Он уже жалел, что в прошлом году женился сразу на двух близняшках, синхронных пловчихах Джульетте и Макбетте. Макбетта отличалась бешеным характером, Джульетта была доброй, сдержанной, покладистой, но безудержно ревнивой.

Макбетта показала издали седому красавцу-мужу небольшой сверкающий стилет и покинула комнату. Котик поднялся было, чтобы последовать за столь удивительной женщиной, но Кора прикрикнула на него, и котик улегся у ее ног.

— Боюсь, что в прошлой моей жизни я был псом, — сказал Милодар. — Что-то у меня не складываются отношения с кошками.

Кора подумала, что Макбетту он, очевидно, относит к кошкам.

— Расскажите, что там произошло на Южной Педанте, — попросила Кора, чтобы перевести разговор со скользкой дорожки.

— Неприятная история, — откликнулся Милодар, который тоже был рад переменить тему разговора. — Можно сказать, трагедия для правительства и народа Лиондора.

— Говорите попроще, — попросила Кора, почесывая котика за ухом.

— На Южной Педанте, — продолжал комиссар Милодар, словно не слышал замечания своего агента, — расположено десятка два государств и королевств. Лиондор — далеко не самое большое, но зато самое древнее из них. В том государстве есть национальная реликвия — небольшая стая драконов.

Милодар включил экран, и на нем Кора увидела весьма неприятного вида чудовище изумрудного цвета, с мордой ископаемого динозавра. При дыхании из ноздрей его вырывались струйки дыма и, как показалось Коре, вспышки пламени. Лениво и величественно поглядев на экран, дракон, словно его попросили об этом, расправил свои гигантские перепончатые крылья и торжественно пыхнул черным дымом.

— Сытый, — заметил Милодар. — Когда они голодные — чистый огонь идет.

— Какой размер? — спросила Кора.

— Высота в холке до десяти метров. Но обычно они

куда мельче, метров пять-шесть. Зато среди них встречаются двух- и трехголовые уроды, они относятся к особо ценным хищникам, занесены в Золотую книгу редких животных Галактики.

— Где они живут? В лесу?

— Насколько мне известно, — ответил Милодар, — в природе драконов давно уже нет. Драконов разводят в неволе. Раньше, когда страной правил король, на драконах летали его гвардейцы. Сейчас драконов осталось мало, они плохо размножаются и часто болеют, да и королей уже нет. Но драконы остаются символом государства. И раз в году, в День Величия, драконов выпускают в полет над столицей. Это, скажу тебе, незабываемое зрелище.

— Они приручаются?

— Да, они приручаются. И несмотря на их репутацию, драконы миролюбивы, и даже добры! Особенно привязываются к тем, кто их кормит.

— И что случилось?

— погоди, не торопи меня. Я должен сказать, что в последние годы, став республикой, Лиондор переживает трудные времена. Среди политиков и экономистов бытует мнение — продать всех драконов богатым развитым соседям и пустить деньги на развитие современной промышленности. Но, разумеется, общественность против. Особенно возражают национал-патриоты. Они приводят в качестве аргумента старинное предсказание: "Когда последний дракон покинет Загон, погибнет страна Лиондор". Примерно так... я не силен в поэзии.

Милодар произнес последние слова с горьким чувством человека, у которого только один недостаток, и он лелеет его, чтобы не вознестись в небо ангелом. Но Кора знала, что вознесение живьем на небо Милодару не грозило — помимо поэзии он ничего не смыслил в музыке, живописи и хороших манерах.

— И что же произошло?

— Драконы стали исчезать.

— Куда?

— Никто не знает. Из семи государственных драконов уже исчезло четыре. По состоянию на сегодняшнее утро.

— А где их держат? В зоопарке?

— Моя крошка заинтересовалась, — констатировал комиссар. — Вот прилетишь в Лиондор, там тебе все и расскажут.

— Только с котиком.

— Только без котика.

— Почему же?

— Потому что первый же дракон сожрет твое животное.

Котик фыркнул. Не боялся он заморских драконов.

— С таким же успехом он может сожрать и меня, — заметила Кора.

— Не исключено, — согласился Милодар. — Такие случаи в нашей практике бывали. Но ты сама избрала себе такой путь. Так что терпи.

— Спасибо. Буду терпеть до последней клетки моего тела.

Милодар критически оглядел свою подчиненную. Все видимые ему клетки тела Кору Орват были вполне привлекательны. И хоть на беседу со своим начальником она явилась в скромном стального цвета платье, и единственным украшением на ней была нить розового жемчуга, аура соблазнительницы была неотделима от Кору. И уже не раз Интергалактическая полиция использовала это качество своего агента № 3 в интересах торжества справедливости.

В разговоре комиссара и Кору наступила пауза. Задание было получено, дружеский совет комиссара учтен, котик лежал у ног Кору и делал вид, что дремлет. В кабинет заглянула Джульетта с кувшином шербета, но Милодар ленивым движением руки отослал ее прочь.

— Итак, — сказал он, поднимаясь, — место на лайнере "Тайна Тускароры" тебе забронировано. Каюта второго класса...

— Опять второй класс! Без ванны!

— В этом году я получил уже два выговора за перерасход валюты, — мягко возразил Милодар.

— Но я не сомневаюсь, что моя командировка оплачивается Лиондором.

— А налоги?! — вскинулся Милодар, который не выносил, когда его ловили за руку. Он, как и все руководство ИнтерГпола, не тратил лишних денег на подчиненных. — А комиссия по проверке при Организации Объединенных Планет? А ревизия? А твои идеалы, наконец?

Обращение к идеалам было последним аргументом Милодара в любом споре. С его точки зрения, все агенты ИнтерГпола должны были состоять в идеалистах. На него же это правило не распространялось.

— Если во втором классе, — твердо сказала Кора, — то вместе с котиком.

— Но ему билета не будет! Повезешь за свой счет. Это чуть больше твоего годового гонорара.

Котик вздохнул, поднялся и вышел из комнаты. Он понял, что это путешествие ему придется пропустить.

— Так бы и говорили с самого начала! — огрызнулась Кора. — И не надо было ссылаться на лигу защиты собак.

Милодар был доволен. Он всегда радовался, когда мог сэкономить деньги своей организации.

— Желаю тебе успеха, — произнес он искренне. — Возвращайся скорей. И умоляю: без нужды не подходи к драконам.

— Я постараюсь, — сказала Кора.

— Суточные и билеты получишь у Сильвии-Луизы, — напомнил он. — Дай я тебя поцелую на прощание.

Он положил сильные руки ей на плечи и притянул

Кору к себе. Его голубые глаза смеялись, от загорелой кожи пахло хорошим мужским одеколоном. Прохладные обветренные губы коснулись уголка ее губ...

Кора чуть отстранилась и спросила:

— А сейчас вы голограмма или на самом деле?

Будучи осторожным и предусмотрительным человеком, Милодар редко кому показывался в истинном виде. Злые языки утверждали, что это случается лишь на супружеском ложе, хотя и его жены не могут дать такой гарантии.

— Эх, — Милодар легонько оттолкнул Кору и вернулся к своему креслу. — Испортила такую песню!

— Когда вылетать? — спросила Кора, улыбаясь одними глазами. Она была рада, что смогла вывести из себя этого бессовестного комиссара.

— Машина ждет внизу, — ответил Милодар, закуривая гаванскую сигару. Последнее слово осталось все же за ним...

* * *

На космодроме республики Лиондор Кору встречали высшие чины государства. Они были одеты одинаково, ибо в той стране издавна существуют строжайшие правила соответствия одежды обстоятельствам. На пир, на свадьбу, на рождение, на похороны, на встречу бабушки на вокзале или на встречу тещи в морском порту существуют свои правила. Рождаясь, каждый гражданин Лиондора получает толстую, переплетенную в кожу Книгу Одежд. Это Главная книга Жизни. Теперь, когда в стране временно господствует демократия, казни за грубые ошибки в одежде и тюремное заключение за ошибки незначительные отменены. Но это не означает, что их можно допускать — система штрафов осталась и действует, хоть и не столь эффективно, как система страха. Многие недовольны происходящими в стране

событиями, но некоторые безрассудные граждане, особенно подростки, принялись надевать что придется, бросая вызов обществу. И потому с каждым днем все громче раздаются призывы патриотов: вернуть стране порядок и страх! Без этого мы скатимся в бездну анархии.

Разумеется, безответственных подростков на космодроме не было. Несколько человек, в основном пожилых, были облачены в темно-синие куртки, блестящие черные котелки с прикрепленными к ним позолоченными значками, изображающими Землю. На левом плече у каждого располагался спящий жук Рестиния Вегус, символически обозначающий просьбу оказать помощь в беде, а обшлага были обшиты тонким белым кантом, символизирующим траур. Остальные детали туалета встречавших, хотя и важны на взгляд лиондорца, для нас, читателей, не так существенны.

— Мы рады приветствовать вас на нашей земле, — сообщил от имени встречающих Кораллий, десципон Загона, второй конверсий реанимозы. Кора с трудом разбиралась в чинах и должностях этих людей, так как помимо схожей одежды они соблюдали схожее, предусмотренное этикетом выражение лиц. Лишь фотографическая память Кору, проведенной сутки в каюте второго класса лайнера "Тайна Тускароры" за изучением местной прессы, энциклопедии "Кто есть кто в Лиондоре" и "Большого толкового словаря выражений и обычаев лиондорского общества", помогла ей приблизительно отличать хотя бы десципонов от парраниев различного ранга.

— Не теряя надежды на то, что ваше чуткое сердце, мадам Кора, отзовется на нашу беду, мы в то же время не смели надеяться на то, что вы сможете уделить малую толику вашего драгоценного времени...

Рядом с десципоном стоял немолодой, бледный мужчина с редкими волосами, зачесанными поперек лысины и в коротких штанишках со штрипками. Он

негромко повторял речь десципона, глядя при этом на Кору.

У десципона был тоскливый, занудный голос, словно он выговаривал нерадивому ученику. Кора перестала вслушиваться в бесконечную речь и украдкой оглядывала первый клочок панорамы Лиондора, который попал в поле ее зрения. Разумеется, космопорт — не самое типичное место для того, чтобы ознакомиться со страной, но все равно он лучше, чем все энциклопедии вместе взятые. Вот сидит у стены джентльмен в высоком черном цилиндре и полосатом костюме. Он играет на лютне — что-то грустное и занудное, как речь десципона; вот вереница девочек в серых платьях с белыми воротничками, пританцовывая, пересекает зал. Впереди — девушка постарше, платье у нее подлиннее, а воротничок желтый. Все это что-то означает, но Кора не помнит, что. А вот женщина под такой плотной черной вуалью, что кажется, будто она носит чадру, в черных очках, одетая в бесформенную брезентовую тогу, подпоясанную черным широким ремнем. А вот и вовсе странное существо — молодой человек в темно-розовом костюме с большой бабочкой, вышитой на груди, и ананасом — на спине.

Мимо джентльмена в черном цилиндре проходит стюардесса с линии "Синяя орхидея". Стюардесса достает из кошелька монету и протягивает музыканту. Не прекращая играть на лютне, музыкант поворачивается так, что перед рукой стюардессы оказывается отвисший боковой карман сюртука. Стюардесса кидает туда монету. Этот ее жест видит одна из девочек, что проходят мимо, девочка бежит через зал к музыканту и пытается залезть к нему в карман. Начальница девочек догоняет ее, дает подзатыльник, отнимает монету и прячет себе за щеку — вся эта драматическая сцена занимает не более минуты, и свидетелями ее кроме Кору оказываются многие пассажиры и иные посетители этого зала, но никого она не удивляет... К женщине под вуалью под-

ходит подвыпивший механик с "Тайны Тускароры". Кора помнит его, потому что он не оставлял ее знаками внимания весь рейс. Он обнимает девицу за плечи, та сбрасывает его руку, оглядывается, но покорно уходит с ним. Кора вспоминает строки из этнографического справочника: "Проституция считается в Лиондоре пороком особо позорным, и потому женщины легкого поведения обязаны скрывать свои прелести и одеваться так, чтобы ничем не привлекать внимание мужчин. Разумеется, мужчины, наученные опытом, наиболее падки на плохо одетых женщин..."

— Очевидно вы устали с дороги? — спросил Кору пожилой мужчина в коротких штанах, потому что, заглядевшись, Кора не заметила, как десципон завершил приветствие. Теперь все ждали, будет ли Кора произносить ответную речь.

— О, да! — сказала Кора, стараясь воспроизвести наиболее вежливую из интонаций в лиондорском языке.

— Я благодарна вам за прием. Но я очень устала с дороги, и если возможно, хотела бы отдохнуть.

Все десципоны, паррании, мавляки и вице-карреон, встречавшие Кору, принесли свои извинения за то, что ей пришлось выслушивать речи, и проводили ее до машины, которая будет отныне в ее распоряжении. У машины расстались. С ней остался лишь немолодой человек в коротких штанишках.

— Я ваш переводчик, — сообщил он Коре. — Я буду вам помогать.

— Спасибо, — сказала Кора. — Но я выучила ваш язык в лайнере. Да и кто в наши дни учит языки, когда любой можно одолеть за сутки?

— Вы совершенно правы, моя госпожа, — согласился немолодой человек. — Но каждый должен выполнять свой долг до конца. Государство потратило большие деньги на мое обучение. Я до конца дней своих буду ему обязан. Я должен перейти в седьмой разряд, тогда получу право на длинные штаны. А для этого необходи-

мо удачно отработать с инопланетной делегацией. Вот вы и есть моя работа.

— Значит, мне от вас не отделаться?

— И не мечтайте, — смущенно улыбнулся переводчик.

— Но вы обещаете, что не будете переводить?

— А я вашего языка почти не знаю.

— И будете мне помогать?

— Запрещено!

— А если я вас очень попрошу? — спросила Кора.

— Только никому ни слова!

Переводчик вздохнул с облегчением. Он был так взволнован, что вынужден был опереться пальцами тонкой руки о плечо Кору.

— Спасибо, — прошептал он. — Мои молитвы услышаны.

— За что вы меня благодарите?

— Поймите же, госпожа Орват, у нас, в нашей бедной, разоренной, отсталой, но гордой стране нельзя менять профессию. Если ты выучился на переводчика, то будешь переводчиком до конца своих дней. Но если вы меня попросите лично, я могу исполнять ваши другие просьбы. Но всем говорите, что я перевожу, а я на самом деле буду вам способствовать!

Он готов был снова и снова повторять свою речь, но Кора все уже поняла и перебила его:

— Как вас зовут?

— Меррони. Меррони Краппиги. Но для вас просто Меррони или даже Мери.

— Спасибо. Зовите меня Корой. Вы машину умеете водить?

— Понимаете, госпожа Кора, — опечалился переводчик. — Для вождения машин существуют шоферы. Я же не отношусь к их числу, потому что даже бедный переводчик выше рангом, чем самый лучший шофер, не считая конечно правительственных.

— А если попросить?

— Лично?

— Лично.

— Все равно не умею. Всю жизнь хотел, но машина мне не положена.

— Хорошо, водить машину буду я, — сказала Кора, обходя старый, привезенный с Арктура, правительственный лимузин, и открывая дверцу. — Садитесь рядом.

Рядом переводчик не сел. Переводчикам не положено сидеть рядом с шофером, потому что переводчики куда как превышают шоферов рангом, тем более переводчику не положено садиться рядом с госпожой, которую он обслуживает, потому что госпожа значительно превосходит его рангом. Положение почти безвыходное — так что переводчик расположился на заднем сиденье, а Кора повезла его в гостиницу.

Некоторые особенности жизни в гордом, но небогатом государстве Кора ощутила в гостинице "Брустоль". Оставив переводчика в холле дожидаться, пока она приведет себя в порядок и переоденется, Кора поднялась к себе в номер люкс.

Раскрыв сумку, она вытащила оттуда чистое белье и рабочее платье, которое соответствовало званию Инопланетной Гостьи высокого разряда, находящейся в Лиондоре с заданием особой важности. Платье она разложила на кровати, разделась и направилась в ванную.

Для того, чтобы Кора не ошиблась, на дверях ванной было написано "мытьё" на восьми языках. Кора вошла внутрь и очутилась в махонькой кабинке, где с трудом помещалась дырявая лейка душа. К счастью, в душе вода была прохладная, но не ледяная, и Кора, которая за свои долгие скитания привыкла, что в гостиницах вообще воды не бывает, отнеслась к такому душу философски.

Когда же она спустилась в холл, переводчик Мери, который читал газету, вытянув в проход волосатые ноги переростка, спросил:

— Ну как там, в люксе?

Кора отметила, что тон его изменился к худшему и, видно, его придется воспитывать скорее кнутом, чем пряником.

— Отлично, — ответила она. — В жизни еще не видела такого комфортабельного и уютного номера:

Склонившись над стойкой, портье улыбнулся ей, и Кора поняла, что каждое ее слово здесь тщательно фиксируется.

— Говорят, здесь есть ванны, — тихо пропел Мери.
— Мечта жизни.

— Ах, как жаль, что вы не сказали мне об этом раньше! — ответила Кора. — Я бы показала вам замечательную ванну, которая находится в моем номере!

— Но в будущем...

— В будущем, — Кора первой пошла к выходу, — вы будете иметь возможность поплескаться в ней. Только не забудьте захватить с собой свежее полотенце.

— Разумеется, обязательно!

Портье поманил Кору пальчиком. Был он респектабелен, сух и затянут в костюм, указывающий не только на должность, но и на то, что его мама страдает от артрита, а папа похоронен на Юго-Западном кладбище.

— В чем дело? — строго спросила Кора.

— Простите, дама, — произнес портье с почтительным придыханием, — но посторонним лицам запрещено пользоваться нашими ванными и уборными.

— Спасибо за то, что вы напомнили мне об этом, — вежливо ответила Кора. — Кстати, замечу вам, что при всех достоинствах вашей гостиницы, ей свойственны ничтожные недостатки.

— Не может быть!

— Например, советую вам поместить в туалет туалетную бумагу, в ванную — мыло и полотенце, а на кровать — простыни.

— Это клевета...

Но тут в разговор вмешался переводчик.

— Вам позвонят! — прошипел он. И показал пальчиком вверх.

Портье проследил за направлением пальца и нагло ответил:

— Буду ждать.

Когда они вышли к машине, переводчик спросил, глядя в сторону:

— А ванна-то есть?

— Вас это интересует?

— Когда я был мальчиком, мы гуляли мимо гостиницы и моя бабушка говорила, что если я буду хорошо учиться, то когда-нибудь смогу пожить в такой гостинице и помыться в настоящей ванне.

— Там очень неплохой душ, — сказала Кора.

— И за что только деньги берут! — вырвалось у переводчика, который с трудом пережил гибель детской мечты.

Но тут же Мери утешился:

— Зато, — сказал он, — у нас лучшие в мире драконы.

* * *

Лимузин, прозванный Корой скарабеем за зеленоватую солидность и навозные запахи, накопившиеся в его потертых сиденьях за десятилетия честной службы отечеству, два раза глюх в пути. Коре приходилось тормозить у обочины, открывать капот и распутывать следы предыдущих ремонтов и починок.

При виде красивой молодой женщины, одетой по-иностранному, копающейся в нутре государственного лимузина, вокруг сразу собиралась молчаливая толпа, застенчиво и неотрывно глядевшая не столько на автомобиль, сколько на саму Кору. Прохожие вели себя, как сбежавшие от семьи чиновники в порнографическом кинотеатре.

Переводчик Мери ни разу не покинул лимузина, потому что, оказывается, ему не положено было находиться рядом с низкого ранга существом, которое чинит автомобиль. Двойственность Кору его не смущала — в сущности она была иноземкой, а от иноземцев можно ждать любого безобразия, но собственную репутацию приходилось беречь.

— Зря вы все-таки этим занимаетесь, — сообщил он Коре после второй поломки. — Не очень это прилично. Мы же не знаем, кто там на вас смотрит.

— Вы предпочли бы сидеть в машине и ждать?

— К нам бы обязательно прислали ремонтную бригаду, — возразил Мери.

— Что-то я ни одной не заметила.

— Мало у нас ремонтных бригад, — признался Мери. — Совершенно недостаточно.

Как и положено жителю бедного, но честного Лиондора, он презирал любого иноземца, который уже в силу своего рождения не мог быть достаточно честным и благородным, но в то же время он страшно завидовал той жизни, которую вела Кора, тем мирам, где она бывала, тем вещам, которые она видела или приобретала. Мери тянулся к своей начальнице, но в то же время не мог не презирать ее.

После путешествия через весь город, которое оказалось куда более долгим, чем Кора полагала, они оказались перед воротами Загона.

Въезд в Загон представлял собой некогда великолепное сооружение из кирпича, бетона и мрамора, имитирующее вход в древний рыцарский замок. К башне, в которой скрывались ворота, можно было пройти только по подъемному мосту, перекрывавшему ров. К сожалению, ров давным-давно высох, в нем выросли кусты и даже деревья, достававшие вершинами до моста и подпиравшие его. К тому же посетители Загона считали своим долгом кидать в бывший ров бумажки от конфет, пакетики из-под орехов и другие ненужные вещи. Неко-

торые из вещей гнили, поэтому из рва поднимался легкий запах тления.

Сами ворота давно были открыты, потому что их правая створка сорвалась с верхней петли, а левая осела так, что углом утонула в утопанной мостовой.

Башня обветшала, мраморные плитки большей частью осыпались и были расташены обывателями, а под ними обнажились бетон и арматура.

У ворот, торжественно одетые для встречи Инопланетной Гостьи, прибывшей для выполнения своего Долга, стояли оба десципона (бородатый и безбородый), а также старший драконослужитель, драконокормилец и чины бухгалтерии. Начинался дождик, и встречавшие сгрудились под башней, возле переносного столба с надписью на белом квадрате: "ЗАГОН ЗАКРЫТ. КАРАНТИН."

Уже знакомый Коре главный десципон Загона вышел вперед и погладил Кору по плечу в знак нежной любви. Его примеру последовали остальные. Последним этот акт совершил драконокормилец, грузный молодой мужчина со скорбным взглядом, в черной холщовой накидке и котелке набекрень. Кора подумала, что этот кормилец наверняка недокармливает драконов.

— Мне переводить? — спросил переводчик Мери, когда десципон начал приветственную речь.

— Можете не стараться, любезный, — остановила его порыв Кора.

— Счастье, которое испытываем мы, скромные служители драконьего фронта, — талдычил десципон, — при виде столь высокой гостьи, которая нашла время, чтобы посетить нас и заглянуть с нашей помощью вглубь проблемы, которая хоть и может показаться ничтожной в масштабе тех свершений и дел, которые свойственны современному Лиондору, беспокоит нас, работников Загона, так как для нас нет дел мелких и ничтожных...

Кора кашлянула.

Десципон сделал паузу и почесал седую бороду, намереваясь продолжить речь. Мери понял кашель Кору как указание к действию. Он сделал шаг вперед и возвестил:

— Госпожа агент Кора Орват с благодарностью послушала речь господина десципона и готова проследовать для осмотра Неповторимого Загона.

Господин десципон замолк и остался стоять с полукруглым ртом, так как правила игры были нарушены, а в таком случае он не знал, что надо делать. Тогда инициативу взял в свои руки второй, безбородый десципон, явный либерал и может быть диссидент.

— Пойдемте, — сказал он, — с утра ждем.

Они проследовали в Загон, своего рода зверинец, однако приспособленный для одного лишь вида хищников.

Миновав низкую арку башни, они оказались в широком проходе, огражденном с обеих сторон толстыми железными решетками. За решетками располагались загоны для драконов, подобные тем, что устраивались в зоопарках для белых медведей: площадка, покрытая песком и щебенкой, спускающаяся к небольшому бассейну с несвежей водой, по сторонам и сзади круто поднимающаяся стена, в которой полукругом чернел вход в пещеру — убежище зверя.

Пока глаза Кору обозревали пустые загоны для драконов, ее ноздри судорожно сжались, стараясь не пропустить внутрь застарелую вонь, заполнявшую эту местность. Коре представилось, что драконы живут здесь несколько сот лет и упорно гадят под себя, к тому же страдают несварением желудков.

— Сюда и детей водят? — спросила Кора самое себя, но Мери услышал и тут же обратился к десципону:

— Водят ли сюда на экскурсии детей и подростков, уважаемый десципон?

Престарелый первый десципон растерянно взглянул на драконохранителя, тот — на драконокормильца. Толстый кормилец ответил:

— Детей сюда и водят. Очень помогает. Особенно если непослушный ребенок.

— А где же драконы? — спросила Кора, мечтавшая об одном: уйти отсюда, улететь с этой планеты как можно дальше и никогда в жизни не искать более драконов.

— Здесь был "Ослепительный". — Кормилец подвел Кору к картинке, нарисованной на жестяной табличке, прикрепленной к решетке. Кора потрогала ржавый прут решетки — он был с человеческую руку, что заставляло с уважением относиться к силе драконов.

Кормилец дернул за рукав переводчика, и тот пришел Коре на помощь.

— Вот здесь, — сказал он, — вы видите изображение обыкновенного дракона, проживавшего в нашем Загоне.

— Вы читайте, читайте! — попросил переводчика кормилец.

— Читайте! — переводчик не любил, когда им помыкали. Кора и без него могла все прочесть, но не стала вмешиваться во внутренние проблемы Лиондора.

"Дракон обыкновенный. Кличка "Ослепительный". Возраст сто шестьдесят три года. Окрас голубой с коричневым. Размах крыльев шестнадцать метров."

— Вы меня слушаете, госпожа Кора?

— И его украли? — спросила Кора, разглядывая табличку.

Дракон на ней не казался страшным и даже внушительным. Таких драконов она сама рисовала в детстве, изображая освобождение принцессы славным рыцарем Георгием.

— Исчез, — сказал кормилец. — Пропал и нет следов.

Он показал на дверцу в решетке. Дверца была не заперта, а лишь привязана веревкой, чтобы сама не открывалась.

— Хорошо, я потом осматрю загоны, — сказала Кора, с завистью думая, как хорошо было бы здесь молодым женам комиссара Милодара. Ведь они синхронные пловчихи, у них носы зажаты прищепками. Им что смрад, что аромат — один черт.

Процессия направилась к следующему пустовавшему загону, и драконокормилец, уперев пузо в решетку, внятно прочел биографию и габариты следующего дракона, судя по рисунку, отличавшегося от первого лишь цветом — родился темненьким. Мери уверенно повторил текст на плохом русском языке. Мысленно Кора его несколько раз поправила, дивясь лени или бездарности переводчика.

Решетка третьей клетки была снабжена засовом и висячим замком.

— Он там, — сообщил кормилец.

Все остальные служители Загона согласно наклонили бородастые головы, качнули соответствующими служаю шляпами. Дракон был там.

Его загон ничем не отличался от прочих, если не считать большой кучи зеленого кала, лежавшего у маленького водоема. Это придавало загону обжитой вид.

— Дракон "Смирный", — сообщил кормилец, но приближаться не стал, а читал текст на табличке, отступив от решетки: *"Дракон восточный обыкновенный, возраст восемьдесят два года, окрас бурый с оранжевыми подпалинами. Размах крыльев — девятнадцать метров. Отличается недоверчивым нравом. Крайне опасен"*.

Что скрывалось за недоверчивым нравом, Кора узнала тут же, как только завершилось чтение. Дракон, видно, решил показаться гостю.

Из широкого пятиметрового жерла пещеры послышалось сдержанное рычание, похожее на раскат отдаленного грома. Гром стал приближаться и затем из пещеры вырвалась струя светлого, но страшно вонючего дыма. И наступила долгая пауза.

Люди молчали. Дракон тоже не спешил. Может быть приглядывался к Коре — по крайней мере, ей показалось, что сквозь клубы дыма она видит сверкание желтых яростных глаз.

— Ну, давай, давай, — тихо сказал дракону переводчик Мери, будто сам никогда раньше не видел драконов.

И тогда дракон выпрыгнул на площадку. Выпрыгнул, вылетел, выскочил — любое сравнение будет бесильным перед той вспышкой энергии, которая исходила из закованного в каменную чешую рыжего с оранжевыми подпалинами чудовища.

Правда, о подпалинах Кора в тот момент не думала. Ей показалось, что рассерженный дракон Смирный сейчас разнесет ко всем чертям жалкую решетку ограждения и сожрет агента ИнтерГпола и всех служителей зоосада, включая своих дорогих кормильцев.

Не в силах остановить свое неумолимое движение, дракон пронесся через весь загон и врезался мордой и грудью в ограду, которая затрепетала, словно шелковая сетка — но все же удержала чудовище.

Увидев, что решетка устояла и презренные муравьи, именуемые людьми, остались целы (хоть и умчались прочь), дракон закрутился по площадке, поднимая густую пыль, затем поднял повыше украшенный острыми шипами хвост и принялся увеличивать зеленую кучу.

— Жаль, что наш ветеринар по драконам уволился, — вздохнул кормилец, который переживал атаку дракона рядом с Корой у пустого загона. — Третий день несварение желудка. Я уж его, крокодила, кормлю-кормлю! Ничего не помогает.

— Он кормит, — откликнулся из пустого газетного

киоска десципон. — У нас все поставлено на щедрую ногу. Вы не представляете, скольким приходится жертвовать ради наших зверьков.

Последнее слово он произнес громко и певуче. Каким-то образом дракон услышал голос начальника Загона и пустил в его сторону тонкую серую струю дыма, которая достигла десципона. Его лицо и руки почернели, и старичок с жалобными криками убежал прочь.

— Иногда мне кажется, — произнес кормилец, медленно поднимаясь на ноги и помогая подняться Коре, — что эти твари что-то соображают. Но вообще-то они безмозглые.

— А как считает наука? — спросила Кора.

Служители и хранители тоже поднимались из пыли, отряхивались и при этом сквозь зубы, но внятно, хулили дракона, который не обращал на них никакого внимания. Судя по всему его мучили колики, оттого он пускал дым, издавал звуки и рычал.

— Продолжим экскурсию? — задорно спросил толстый драконокормилец.

— Они все такие? — спросила Кора.

— Другие крупнее, — ответил кормилец.

— Ах, — произнес откуда-то издали бородатый десципон. — Наша гостья наверное уже устала и хочет передохнуть. Давайте пригласим ее в нашу скромную столовую для сотрудников.

— Я полагаю, что руководство Загона совершенно правильно проявляет о заботу о нашей гостье. От имени правительства я полностью одобряю это решение, — заговорил где-то скрывавшийся до этого Мери.

Никто не обратил внимания на филиппику Мери, а Кора, преисполнившись гордыни, решила не подчиняться этой несмелой публике. Ее задача заключалась в поисках драконов, а не в дружбе с десципонами.

— Большое спасибо, — сказала Кора, отряхивая с платья пыль. — Однако, к сожалению, я вынуждена

отложить на некоторое время радость общения с вами. Мы еще не обошли все клетки и загоны.

Общий стон разочарования был ответом Коре, но она умела игнорировать мужские мольбы. Дракон Смирный повернул жабью голову и оскалился. Желтый глаз горел, как огонек зажигалки. Какое счастье, что я послушалась Милодара, подумала она, и оставила Котика с бабой Настей. Ведь попади он сюда, кинулся бы меня защищать — и не было бы у меня котика.

Третий загон также был пуст, и Кора отложила на будущее читку сопроводительной таблички. Она знала уже, что из семи драконов четыре пропали бесследно, а три все еще находятся в Загоне. Одного она уже видела, остальных обязана была увидеть. Ведь прежде чем выяснить, как драконы пропадают, сыщик должен понять, насколько хорошо их охраняют и возможно ли украсть. Следующий шаг — понять, кому это выгодно.

Пока Кора рассуждала таким образом, все хранители и кормильцы уже поднялись на ноги и нехотя потянулись за ней к клетке с надписью:

"Дракон "королевский" гибридный. Самка "Ласка". Возраст пятьдесят лет. Масть белая, в крапинку. Глаза голубые. Уникальный экземпляр. Размах крыльев двадцать метров. Горда. Не кормить и не дразнить."

На этот раз пришлось долго ждать, прежде чем дракониха проснулась и сооблаговолила выйти из логова. Служители и руководители Загона кричали на нее, звали, умоляли, обещали лакомства, угрожали — но из черного зева пещеры не раздавалось никаких звуков.

— Может, тоже исчезла? — неуверенно спросил де-сципон, но кормилец отрицательно покачал головой:

— Я ее сегодня видел, бегала по загону, кланчила. Вы же знаете ее нрав.

— Отвратительный нрав, — согласился десципон.

Кора не вмешивалась, ей хотелось стать незаметной, своей, обычной — тогда и только тогда она сможет заглянуть в души этих людей. Ведь как бы ни исчезали драконы, почти наверняка у преступников были сообщники в самом Загоне — иначе сюда не проникнешь и не выведешь дракона. Правда, наглядевшись на Смирного, Кора вообще усомнилась в том, что возможно куда-то вывести дракона, способного погубить взвод тяжело вооруженной пехоты.

— Слушай, кормилец, — сказал первый десципон, почесывая узкую жидкую бороденку, — а сбегай-ка ты на кухню и принеси оттуда...

— Каши?

— Нет, мяса.

— О, нет! — вырвалось у одного из зрителей.

— Пока еще я здесь начальник! — вскричал десципон. И отстегнув от пояса связку ключей, он протянул ее толстому кормильцу, произнеся:

— Желтый, большой — от холодильника.

— Что едят драконы? — спросила Кора.

— Маленьких непослушных детишек! — весело откликнулся толстый кормилец и побежал прочь.

Из пещеры так никто и не появился.

— Зря вы такая настойчивая, — сказал переводчик.

— Вам же надо с этими людьми работать в тесном контакте. А если они вас не взлюбят?

Вскоре вернулся драконокормилец. Он нес вилы с насаженным на них куском мяса размером с ботинок.

Почему-то его появление вызвало приступ печали среди стоявших вдоль решетки сотрудников Загона, чего нельзя было сказать о драконе.

Со страшным ревом из пещеры выскочила дракониха Ласка — существо в самом деле необыкновенное и прекрасное в своем пресмыкающемся уродстве: белое, в синий горошек, словно одетое в любимый парижский сарафан Кору. Большие голубые глаза сияют, красный

рот приоткрыт и розовый язык размером с матрас нервно облизывает ровные пики белых зубов...

— А сколько они живут? — спросила Кора шепотом у переводчика, глядя, как кормилец просунул вилы сквозь решетку, а Ласка несмело, будто не верила своему счастью, приблизилась к решетке с той стороны.

— Сколько они живут? — передал переводчик вопрос Кору одному из десципонов.

— До четырехсот лет, — ответил десципон. — У нас в крайней клетке долгожитель, триста пятьдесят. Но он чаще всего спит.

— Значит, Ласка совсем еще ребенок, — произнесла Кора.

Никто не возразил.

Большой белый ребенок оказался не столь прекрасен, как при первом взгляде. Покрытые чешуей бока дракона ввалились, живот практически прилип к хребту, ноги и брюхо измазаны пометом, а движения чудовища были неуверенны — казалось, что эта юная громадина вот-вот упадет.

— Что с ней? — спросила Кора. — Вы ее не кормите, что ли?

Никто ей не ответил. Вилы дрожали в руках толстого кормильца. Не доходя двух шагов до решетки, Ласка вытянула вперед длинную шею и сложила трубочкой губы. Дотянувшись до мяса, она кинула его в пасть. Затем, к удивлению Кору, которая думала, что Ласка проглотит этот кусок мяса словно муху, дракониха принялась перекачивать во рту, дегустировать кусок, как воспитанный ребенок редкую конфету трюфель.

Глаза драконихи заволкло белой пленкой, по телу пробегали волны сладострастной истомы.

— Скажите, пожалуйста, — спросила Кора у десципона, — а если бы дракон смог убежать отсюда, куда бы он делся?

— Убежать нельзя!

— Но если...

— Если бы убежал, — сказал кормилец, отбрасывая в сторону вилы, — то в Древний Волшебный лес, который начинается за Хребтом Независимости, в трех спардеках от города.

— И бывали такие случаи? — спросила Кора.

— Исключено! — воскликнул десципон.

Ласка, наконец, проглотила мясо и тихонько, совсем по-собачьи завывала.

— Она же голодная! — вырвалось у Кору.

— Вы с ума сошли! — возразил десципон с бородой, явно готовый к такому обвинению. — Мы с вами сейчас пройдем в мой кабинет, и вы увидите все документы. Мы ведем строжайший учет всех продуктов и витаминов, которые выдаются нашим дорогим крошкам. Там есть все — от гороха до печени трески. Ни один дракон не засыпает голодным — вот наш лозунг!

— Лицемерит она, — сообщил толстый кормилец. — На жалость вас берет. Видит, приехал кто-то из Галактического центра: проверка, комиссия, можно пожить-ся! Вы не представляете, насколько они коварны!

— Но ведь вы только что утверждали, что драконы — безмозглые пресмыкающиеся!

— Это тоже правильно! — ответил кормилец. — Они и такие бывают, и такие. Как им выгодно! У, ублюдки!

В ответ на этот возглас сзади отозвался рычанием мучимый поносом Смирный, взвизгнула с ненавистью Ласка, а из дальней пещеры донесся рык старожил.

— Пошли дальше? — спросила Кора, чем повергла в смущение своих хозяев.

— Но зачем? — удивился десципон с бородой. — Разве вы чего-нибудь еще не видели? Обед уже остыл.

— Остался всего один дракон, — разумно возразила Кора. — Дракон-долгожитель. Должна же я увидеть дракона-долгожителя?

И она направилась к следующему, пятому загону, потому что была уверена, что долгожитель слышит ее

и подсматривает за тем, что происходит у загона Ласки.

Долгожитель сразу вылез из пещеры, как только Кора к ней приблизилась. Не надо было даже читать табличку, чтобы понять — и в самом деле дракон прожил большую и сложную жизнь. Одно крыло было надорвано, глаз вытек, кое-где зеленая и серая чешуя осыпалась, как изразцы с печки, обнаружив бурую пупырчатую кожу. Шел старик неуверенно, пошатываясь, едва добравшись до решетки, стал лизать ее, давая понять, что непрочь бы полакомиться мясом, как молодая соседка.

— Его не надо покормить? — спросила Кора.

В голосе ее звучало искреннее сочувствие, и услышав его, дракон взвыл. Ему вторили Ласка и Смирный.

— Ну-ну, паршивец, — прикрикнул на него кормилец, а десципон погрозил дракону серебряным посохом.

Кора кинула взгляд на табличку. Дракона звали Небесным Оком. Так и было написано: "Небесный Ок". Кора решила уточнить в будущем, что это означает — случайную ли ошибку в слове "Око", или это какой-то местный термин.

— Теперь мы можем пойти пообедать? — раздраженно спросил десципон.

— Да, — сказала Кора. — Только скажите мне, пожалуйста, когда вы кормите драконов?

— Два раза в неделю, — быстро ответил десципон.

— Но — до отвала. В природе драконы ведут такой же образ жизни — сначала нажираются до отвала, а потом спят до следующей охоты.

— Да, кстати, когда состоится следующая кормежка?

— Когда? Когда? — все смотрели друг на друга, а ответил толстый кормилец:

— Завтра состоится. Завтра мясо привезут. Они и нервничают потому, что подходит их срок.

— Вот видите! — укоризненно сказал первый десципон. — А теперь можно идти обедать?

— Пошли, пошли, — ответил за всех переводчик Мери.

Кора подчинилась столь настойчивому желанию большинства.

* * *

Обед был подан в обширной бухгалтерии Загона — общий стол был создан из сдвинутых канцелярских столов, а шкафы с многочисленными ящиками и ящичками высились вдоль стен, как официанты. Коре еще не приходилось участвовать в таких бедных совместных пирушках, потому что на Земле, как известно, не принято питаться на службе — для этого есть кафе и рестораны. Да и как можно пировать без салфеток и приборов? Разумеется, на пикнике за городом обстановка иная, но и туда нормальные люди берут с собой одноразовые пластиковые тарелки и вилки, одноразовые скатерти и иные полезные одноразовые вещи. За этим стоит простая философия: еда — это уничтожение питательных продуктов, то есть действие одноразовое, ибо нельзя дважды прожевать один бифштекс. Следовательно, то, что прилагается к пище и способствует ее ликвидации, должно быть одноразовым. Этот принцип Ананды Раджумара разделяется далеко не всеми жителями Земли, ибо среди них есть немало гурманов, получающих наслаждение от еды на сервском фарфоре тяжелыми серебряными вилками и ножами.

Канцелярские столы, сдвинутые вместе, образовали один длинный разновысокий стол, покрытый большими листами белой бумаги и салфетками, так как, видно, одной большой скатерти в Загоне не нашлось. На столе в ряд расположились разномастные блюда и тарелки с нарезанными овощами, редькой, обретшей здесь розовый цвет картошкой, салатом и иными простыми закусками, центральное место среди которых занимала кол-

баса. Между тарелок и блюд перед каждым из гостей стояла небольшая тарелка и ложка с заостренным краем, которую, как Кора знала, в простых домах использовали в качестве вилки и ножа.

На столе также стояли бутылки. Четыре — с прозрачной белой жидкостью, очевидно спиртом или водкой. Именно к этим бутылкам были прикованы восторженные, тревожные, напряженные взгляды присутствующих. Кора поняла, что стремление как можно скорее закончить экскурсию по Загону с драконами объяснялось просто — их ждало угощение, здесь нечастое, связанное с ее приездом.

Чтобы проверить свое предположение, Кора обернулась к улыбающемуся сладострастной улыбкой переводчику Мери.

— Скажите, это... пиршество, за чей счет?

— Ах, оставьте, — прошептал переводчик. — Разве это пиршество? Мы так пируем каждый день...

— Мери!

— Конечно, на этот обед десципон выбил деньги в министерстве, — сразу признался переводчик. — Вы знаете, мы — небогатая, но гордая страна, и водка у нас очень дорога.

— Все ясно, — сказала Кора. — Тогда пошли за стол.

Служители Загона двинулись к столу, делая вид, что не спешат. Но глазки у всех горели и ноги неслись к тем местам застолья, где скромно поблескивая стояли литровые бутылки. Кора мысленно произвела подсчет: четыре бутылки, девять человек, она сама не в счет, потому что полицейский никогда не пьет на задании. Видно, здесь мастера пить! Или водка в бутылках не водка, а легкий напиток?

Дождавшись, пока десципон с бородой уселся во главе стола рядом с Корой, сотрудники Загона ринулись к столу, начали шумно и весело отодвигать стулья, рассаживаться, стучать ложками, собирая с тарелок салаты и картошку, сталкиваясь вилками над блюдом с

колбасой. Но о Коре не забыли — кто-то кинул ей на тарелку два ломтя колбасы. Кто же такой добрый? Кора решила было, что переводчик — это его долг. Но только тут она заметила, что Мери уселся на другом конце стола, нагло подмигивая ей оттуда, словно сообщнице. Хорошо устроился! Кора поняла, что намерена страшно отомстить ему за эту фамильярность. Он ведь и не подозревал, что попал в услужение к женщине коварной и будет наказан за попытку уклониться от дела.

Звенели стаканы и чашки, куда зоологи и администраторы, счетоводы и снабженцы спешили разлить напиток. Вдруг это оживленное действие прервал короткий авторитетный звон: десципон Загона с бородой поднялся во главе стола и откашлялся. Сейчас начнется еще одна речь — Кора уже знала наизусть, что будет сказано.

— Господа, господа, минутку внимания! Перестаньте греметь посудой! Внимание, внимание!

— Внимание! Внимание! — подхватил сидевший рядом с Корой драконокормилец.

— Мы с вами еще не познакомились, — сказала ему Кора.

Тот страшно удивился, обратился к ней доверчивый зеленый взор и почесал кончик носа краем стакана.

— Вас зовут Кора, — сообщил он. — То есть дама Орват.

— Но вас? Вашего имени я не знаю.

По смущенному виду кормильца и его нежеланию отвечать Кора поняла, что вернее всего совершила какую-то ошибку. Нарушила табу или проявила невоспитанность.

— Господин старший драконокормилец Аполидор, — воскликнул десципон с бородой. — Не отвлекайте господа Орват от моего тоста.

— Разумеется, — согласился толстяк. И тут же прошептал Коре:

— Меня зовут старший драконокормилец Аполидор.

— Нас собрало за этим столом горькое и одновременно счастливое событие. Трагические исчезновения вверенных нам и любимых нами, да, не побоюсь этого слова, любимых нами драконов, но в то же время — прилет к нам драгоценной гостыи, полюбившейся нам с первого взгляда госпожи Кору Орват! Когда перед нашим Загоном остановился знакомый нам государственный лимузин...

— Прошу прощения, — перебила десципона Кора. — Прошу прощения. Но на приемах такого ранга речь председателя должна быть переведена синхронно. Для этой цели мне выделен переводчик. Боюсь, что без его помощи я могу упустить нечто важное из сказанного господином десципоном Загона.

— Правильно! — воскликнул счетовод. Но драконокормилец Аполидор тяжело вздохнул, и опытная Кора поняла причину вздоха: перевод отодвинет сладостный момент слияния с прозрачным алкогольным напитком.

Кора строго смотрела на переводчика. Тот растерянно — на нее. Разумеется, он не вслушивался в речь десципона, а спешил наполнить стакан.

— В этот момент... — Мери растерянно замолк и стал настолько похож на старенького мальчика, которого отшлепали при всем народе, что Кора сжалилась.

— Садитесь, — сказала она по-русски. — Попрошу в будущем без фамильярностей. А то — накажу.

— Спасибо, — промолвил Мери. Рука его дрожала. — Я боялся потерять работу... с настоящей иностранкой...

— Он будет переводить? — спросил десципон.

— Он не будет переводить, — сказала Кора. — Он забыл слова. А раз без официального перевода ваша речь недействительна, то будем считать ее произнесенной.

— Но может быть дама выслушает ее без перевода?

— Я бы не рискнула, — доверительно ответила Кора.

— А вдруг кто-то из ваших сотрудников сообщит куда следует?

— У нас таких нет! — гордо произнес десципон, после чего уселся на свое место и замолчал надолго.

— Можно начинать? — спросил счетовод.

— Давайте, — сказал расстроенный десципон и опрокинул в рот чашку водки.

И тут словно прорвало плотину. Все забыли о Коре и принялись наперегонки уничтожать салат, картошку, но главное — колбасу и водку. Из любопытства Кора пригубила водку — водка оказалась в меру крепкой и плохо очищенной. За столом царило деловое молчание, и Кора не пыталась его нарушить. Она понимала, что пройдет несколько минут и языки у людей, лучше всех на этой планете знающих драконов, и возможно даже знающих тайну их исчезновения, развяжутся. И тогда надо будет внимательно слушать.

Второй по рангу десципон без бороды поднялся, чтобы произнести тост, но его оборвал первый десципон, разумно полагавший, что если ему не дали сказать речь, то и он никому не позволит этого сделать. Далее никто не пытался сказать речь, но время от времени кто-то из драконоблудителей тянул к Коре стакан или чашку и кричал: "За ваше здоровье!" Кричал искренне и душевно, потому что водка всем нравилась.

— Не понимает она! — кричал старший десципон, все еще не в силах пережить своего унижения. — Переводчика сюда!

И начинал ей жестами объяснять, — вот, мол, какая ты хорошая! А какие мы хорошие!

По знаку второго десципона Аполидор поднялся с места, подбежал к нему, пошептался и приблизился к Коре.

— Горячее позвольте подавать?

— Я здесь гость. Делайте, как положено.

— Спасибо, — прошептал Аполидор, склонившись к

ее уху. Зеленые глазки сверкали от выпитой водки. Внимание, Кора, осторожно! Они все уже пьяненькие.

Аполидор выбежал из комнаты.

Постепенно уровень шума в комнате поднимался... Уже не так спешили наливать и не столь быстро работали челюсти — как будто все взбежали на перевал и теперь можно было оглядеться, прежде чем начать неспешный спуск.

Аполидор вернулся и сел на свое место.

— Скажи госпоже Орват, — обратился он к переводчику, — что сейчас принесут горячее.

— Вы слышали, госпожа? — спросил Мери, стараясь перекрыть растущий шум. — Вам перевести?

Кора не ответила, лишь коварно улыбнулась. Мери был жалок. Ничего страшного, пускай и дальше боится потерять место.

Она обратила внимание, что Аполидор чуть улыбается, одними глазами, как удачно нашкодивший мальчишка. Толстяк не так безобиден, как казалось поначалу.

Открылась дверь и внесли горячее.

Впереди шествовала строгого вида женщина в толстых очках и длинном платье, формально изображавшем тоску по мужу, скончавшемуся в позапрошлом году. Она несла большой медный поднос, на котором лежала гора нарезанного крупными кусками мяса.

Следом шагала черноволосая смуглая коротышка в платье, говорящем о ее желании отыскать себе достойного жениха с высшим образованием. Она несла кастрюлю с горячей картошкой.

Наконец, сзади семенила девочка, в одной ручке державшая большую солонку, в другой — банку с каким-то соусом.

Мужчины принялись собирать пустые тарелки, чтобы отдать их женщинам. Аполидор сказал:

— Первая — это наш главный бухгалтер, вторая — уборщица, а девочку зовут Мелой, Мелочкой...

Голос его звучал нежно...

— Она ваша дочка? — догадалась Кора.

— Дочка, — прошептал Аполидор.

— А почему они с нами не сядут за стол? У вас не принято?

— Почему не принято? Принято. Только мест мало. А они уже поели, раньше нас поели, на кухне, пока готовили, правда?

Тем временем началась большая дележка пищи — слышались восхищенные возгласы:

— В жизни не видел столько мяса сразу! — воскликнул счетовод.

— Может вы дракона зарезали? — спросил Мери.

Его шутка была всеми услышана. Попала на тихую паузу. И за столом воцарилось зловещее молчание. Один за другим драконоблустители оборачивались к переводчику и пронзали его ненавидящими взглядами. Это была ненависть страха. Но ни один из них не произнес ни слова. Словно все ждали слов того, кто имеет право ответить на это страшное, но ожидавшееся обвинение.

И тогда девочка Мела произнесла:

— Драконов есть нельзя. У них мясо ядовитое. Даже собакидохнут. Это всем известно.

— Ну уж, не всем! — воскликнул Мери. — Ну уж, не всем!

И тут как плотину прорвало. Драконоблустители принялись кричать на переводчика, доказывать, махать руками, даже угрожать расправой, переводчик отмахивался от них, движения у него были мальчиковые, но не дворового сильного и ловкого мальчика, который умеет лазить по пожарной лестнице, даже ходить по карнизу, а того, домашнего, при бабушке и няне, который не научился свистеть и кидать камешки. Короткие штанишки весьма подходили переводчику.

Пока эта суматоха продолжалась, Кора заинтересовалась девочкой. Та спокойно стояла у стены между

двумя канцелярскими шкафами и наблюдала за взрослыми. Легкая улыбка застыла на ее тонких губках.

Мела была худа, куда более худа, чем положено быть десятилетнему ребенку, словно целью ее жизни было отрицать внешнее благополучие и щекастость ее папы. Одета девочка была в простое серое платье, но Кора не знала, имеет ли такое платье какое-нибудь формальное значение — ей вообще не пришлось читать о значении одежды у детей. Черные разношенные туфли были так велики Меле, что пятки шлепали при ходьбе. Туфли сообщались с подолом платья посредством двух палочек толщиной в палец, которые звались ногами. Такие же тонкие руки торчали из рукавов платья. Пальцы их были испачканы, а ногти обкусаны. Волосы были собраны в две темнорыжие косицы, завязанные тонкими голубыми бантиками. Косички были заплетены так туго, что оттягивали кожу и без того впалых щек и делали глаза раскосыми. А вообще-то глаза у Мелы были большие, зеленые и наглые.

Кого же она напоминала Коре?

Конечно же! Так рисуют человечков пятилетние дети. Ручки, ножки, огуречик, вот и вышел человечек!

Девочка почувствовала упорный взгляд Кору и обернулась к ней.

— Ты много знаешь про драконов? — спросила Кора.

— Как все, — ответила девочка.

— А откуда ты знаешь, что драконов есть нельзя?

— А у нас в этом году Дуролоб подох. А Кутька отравилась.

— Собака?

— Какая собака? Кошка! Чуток пожевала и подохла.

— Может она не от мяса подохла?

— А вороны? Которые тогда слетелись, они же тоже — ноги кверху!

Общий гул царил в комнате, будто там собралась не

дюжина, а по крайней мере полсотни человек. Женщины, которые принесли пищу, остались в комнате и тоже ели мясо. Водка кончилась, но откуда-то появились еще две бутылки, на этот раз с красным вином. Аполидор подсел к Коре.

— Хорошая у меня девочка? — спросил он.

— Хорошая. А почему вы ее не угостите?

— Я не ем мяса, — сказала девочка, — принципиально не ем. Потому что кто ест мясо, он обязательно убивает. Вы меня понимаете?

— Я тебя понимаю.

— А вы убиваете?

— Я стараюсь не убивать.

— Я уж бился, бился, к врачам водил. Мама у нас погибла, мы вдвоем, — пояснил кормилец.

— Отольются им мои детские слезки! — загадочно произнесла девочка. Глаза ее были сухими и строгими.

— Поешь салатику, девочка, — сказал Аполидор. Кора поняла, что он постоянно чувствует себя виноватым перед дочкой и вынужден оправдываться перед каждым встречным в том, почему Мела такая худенькая да болезненная — не морит ли он ее голодом. Особенно если сам такой цветущий.

Кора ждала, что он начнет оправдываться — не может быть, чтобы он не постарался объяснить. Она решила предупредить оправдания.

— В ее возрасте я была еще худее, — сказала она, — меня в школе скелетиком звали.

Это было неправдой, потому что в школе ее звали пышкой, но сейчас ложь могла помочь — ей хотелось быть милосердной по отношению к этому неладному семейству.

— Правда? — спросила девочка.

— Правда, — Кора посмотрела ей в глаза. Агент ИнтерГПола должен лгать так, что его не засечет ни один детектор лжи.

— Правда, правда, — обрадовался Аполидор. — А

посмотри теперь какая стала! — он попытался показать руками, но смутился и покраснел.

Десципон с бородой подошел, чуть покачиваясь. Он желал поднять этот скромный бокал за здоровье нашей спасительницы, великого специалиста по поиску драконов...

Кора милостиво выпила со стариком.

— Мы в ужасном положении, — сообщил десципон, склоняясь к Коре. Глаза у него стали оловянными и неподвижными. — Нам никто не верит. Даже правительство.

— Но почему же? Ведь раньше вам верили?

— Экономическое положение в Лиондоре оставляет желать много лучшего, — рывкнул десципон в ухо Коре — она еле успела отшатнуться.

Мела и ее папа сидели по другую сторону от Кору. Аполидор заставлял дочь есть жареную картошку. Она отворачивалась, морщилась, но все же ела.

— Нам все время урезают кредиты на питание. Знаете ли вы, что нам приходится переводить драконов на растительную пищу. Драконы болеют, отказываются класть яйца. Ведь это проблема номер один! Еще шесть лет назад мы продали в зоопарки Миандрии и Пролима четыре оплодотворенных яйца. Два дракона до сих пор живут в Миандрии.

— Я думала, что во всей Галактике только в Лиондоре сохранились драконы.

— Мы — родина драконов. Они очень плохо живут в других местах и совершенно не размножаются. Но иногда в хороших условиях они могут жить десятками лет в зоопарках.

— Но с планеты их вывезти нельзя?

— Пробовали, несколько раз пробовали. Ни яйца, ни новорожденные особи не переносят космических путешествий. А для взрослого дракона еще не придумали каюты... Так что у нас они последние...

Десципон допил водку и закручинился.

— Когда драконов больше не будет, его на пенсию выгонят, — сообщила Коре девочка, которая постепенно проникалась к ней доверием. — Их всех выгонят. А может и к стенке поставят. Ведь нужны виноватые. У нас всегда так — нашли виноватых, и все хорошо. А настоящие виноватые в лимузинах ездят. Понимаете?

— А ты как думаешь, куда деваются драконы? — спросила Кора.

— А кто их знает, — неопределенно ответила девочка. — Значит уводят.

— Значит, — сказала Кора, — кто-то открывает клетки, кто-то ведет дракона по Загону, потом через башню в город, и через город... Пешком?

— Не, — возразила девочка. — Драконы-то летучие! Ты забыла, тетя Кора!

— Они в самом деле летают? Я читала в "Драконономии", что драконы летают только в период спаривания.

— Точно! — подтвердил захмелевший Аполидор. — В этот самый период!

— Период спаривания, — заявил трезвым голосом десципон с бородой, — у наших драконов бывает каждый месяц.

— И продолжается больше недели.

— Вот что значит читать книги, — сказала Мела, — читаешь-читаешь, а на самом деле ничего не знаешь. Я поэтому в школу не хожу, боюсь лишнему научиться.

Отец смотрел на дочку с гордостью. Он думал, наверное, что у него растет самая умная девочка на планете. Так случается с родителями. Особенно с родителями-одиночками, лишенными критического взгляда партнера.

— Значит, — проявила настойчивость Кора, — ты думаешь, что кто-то открывает загон, выводит дракона, а потом он летит?

— Дракон просто так не полетит, — сказал десципон. — Он полетит только, если перед ним летит самка.

— Значит, он все же не летает, — сказала Кора.

— А если очень голодный, а ты ему кусок мяса покажешь или целую корову, он и без самки полетит, — сказала Мела.

— Это — антинаучная чепуха! — воскликнул счетовод, который подошел к ним, обглаживая кость. — Эта теория, выдвинутая Пронькисом, никем и нигде не доказана.

— А я вот выпущу дракона, — сказала девочка, — он и полетит. Они же кушать хотят.

И как бы в ответ на ее слова совсем рядом, будто за стенкой, раздался нарастающий, как рев падающего самолета, рык дракона. Задрожали стекла. Бухгалтерша с десципоном без бороды, которые танцевали задирая ноги, от неожиданности свалились на стол, переводчик Мери проснулся и вскочил, прижимая ладони к ушам, кто-то из драконослужителей уронил и разбил стакан с вином, отчего громко заплакал.

— Кормиться просит, — сказала спокойно девочка.

— Так вы бы покормили, — обратилась Кора к Аполидору. — Вы же драконокормилец.

— Вы хотите сказать, что я толстый, потому что драконов объедаю? Это не так! Я такой толстый с раннего детства. Меня можно вообще не кормить, я все равно толстым буду.

— Мама папу вовсе не кормила, хотела чтобы похудел, — сообщила девочка. — А он был толстый, честное слово.

— С кого спрашивают? — продолжал Аполидор. — Всегда с кормильца. А я что, не понимаю? Я готов в загон войти, только он сожрет меня, не поперхнется. Я не могу смотреть, как они мучаются! Иногда думал — может отравить их — чтобы не мучились? Но не могу. Знаете почему? А потому что я добрый.

Девочка встала, наклонилась к Коре и сказала ей на ухо:

— Он преступник, но не потому что плохой. А потому что корма все меньше дают из-за экономического положения, а штат в Загоне все растет. Понимаете?

— Нет.

— А всех кормить надо. Обязательно. И десципов и ихних родственников. Бухгалтерша тоже голодает — утроба ненасытная. Все после службы сумки волокут. Сегодня папу заставили кусок мяса Ласке кинуть, так Ласка мяса уже неделю не пробовала, а это мясо из папиного пайка вынули. У нас страшная жизнь, такая жестокая, просто ужас! И все за свое место держатся. Это такое счастье, что драконов ни в коем случае кушать нельзя, а то бы их давно всех сожрали.

— Значит, ты думаешь, что дракона можно увести из Загона? — спросила Кора.

— Можно, — уверенно ответила девочка. — Если очень захотеть, то можно. Только сожрет тебя дракон, пока ты его уводить будешь. Они же не приручаются. Они, как лягушки с зубами, крокодилы.

— А мне показалось, что они соображают.

— Соображают, пока заманивают.

— Ты их не любишь?

— А за что их любить? Кто их знает, никто не любит. Это я точно говорю. И если вам будут говорить, что дракончики такие миленькие, что они такие трогательные, что о них надо заботиться, то не верьте. Врут.

Девочка говорила визгливым, злым голосом, как взрослая.

Переводчик Мери покачивался возле стола, закрыв ладонями уши, хотя рев дракона прекратился. В такой позе он и пошел прочь, забыв попрощаться с Корой. Кора проводила его взглядом — кривые мальчишеские ноги торчали из коротких штанишек — жалкий человек, несчастный, закомплексованный...

— А сам дракон улететь мог? — спросила Кора девочку.

— Если бы он улетел, его бы сразу увидели — когда дракон в небе летит, все видят, — резонно заметила девочка.

— А ночью?

— Ни днем, ни ночью дракон улететь не может, — сказал Аполидор. — Для того, чтобы подняться в воздух, дракону надо совершить разбег в двести метров. Это наверняка в вашей "Драконономии" написано.

— Но я думала, что наука может отстать от жизни, — сказала Кора. — Ведь оказалось же, что драконы могут летать, если голодные.

— Это мелкие сказки, — сказал драконокормилец. Он поднялся, положил мягкую ладонь на голову девочке.

— Нам пора, — сказал он. — Завтра рано вставать.

— Учитель музыки придет, — доверительно сообщила девочка. — Но я всегда молюсь утром, чтобы он под машину попал. Ни разу еще не попал. Может завтра попадет.

— Как нехорошо! — вырвалось у Кору.

— Знаю, — согласилась девочка. — Знаю, но молюсь. Пускай меня потом накажут, а пока он пусть под машину попадет. Можно не досмерти, только чтобы руки покалечило.

И, получив подзатыльник от отца, девочка отправилась к выходу.

Кора хотела было последовать примеру Аполидора, но тут к ней подскочил счетовод и пригласил на танец. Счетовод был сильно пьян, и Кора никак не могла понять, в чем же смысл танца. Может в том, чтобы счетовод трогал руками различные части ее тела?

Чтобы немного охладить пыл счетовода, Кора спросила:

— Вы не возражаете, если я завтра посмотрю ваши книги?

— Какие книги? — блудливые руки счетовода опустились.

— Книги, в которых вы записываете, какие продукты для кормления драконов вы получаете.

— Нет таких книг! Все сдали в архив, — быстро ответил счетовод.

На его счастье танец закончился, счетовод деловито подошел ко второму десципону и сообщил:

— У меня заболела тетя. Завтра на службе меня не ждите.

И быстрыми шагами покинул комнату.

Кора тоже подошла к безбородому десципону и сказала, что устала с дороги и хотела бы удалиться в гостиницу.

Тот не возражал. В отличие от прочих, он был трезв и мрачен. Остальные сотрудники Загона сидели обнявшись в углу на полу и пели хором бравую песню.

Десципон проводил Кору к выходу.

— А вы как думаете? — спросила Кора. — Куда делись драконы?

— Их выманивают куском мяса, — сообщил десципон. Он говорил как человек, хорошо продумавший свою версию. — Выманивают. А в мясе — снотворное. Дракон засыпает перед башней. Дальнейшее — дело техники. Его грузят на платформу и увозят в горы.

— Зачем?

— Чтобы продать в Миандрию.

— А кто-нибудь видел хоть одного украденного дракона в Миандрии?

— Миандрия велика, — ответил десципон.

Они вышли из административного корпуса на площадку, откуда начинался проход между решетками. Далеко в конце прохода последний из фонарей освещал арку башни.

— Спят драконы, — рассказывал десципон, чтобы

развлечь и просветить Кору, — обычно на открытом месте. В пещерах они таятся только днем. Вот, видите: Небесный Ок, наш долгожитель.

Дракон, спавший свернувшись в клубок посреди загона, поднял голову и негромко твякнул, как бы спрашивая, не желаете ли меня покормить?

— А вот тут спит Ласка. Это она редела. Я ее голос знаю. Сжился я с драконами, полюбил их: грозные, но гордые создания.

Ласка лежала, вытянувшись во всю длину — от решетки до стены. Голова была в рост человека.

— И они обладают разумом? — спросила Кора, вспомнив о предупреждении девочки.

— Разумеется!

Десципон замер.

В следующей клетке, где должен был находиться Смирный, никого не было.

Кора поняла испуг десципона.

— Может быть он в пещере?

— Глупости! — резко ответил десципон.

Он подошел к решетке и потянул на себя один из прутьев — оказалось, что это дверь. Словно нехотя, дверь приоткрылась.

— Вот видите, — укоризненно произнес десципон. — А вы говорили!

Десципон откинул полу сюртука, и Кора увидела, что к его поясу прикреплен длинный электрический фонарь. Он отстегнул его.

— А вдруг он на вас накинется? — спросила Кора. Ей неприятно было стоять у приоткрытой двери в клетку дракона.

— Не говорите глупостей! — Десципон включил фонарь и, освещая дорогу, пошел к пещере. Луч фонаря, яркий и узкий, пронзил темноту, и Кора убедилась, что пещера пуста. А больше дракону негде было спрятаться.

Кора сказала десципону:

— Я попрошу вас дальше не идти. Здесь могли остаться следы преступника.

— Какие, к черту, следы?! У нас из семи драконов всего два осталось! Завтра меня уберут на пенсию. И заслуженно.

— И тем не менее, — попросила Кора так, что десципон не смог отказать в этой просьбе. — Оставайтесь здесь, запирайте клетку и никого не пускайте внутрь.

Под светом фонаря расплывшаяся зеленоватая куча навоза засверкала бриллиантами. Вонь от нее шла не-сусветная.

Десципон сопротивлялся еще три минуты. Больше всего его огорчало то, что коллектив драконьего загона пил водку и танцевал, в то время когда украли дракона.

Потом он отдал ключ Коре.

Они вернулись в административный корпус, чтобы сообщить о пропаже в полицию. Кора подняла сонного и плохо понимавшего, чего от него хотят, начальника столичной полиции, чтобы тот установил посты на основных дорогах, ведущих из столицы в Миандрию и к горам. Посты должны были осматривать очень большие фургоны или платформы.

Начальник полиции был убежден, что ничего в них не найдут.

И конечно же не нашли.

* * *

Кора была уверена, что стоит ей добраться до номера, как она тут же заснет.

Ничего подобного.

Было не поздно, но портье улегся спать на диванчике в холле, накрывшись серым солдатским одеялом. Когда Кора разбудила его, он долго не мог сообразить, где находится и зачем этой женщине понадобились ключи. Потом долго искал ключ и вспомнил, что он у коридор-

ного. Коридорный ушел домой. Искали дубликат ключа. В номере явно кто-то уже пошуровал, к счастью, судя по всему, служба безопасности, а не воры — вещи перевернули, но оставили на месте. Пропал только очень нужный аппарат "ищейка", который мог отслеживать жертву по запаху. Наверное, его приняли за порнопередатчик.

Пошатываясь от усталости, Кора протиснулась в душ, включила его. Вода полилась тонкой коричневой струйкой, затем что-то всхлипнуло, и струйка иссякла.

Кора попыталась дозвониться портье и выяснить, нельзя ли пустить воду, но тот, видимо, снова улегся спать и к телефону не подходил.

Злая, как фурия, Кора забралась в постель. Белье пахло прелью сырого склада. Сон не шел.

Что же она узнала в Загоне? На примере долгожителя Небесного Ока она поняла, что украсть дракона было невозможно. Калитка, сквозь которую в клетку проник десципон, была слишком мала, чтобы пропустить дракона, а большие ворота были закрыты на замок. Ворота в крепостной башне также были заперты, гости с праздника уходили через маленькую калитку. Надо будет поискать подземный туннель, подумала Кора. И тут же поняла, что эта версия родилась от безнадежности.

Но если нельзя было увести Долгожителя, то как можно было увести еще четырех драконов, каждый высотой с двухэтажный дом, а длиной с железнодорожный вагон? Разгадка должна быть парадоксальной, идиотской, очевидной, лежащей на виду. Но где лежащей?

* * *

Коре снилось, что она летит над Крымом, сидя на шее драконихи Ласки, опершись спиной о ее костяной гладкий гребень. Внизу проплывают скалы Симеиза,

кто-то знакомый машет от кромки воды, а вдоль полосы прибоя громадными прыжками мчится гигантский домашний кот Колокольчик. Ласка спускается ниже, норовя схватить Колокольчика острыми треугольными зубами. Но тут перед ними обнаруживается толстая решетка, сквозь прутья которой необходимо пролезть, иначе настигнет девятый вал соленой черноморской воды...

Звонил телефон, старомодный, побитый, обмотанный, чтобы не рассыпался, изоляционной лентой. Проморгавшись, Кора поглядела на часы. Три часа ночи. Еще этого не хватало!

— Госпожа Кора Орват? — голос чуть слышно доносился сквозь электрические разряды.

— Кто это? Кто?

— Вам звонят из полицейского управления. Вы меня слышите? Из полиции. Да, да, из полиции. Мы нашли вашего дракона. Вы слышите?

— Это не мой дракон!

— Неважно, мы его нашли! Только ондохлый! Вы сможете приехать?

— Я здесь первый день. Как мне найти вас в три часа ночи, куда ехать?

— Мы не можем прислать за вами машину. У нас только одна патрульная, вторая сломалась. Вы меня слышите? Семнадцатая стража Загородного шоссе. Семнадцатая стража — вы меня поняли?

— Я ни черта не поняла.

— Мы вас ждем. Семнадцатая стража Загородного шоссе. Приезжайте, а то протухнет.

— Его убили?

— Кого убили? Вас беспокоят из полиции, вы меня хорошо слышите?

Разъединилось...

Конечно это мог быть шутник, но вряд ли — слишком просто и банально. В конце концов, она не обязана ехать в три часа ночи неизвестно куда смот-

реть на какого-то дохлого дракона. Ей уже достаточно драконов...

Проклиная себя, свою профессию и всех драконов вместе взятых, Кора однако поднялась, оделась и спустилась вниз.

На этот раз портье спал так крепко, что пришлось трясти его минуты три, пока он проснулся настолько, чтобы рассказать, в какую сторону ехать к Загородному шоссе. Но вот объяснить, где семнадцатая стража, он так и не смог.

Кора добиралась до семнадцатой стражи часа два. Во-первых, лимузин не заводился, во-вторых, она пропустила поворот на Главную улицу, от которой и начинается Скотский проезд имени 5 июня, соединяющий ее с Загородным проездом, который и дает начало Загородному шоссе. Само Загородное шоссе было разбито грузовиками или танками так, что пускать на него нормальные машины было преднамеренным убийством.

Километров через десять Кора увидела впереди свет фар.

К счастью, это оказался полицейский вездеход, который перегораживал дорогу громадному, крытому брезентом, фургону. Машины уперли друг в дружку лучи фар, как будто играли в гляделки. В пространстве, залитом светом этих лучей, покачивались устало ругающиеся патрульные, которым было приказано задерживать и проверять все фуруны на предмет нахождения в них драконов.

При виде Кору все оживились. Полицейские потащили ее к открытым задним дверям фургона, а шофер и низкого роста горбун с интеллигентным лицом, который представился сопровождающим лицом, побежали следом, надеясь что-то объяснить и втолковать.

В свете ручных фонарей взору Кору предстало страшное и не сразу понятное зрелище.

До половины фургон был завален кусками мяса,

недавно еще мороженного, а теперь размякшего, сочащегося черной кровью. Частично мясо лежало в пластиковых ящиках, но большей частью вывалилось. Если это и был дракон, то уже расчлененный на множество кусков и, конечно, освежеванный.

Горбун, поднимаясь на цыпочки, тщился всучить Коре, в которой угадал большого начальника, какие-то бумаги и повторял, что это накладные, что у него все в порядке, можно проверить, спросить у варрана Аурелию, но полицейские, которые чуяли, что им попалась крупная птица, отталкивали горбуна и кричали, что упекут его на двадцать шесть лет "манной каши".

Маленький песик, мама которого, видно, была очень мохнатой, а папа очень кривоногим, взявшись неизвестно откуда, крутился у ног, вылизывая кровь, что капала из фургона.

— Я с базы! — кричал горбун, — это некондиция, понимаете, некондиция! В детские садики везем.

— Это дракон, точно вам говорю, дракон, — уверял полицейский. — Они его на куски порезали, а теперь детям повезут.

— Травить вздумали?! — взревел второй полицейский.

— Ни в коем случае! — откликнулся горбун. — Мы, может быть, в весе ошиблись, или не тем сортом приняли товар, но никогда никого не травили.

— Да что там смотреть, — глубоким басом загудел шофер фургона. — От драконьего мяса любая тварь сразу сдохнет, не знаете разве? — он показывал на собачонку.

Горбун, сообразив, что этот песик — его спасение, встал на цыпочки, полез руками в фургон, стал отрывать мясо от большого куска.

— Вы только посмотрите! — бормотал он.

Коре захотелось отвернуться.

Горбун оторвал все же шмат мяса, такой большой, что песику не снилось и в сказочных собачьих снах, и

вывалил на асфальт. Все замерли, глядя под ноги, словно ждали взрыва.

— Не надо, — неубедительно проговорила Кора, — жалко собаку...

— Ничего ей не будет, — сказал шофер фургона, — ну если только обожрется.

Собака урчала, словно заводная. Она рвала мясо, давилась, спешила проглотить, потому что понимала: такое счастье бродячим собакам не положено — а если дали, то вот-вот отберут. И до этого момента надо урвать как можно больше.

— Дракон, говорите? — шофер фургона углядел нечто внутри своей машины, потянулся туда — он был высоким, длинноруким, крикнул, дернул — и Кора увидела, что он держит за рог коровью голову. Тяжелую, черную, с короткими рогами. — Это дракон, говорите?

Полицейский, который настаивал на драконьей версии, пожал плечами и сказал:

— Могли для обмана одну положить, а так дракона везете.

Кора уже понимала, что произошла ошибка, но так как инициатором всего была она сама, то приходилось ждать, пока все кончится. Она не спускала глаз с собачки и соглашалась, что собака не собирается умирать, а если умрет, то только от обжорства.

Шофер ходил за полицейскими и совал им коровью голову.

Под потолком фургона горела слабенькая электрическая лампочка.

— Неужели вы собираетесь детей кормить таким мясом? — спросила Кора у горбуна, принимая документы и пролистывая их. Она понимала, что уличить горбуна в жульничестве она не сможет — для этого надо разбираться в местной бухгалтерии, но на вид документы были составлены кое-как, измяты, перечеркнуты и замазаны. Конечно, это была афера, но афера с коровьими рогами, а не с драконами.

Шофер полез было в фургон поискать еще какую-нибудь голову, а горбун доверительно сообщил Коре:

— Детям вообще-то вредно много мяса есть: болеют они от этого.

— Они от плохого мяса болеют, а не от мяса вообще,
— возразила Кора и получила энергичную поддержку в лице полицейского.

— Я с ними поеду, — пообещал он. — Я с ними вот до самого склада поеду, куда они мясо везут, — сказал он, чем насмерть перепугал горбуна. Горбун перепугался больше, чем от обвинения в перевозках драконьего трупа. И Кора поняла почему: тут ему грозило обвинение не сказочное и невероятное, а самое обычное житейское, с самыми обычными выводами и наказанием. Если, конечно, не удастся откупиться. Но в это Кора тоже не могла вмешиваться.

— А через какое время действует яд? — спросила она.

— Какой яд? — удивился второй полицейский.

— Через какое время действует драконий яд? — повторила вопрос Кора.

— А кто его знает, — сказал полицейский.

— Но он наверняка действует?

— Я, мадам, драконьего мяса не ел, но говорят, что оно ядовитое.

— Всем известно, — согласился второй полицейский.

Собака ела медленнее, уже утомилась. Ее пошатывало. Коре показалось, что яд начал действовать.

— А вы ее возьмите, — догадался первый полицейский. — Вы ее с собой возьмите, и узнаете. Если до утра не помрет, значит не дракон.

Он позволил себе легкую ухмылку в голосе. Но лицо оставалось строгим и серьезным.

— Вы не беспокойтесь, мадам, — сказал второй полицейский. — Мы их до места довезем, все координаты

запишем, зафиксируем. И будем знать, где мясо хранится.

— Ну что же, — без энтузиазма произнесла Кора, — пожалуй, вы правы.

Она подняла тяжелую собаку — вес собаки плюс два килограмма мяса — это уже немало. Собачка начала было вырываться, надеясь спикировать обратно к мясу, но потом успокоилась. Кора кинула собаку на пол перед задним сиденьем лимузина. Попрощалась с полицейскими. Машина завелась сразу — ей не хотелось нюхать этот аромат. Полицейские отдали честь. Горбун тоже поднес пальцы к шляпе. Отъезд Кору облегчал положение всех, кто остался. Теперь они займутся своими делами без посторонних.

По пути в город Кора несколько раз оборачивалась, включала в машине свет и смотрела, жив ли песик. Песик перебрался на сиденье и, свернувшись в клубок, мирно похрапывал. Во сне он сучил лапами и дергал кончиком хвоста. Он видел счастливые собачьи сны.

* * *

Проснулась Кора сразу. За окном было светло, часы показывали половину девятого, звенел телефон, на него звонким лаем отозвалась совершенно живая собачонка. Кора мысленно выругалась — это порой помогает — и тут же, чтобы не расслабиться, спрыгнула со скрипучей кровати и схватила телефонную трубку.

— До-брое утро! — пропел в трубке голос переводчика Мери. — Как вы спали, мадам Кора?

Не услышав ответа, потому что Кора разговаривала с ним очень грубо, но мысленно, переводчик продолжил:

— Пора вставать, глазки открывать! Солнышко уже встало, лишь наша Кора спит!

— Послушайте, переводчик! — рявкнула Кора. — Какое право вы имеете меня будить? Вы знаете, что я не спала всю ночь?

— Почему? Как... мне никто не сказал!

— А как вам скажешь, если вы вчера напились на работе и вместо того, чтобы обслуживать, убежали домой и оставили меня одну?

— Нет, ни в коем случае! Вы меня неправильно поняли! Я организовывал вам программу встреч на сегодня. Это было нелегко...

— Знаете ли вы, что произошло в зоопарке, то есть в Загоне после вашего бегства?

— Нет, а что?

— А то, что украли долгожителя Небесного Ока и у вас нет алиби, вам известно?

— Это у меня нет алиби? — перепугался переводчик.

— А у кого же? Где вы были вчера в половине восьмого?

— Да я... да я...

— Смелее, переводчик!

— Я докладывал. Я о вас докладывал! Неужели вы думаете, что я здесь сам по себе? Я же на службе.

— Ну вот и поговорили, — сказала Кора. — Тогда сидите внизу и отдыхайте. Я еще часок посплю, а потом буду готовиться к встрече с вами.

— Это исключено! Через час нас ждет сам господин церрион средней руки.

— Понятнее.

— Министр культуры в вашем понимании.

— А драконы у вас относятся к области культуры?

— Простите, но их военное применение прекратилось шестьсот лет назад.

— Хорошо, — сдалась Кора, — через полчаса я буду внизу. Закажите мне завтрак и тарелку овсянки.

— Тарелку чего?

— Овсянки.

Кора повесила трубку. Песик смотрел на нее, опустив ухо и наклонив голову. Он уже догадался, что его пока не выгоняют, и был готов на любые подвиги для своей богини.

— Как тебя назовем? — спросила Кора, направляясь в туалет. Если сейчас не будет снова воды, я им всем головы поотрываю!

Песик остановился у двери в туалет, помахивая хвостиком.

— Будешь Пончиком! — сказала Кора и закрыла за собой дверь к вящему расстройству песика.

Вода текла, чуть теплая, жидкой струйкой, но текла.

Переводчик, не знавший, что его ждет — гнев или просто выговор, маялся у подножия лестницы. Он сразу кинулся к Коре:

— Завтрак подан, каша заказана! — докладывал он словно маршал, сообщая императору о приближении своего корпуса к Аустерлицу. Тут он увидел Пончика, который робко семенил за Корой, и брезгливо спросил:

— Это еще что такое? Тварям в гостинице быть не положено.

От звука его голоса очнулся портье и присоединился к Мери:

— С неблагородными тварями вход воспрещен!

Кора игнорировала этот крик. Она направилась к Мери и повелела ему царственным тоном:

— Овсянку для Пончика! — и показала на собачонку.

Песик, как и все животные, чуткий к тону человеческой речи, быстро разобрался в ситуации и с отчаянным лаем кинулся на переводчика. Он подпрыгивал, норовя дотянуться до его коротких штанин, а переводчик отмахивался, как от стаи пчел, и отступал к портье. Портье выхватил у уборщика половую щетку и встретил песика во всеоружии.

Пончик спрятался за Кору, но лаять не перестал.

— Где ресторан? — крикнула Кора. — Мы идем завтракать!

Переводчик растерянно показал куда идти, и Кора, сопровождаемая Пончиком, быстро направилась туда. Переводчик и портье бежали сзади и пытались отделить злобного Пончика от Кору, но Пончик был не промах — в результате портье ударил щеткой Кору по ногам, и та, владевшая в отличие от портье приемами палавийской борьбы у-ку-шу, вынуждена была сделать выпад и уложить портье на пол.

Переводчик не смел приблизиться к Коре и лишь выкрикивал сзади угрожающие слова.

Кора прошла в почти пустой зал ресторана.

Официант с салфеткой наизготовку склонился в поклоне перед иностранкой:

— Ваш столик направо у окна.

Он сделал вид, что не замечает Пончика: иностранцев не следует дразнить и недооценивать их вредности.

Первым делом Кора сняла со стола тарелку с овсянкой и поставила у ножки стула.

— Ешь, страдалец, — сказала она.

Пончик кинул торжествующий взгляд на переводчика.

Тот стоял с оскорбленным видом, опасаясь приблизиться к столу. Портье громко и настойчиво шептался с официантом, который не желал пропускать его в ресторан, так как тот не расстался со щеткой.

— Мери, — пригласила Кора, — садитесь за стол и разделите со мной трапезу.

Тот только покачал отрицательно головой.

Кора села за стол. Два яйца, булочки, джем — стандартный набор со времен британской королевы Елизаветы Первой.

Она взяла тост и намазала его джемом.

— Послушайте, Мери, — сказала она. — Эта собачка, которая вам так не нравится, сегодня ночью сослу-

жила неоценимую службу нашему следствию, пожертвовав собой.

— Что?

— В то время, когда вы, напившись, как скотина, благополучно почивали, мы с Пончиком находились на семнадцатой страже Загородного шоссе, где проводили расследование. Кстати, вам по должности положено об этом знать. При досмотре одного подозрительного объекта требовалось определить, какое мясо в нем находится. Пончик добровольно вызвался помочь следствию. Вы же понимаете, Мери, что если бы мясо оказалось драконьим, мы бы не видели сейчас рядом с нами этого маленького героя. Он съел мясо, и к счастью остался жив. Но и сейчас он остается под моим личным контролем. Не исключено, что в любой момент его может настичь коварная смерть. Такова доля наших добровольных сотрудников. Теперь вам ясно?

Переводчик потряс головой, словно ему в ухо попала вода. И не ответил.

— Пончик! — сказала Кора. — Не отвлекайся. Не каждый день тебе дают по целой корове. Сегодня обойдешься овсянкой.

Пончик вздохнул и обошелся овсянкой.

Переводчик сел за стол, но так и не понял, шутила ли Кора или в самом деле проводила расследование без его помощи. И когда после завтрака она поднялась в номер, чтобы взять плащ, он кинулся к телефону. Оказалось, что Кора права. К Пончику он стал относиться с опаской, хотя не скрывал своего к нему отвращения.

* * *

В отличие от переводчика Мери, господин церрион средней руки, министр культуры Лиондора, был отлично осведомлен о ночных событиях на семнадцатой страже и роли в них Кору Орват.

Он встретил посетительницу посреди своего обширного кабинета, украшенного по периметру портретами его предшественников.

— Как мы рады, как мы рады! — сообщил он, подхватывая Кору под локоток и ведя к креслам. Кресел было всего два. Так что переводчику пришлось стоять сбоку.

— Переводчик нам не понадобится? — спросил церрион.

Он был представителем новой волны политиков и без сомнения склонен к фронде. Вместо того, чтобы к встрече с Корой надеть сюртук, он встретил ее в пиджаке. К тому же черные усики министра и длинные кудри совершенно не соответствовали стандарту.

— Русского языка переводчик не знает, — безжалостно сказала Кора, — кроме того — пьет.

— Ах, как не стыдно! — воскликнул переводчик.

Но она теперь уже не боялась, что из-за ее характеристики несчастного пожилого мальчика выгонят с работы. Он служил по тайному ведомству, и министерство культуры ему было не указ. Церрион также знал об этом, потому что вздохнул и сказал:

— Я не буду вас задерживать. Я знаю, что вы спешите в наш Загон, где вчера вечером случилось очередное исчезновение. Можно подумать, будто эти подлецы хотели продемонстрировать вам, что они сильнее и хитрее... Я — в бешенстве. Вот так, именно — в бешенстве. Подозрею, что за этими похищениями стоят силы реакции, которые лелеют реванш, стремятся к возрождению старых феодальных порядков... Все наши надежды связаны с вами, мадам Орват. Я наслышан о вашем ночном подвиге — нет, иного слова я не нахожу — именно подвиг, и именно ночной. На семнадцатой страже Загородного шоссе.

Взволнованный министр положил пальцы на колено Кору, как бы демонстрируя свою личную, даже интимную заинтересованность в ее успехе.

— Спасибо, — поблагодарила Кора, — я и в самом деле спешу в Загон.

— Если у вас есть вопросы, просьбы, пожелания, моя дорогая, то я к вашим услугам в любую минуту дня и ночи. Мои координаты, включая домашний телефон, я прошу вас принять...

Он протянул Коре визитную карточку.

— Скажите, пожалуйста, — обратилась к нему Кора, — каково ваше личное как человека мнение...

— Я уже ломал голову над этим! — воскликнул министр. — Но не представляю себе, как их смогли вытащить из Загона!

— Я не это хотела спросить, — произнесла Кора мягко, чтобы не рассердить государственного деятеля.

— А что? — министр был задет тем, что поспешил с ответом и попал впросак.

— Мне интересно, если бы вы, например, приобрели настоящего дракона, куда бы вы его дели?

— Мне не нужен дракон! — вспылил министр. — Я государственный служащий и отлично понимаю ту моральную и материальную ценность, которую представляют драконы для моей бедной, но гордой родины. В день Благодарения Небу драконы взмывают над просторами нашей столицы и несутся к солнцу, покоряя просторы вселенной... — министр осекся, заметив недоуменное выражение лица агента ИнтерГпола и, видимо, мысленно выругал себя. Он ничего не мог с собой поделать: эта красивая, крупная и уверенная в себе женщина вывела его из равновесия.

— И все же, — настаивала Кора. — Куда бы преступник дел дракона?

— Не знаю.

— Значит, дракон никому не нужен?

— Драконы нужны... Впрочем, я не задумывался над этим вопросом.

— А жаль. Давайте представим себе, что кто-то решил

вывезти дракона на иную планету. Ведь существуют империи, готовые заплатить за настоящего дракона золотом по его весу.

— Были попытки вывести драконов из яиц, — сказал министр. — Но ничего не вышло.

— Я говорю не про яйца. А про живого взрослого дракона.

— А на чем вы вывезете такое чудовище? — удивился министр. — Насколько я знаю, в Галактике нет корабля, который мог бы перевозить драконов.

— В Галактике есть гигантские корабли...

— Мадам Орват, эти корабли никогда не опускаются на планеты. Они предназначены для вечных путешествий между звезд. А как вы поднимете дракона размерами двадцать на шесть метров, весом в сто с лишним тонн на лайнер?

На этот вопрос Кора ответить не смогла.

— Хорошо, — сказала Кора, стараясь не дать министру опомниться. — Если вывезти дракона нельзя, то значит он останется на планете. Скажите, пожалуйста, есть ли государство на вашей планете, которое готово или способно купить или выкрасть дракона? Для собственных нужд?

— На этот вопрос трудно ответить, — сказал министр. — Очень трудно. С одной стороны...

— Значит есть, — сказала Кора. — Это Миандрийская империя?

— Я не был бы столь категоричен.

— Если дракон обнаружится в их пределах, вернут ли его вам?

— И это не простой вопрос. Отношения между нами сложились напряженные и не всегда гладкие, существуют разногласия экономического порядка. И даже проблема спорных территорий — архипелага Калара. Разумеется, претензии миандрийцев смехотворны, но тем не менее...

— Понятно, — сказала Кора. — Значит, если дра-

коны выплывут в их море, вы ничего не сможете сделать.

— Разумеется, но в конце концов справедливость восторжествует...

— Теперь, по крайней мере, — сказала Кора, одарив министра очаровательной улыбкой, я знаю, в каком направлении мне смотреть.

— О, это невероятно!

— А разве вероятно исчезновение дракона из-за решетки толщиной с мою руку?

Министр выразительно пожал плечами.

Кора поднялась.

— Спасибо, что вы нашли возможность поговорить со мной.

— Я был рад познакомиться с вами, — ответил министр. — И рад тому, что уже первые ваши шаги указывают на вашу решительность и предприимчивость.

Министр проводил Кору до дверей и повторил на прощание:

— В любое время суток. На службе и дома. Я в вашем распоряжении.

* * *

В Загоне их ждали.

Первый десципон встретил Кору и переводчика у ворот — он выбежал к ним, как только узнал о появлении лимузина.

Одевание его строго соответствовало моменту. Синий поношенный плащ означал потерю в доме, плоский черный берет показывал всему миру, что владелец его погружен в нелегкие дела службы.

— Как вы спали? — спросил он, и тут же продолжил, не ожидая ответа: — Я фактически не спал. Это не только ужасно, это и позор для нашего заведения. Что мы будем делать с двумя последними драконами? Весь

мир теперь будет смеяться над нами. Знаете ли вы, что Загон закрыт вплоть до особого распоряжения правительства и газетам запрещено сообщать о пропаже еще одного дракона.

Десципон первым пошел по проходу между клетками к административному корпусу. Лишь в двух клетках еще оставались драконы: Ласка лежала на боку, занимая почти все свободное пространство загона и свесив хвост в бассейн. Она проводила Кору равнодушным взглядом и смежила очи. Смирный вышагивал по окружности своего загона, вынюхивая что-то в пыли.

Остальные загоны были пусты и калитки в них открыты. Лишь на одной висел замок. И там же на часах стоял полицейский.

— Вы не откусаете с нами? — спросил бородатый десципон.

Коре представился запах перегара и разлитой водки, еще не развеявшийся в кабинете, и она, с трудом поборов приступ тошноты, попыталась вежливо улыбнуться:

— Благодарю вас, я уже завтракала.

— Мы вас ждали с утра.

— Мы посетили господина церриона средней руки по его просьбе, — вмешался переводчик. — Он одарил мадам Кору долгой беседой.

Десципон вежливо поцокал языком.

Кора остановилась у запертой двери в пустой загон Небесного Ока.

— Я попрошу, — сказала она, — никого туда не впускать. Я там побуду одна.

— А переводчик? — спросил Мери, который всегда не вовремя вспоминал о своих обязанностях.

— Переводчик подождет здесь и будет следить за тем, чтобы в загон не попытался проникнуть посторонний. Вы меня поняли?

— Понял, — вяло ответил Мери, но настаивать не посмел.

— Вы дежурили ночью? — спросила Кора у полицейского.

— С двенадцати, — ответил тот.

— Кто-нибудь пытался проникнуть внутрь... или может быть были другие происшествия?

— Никто не проник, — ответил полицейский, из чего Кора сделала вывод о наличии попыток и обернулась к десципону.

Тот подергал себя за бороду и сказал:

— Странная ситуация, мадам. Незнакомый старался перелезть в Загон через решетку. Но полицейский заметил его и издал предупредительный крик.

— Издал предупредительный крик, — подтвердил полицейский и сложил губы трубочкой, словно хотел продемонстрировать этот крик специально для Кору. Кора отмахнулась.

— Что было дальше? — спросила она.

— Ничего, — ответил десципон.

— Скажите, — спросила Кора, — а можно ли проникнуть в Загон с тыла, со стороны пещеры или задней стены?

— Та дверь давно заколочена, — ответил десципон.

— Я проверил ее сегодня утром. Если кто-то и пытался бы войти внутрь, то у него ничего не вышло бы.

— Значит, будем считать, что никто до меня в клетке не побывал?

Десципон подошел к двери, извлек из кошелька на поясе большой медный ключ и повернул в замке. Полицейский внимательно смотрел на руку десципона. Кора оглянулась. За ее спиной стоял понурый Мери, который был удручен очередным унижением, дальше бухгалтерша и счетовод, знакомые по вчерашней вечеринке. Они поклонились Коре, она поздоровалась с ними.

Со ржавым скрипом растворилась дверь и Кора осторожно вошла внутрь, стараясь никоим образом не стереть следов, если таковые сохранились.

Дождей давно не было, поверхность бетонного загона была пыльной, но дракон, бродя по загону, все вытоптал — пыль сохранилась лишь в углах и за маленьким бассейном — вернее бетонным углублением метра в три длиной, достаточным для того, чтобы поболтать в нем кончиком хвоста.

В пыли Кора все же смогла разглядеть и сфотографировать следы мужских подошв. Она понимала, что от этих следов пользы может быть немного и пускай лучше ими занимается местная полиция — ведь уборщики и кормильцы бывали в Загоне по долгу службы.

У входа в пещеру находилась кормушка — бетонная ванна, заглубленная в землю. Эта кормушка и подарила Коре первые улики. Углубленное в бетон пола объемистое корыто было наполовину наполнено каким-то подозрительным на вид серым пойлом, либо жидкой кашей, в которой, как обнаружила Кора, пошевелив в кормушке валявшейся рядом палкой, плавали головы свеклы, морковь, картофелины, гнилой арбуз и обглоданные кости.

— И это пища гордых драконов? — подумала про себя Кора. — Я бы скорее повесилась."

Десципон, счетовод и другие сотрудники Загона толпились у решетки.

— Вы свободны, — крикнула им Кора. — Можете идти. Я приду к вам потом.

Зрители нехотя удалились, словно ожидали, что Кора извлечет из бассейна или корыта голову дракона.

Вокруг корыта пыль была истоптана, с последнего дождя в засохшей грязи сохранился отпечаток драконьей лапы чуть ли не метрового размера. На борту кормушки засохла каша, но давно ли это случилось, не угадаешь. Тем не менее Кора сфотографировала не только след лапы дракона, но также и следы различных мелких тварей, что подкармливались возле него — там были многочисленные следы ворон и воробьев, крыс и мышей.

Не исключено, подумала Кора, что в пище дракона можно будет обнаружить что-то интересное. По крайней мере, сыщик не имеет права упускать в расследовании даже малую возможность.

Кора достала из кармана на поясе тонкий пластиковый пакет и пробирку, которой зачерпнула пойло и, завернув в пакет, спрятала в пояс. В пойле мог содержаться яд или снотворное...

В этот момент Кора услышала голос из-за решетки:

— Госпожа Орват, госпожа Орват, вы меня слышите?

У калитки стоял толстый кормилец Аполидор в серой рабочей фуражке, со свернутым в большое кольцо шлангом на плече.

— Вы что, Аполидор? — спросила Кора, обрадованная появлением кормильца, потому что именно он сможет ответить на некоторые вопросы.

— Доброе утро! — кричал Аполидор. — Меня не пропускают в Загон.

Полицейский и в самом деле серьезно относился к своим обязанностям.

— Пропустите кормильца, — попросила Кора.

Полицейский с сожалением отступил в сторону. Аполидор втиснулся в калитку и поспешил к Коре. Он был удручен и потерял розовощекость и жовиальность вчерашнего дня.

— Какое несчастье! — воскликнул он. — Представляете, мы с Милочкой вчера ушли, я не хотел, чтобы она более оставалась в той пьяной компании. Поэтому я только сегодня утром обо всем узнал. Представляете, ко мне стучится сосед. Вы, говорит, слышали, о чем в газетах запретили печатать? Я спрашиваю — о чем же в газетах запретили печатать? Он говорит, весь город в ужасе, украли еще одного дракона, теперь наверное закроют Загон, и начнется война с Миандрией.

— Погодите, — перебила кормильца Кора, — почему война?

— У нас так считается: дракон подох, значит, — к войне. А у нас уже пять драконов пропало — значит будет мировая война, поэтому правительство и запретило публиковать. Все только об этом и говорят.

Странно, подумала Кора, поглядев в сторону административного корпуса. Оказывается, весь город знает о вчерашнем исчезновении дракона, а переводчик ничего не слышал?

— Для меня это был удар, — произнес Аполидор. И его веки покраснели и опухли, он говорил сбивчиво. "Может быть, этот человек привязан к драконам? — подумала Кора. — Жалеет их? Или просто боится за свое место?"

— Я знаю, — продолжал Аполидор, — что наши зверушки очень впечатлительны. Если что случится, они нервничают и никого к себе не подпускают. Только я их не боюсь — такая у меня натура. Не боюсь, и все тут. Так что я подумал: пойду в Загон, надо клетки чистить, чего-нибудь вкусенького драконам соорудить. Прихожу, а вы уже тут — я и обрадовался. Значит, теперь драконы в надежных руках, вы так дело не оставите. Правда?

— Я постараюсь, — Кора похлопала его по крутому, толстому плечу. — Я тоже вас ждала.

— Что? Я рад вам помочь, — кормилец смотрел на нее доверчивыми зелеными глазами, веснушки сбежались к носу, розовые полные губы готовы были либо улыбнуться, либо заплакать — как повернется дело.

— Мне хотелось бы поскорее получить анализ пищи дракона, — сказала она.

— Почему? — испугался кормилец. — Мы их кормим чисто, без вредного. Нет, я против.

— Послушайте, Аполидор, — сказала Кора. — Вы меня неправильно поняли. Я и без вас знаю, что драконов обкрадывают ради сотрудников Загона.

Аполидор потупился.

— Я знаю, что вместо нормальной пищи они получают пойло со свеклой.

— Но что я могу поделаться!

— Я сейчас беспокоюсь не о качестве пищи, я хочу узнать, не подмешано ли что-нибудь в нее.

— Этого не может быть! Я сам проверяю пищу.

— Но ведь вы ее не пробуете.

— Как только вы могли сказать такое! Не дай Бог!

— Значит в пищу могли подмешать снотворное или даже яд.

— Что вы говорите!

— Ведь не только вы имеете доступ к пище. Наверняка у вас есть какая-то кухня, где все это готовят, наверняка кто-то привозит сюда баки или кастрюли.

— Да, у меня есть два молодца, но они очень глупые.

— Вот видите. Значит мы с вами уже знаем несколько человек, которые могли подмешать что-то в еду дракона.

Аполидор недоверчиво покачал головой. Версия Кора ему совсем не понравилась.

— Наверное вы знаете о какой-нибудь лаборатории, — продолжала Кора, — где могут сделать анализ пищи. Вы же пользуетесь услугами ветеринаров?

— Наш ветеринар взял расчет, — сказал драконокормилец. — Уехал на море и не вернулся. Мне, говорит, своя голова дороже.

— Я могу попросить провести анализы моих коллег-полицейских. Но понимаю, что у драконов совсем иной метаболизм. Достаточно того, что их мясо ядовито для других живых существ. Поэтому лучше бы обратиться к специалистам по драконам.

Аполидор растерянно покачал головой.

— Тогда я поговорю с вашим десципоном, — сказала Кора. — Принесите мне какую-нибудь пустую банку. Я сама наберу поила из корыта.

Кормилец покорно пошел к выходу, но через несколько шагов остановился и обратился к Коре потное жалкое лицо:

— Конечно же! — воскликнул он. — Конечно вы

имеете в виду биохимическую лабораторию Второго Института. Правильно?

— Я совершенно не представляю, чем занимается лаборатория вашего Второго Института, — ответила Кора.

— Там работает профессор Ромиодор. Он все для нас сделает.

Переваливаясь, Аполидор побежал к выходу, где в служебной будке у него хранились нужные и ненужные вещи. Там он отыскал стеклянную банку. Кора заставила Аполидора вымыть банку чистой водой, и он побежал мыть банку к гидранту.

На всякий случай Кора скрыла от кормильца то, что сама взяла образец поила. Кормилец тоже входил в круг подозреваемых.

Возвратился он минут через пять, в сопровождении переводчика.

— Я все объяснил господину переводчику Меррони, — сообщил Аполидор. — Он знает. Он одобрил.

Аполидор сиял, словно сдал вступительный экзамен в консерваторию.

— Разумеется, — авторитетно сообщил старенький мальчик. — Это ведущая лаборатория по зоологии летающих позвоночных.

— Я бы хотела позвонить туда и поговорить с ее руководителем, — сказала Кора.

Мери помчался вперед, в административный корпус, и к тому времени, когда Кора подошла к телефону, он уже дозвонился до лаборатории и объяснил, в чем дело.

Заведующей лабораторией профессор Ромиодор был вежлив, но особого энтузиазма не проявил. Объяснил, что у его лаборатории и без того масса заказов. Но ради такого важного государственного дела он согласен сегодня же ночью начать анализы. Дня за два он сделает все, что можно. С драконами ему уже приходилось иметь дело...

В сопровождении полицейского Аполидор отправил-

ся в лабораторию, а Кора задержалась: ей хотелось поговорить с некоторыми работниками Загона.

Через час вернулся Аполидор, которому Кора разрешила вычистить клетку Небесного Ока.

К обеду она убедилась, что ничего нового в Загоне не узнает, а еще через два часа поняла, что там нет никаких подземных ходов и тайных выходов. По крайней мере таких, через которые можно вытащить настоящего дракона.

• • •

Вторую половину дня Кора провела в пустых хлопотах. Потом уже вернувшись в отель она подумала, что лучше бы послушалась совета переводчика и отправилась в экскурсию по городу и в музей.

Обычно Кора всегда находила время для посещения музеев. Еще старый профессор в полицейской школе учил: при международных поездках, когда к тебе прикованы взгляды миллионов простых людей, совершай поступки неожиданные, но полезные для твоего имиджа, т.е. репутации. Например, сходи в музей. Может у них в музее уже шесть лет ни одного посетителя не было — неважно, может там и лежат-то всего три каменных наконечника для стрел, дырявый котел и диаграмма роста промышленности — неважно! Пускай тебя обругает за это оппозиционная газета: "В то время, как все мы с нетерпением ждем, когда же наконец примется за дело хваленый детектив с Земли, он развлекается в музеях. Может быть завтра пойдет и в картинную галерею?" Ничего страшного. Вы печально усмехнетесь и назавтра пойдете в картинную галерею. Пускай злобствует пресса — общественное мнение уже на вашей стороне!

Кора в музей не пошла, а потащила соглядатая Мери сначала на грузовую локомобильную станцию,

затем на склады космопорта и даже заставила его выбирать вертолет, чтобы посетить съемки кинокартины "Полет дракона", так как Мери проговорился, что продюсер этого фильма предлагал Загону большие деньги за прокат дракона. Дирекция уже склонилась было к согласию, но второй десципон, который подписывал первого десципона, сообщил о сделке в министерство, справедливо указав, что вывезти на съемки дракона еще можно, а вот что они будут делать с ним в чистом поле? Как удержат его от полета? Представляете себе дракона, летающего над населенными пунктами и даже детскими садами? Чем, кроме зенитной артиллерии ты прекратишь его бесчинства? Ведь из исторических хроник памятно то время, когда драконы были сущим бедствием для земледельцев. Они похищали не только коз и баранов, но порой уносили коров. Детишки же и пастухи были их излюбленной пищей. До сих пор одной из главных достопримечательностей столицы, в чем Кора могла убедиться, является монумент в честь Дацимора Великолепного, который, спасая свое селение от особо настойчивого дракона, смог поразить его каленой стрелой в правый глаз, отчего дракон упал и разбился. Статуя позабавила Кору, потому что ни скульптор, ни отцы города, которые заказывали и одобряли монумент, не заметили в нем противоречия: Дацимор был изображен попирающим ногой дракона, но при этом он целится в небо из большого лука, то ли ожидая, что дракон вновь взвоется к облакам, то ли поджидая второе чудовище.

В киногруппу Кора и озверевший от мотаний по городу переводчик попали уже к закату. И сразу увидели, что на фоне зеленого неба по самому горизонту медленно шествует дракон.

Переводчик попытался на ходу выскочить из лимузина и скрыться в кустах. Потом он утверждал, что искал там телефон-автомат, чтобы вызвать войска для поимки дракона. Кора притормозила, а лимузин, конеч-

но, заглох. Дракон же, увидев машину, двинулся к ней, и Кора уже подумывала, не последовать ли примеру Мери, но тут примчался на мотоцикле ассистент режиссера и принялся кричать на Кору: она вошла в кадр, а пленки так мало, что снимают без дублей. Дракон приблизился, из него вылезли водители — он был смонтирован на старом грузовике и вблизи совсем не походил на настоящего.

Потом они выпили с режиссером, который жаловался на пленку, на сценариста, на запившего актера и неудавшуюся жизнь. Он боялся, что публика не пойдет смотреть фильм, в котором снимался самодельный дракон. Кора успокаивала режиссера, он хватал ее под столом за коленку и уговаривал сняться в эпизоде, переводчик сердился, убеждая, что пора в город, что надо добраться туда засветло, потому что Кора не умеет ездить по местным ночным дорогам. Кора не стала напоминать ему о прошлой ночи, которую провела в дороге. Но когда выяснила, что больше от режиссера никакой пользы не будет, села в машину, и они уехали.

По дороге Кора вспомнила, что песик Пончик, найденный ею на семнадцатой страже Загородного шоссе, не кормлен и не выгулян. При этом она высадила переводчика в центре города, а сама поспешила в гостиницу. И вовремя. Несчастный Пончик сделал большую лужу на дорогом гостиничном ковре, кроме того забрался, злодей, в сумку Кору и вытащил оттуда пластиковый пакет с образцами пищи для драконов — той гадости, которой их поил кормилец Аполидор. Пакет он разорвал, но несмотря на голод и отчаяние, много съесть не смог. Только разбросал по полу кусочки картошки и капусты, комочки каши...

Кора хотела было выпороть собачку как следует, но чувство справедливости восторжествовало: бить-то надо было хозяйку. Это она заперла утром малыша и даже с ним не попрощалась.

В первое мгновение пес обрадовался до полусмерти, поняв, что его не забыли. Он кинулся к Коре, стараясь подпрыгнуть так, чтобы лизнуть ее в подбородок. Но как только он почувствовал гнев Кору и вспомнил, в каком состоянии находится номер люкс, он принялся поджимать хвостик и отступать под кровать, откуда и повизгивал, пока Кора, не желая привлекать гостиничную прислугу, отмывала ковер и вновь собирала в пластиковый пакет образцы драконьей пищи.

Затем Кора смиловилась, развернула пакет с бутербродами, купленными в буфете, и счастливый Пончик выбрался из-под кровати, чтобы отдать должное доброте своей хозяйки.

А Кора поняла, что смертельно устала, и решила, что ничего страшного не случится, если она отправится спать раньше, чем привыкла. Но перед сном она все же позвонила в лабораторию профессора Ромиодора. Того не было — уже ушел, но его ассистенты продолжали исследовать представленные образцы, и какой-то милый женский голос обещал закончить все к завтрашнему утру. По крайней мере, с этим все в порядке, подумала Кора и решила: лягу, подумаю — что мы имеем, чего достигли, на что надеемся. Ведь по сути дела, следствие не сдвинулось с точки замерзания.

Кора разделась, улеглась в постель и зажгла лампу на столике у кровати.

За окном еще шумел город — раздавались крики разносчиков лимонада и пирожков, звенели трамваи, играла далекая музыка, цокали копыта лошадей. Пончик фыркал, разыскивая крошки столь скоро закончившегося пиршества... Такого в ее практике еще не было: украдены громадные животные, которых совершенно невозможно украсть. Спрятаны где-то, хотя их невозможно спрятать. Это похоже на волшебство, но Кора давно убедилась, что любое удачное волшебство основывается на научных открытиях или умелом и

необычном использовании того, что давно уже известно ученым.

Решение задачи, конечно, парадоксальное.

Может быть оно связано с какими-то неизвестными Коре местными обычаями или ритуалами?

С этой мыслью Кора заснула.

* * *

Проснулась Кора поздно. Болела голова — здесь чуть иное атмосферное давление, да и сила тяжести меньше.

Голова была тяжелая, мысли двигались кое-как, застревали в сосудах, не хотели вылезать наружу.

Наскоро умывшись, Кора позвонила в лабораторию. Может быть и не стоило начинать день с этого: надежды на успех было немного, да и что даст следствию обнаружение в пище снотворного или яда? Лишь наличие злого умысла. А Кора и без того знала, что во всей этой истории есть злой умысел.

Но Коре, честно говоря, некуда было больше звонить: никто не ждал ее звонков и не собирался ей помогать.

К тому же Коре хотелось думать, что ее интуиция правильно подсказывает ей, что именно в лаборатории будет найден первый след преступника — ведь он же местный житель и не привык к тому, чтобы полиция отправляла на анализ пищу драконов.

Кора набрала номер. Откликнулся тот же милый женский голос, что и вчера вечером. На этот раз он звучал иначе. Видно от усталости.

Кора представилась.

— Пришел ли профессор? — спросила она.

— Да, — ответил милый голос. — Одну минуточку.

Профессор отозвался почти сразу. И не дал Коре задать вопроса:

— К сожалению, — скорбным тоном произнес профессор Ромиодор, — у нас случилось несчастье.

— Несчастье?

— Да. Ночью какой-то негодяй...

— Все ясно, — сказала Кора. — Ночью какой-то негодяй залез в вашу лабораторию и похитил документы, в которых зафиксированы результаты анализов.

— Не совсем так, дама Орват, — сказал профессор.

— Похищены не документы, а сами образцы пищи.

— Но вы успели провести анализ?

— Понимаете, вчера был короткий день, я уехал за город, а мои ассистенты успели только определить пищевой состав жидкости, то есть ее составляющие...

— Я бы могла это сделать и без их помощи: свекла, картофельная кожура, овсянка и еще черт знает что.

— Вот именно, — сухо ответил профессор. — Вот это "черт знает что" и требовало определения. Как мы могли узнать, что в пищу добавлено нечто лишнее, если мы не знали, из чего она состояла с самого начала?

— Значит у вас ничего не осталось?

— Ассистенты ждали моего приезда, чтобы начать конкретную работу.

— А как случилось ограбление? — спросила Кора.

— Ну, как вам сказать... забрались. У нас же это просто.

— Вы сообщили в полицию?

— Чем она поможет...

Профессор отвечал как-то вяло и скучно, словно хотел поскорее закончить разговор и вернуться к своим любимым занятиям. Но Кора этого допустить не могла.

— Сейчас я к вам выезжаю, — сказала она. — Ничего не трогайте.

— Не надо! — услышала она голос профессора, но повесила трубку, не ответив ему.

Переводчика внизу не было видно: наверное еще

спал после тяжелого вчерашнего дня, а то и вообще решил больше не связываться с сумасшедшей земной агентшей.

Лимузин долго не заводился. Кора открыла капот: оказалось, что состояние двигателя оказалось схожим с ситуацией в драконьем загоне — только пахло иначе. Она протерла и зачистила контакты — потеряла на этом минут пятнадцать.

Дорожный полицейский узнал Кору по портрету в газете: он был любезен к коллеге и показал, как проехать ко Второму институту.

Институт оказался вполне солидным учреждением — Кора полагала, что увидит очередную запущенную развалюху, а остановила лимузин перед железными воротами в высокой бетонной стене, по верху которой были протянуты провода.

Кора дала сигнал — никто не ответил. После второго сигнала из проходной рядом с воротами выглянула злая рожа в фуражке и сообщила, что без пропуска въезд воспрещен.

Кора оставила лимузин снаружи, а сама прошла в будку и попросила мрачного охранника позвонить профессору Ромиодору по телефону. Тот наотрез отказался — нет пропуска и нечего разговаривать. Конечно, Кора могла бы скрутить этого стража, но сейчас в этом не было смысла.

— Профессор ждет меня, — сказала она внушительно, но без злобы. — Он только что со мной разговаривал.

— Не знаю.

— Тогда я позвоню от вас в город.

— Не положено.

— Но профессор ждет меня!

— Это внутренний телефон.

— Ладно, — сказала Кора, делая вид, что капитулирует. — Нельзя — так нельзя. А скажите, во сколько сегодня ночью было ограбление?

— Ограбление? — страж был поражен. — У нас ограблений не бывает.

— Вы в котором часу заступили?

— Не велено отвечать, — спохватился страж.

Он и в самом деле мог не знать, если у них пересменка утром, подумала Кора.

Время шло впустую. Впрочем, этот институт может оказаться центром расследования — и все, что связано с ним, полезно запомнить.

Кора покинула будку охранника и вернулась к машине. Охранник вышел на порожек будки, чтобы не терять Кору из вида. Любопытно, подумала Кора, какое здесь безлюдное место: за пять минут, пока я спору с охранником, никто не вошел и не вышел из института.

Сев в машину и отвернувшись от стражника, Кора включила свой браслет с голубыми камешками — единственное дамское украшение, с которым она никогда не расставалась.

Браслет пискнул, сообщая, что готов к работе. Кора вышла на связь с центральной телефонной станцией, без ведома телефонисток подсоединилась к правительственному каналу и набрала личный номер цериона средней руки. К счастью, министр культуры был на месте.

— Вы меня узнаете? — спросила Кора.

— Разумеется, госпожа Орват, — откликнулся министр энергичным голосом человека, который перед службой пробегает рысцей четыре километра. — У вас трудности?

— Вы, как всегда, прозорливы, — сказала Кора. — Я нахожусь перед Вторым биологическим институтом. Вам такой известен?

— Разумеется. Я знаком с профессором Ромиодором.

— Вчера я отдала на анализ в его лабораторию важный для следствия препарат. Когда позвонила сегодня

утром, чтобы узнать результаты анализа, мне сказали, что ночью в лаборатории совершена кража. И украли именно мой препарат.

— Если не секрет, то что из себя представляет препарат?

— Пища, которая находилась в Загоне для дракона в тот момент, когда он пропал.

— Чудесная пожива для грабителей!

— Кому-то не хотелось, чтобы в лаборатории эту пищу исследовали.

— Искали яд?

— Или снотворное.

— Так что же вам надо, госпожа Орват?

— Я приехала сюда, к институту. Меня не пускают и у меня есть основания полагать, что профессор Ромиодор не горит желанием со мной встретиться.

— Дорогая дама Орват, — ответил церрион. — Как вы понимаете, я не имею власти над биологическим институтом и его профессорами. Как вы считаете лучше поступить — позвонить директору и попросить его от моего имени или связаться с церрионом светлого знания, который курирует институт?

— Мне все равно, министр, — ответила Кора. — Мне хотелось бы чтобы меня впустили в институт и я бы сама увидела, как все произошло...

— Хотите понять, кому могло понадобиться это воющее пойло?

— Значит вы знаете, чем кормят национальную реликвию — последних драконов Лиондора?

— Я подписываю счета Загона. И могу приблизительно подсчитать, сколько они там воруют. К сожалению, я могу печалиться, устраивать разномыслия, но бессилен изменить систему. Вы не представляете, до чего тяжелое у нас экономическое положение!

— Представляю, — ответила Кора. — И жду вашей помощи.

— Сейчас будем нажимать на кнопки, Кора, — зая-

вил министр. — И поглядим, есть ли еще порох в пороховницах. А вы далеко не отходите.

Ждать Коре пришлось недолго. Минут через пять железные ворота, гроыхая, раскрылись — за ними стояло несколько стражников, готовых впустить в институт неприкасаемую Кору. Стражник, который только что поносил и унижал Кору, выбежал из будки и вытянулся, взяв под козырек. Сам профессор Ромиодор в сопровождении двух ассистенток — одна другой грудастее — спешил по широкому двору навстречу лимузину.

Кора затормозила и надела темные очки — это был психологический трюк, который давал ей преимущество человека, которому нельзя заглянуть в глаза. В то же время видеокамера, спрятанная в оправе очков, фиксировала интерьер института и лица его сотрудников. У ИнтерГпола есть обычай — снимать по возможности все те учреждения, заведения или лаборатории на других планетах, вход в которые запрещен. Порой вход запрещен по соображениям разумности, а порой, потому что местным властям хочется спрятать что-нибудь порочное от глаз галактической общественности.

Профессор показался Коре знакомым — он был упруг, брюхат и оживлен. Зеленые глаза излучали искреннюю радость по поводу встречи.

— Госпожа Орват! — воскликнул он издали. — Ну как же так! Ну зачем же такие сложности! Мы же не чужие люди!

Кора открыла дверцу лимузина и ступила на плиты двора. У нее была возможность оглядеться и зафиксировать трехэтажные корпуса института, окружающие площадь перед входом. Узкие окна первого этажа были забраны толстыми решетками, двери в корпуса были стальными с глазками, под крышами корпусов виднелись холодные глаза телекамер — а если учесть, что телевидение на планете еще не было изобретено и приемниками пользовались только представители элиты, то

пнятно было, что институт находится под высоким покровительством.

— Вы не советовали мне сюда приезжать, — ослепительно улыбнулась Кора, — вот я и приехала.

— Искренне рады! Наш совет не спешить с приездом был вызван лишь нежеланием занимать ваше драгоценное время пустяками. Уже выяснилось, что никакого ограбления и не было... Ах, как мы бываем порой легковверны!

Директор института повел Кору ко входу. Ассистентки семенили сзади, охранники замыкали шествие. Кора обратила внимание на то, что профессор не соблюдает формальностей в одежде — на костюм, состоящий из куртки и синих брюк, он набросил голубой халат. На волосах — голубая же шапочка, как у хирурга. Подобным образом были одеты и ассистентки.

За стальной дверью обнаружился тамбур, где пришлось задержаться, пока шла дезактивация одежды.

— Мы биологи, — доверчиво объяснил профессор. — Мы имеем дело с различными мелкими организмами, называемыми бактериями. Это — болезнетворные существа, от которых следует оберегать результаты наших опытов.

— Спасибо, профессор, — сказала Кора. — Я где-то об этом уже слышала.

Профессор обезоруживающе улыбнулся.

— Порой приходится приводить в институт чинуш, всяких начальников. Вы же понимаете... считайте, что я забылся! Облучение, которому нас сейчас подвергают, безопасно для здоровья. Я облучаюсь порой по пять раз на дню и вот — жив и даже склонен к полноте.

И тут Кора сообразила, кого он ей напоминает: конечно же драконокормильца. Словно они братья. Спросить об этом? Успеется...

Профессор повел Кору по длинному коридору.

— Куда мы направляемся? — спросила Кора.

— Ко мне в кабинет, — сообщил профессор. — Вы

немного передохнете, мои девушки принесут нам прохладительные напитки.

— Простите, но мне хотелось бы понять, что же у вас произошло?

— Просто неосмотрительность. Глупейшая беспечность. Уборщица, представляете, ночная уборщица увидела миску с этим самым... с кормом для драконов. И решила, что это — помои. Вот и вылила в канализацию! Какая жалость. Мы уже начали предварительные исследования. Должен сказать, что уже имею полное право написать докладную записку президенту о недопустимом воровстве в Загоне для драконов. Вы можете представить, что в образце пищи, который вы нам представили, вообще не оказалось мяса, если не считать полностью обглоданных костей. Вы мне не верите?

— Верю. А где сейчас эта ночная уборщица?

— Да, кстати, где эта ночная уборщица?! — грозно крикнул профессор.

— Где ночная уборщица? — прокатилось по коридорам, перелетая с этажа на этаж, забираясь в подвалы, превращаясь в переспросы, в недоумения, в повторы: "Где ночная уборщица? . . ."

— Она уволилась, — сообщила наконец одна из полногрудых ассистенток.

— Ой, я виноват! — профессор Ромиодор даже схватился за сердце. — Конечно же, это моя вина. Я не сдержался и глубоко оскорбил эту достойную, но туповатую женщину.

— Она плакала, уходя от нас? — обратился профессор к другой ассистентке.

— Не знаю, — пискнула та. — Я не видела.

— Она горько рыдала, — ответила первая ассистентка. — Она говорила, что за десять лет не совершила ни одной ошибки, не допустила ни одного непослушания, и вот — такое отношение! Простите, господин профессор, но так и было!

— Да, моя вина! Или, как говорили некогда древние римляне: "меа culpa!" Я правильно цитирую ваших предков?

Коре так хотелось сказать: "Вы уничтожили единственную улику и затем убрали свидетельницу!"

Но Кора сказала иначе:

— Я попрошу дать мне адрес вашей ночной уборщицы.

— Ну зачем же, зачем? Она ничего не знает!

— Ничего не знает! — вторили ассистентки.

— Вы не вернете это пойло, — сказал профессор. — В котором вернее всего ничего не было.

— Я бы хотела увидеть ночную уборщицу.

— Давайте сделаем иначе, — сказал профессор. — Давайте позвоним в Загон драконов. Там драконокормильцем трудится мой двоюродный брат. Может, вы встречали его — магистр Аполидор?

— Да, я имею счастье знать его.

Вот откуда это сходство! И никто из этого не делает тайны. Впрочем, какая здесь может быть тайна?

— Аполидор добудет для нас настоящее драконье пойло.

— И все же я хотела бы увидеть ночную уборщицу, — тупо повторила Кора.

— Ну что ж, упрямство свойственно женщинам, — осуждающе сказал профессор. — Мы постараемся это для вас устроить. Марианна, найди номер телефона той несчастной женщины. Валентина, соедини меня с Загоном драконов, вызови к телефону магистра Аполидора. — Ассистентки, взвизгнув от усердия, умчались выполнять приказы.

Профессор открыл дверь в небольшую, спартански обставленную, но очень чистую комнату.

— Это мой кабинет. Здесь мы с вами подождем результатов нашего расследования. Заходите, заходите. Вы не думайте, что я на вас обижен, хотя вы, конечно

же, нарушили всю работу моего института, сорвали нам творческий день. Одного этого достаточно для того, чтобы выслать вас с нашей планеты. И у меня, признаюсь вам честно, есть такие возможности.

— Ой, ой, ой! — сказала себе Кора. — Глазки у нас преобразились — они уже не такие веселые и добрые, как у вашего кузена, и щечки подобрались, и губки поджались. У вас есть характер, господин профессор, и я вам сильно мешаю”.

— А чем вы тут занимаетесь? — спросила Кора, глядя на профессора во все глаза. Взгляд был женский, сверкающий и немного томный. Пред ним не могли устоять даже великие аскеты и женоненавистники. А профессор к таковым не относился. Так что он чуть-чуть обмяк и если не подобрел, то по крайней мере потерял запал злобы.

— Мы работаем... когда нам не мешают... дамы! — это уже было отступление.

— Я тоже работаю, — нежно произнесла Кора. — Я специально прилетела сюда, чтобы провести работу, которая оказалась не по плечу вашим бравым мужчинам.

— Один-ноль в вашу пользу, — усмехнулся профессор. — Мы здесь занимаемся генетически-биологическим конструированием. Вы слышали о таком на Земле?

— Слышала и видела результаты, — сказала Кора. — Но не предполагала, что на вашей планете может быть такой институт.

— Ну, институтом нас назвать трудно, — сказал профессор. — Так, лаборатория. Сам я учился в Галактическом центре, Кембридже, Кавендише и других ведущих научных центрах Галактики. Оборудование у нас тоже привозное... Ведь живем мы в древней, но бедной и экономически отсталой стране. Нам очень мешают демократы. Все время хотят реформ, что расшатывает нашу и без того подорванную экономику.

— Чем подорванную?

— Ах, это долгий разговор! Вы не представляете, какой у нас народ! Никто не хочет работать! Три недели не можем найти ночную уборщицу! Кто будет работать в обстановке секретности за жалкие двести сорок?

Кора хотела пропустить мимо ушей оговорку о ночной уборщице, но профессор сам спохватился.

— Вы думаете, я имею в виду ту самую ночную уборщицу? Нет, я имею в виду уборщицу в третьем корпусе, вон в том, понимаете?

— Понимаю.

— Вот мы и морочим головы начальству, то есть стараемся помочь народному хозяйству. Кое в чем... Ну и что?

Последние слова относились к вошедшей ассистентке.

— Ваш кузен на проводе, господин профессор, — сказала она.

— Ну вот, сейчас ваши проблемы будут решены, — произнес профессор. — Слушаю! Это ты, Аполидор? Аполидор, дорогой, тебя беспокоит твой кузен Ромиодор. Ну и как дела? Как Мелочка? Здорова? Я из института. Да погоди ты, не перебивай. У меня сидит дама Кора Орват. Знаешь такую? Вот и она тебя знает. Передать привет? Обязательно передам. Госпожа Кора очень нами недовольна. И за дело, да, за дело. Представляешь, эта идиотка, ночная уборщица приняла ваше пойло за пойло! — профессор отсмеялся своей шутке и продолжал: — Да, вылила в канализацию. Нет, не бойся, я надеюсь, что в канализации *это* рассосется.

Кора насторожилась. Эта была вторая оговорка, и если первая могла быть сознательной, чтобы подразнить Кору, то эта была вызвана вопросом Аполидора. И вопрос мог звучать примерно так: "А ты не боишься, что зараза вырвется на свободу?" А профессор считает, что в канализации *это* рассосется.

— Нет, — продолжал профессор, — не перебивай меня. — Мы с госпожой Корой просим тебя: возьми еще пошла из той кормушки и привези сюда. Мы быстренько проведем экспресс-анализ. Как так нет? Почему все вымыли? Ну и что, если воняет! Ты понимаешь, что ты уничтожил вещественные доказательства?

Голос директора трепетал от искреннего возмущения. Вот теперь-то он нашел, на кого свалить вину.

Кора понимала, что Аполидор совершенно прав. Какого черта он должен держать посреди Загона источник вони и заразы? Для чего беречь эту помойку?

— Я возмущен! — воскликнул директор еще раз и кинул трубку.

Он поглядел на Кору бешеными глазами и добавил:

— Ни на кого нельзя положиться.

— Но ведь Аполидор — не ваша ночная уборщица, — сказала Кора. — Какие могут быть к нему претензии?

— Вы не понимаете! — рявкнул директор, но осекся. Он не был дураком и не хотел таковым показаться. Если трюк не удался, он сейчас придумает другой.

И другой трюк не заставил себя ждать.

Появилась вторая ассистентка.

— Господин директор, — пропела она. — Ночную уборщицу не могут найти. Соседи говорят, что она утром взяла билет на дилижанс и поехала отдыхать неизвестно куда.

— И правильно сделала! — воскликнул директор. — Я же ее уволил. Пускай теперь отдыхает.

Он поглядел на Кору, словно победил ее в шашки.

— Я же предупреждал: никому нельзя верить.

Кора понимала, что может сейчас предпринять поиски уборщицы, хотя скорее всего это существо легендарное и в лаборатории отлично обходятся без ночной уборщицы. Потратит она несколько дней, в лучшем случае найдет в какой-нибудь деревне старуху, которую наняли, чтобы сыграть роль уборщицы.

Но ведь это никак не продвинет расследование. А вот противники Кора совершили глупейшую ошибку, поторопились, недодумали. На их месте она бы сделала липовую справку: все анализы в норме, ничего подозрительного в пище не обнаружено. Кому понадобилась эта инсценировка с ночной уборщицей? Вернее всего они не ожидали, что Кора займется расследованием в лаборатории.

... Кора замерла, как пораженная молнией: Боже мой, где Пончик?

— Вы меня слушаете? — донесся до нее голос директора.

— Да, мне все понятно, — сказала Кора холодно. — У меня нет оснований не доверять вашим словам, хотя другой на моем месте наверняка бы усомнился в существовании ночной уборщицы. Но это дело местной полиции. Мое дело — сообщить о происшествии...

— Но ведь не было никакого происшествия!

— Для вас не было. Для меня это называется преступным уничтожением вещественных доказательств.

— Чепуха! Ничего подобного!

— Мне пора, профессор.

Профессор глубоко вздохнул. Он взял себя в руки.

— Вы не хотите осмотреть наши лаборатории? У нас нет секретов, мы рады показать вам свои скромные достижения, — произнес он голосом цивилизованного хозяина.

— Спасибо, в следующий раз, — ответила Кора. Она совершила сейчас должностной проступок — она обязана была заснять все помещения института. Но отлично понимала, что ей покажут лишь то, что захотят показать, то, что показывают необразованным государственным деятелям, дабы выбить новые ассигнования. Важнее всего, как требовала интуиция и весь профессиональный опыт, было попасть в гостиницу! Найти песика. Узнать, жив ли он?

К вящему удивлению профессора, Кора потеряла интерес к ночной пропаже и к самому институту. Он проводил Кору до порога и с удивлением смотрел, как она села в лимузин и выехала с территории. Тогда он поспешил к телефону.

* * *

Переводчик маялся возле входа в гостиницу — что-то ему не доложили, и он потерял след Кору. Вот и вынюхивал на асфальте, подгибая тонкие волосатые ноги. Завидев лимузин, он возрадовался.

— Я завтрак заказал! — закричал он, опережая швейцара и открывая дверцу лимузина. Кора автоматически сунула ему в руку монетку, и переводчик сначала удивился, но потом монету спрятал. — Я заказал на завтрак омлет!

Ну, просто — молодая жена, впервые приготовившая повелителю завтрак!

— Спасибо, — сказала Кора, запирая машину. — Подождите меня в ресторане. Мне надо подняться в номер.

— Зачем?

— А вот это вас, любезный, не касается.

— Я не понимаю, Кора, — возмутился переводчик.

— Вы уезжаете с утра, не поставив меня в известность, а ведь я из-за вас могу выговор схлопотать!

— Хлопочите.

— Вы пользуетесь моим хорошим отношением, можно сказать послаблением. Вот уберут меня, дадут вам другого переводчика, тогда попляшете.

Переводчик открыл дверь в гостиницу и пропустил Кору вперед.

— Может, он хотя бы выучит русский язык, — сказала Кора. — Никакого труда в этом нет. Надо сесть и позаниматься.

— У меня другое призвание! — отпарировал переводчик. Кора остановила ладонью его движение к лифту. Переводчику пришлось повернуть в ресторан.

Кора поднялась на свой этаж, добежала до номера.

— Пончик! — позвала она через дверь. — Как ты там без меня?

Показалось ли ей, что Пончик откликнулся?

Ключ как назло не поворачивался, и еще минута была потеряна на открывание двери.

Кора вбежала в номер. Пончика не было видно.

— Где же ты, собачка?

Кора встала на колени и заглянула под кровать. Под кроватью было темно, но никаких следов собаки. Только тут Кора догадалась, что не открыла штор.

Она потянула за шнур, но слишком сильно. — шнур оторвался, а шторы остались на месте. Черт побери, надо взять себя в руки! Кора потянула шторы в разные стороны, забросила их края на спинку кровати — стало светло. Но это не помогло — Пончика все равно не было.

Тут Кора сообразила, что в номере побывала горничная и при уборке обнаружила собаку. А так как собакам нечего делать в номерах люкс, то Пончика выкинули из гостиницы.

Кора взяла трубку и позвонила вниз, к портье.

— Вас беспокоит дама из четырнадцатого номера. Сегодня утром у меня была собака. Маленькая, светлорыжая, с длинной шерстью, очень живая. Сейчас я вернулась, а собачки нет. Где собачка?

— Собачкам в номерах быть не положено, — ответил портье. — А положено лишь собственным животным с регистрацией и за особую плату.

— О плате и регистрации мы договоримся как надо. А сейчас мне нужно, чтобы собаку возвратили. Где моя собака?

— Я тут же наведу справки, — портье испугался тона высокой дамы с Земли. — Я сейчас же спрошу — горничные еще в номерах.

— Но к вам собаку не приводили?

— О, нет!

— Если с собакой что-то случится, вся ответственность ляжет на вас. И, предупреждаю, большая ответственность. Не хотела бы я оказаться на вашем месте.

— Не вешайте трубку, мадам, я вижу старшую горничную...

Прижав трубку ухом к плечу, Кора достала со столика у кровати свою косметичку, извлекла оттуда пилку и занялась приведением в порядок ногтей. Обычно это ей помогало организовать мысли.

Собачка исчезла. Неужели оппозиция настолько проникла в планы и мысли Кору, что догадалась о роли собачки в расследовании? Судьба уготовила собачке участь подопытного кролика. Именно Пончик на семнадцатой страже дегустировал предполагаемое драконье мясо, именно Пончик взял на себя пробу корма для драконов... и исчез.

Фантастические мысли проносились в голове Кору. Может ли хотя бы теоретически существовать средство, которое растворяет живые организмы? Ведь сейчас голос портье произнесет: "Никто не заходил к вам в номер, никто не видел вашей собаки, ни светлой, ни длинношерстной".

— Простите, мадам, вы меня слушаете? — спросил портье.

— Я здесь.

— Я только что говорил со старшей горничной. Она сама убирала ваш номер. Никакой собачки она не видела.

— Она могла ошибиться?

— Я полностью доверяю старшей горничной. Она работает у нас двадцать лет без единой жалобы.

— Спасибо, — сказала Кора, — я удовлетворена.

Разумеется, никакой собачки не было. Средство растворяет драконов и собак, недаром его так тщательно

уничтожили во Втором институте. Участвует ли профессор в преступлении? Или руководит им?

Но зачем уничтожать драконов, растворять их? А может — делать невидимыми?... Делать невидимыми? Конечно, это чепуха — не могла же Кора находиться в загоне с драконом и не заметить его присутствия?! Нет, конечно... и все же Кора решила еще разок позвать песика.

— Пончик, — сказала она тихо и по мере возможности нежно, — выходи, дурачок. Где ты прячешься, бедный мой?

Кора замолчала, прислушиваясь — не пробежит ли рядом невидимый песик?

Ей показалось, что она слышит лай. Далекий-далекий. Откуда он донесся? Снаружи? С крыши дома на той стороне улицы?

Очень тихий, очень далекий и робкий лай не был плодом ее воображения. Песик звал ее!

Кора поднялась. Лай замолк, только зашуршала мышь...

Стойте!

Кора осторожно опустила на корточки. Она медленно поворачивала голову.

Все верно!

Вот он, Пончик. Вот он, бедненький, жертва диких экспериментов!

Песик размером чуть меньше сантиметра присел под свисающим покрывалом, готовый нырнуть под кровать, если громадное тело так выросшей за ночь хозяйки приблизится к нему, чтобы, не заметив, раздавить.

Вот в чем таилась загадка пропавших драконов!

Как все просто!

Кончиком пальца Кора дотронулась до присевшего в ужасе Пончика и постаралась погладить его так, чтобы не причинить несчастному животному боли. Собачонка попискивала, но только тонкий слух Кору мог уловить этот комариный звук.

Вся схема преступления, простого и своеобразного, выстроилась в сознании Кору.

В Лиондоре, где-то, допустим во Втором институте у профессора Ромиодора был разработан молекулярный минимизатор — работы в этом направлении ведутся на многих планетах, с удивительными, зачастую непредсказуемыми результатами. Причем, насколько Коре было известно, кое-где минимизаторы реально действовали, то есть уже существовали живые организмы, у которых расстояния между атомами в организме были в пятьдесят или сто раз меньше, чем у нормальных особей.

Кора огляделась в поисках хранилища для Пончика. Как назло — никакой коробочки, ларца или плотного пакета...

— Придется тебе потерпеть, — произнесла Кора. Она прошла в туалет, взяла там стакан, в котором стояла зубная щетка, положила на дно несколько слоев туалетной бумаги, потом отыскала спрятавшегося под кровать Пончика, перенесла его в стакан, а стакан поставила на шкаф, так, чтобы снизу не увидели. Если не будет тщательного обыска, то Пончик в безопасности. И он еще сыграет свою роль.

Что ж, преступление разгадано, подумала Кора, снова опускаясь в кресло и вытягивая ноги. В пищу дракону вы подсыпаете минимизатор — и дракон становится маленьким... Погоди, погоди! — Кора вскочила и кинулась к столу, на котором лежала кипа фотографий, сделанных ею в загоне Смирного. Она извлекла из пачки те, на которых запечатлела следы птиц и мышей на корыте и вокруг него. Ну конечно же, это не птичьи следы — это следы дракона. Вот те его следы, которые она приняла за вороньи, а вот и те, что сочла голубиными. Значит, дракон уменьшался постепенно, проснулся, побежал, хотел спрятаться — но тут пришел злодей и засунул его в сумку. Какого размера стал дракон? Если Пончик длиной меньше

сантиметра, то при уменьшении от пятидесяти до ста раз дракон станет крылатой ящерицей длиной сантиметров в двадцать-тридцать. Что ж, не такое уж и маленькое существо. Дракон в фут длиной может больно искушать...

Кандидат в злодеи был один. Или почти один — кормилец Аполидор. Может, даже с помощницей — девочкой Мелой, которая не любит драконов. Хотя нельзя исключить и других сотрудников зоопарка. Но Кора не видела смысла в том для обоих десципонов и тех тружеников Загона, которые с пропажей драконов лишились работы. А вот Аполидор — другое дело. Он — родственник профессора... Следующий вопрос: зачем все это делается?

И тут оказалось, что Кора, разгадав преступление, недалеко продвинулась вперед. Она знала, как крадут драконов. Их уменьшают и потом уносят в мешке. А что дальше? Опять предположения, не подкрепленные ничем? Ты считаешь, что их уносят во Второй институт для генетических опытов, которые проводит тщеславный профессор? А где доказательства? Вы здесь чужая, Кора Орват. Ваше слово немного стоит. Тебя поднимут на смех и даже собачка Пончик, польстившаяся на драконью похлебку, тебе не поможет.

Выход один — на несколько часов придержать открытую тайну — не делиться ею ни с кем.

Нужен союзник. Лучший и единственный союзник — комиссар Милодар, который дал Коре это задание. Но Милодар далеко и ради поиска почти вымерших драконов он сюда не прилетит, даже не пошлет свою голограмму. Ее работодатель здесь — церрион средней руки, министр культуры. Ему, и только ему, она готова рассказать о том, что знает. А что если он ей не поверит? Доказательств в виде мелких драконов у нее пока нет. А ведь церриону нужны именно драконы, а не собака Пончик. Значит, Кора должна затаиться — хоть ненадолго. Теперь она знает, как выглядят сегодня драконы.

У нее появились шансы поймать преступника. Но если преступники догадаются о ее открытии, им нетрудно будет замести следы.

... Телефон заливался уже минуты две.

— Что такое? — спросила Кора, включив экран.

— Я был убежден, что вас украли или убили, — дрожащим голосом ответил переводчик. — Нельзя же так, Кора! Каша остыла.

— Какая каша? Ах, каша... завтрак. — И Кора улыбнулась при мысли о том, насколько глупым кажется слово "завтрак" человеку, который только что с помощью песика Пончика распутал одно из самых удивительных преступлений в Галактике.

На дне сумки Кора отыскала несколько крошек от печенья. Она кинула их в стакан с собачкой.

— Потерпи пока, — велела она песику. — При первой же возможности я тебя накормлю как следует.

Тут Кора увидела муху и, подкравшись, прихлопнула ее. Оглушенная муха также попала в стакан с песиком, хотя Кора не была уверена, что очень маленькие песики едят комнатных мух.

Затем Кора спустилась вниз. Переводчик был вне себя от нетерпения и обиды.

— Вы меня совершенно игнорируете, — заявил он.

— Я уж не знаю, кому жаловаться.

— Жаловаться, Мери, вообще не следует, — объяснила Кора. — Я главное вас и потому всегда права. Пошли завтракать!

Официант узнал Кору и принес ей горячий завтрак — так что стенания переводчика оказались лишними. Переводчик сидел напротив и с отвращением глотал кофе — только потому, что в цивилизованной Галактике по утрам пьют кофе.

— Где вы были утром? — спросил он.

— Тебя не информировали? — удивилась Кора.

— Меня никто не информирует, — ответил перевод-

чик. — А вот я обязан информировать о каждом вашем шаге, иначе меня выгонят с работы.

— Тогда записывай, — сказала Кора. — С утра я побывала во Втором институте и провела там местное расследование.

— Вы? Там? Но это же особый объект.

— Ты забыл, что мы туда отдали на анализ пищу дракона?

— Я понимаю, — сказал переводчик. — Но как вас туда пустили без меня?

— Я позвонила куда надо и нажала на нужные кнопки. У меня есть опыт по этой части. Профессор Ромиодор принял меня и долго со мной беседовал.

— О чем?

— О том, что препарат, который мы ему оставили, пропал.

— Этого не может быть! Институт охраняется, как президентская спальня!

— Я сказала профессору то же самое. Но они были упорны.

— Вот видите, как плохо, что меня с вами не было. Я бы позвонил господину церриону и уладил все ваши проблемы.

— Господин церрион о многом догадывается.

— Но это безобразие! Они же уничтожили улику!

— Мери, вы делаете успехи. Я тоже это заподозрила.

— Значит, мы так и не знаем, что было в драконьей пище?

— Не знаем.

— Тогда я позвоню в Загон. Может, там что-нибудь осталось?

— Молодец, мой юный помощник! Но наш знакомый драконокормилец все вычистил. Впрочем, я его не виню — кто-то должен был это сделать, а то бы зверинец задохнулся.

— И что мы будем делать?

— Вот это мудрый вопрос. Наверное, мы с тобой будем действовать.

* * *

Перед тем, как действовать, Кора поднялась к себе, достала со шкафа стакан, где неслышно попискивал песик, положила туда кусочек мягкой булочки, затем позвонила в министерство церриону по внутреннему телефону. Церрион подошел сразу. Он был рад, что Кора позвонила, он надеялся, что вскоре у нее будут важные новости. Когда и как можно будет связаться с министром, спросила Кора, и, если нужно попросить срочной помощи?

Министр ответил, что завтра он улетает с государственным визитом за рубеж, но вечером и ночью будет дома — так что в любой момент он к услугам Кору.

Тон и искреннее дружелюбие министра несколько успокоили Кору — а то она чувствовала себя совсем одинокой.

Она повесила трубку и услышала быстрое дыхание.

В дверях стоял переводчик. Он переминался с ноги на ногу, как мальчик, которому не терпится в сортир.

Кора не успела ему выговорить за то, что он входит без стука, как переводчик напустился на нее с обвинениями:

— Почему за моей спиной? — спросил он горько.
— Почему сразу к министру! Неужели нельзя этого сделать через меня и сказать этим, как вы мне доверяете!

— Но я вам не доверяю, — ответила Кора. — Никаких оснований доверять вам у меня нет.

— Зачем вам надо к нему?

— По простой причине — я догадалась, каким образом пропадают драконы.

— Уже?

— Неожиданный вопрос, — засмеялась Кора. — Вы должны были спросить: как?

— Как? Как пропадают драконы?

— Первым об этом узнает церрион средней руки. Затем я передам информацию в полицию.

— А я?

— Не поняла.

— А я почему не первый? — на глазах пожилого мальчика показались слезы. — Неужели вы не понимаете, что для меня это уникальная возможность сделать карьеру! Меня бы заметили, а это — верная дорога в референты. И зачем только я вас встретил, неблагодарная!

Переводчик был искренно возмущен.

— Погодите, не рыдайте, — оборвала его стенания Кора. — У меня для вас более важное задание. Поезжайте, пожалуйста, в зоопарк.

— В Загон?

— В зоопарк, Загон, драконник — все равно! Поезжайте туда и не спускайте глаз с клеток с оставшимися драконами. Вы отвечаете за то, чтобы к драконам не приблизился никто из посторонних. Если же к ним приблизится сотрудник Загона, записывайте, ставьте время посещения, цель посещения и время, которое проведено им внутри загона.

— А какой сотрудник приблизится? — спросил Мери.

— Это может быть уборщик, драконокормилец или даже десципон. Мне все равно, кто!

— Слушаюсь, дама, — обрадовался переводчик. Он стремился к доверию, и такое задание означало возвращение доверия.

— Но ни во что не вмешивайтесь, старайтесь быть незаметным. Ясно?

— Ясно, госпожа. А вы разве не едете в Загон?

— У меня другие дела.

— Какие?

— Узнаете, когда будет время.

— Только не ездите без меня к церриону средней руки. Кора, Корочка, я вас умоляю!

Он твердил это, как отвергнутый любовник. Кора невольно улыбнулась — ему бы сейчас упасть на колени. Только колени голые, а ковер в номере колючий. Видно, эта же мысль посетила и переводчика, потому что он, покачавшись на носках, бросаться на колени не стал, а поспешил прочь.

Кора же вновь подняла телефонную трубку и набрала уже знакомый ей номер Второго института. Трубку снял сам профессор.

— Доброе утро, профессор, — сказала Кора. — Мне надо с вами серьезно поговорить.

— Ах, это вы, следовательно, — в голосе профессора прозвучала легкая усмешка. — Сейчас у меня совещание. Затем я еду в управление добывать кредиты. В два начинается семинар и продлится... впрочем, пожалуй, я смогу выкроить для вас минут шесть завтра, скажем, в пятнадцать-двадцать. Вас устраивает?

— Нет, профессор, — мягко ответила Кора. — Ваши шутки меня не развеселили. Я к вам приеду сейчас. И вы будете мне бесконечно благодарны за то, что я согласилась с вами поговорить, вместо того, чтобы принять меры.

— Что вы хотите этим сказать? — усмешка покинула голос профессора. Он насторожился.

— Давайте не будем занимать телефон пустыми разговорами. С преступниками я предпочитаю разговаривать с глазу на глаз.

— Как вы смеете!

— Вы лучше меня знаете, почему я с вами так разговариваю и что вам грозит.

— Мне ничего не грозит, я ни в чем не виноват!

Так, — подумала Кора, — он начал защищаться, оправдываться, он отдает мне инициативу. Отлично.

Похоже, что профессор — не самый главный и не самый сильный из противников. Кто же сильнее — мы узнаем через несколько минут.

— Советую вам как интеллигентному человеку рассудить, что для вас сейчас важнее. И никуда не звонить, никого не предупреждать. Со мной еще можно договориться. В Галактическом центре с вами будут говорить иначе. Итак, когда вы выберете для меня шесть минут?

— Приезжайте сейчас, — коротко ответил профессор.

* * *

Профессор вышел встретить Кору к воротам института, так что ей не пришлось снова объясняться с охранником. Впрочем, тот уже был подготовлен к встрече необычными утренними событиями.

Профессор был мрачен и, казалось, значительно похудел — словно потерял подушку, прикрывавшую живот. Не было с ним и ассистенток — вероятно занялись наукой.

— Оставьте машину здесь, — сказал он и повел Кору к боковой дверце, что привела к небольшому холлу, откуда лестница вывела их на обвитый плющом балкон, выходивший на пустую кирпичную стену. На балконе стояло два стула и столик, на котором была большая пепельница, переполненная окурками. Кора поняла, что ее привели в филиал институтской курилки, приспособленной для деликатных разговоров и объяснений.

— Ну вот, всегда так, не убирают за собой, — сказал профессор. Взяв пепельницу, он отнес ее к перилам балкона и высыпал содержимое вниз. Как раз в тот момент поднявшийся ветерок подхватил вонючий пепел и понес над балконом. Кора с отвращением отмахнулась.

— Вы не лучше их, профессор, — заметила она.

— Не лучше кого? — не понял профессор, занятый своими думами.

— Ваших подчиненных, которые не убирают за собой.

— У меня идиосинкразия на полные пепельницы, — ответил профессор, будто не обратил внимания на язвительную реплику Кора. — Говорите, что вас ко мне привело.

— Вы никому не докладывали о моем возвращении сюда?

— Мне некому докладывать. Я отчитываюсь только перед самим собой. — Профессор возмущился чуть больше, чем требовали обстоятельства.

— Надеюсь, что вы говорите правду.

Профессор только пожал плечами.

— Я хотела бы поговорить с вами о проблемах минимизации, — сказала Кора.

— Пожалуйста... — профессор ответил автоматически, слово "минимизация" его не смутило — было знакомо и привычно. Но тут же он спохватился. — О чем?

— О работах вашего института, — сказала Кора. — Я узнала, что вы ведете опыты по минимизации живых организмов, однако забыли зарегистрировать ваш институт в Галактическом центре. Хотя не хуже меня знаете закон научной этики: все исследования, которые несут в себе потенциальную опасность для человечества, должны быть зарегистрированы и вестись под наблюдением Центра.

— Мы не ведем здесь опасных исследований.

— Минимизация входит в список опасных для человечества занятий. Или вы забыли заглянуть в список?

— Почему вы решили, что наши исследования имеют отношение к минимизации? — профессор покраснел, он дышал часто и мелко.

— Профессор, не будьте наивным. Неужели вы полагали, что ваши игры сохранятся в тайне?

— Я вообще не игрок, а исследователь.

— Вы могли еще надеяться на сохранение тайны, пока ограничивались стенами лаборатории и делились открытиями с полногрудыми аспирантками. Но как только вы вмешались в уголовную деятельность, вы поставили под угрозу будущее вашего института и ваше собственное будущее.

Профессор нервно раздавил недокуренную сигарету о пепельницу. Он был красен, и веснушки почти пропали на его лице. Профессор не был похож на негодяя — в этом заключается одна из самых злобредных шуток природы: как правило негодяи не похожи на негодяев.

Так как он молчал, Коре пришлось продолжить:

— Скажите мне, какого черта вы полезли в эту авантюру с уменьшением драконов? Вам мало было лаборатории, славы, денег, охранника на входе, заграничных командировок? Чего вам еще нужно было? Сколько вам заплатили за участие в элементарной уголовщине?

— Вы все неправильно поняли! — директор был испуган, растерян, с него сполз весь лоск, и он стал очень похож на своего простонародного племянника — драконокормильца.

— А как вас понять правильно?

Директор достал новую сигарету, зажег ее, затянулся. Он все не мог решиться заговорить.

— Какие у вас доказательства того, что мы здесь занимаемся минимизацией? — спросил он хрипло и откашлялся.

— Господи, он ничего не понимает! — возмутилась Кора. — Он все еще думает, что я здесь играю в игрушки! — она столь искренне обратилась к несуществующей аудитории, что директор непроизвольно оглянулся, словно ожидал увидеть слушателей.

— Вы думаете, что я пришла сюда потому, что мне нечего делать? — продолжала Кора. — Поймите, меня прислала сюда в Лиондор достаточно могущественная и авторитетная организация, называемая ИнтерГпол. Она прислала меня потому, что вы зашли в своих действиях слишком далеко: вы забыли о том, что драконы не только животные, но и национальное достояние вашей бедной, но гордой державы.

— Ах, только не надо при мне рассуждать о нашей бедности, но гордости! — вдруг взорвался директор, и Кора чуть не рассмеялась, потому что сама с трудом выдерживала традиционные стенания лиондорцев на эту тему.

— Не буду, — сказала Кора. — Мне и без этого есть о чем порассуждать. Я прилетела сюда и столкнулась на первый взгляд с совершенно неразрешимым преступлением: драконы исчезают в то время, как исчезнуть они не могут. Мне пришлось потратить больше суток, прежде чем я догадалась, что перед тем, как драконов уменьшают в сто раз...

— В семьдесят два, — автоматически поправил профессор.

— Уменьшают, уносят из Загона и потом, очевидно, продают. Вы же — ученый! Но вы не только помогали этой деятельности, не только снабжали преступников препаратами, но старались помешать следствию и даже пошли на уничтожение следов преступления.

— А вы хотели бы, чтобы я встретил вас со слезами раскаяния? — директор прикурил новую сигарету от недокуренной и выбросил горящий окурок за перила.

— Надеюсь, у вас там внизу не склад бензина? — спросила Кора.

— Нет, — серьезно ответил профессор. — Там бывшая клумба.

— Зачем вы это делали? Вам мало денег?

— Денег всегда мало, — ответил профессор. — Вот

новый корпус надо строить, а ассигнований не дают. Доказываешь им, что наш институт принесет Лиондору сказочные доходы в валюте, а они не слушают — все разворачивали под лозунгами бедности и честности.

— Значит, вы сами устроили торговлю драконами? Куда же вы их продаете?

— Драконами? Торговлю? — и вдруг профессор рассмеялся. Он смеялся громко, натужно, будто никогда раньше смеяться ему не приводилось.

— Тогда зачем же, черт возьми, вы этим занялись?

Профессор перестал смеяться и поглядел на Кору серьезно:

— Вы мне не верите, сыщик, — сказал он. — Но я это делал совершенно бескорыстно.

— Бескорыстие — это замена обычной торговли натуральным обменом, — изобрела афоризм Кора. — Что означает бескорыстие в ваших устах?

— То, что я сказал.

— Тогда я попрошу вас рассказать, как и почему вы дошли до жизни такой. По чьему заданию вы воровали или обеспечивали воровство драконов. Затем назовите своих сообщников. Учтите, что наша беседа фиксируется на пленку, — Кора показала на брошку, приколотую к плечу, — и каждое ваше слово будет иметь юридическую силу. Начали?

— Мне нечего вам сказать, — произнес профессор.

Значит, Кора поспешила. Значит, он еще не был готов к признанию.

— Уважаемый профессор, так много курить вредно, вы только что выбросили сигарету и уже стараетесь закурить новую.

— Да? — профессор с удивлением поглядел на сигарету. Будто и не знал, что курит.

— От нашего с вами разговора сейчас зависит очень многое, — сказала Кора. — Включая вашу работу, ваш институт и может даже вашу свободу. А от того, что

вы будете запираяться или лгать мне, ничего не изменится.

— У вас нет никаких доказательств!

— Есть! Клянусь вам, есть — и неопровержимые.

Кора имела в виду песика Пончика, но, разумеется, открывать свои карты профессору не собиралась.

— Не представляю, где вы могли что-то раздобыть или сострять.

— Профессор, вы живете не в вакууме. Вас окружают живые люди. И не все вас обожают так же, как ваши аспирантки.

— Дались вам аспирантки! — профессор выбросил через перила только что зажженную сигарету.

Он был в бешенстве и растерянности, потому что Кора была наверняка — если ты директор лаборатории и ведешь сложную работу, если у тебя десятки и сотни подчиненных, то кто-то тебя не любит, кто-то тебе завидует, кто-то жаждет твоей скорой кончины.

Но профессор еще держался. Он ничего не сказал, но отрицательно покачал головой.

— Даже если вы не будете осуждены, вы погибнете как ученый. Я даю вам слово, что сведения о вашей преступной деятельности будут доведены до Галактической Академии наук, до всех ваших коллег не только здесь, но и на других планетах. И я могу вас заверить, что вы станете изгоем... Вам не подаст руки ни один биолог Вселенной.

— Нет, только не это! — воскликнул профессор.

— Тогда попрошу вас сказать правду. Кому это было нужно? Где драконы? Со своей стороны, ничего не могу вам обещать, но если увижу, что вы искренни в желании исправить свои ошибки, то постараюсь сделать так, чтобы к вашему проступку отнеслись... лояльно.

Профессор молчал. Неужели этот дурак так ничего и не понял? Или он запуган своими сообщниками?

Профессор зажег еще одну сигарету. Пепельница

была до половины полна пеплом и раздавленными сигаретами. Кора терпеливо ждала.

— Хорошо, — сказал профессор. — Я вас понимаю. Но я не могу сейчас, немедленно ответить вам на ваши вопросы, потому что ответ их связан с репутацией других людей.

— Вы боитесь своих сообщников?

— Нет, я не хочу, чтобы пострадали хорошие люди. Клянусь вам, госпожа Орват, что вы заблуждаетесь. В моих поступках и в поступках других людей нет корысти. Это трагедия... Дайте мне два-три часа. Не больше. Я поговорю... ну, поверьте мне!

Зеленые глаза профессора заволокло слезами.

Кора поняла, что верит этому человеку. Какие бы преступления он ни совершил, сейчас он искренен.

— Для меня главное, — сказал профессор, — моя работа. Ее результаты. Я не могу лишиться ее. Я погибну без работы. Мне не страшны тюрьма или казнь, но ужасна ваша угроза превратить меня в прокаженного, в парию, мне страшно, что коллеги отвернутся от меня... Но дайте мне три часа, и я вам все расскажу.

— Хорошо, — сказала Кора. — Я постараюсь вам поверить.

Она поднялась. У профессора дрожали руки. Он ухватился за перила балкона, чтобы не потерять равновесия.

— Но сейчас вы должны мне помочь, — сказала Кора.

— Что могу — сделаю.

— Скажите, через сколько времени действует ваш минимизатор?

— Если вводить внутренне...

— Нет, с пищей. С тем пойлом, которое унесла "ночная уборщица".

— Два часа. Плюс минус десять минут, — профессор старался не встретиться с Корой взглядом.

— А есть ли у вас средство для восстановления организма в первоначальном размере?

— Разумеется, госпожа Орват.

— Прежде, чем я уйду, попрошу вас дать мне немного этого средства.

— Но зачем?

— Считайте, что один из моих друзей стал жертвой ваших ужасных экспериментов.

— Человек? Я не перенесу...

— Почти человек. Мой песик, собачка!

— Вот как вы догадались!

— Это мне помогло. Хотя я догадалась бы и без трагедии с псом.

— Идите к машине, — сказал профессор. — Я вынесу вам ампулу к воротам.

Коре пришлось подождать профессора минут пять. Она не боялась, что он сбежит. Не тот человек. Для него и на самом деле ценнее всего — его наука. Он впутался в эту историю случайно и, вернее всего, он и сам лишь жертва обстоятельств.

Профессор вышел, неся небольшую папку.

— Простите, что задержал, — произнес он, пытаясь перевести дух. — Вот статья, которую вы у меня просили.

— Благодарю вас, профессор, — произнесла Кора.

— Через три часа я буду у себя в кабинете, — обещал профессор.

— Я позвоню вам, — сказала Кора. — И надеюсь, что ваши проблемы разрешатся благополучно.

* * *

По дороге в Загон Кора догнала маленькое существо, похожее на паучка в платье. Две косички жестко торчали в стороны. Существо деловито поднималось в гору к Загону, порой наталкиваясь на прохожих. Оно было

погружено в свои мысли настолько, что никого вокруг не замечало.

Это была дочка кормильца, Мелочка.

Догнав ее, Кора посигналила, но Мела не обратила на это внимания, а, продолжая шагать, врезалась в живот офицеру и сильно ушиблась о начищенную бляху ремня. Только тут Кора поравнялась с ней и обнаружила причину столь странного поведения девочки. Оказывается, девочка на ходу читала книгу.

— Дай-ка я догадаюсь, что это за книга, — сказала себе Кора. — Для сказок Мела уже слишком взрослая, про любовь ей читать еще рано. Значит, это перевод книжки о приключениях Тома Сойера.

— Эй! — крикнула Кора прямо в ухо девочке, и та с досадой оторвалась от книги и оскалилась, готовая огрызнуться. Но тут она узнала Кору и сдержалась. Правда, вместо того чтобы поздороваться, она сказала:

— Подвезите меня. А то я папе обед несую, еле ноги тащу. Он у меня одурел от обжорства.

Через плечо у девочки висел рюкзак, который был для нее тяжел — даже Коре пришлось поднатужиться, когда она снимала его с детского плеча, чтобы положить на сиденье.

— А что у тебя за книжка? — спросила Кора, пока девочка усаживалась на сиденье лимузина. — Приключения?

— Как вам сказать, — неопределенно ответила девочка. Она протянула книгу Коре. Книга называлась "Как избавиться от вредных насекомых и пресмыкающихся, или Чего не любит таракан".

— Странная книга. И ты ею зачиталась?

— Не оторвешься, — сказала девочка и сжала губы. Глаза ее смотрели упрямо и настойчиво. — Ненавижу всякую нечисть. Выучусь, всех истреблю.

— Ты мне говорила, что и драконов не любишь.

— Не выношу. Крокодилы-переростки.

— Ты что же, каждый день папе такую тяжесть носишь?

— Надо помогать. Вдвоем живем, мамы у нас нет. Я готовлю и таскаю, а отец деньги зарабатывает.

Девочка Коре нравилась. В ней была некая цельность, устремленность характера.

— Ты в школу ходишь?

— В школу ходила, только в этом году не пойду.

— Почему?

— А я все уже знаю. Чему они меня еще научат?

— Ну допустим, тригонометрии.

Мела критически поглядела на Кору.

— А ну-ка, — без тени почтения произнесла она, — рассказывайте мне все, что вы помните из этой тригонометрии. До Загона хватит?

Кора была вынуждена признать, что знаний немного и в основном они заключаются в названиях функций. Даже эти названия Кора давно бы забыла, если бы не кроссворды, составители которых обожают вставлять синусы и тангенсы как по горизонтали, так и по вертикали.

— Еще чему меня будут учить? — спросила Мела.

— Еще? Наверное истории. Но тут я ничего сказать не могу, потому что история у нас с вами разная.

— Еще бы. У вас свои короли, а у нас свои. Ваши короли своих подданных за ноги вешали, а наши — наших. Очень интересно!

— Еще осталась литература!

— Госпожа Кора, не надо меня смешить, — строго приказала девочка. Машина с трудом взбиралась на холм, увенчанный крепостью, в развалинах которой и разместился драконий Загон.

Лимузин затормозил перед входной башней.

— Спасибо, тетенька, — сказала Мела и с трудом стащила с сиденья свой рюкзак.

Кора открыла ей дверь лимузина, но тут же закричала:

— Назад! Не выходи! — ее голос потонул в шуме воды.

— Ничего! — девочка уже бежала к башне, чтобы скрыться под аркой от внезапного, оглушительного, пузырящегося по лужам, веселого ливня.

Кора видела, что девочка остановилась и разговаривает с полицейским. Видно, полицейский ее не пускает. Придется выручать.

С сожалением Кора вылезла из машины под дождь и пробежала двадцать шагов до арки. Девочка еще стояла там.

— Ой, какой ужас! — сказала Кора. — Так и утонуть можно.

— Нет, — сказала девочка, — вам, чтобы потонуть, целое море нужно.

Если у девочки и было чувство юмора, то своеобразное.

— Я пошла, — сказала она полицейскому.

Девочка поставила рюкзак на голову, как африканская крестьянка, идущая в гости в соседнее племя.

Полицейский открыл турникет.

Потом хотел закрыть, но Мела обернулась и объявила, показывая лапкой на Кору.

— Эта со мной.

— Тогда пускай идет, — улыбнулся полицейский.

Нет, у нее было чувство юмора.

Дождь был настолько сильным, что уже через несколько метров Мела растворилась среди его струй. Такой дождь не может долго продолжаться.

— Что у вас нового? — спросила Кора у полицейского.

— Слава богу, ничего, — ответил полицейский.

— Драконов покормили?

— Не знаю, госпожа. Я здесь неотлучно.

Помолчали.

Кора поглядела на часы. Скоро двенадцать. Ей сле-

дует спешить — может быть, это последние минуты перед очередной драмой. В любой момент могут пропасть последние драконы.

— Обращайте особое внимание на тех, кто хочет вынести из Загона клетку, ящик... или мешок, — сказала Кора.

— А как обратишь? — удивился полицейский, — если все выносят. Мясо выносят, сахар, другие продукты. Теперь ведь как получается — снабжение идет на семерых драконов, а кормят только двоих и тех — еле-еле.

— Не может быть! — вырвалось у Кору.

— Они спешат, все хотят хапнуть, понимают, что долго не протянут. Как смена кончается — все с ящиками и сумками. Как тут обратишь внимание?

— Это непредвиденное осложнение, — призналась Кора.

Дождь все хлестал. Каково там переводчику? Наверное тоже спрятался.

— Тогда придется вам досматривать все сумки, — сказала Кора.

— И у десципонов тоже?

— И у десципонов тоже.

Кора вздохнула. Как же надоела эта бедная, но гордая страна. Лучше бы она была побогаче, может тогда бы меньше воровали.

* * *

Переводчика все не было. Кто-то его видел, но не сейчас, а раньше.

Куда он делся, никто не знал, и не узнает, пока не кончится ливень.

Ну, кажется все собрались — во главе с десципоном Загона. Последним вошел драконокормилец. На этот раз он был сам накормлен и, вероятно, куда лучше, чем

кормил несчастных пресмыкающихся. Губы и щеки блестели от жира, глаза были туманны, словно он разглядывал нежную нимфу.

— Как дела? — спросил он Кору. — Какие новости?

— Отличные, — ответила Кора.

— Скоро найдем драконов? — спросил Аполидор сонно и оглядел коллег, будто намеревался улечься спать прямо здесь.

— Скоро, — пообещала Кора. — Наверное сегодня.

В ее голосе была уверенность, обрадовавшая некоторых, но смутившая других. У каждого были свои причины ждать возвращения драконов или жить без них. Кому нужна была работа, кому — мясо.

Но слова Кору никого не оставили равнодушными.

— Вы разгадали? — вскинулся десципон. — Они живы?

— Насколько я знаю, они живы. Но больше я ничего не скажу, потому что преступники должны быть задержаны на месте преступления.

— Правильно! — громче всех воскликнул драконокормилец.

Кора поглядела на часы. Два часа пятнадцать минут. Срок, данный профессору, истекает.

— Кого нет из сотрудников Загона? — спросила Кора вслух.

Кормилец обвел всех ленивым взглядом.

— Все здесь, — сказал он.

— Кто-нибудь покидал Загон в течение последнего часа?

— Никто. Я в этом уверен, — сказал десципон.

И все подтвердили его слова.

Что-то было неправильно. Может потому что исчез переводчик.

— А где ваша дочка? — спросила Кора.

— Внизу, — ответил Аполидор. — Книжку читает. Вы не поверите, как книжка называется — "Бей тараканов!"

— "Чего не любит таракан", — поправила его Кора. За окном все также хлестал дождь.

— Дайте мне, пожалуйста, зонт, — попросила она десципона.

— Подождите, сейчас чай принесут, — ответил тот.

— Я скоро вернусь.

Она взяла еще мокрый зонт.

— Мне идти с вами? — спросил десципон.

— Нет, я хотела бы, чтобы все оставались здесь. Чтобы никто не выходил. Вы отвечаете за это, господин десципон.

Кора схватила зонт и побежала вниз по лестнице.

Косо хлестал дождь, стало холодно, как глухой осенью.

Кора добежала до клетки, в которой жил Смирный. Калитка была заперта.

— Эй! — крикнула она.

В черном зеве пещеры что-то зашевелилось — потом медленно и осторожно наружу высунулись ноздри дракона. Дракон пустил жалкую струйку дыма и спрятался обратно.

Кора побежала к клетке Ласки.

Калитка в нее была приоткрыта.

Черт побери, сейчас бы парализующий бластер — на всякий случай. Может быть, позвать на помощь полицейского?

Кора вошла в клетку.

— Ты здесь, Ласка? — спросила она.

Никто не ответил.

На земле лежал промокший бантик от девичьей косички.

Тогда Кора пошла вперед уверенней. Если за ней наблюдали из окна административного корпуса, то вернее всего затаили дыхание и делали вид, что ничего не видят — иначе пришлось бы бежать на выручку. А еще неизвестно было, там ли Ласка.

Кора пересекла загон и заглянула в пещеру.

Вход в пещеру был широким, метра четыре, но для дракона только-только.

— Эй! — крикнула Кора. — Вылезай.

В пещере воняло, как в брюхе у гиены.

Кора вытащила из-за пояса фонарик — маленький, но сильный.

Как она и ожидала, никого в пещере не было.

Кора бросила мешавший ей зонт и побежала из клетки.

Из административного корпуса навстречу ей бежал кормилец.

— Погодите! — кричал он. — Не спешите!

Но Кора намеревалась именно спешить.

Она добежала до башни. Полицейский отпрянул, увидев ее.

— Кто сейчас проходил здесь? — спросила она. — Кто вышел из Загона?

— Никого, — искренне ответил полицейский.

— Думай!

— Только девочка, худенькая, дочка кормильца.

— С рюкзаком?

— С рюкзаком, конечно, она папаше обед носит, а обратно пустые тарелки и кастрюльки и если что из мяса — тоже носит.

— На этот раз она вынесла дракона, — сообщила Кора полицейскому, и тот понял, что госпожа из Центра сошла с ума. Тем более, когда он увидел, что госпожа выскочила на улицу и побежала так, словно за ней гнались десять драконов.

* * *

Девочку Кора догнала через два квартала.

Та и не подозревала о погоне, поэтому не спеша тащила рюкзак и ничем не отличалась от других небогатых детей, что брели по своим делам — улицами города.

Нет, отличалась. Где-то эта девочка потеряла тонкий розовый бантик с правой косички. И ни один человек в Лиондоре не подозревал, что эта отважная девица потеряла бантик в Загоне страшного дракона, от которого в поле, как известно, бежит взвод пехоты в тяжелом вооружении.

К счастью, дорога шла в основном под горку — кормилец Аполидор жил в нижнем предместье, в районе небогатом, но никак не трущобном — на улице Барсука, где фасады у домов чистые, но скучные, тротуары выщерблены подошвами, фонари горят редко и тускло, зато перед каждым домом есть палисадник с кустом роз и газоном — два шага на полтора.

Перед таким, некогда зеленым, двухэтажным домиком в два окна, зажатым между точно такими же соседями, Мела остановилась и положила рюкзак на ступеньки. Пока она доставала ключи и отпирала дверь, рюкзак два раза шевельнулся, и у Кору исчезли последние сомнения.

... Когда Мела отворила дверь и нагнулась за рюкзаком, она увидела, что к лямкам рюкзака тянется другая рука...

Иная девочка упала бы в обморок или завизжала от страха.

А Мела тут же бросилась на Кору и укусила ее за запястье.

Другая женщина от этого упала бы в обморок или завизжала, но Кора подхватила свободной рукой девочку, которая не отпускала ее запястье, и кинула в открывшуюся дверь. Затем, невзирая на льющуюся из руки кровь, втащила в дом рюкзак с добычей и захлопнула за собой дверь, успев притом кинуть взгляд на улицу и убедиться, что никто не видел короткого боя возле домика драконокормильца.

Кора зажгла свет. Девочка сидела на полу в углу прихожей и обдумывала дальнейшую борьбу с Корой. Она оказалась достойным противником.

— Вы чего? — спросила девочка, шаря глазками по фигуре Кору словно выбирая место, в которое лучше вцепиться.

— Я пришла к тебе в гости, — простодушно ответила Кора. — Нашла твой бантик и решила вернуть.

Не спуская настороженного взгляда с худенькой девочки, Кора достала розовый бантик и кинула его Меле. Бантик бабочкой полетел по воздуху, но не долетел до хозяйки. Та молчала.

— Я в клетке нашла, — сказала Кора. — В клетке драконихи.

— И что? — хрипло произнесла девочка.

— В какую комнату пойдем? — спросила просто Кора.

Она толкнула дверь справа от нее — это была гостиная. Или общая комната — неизвестно, как они здесь называются.

— Проходи, — велела Кора девочке.

Та нехотя подчинилась.

— У тебя зубы ядовитые? — спросила Кора.

— Чего? ... Не, обыкновенные.

— Дай мне руку перевязать.

— Жалко.

— И это цветок жизни! — воскликнула Кора. — Тогда сейчас скатертью руку завяжу.

— Нельзя, эта от мамы осталась!

— Ну вот, видишь! Дай салфетку или платок. — ну дай же, наконец!

— В спальне, в шкафу, — сказала девочка.

— Принеси.

— А если сбегу?

— Куда ты сбежишь! — усмехнулась Кора. — Рюкзак-то у меня.

— Это точно, — согласилась девочка и выбежала из комнаты.

Кора развязала тесемки рюкзака. Дракон, что сидел там, зашевелился — руке стало горячо — уменьшенный

дракончик, оказывается, сохранил способность пыхать огнем и дымом.

Девочка вбежала обратно. Она принесла застиранный носовой платок.

— Не открывайте! — закричала она с порога. — Они такие шустрые!

— Хорошо, не буду, — сказала Кора. — А остальные где?

— Кто остальные?

— Остальные дракончики, — терпеливо объяснила Кора.

— Не знаю никаких дракончиков.

— Тогда выпускаем? — Кора потянула руку к рюкзаку.

— Погодите, сама выпущу. — Мела протянула Коре платок, и та завязала кисть — укус был небольшой, но глубокий.

Мела не спешила выпускать дракона. Она смотрела, как Кора завязывает руку, потом сообщила:

— Вы не думайте, я не ядовитая. Я обыкновенная.

— Хорошо, верю.

— Окно закройте.

Кора закрыла окно.

Девочка развязала рюкзак и сначала вытащила из него две пустые кастрюли, миску, ложку, пакет с огрызками, несколько кусков хлеба, и только потом из рюкзака вывалился еле живой, обалдевший дракончик Ласка, осевший на хвост и дышавший тяжело, словно после тяжелой работы.

— Сейчас опомнится. Тогда берегись, — сказала девочка.

Девочка уже успокоилась и, как поняла Кора, была готова и даже хотела поговорить. Раз уж Кора все знает, то и таить от нее нечего. В конце концов, хоть Мела была девочкой необыкновенной, все же она оставалась десятилетним ребенком из неблагополучной семьи.

Вместо того, чтобы лететь или бросаться на людей, дракончик подобрал губами кусочек хлеба с пола и принялся его жевать.

Кора смогла разглядеть его вблизи.

Уменьшившись, дракончик сразу приобрел разительное сходство с какой-то небольшой экзотической ящерицей — такие водятся в тропиках. Кора тут же подумала, что размер, фактор в общем-то относительный, превращает в наших глазах кошек в тигров. Например, есть у Кору любимый котик Колокольчик. Ростом котик с немецкую овчарку — и поэтому его никто не принимает за котика, словно это совсем иное животное. Вот и сейчас, глядя на дракончика в локоть длиной, включая хвост с маленькими шипами, Кора поняла, что никто бы и не догадался, что это уменьшенное чудовище, а решил бы, что незнакомая, но безопасная сестричка хамелеона.

Пока дракончик жевал, Кора спросила у девочки, которая также лицезрела добычу:

— А где вы их держите?

— А в подвале, — ответила Мела. — Им-то все равно, только бы кормили.

— Там темно, сыро.

— Не, подвал у нас хороший. И кормежка лучше, чем в Загоне.

— А потом вы их продаете, Мела? — мягко стелила Кора.

— Так я вам и сказала, тетенька, — откликнулась девочка. — Вы же полицейская.

— Все равно уже все известно, — ответила Кора. — Теперь кусайся, не кусайся, но драконов я нашла.

— Вы как меня выследили? — спросила девочка. — Ведь дождик шел.

— А я не за тобой специально следила. Я за твоим папой следила. Ведь он драконам лекарство для уменьшения давал. А когда они становились маленькими, он их тебе передавал.

— Когда как, — сказала девочка. — Сегодня он говорит: ты, говорит, сама иди в клетку, все равно уже промокла. А мне, говорит, надо на глазах у этой ищейки быть. Ищейка — это вы, тетенька.

— Догадалась. И ты пошла в клетку?

— Конечно. Как же папашу не послушаться. Только, видно, пока гонялась за Лаской, бантик потеряла. Вот вы и догадались.

— Мне все профессор Ромиодор рассказал, — честно ответила Кора. — Как только я догадалась, что драконов уменьшают, я прижала профессора к стенке, он и сознался.

— Ну вот! — огорчилась девочка. — Этого мы с папой и боялись — кишка у дяди Ромиодора тонкая. Никакой он не характер.

— А ты разбираешься в характерах?

— Как же не разбираться, если у меня характер — ой-ой-ой!

— Вижу. Покажешь мне драконов?

— Папочка с работы придет, у него ключ от подвала. Вот он вам и покажет.

— Хорошо, — Кора не стала спорить. — Я позвоню ему по телефону.

— Наш телефон не работает! — испуганно воскликнула девочка.

В мгновение ока она кинулась к стене, паучьими, но сильными ручонками разорвала провод. И засмеялась взрослым, холодным смехом.

— Глупенькая, — сказала Кора.

Дракончик медленно пошел по комнате, он никак не мог сообразить, почему раньше он был самым большим, а теперь стал самым маленьким.

— Почему глупенькая? — спросила девочка.

— Ничего это не изменит.

— Может, изменит.

Кора спокойно сидела на стуле, глядела на дракончика, который тупо шагал по комнате, натыкаясь на ножки стола и стульев.

— Ты любишь драконов? — спросила она.

— Я же говорила! — ответила девочка. — Я их ненавижу!

— Зачем же они тебе в доме?

— Чтобы их мучить! — ответила Мела.

Вроде бы все составные части преступления были в руках Кору, но все равно полной картины не получалось. Все складывалось так нелогично!

— Ты их мучаешь?

— Еще как! — и в доказательство этого девочка вдруг подошла к дракончику и жестоко наподдала его ногой. Дракон от неожиданности ахнул и взлетел в воздух. Потом упал, шмякнувшись, как лягушка.

— Ты что, с ума сошла? — воскликнула Кора.

— Нет, не сошла. Хочешь, я ему еще дам?

— Нет, не надо! Я ничего не понимаю, — Кора встала и преградила дорогу девочке, которая хотела броситься на дракончика, с трудом вставшего на ноги. Не может быть, чтобы нормальная маленькая девочка ненавидела драконов. — Неужели твой папа об этом не знает?

— Мой папочка ненавидит их даже больше, чем я!

— Он? Он же драконокормилец!

— Ну и что из того!

— Я ничего не понимаю! — воскликнула Кора. — Твой папа ненавидит драконов и кормит их, ты ненавидишь драконов и держишь их в доме. Объясни, пожалуйста.

— А чего объяснять! Мы им мстим!

— Мстите? Драконам?

— Конечно. Они же убили мою маму...

Девочка зарыдала и кинулась топтать дракончика. Дракончик пытался забиться под кресло, Кора спасала дракончика, а девочка, захлебываясь слезами и шмыгая носом, рассказала, что оказывается два года назад любимая мама Мелы и жена Аполидора принесла обед своему мужу в Загон, взяв с собой девочку, которую не

с кем было оставить дома. Ей показалось, что ее муж находится в клетке Великолепного, и она подошла к решетке. Дракон, который был в тот день в плохом настроении, выскочил из пещеры, кинулся к решетке, мама Мелы не успела отбежать, и дракон опалил ее своим дыханием, а затем, притянув ее тело к решетке, лапой разорвал на части.

Аполидор полгода просидел дома, переживая свою трагедию, а затем возвратился на работу, хотя многие полагали, что он никогда не сможет приблизиться к драконам. Но куда деваться, если ты по специальности драконокормилец, а каждый в бедном, но гордом государстве Лиондора состоит при своем деле, и поменять занятие почти невозможно.

Аполидор вел себя тихо, придаться к нему было нельзя, даже когда убийца его жены был найден мертвым в своем загоне, никто не заподозрил толстого добродушного Аполидора — ветеринар поставил диагноз: разрыв сердца.

А когда драконы стали исчезать, подозревали кого угодно, но не Аполидора...

— А на самом деле? Что же случилось на самом деле?

— На самом деле папочка узнал об опытах своего брата. И тогда ему пришла в голову замечательная мысль! Раньше он думал, что отравит всех драконов в мире. По одному, не спеша, даже если ему придется положить на это всю жизнь. Но теперь у нас с папочкой появилась мысль о такой мести, до которой никто еще не додумался. Папочка пришел к дяде-профессору и говорит: "Ты любил мою жену? — Тот отвечает: "Как положено и даже больше!" — "Ты будешь мстить? — спрашивает папа. — Мой долг — месть, это главный закон Лиондора. Тогда давай мне твоё средство, чтобы сделать драконов маленькими". — "Зачем?" — спрашивает дядя. — "А затем, — говорит папа, — что убить можно только один раз и мертвым уже не больно. А вот

мучить можно целую жизнь. Это настоящая месть!” Сначала профессор, дядя-профессор, отказывался и говорил, что папина месть первобытная, слишком жестокая. Но месть есть месть — что поделаешь, если родственники требуют? И тогда профессор дал папочке уменьшительного порошка. И папочка стал кормить дракончиков этим... мини...

— Минимизатором?

— Вот. Минимизатором... Пошли, посмотришь!

Девочка нагнулась, схватила дракончика Ласку за хвост и пошла из комнаты. Кора за ней.

Мела подошла к небольшой дверце за кухней, откинула крючок и открыла дверь, зажгла свет.

При свете неяркой лампы под потолком взору Кору открылась странная картина.

Внизу под лестницей копошились несколько худых, ободранных, несчастных ящериц, которые при звуке открывавшейся двери кинулись наутек, забились в угол подвала и оттуда, дрожа, глядели на вошедших людей, пуская из ноздрей безопасные пфуки дыма. Вонь в подвале стояла страшная.

Девочка размахнулась и кинула в кучу дракончиков новенькую. Ласка попыталась на лету раскрыть крылья, но они ее не удержали, и белая дракониха упала на кучу своих сотоварищей по несчастью, которые принялись отбиваться от нее...

— Я им подохнуть не даю, — сказала девочка, глядя на Кору упрямыми светлыми глазками. — Мы с папой их по вечерам мучаем. Принесем мамину фотографию, показываем им и мучаем. Пускай смотрят. Мы им подохнуть не дадим!

— Мела, вы же с твоим папой сумасшедшие! — вырвалось у Кору. — Как же можно мстить неразумным животным?

— Можно, — твердо ответила девочка.

Кору охватил ужас и бессилие. Как глупо — вести расследование, строить какие-то версии, не зная истин-

ных мотивов поведения этих людей. Ну как можно было догадаться, что преступление, такое необычное и даже страшное, вызвано местью драконам?

— Пойдем отсюда, — сказала Кора.

— Пойдем, — согласилась девочка. Просто маленькая девочка, которая сама томится в плену мести за смерть любимой мамочки.

Мела заперла дверь в подвал на крючок. Все было так просто.... И теперь понятна растерянность профессора — он же тоже участник благородной мести, от которой не имел права отказаться. А как объяснишь это прилетной следовательнице?

Они вернулись в комнату.

Теперь, когда все стало ясно, девочка смягчилась, потеряла к Коре враждебность.

— Я сейчас вас по-человечески перевяжу, — сказала она. — У меня йод есть и бинт настоящий. Подождете?

— Подожду, — сказала Кора. Ей было грустно.

Она подошла к столу. Там лежали стопкой бумаги. Сверху — билет на поезд. На сегодня. Взрослый и детский. До города Кребби.

Девочка вошла с бинтом.

Она увидела, что Кора рассматривает билеты.

— А мы уезжаем сегодня, — сказала она. — У папы отпуск.

— А драконы?

— У нас все продумано. Мы их на этот месяц одному хорошему человеку отдадим. Он их за нас помучает.

— Нет, — возразила Кора, — я их у тебя отберу. Ты уж их достаточно помучила. А маму все равно не вернешь.

— Вы неправильно говорите, Кора, — возразила серьезная девочка. — Если не мстить, очень много неправильности разведется. Надо мстить, чтобы было справедливо.

— Ты помучила драконов, и стало справедливо?

— Стало справедливее.

— Но драконы не догадались, за что их мучают.

— На том свете разберутся, — девочка не хотела ввязываться в спор со взрослой тетей.

— На том свете драконы тебе мстить будут, — заметила Кора.

— Ну вот этого не надо! — девочка вдруг испугалась. Подумала немного и добавила: — А вы бы уходили пока. Сейчас папа придет, у него пистолет есть. Он в сердитом состоянии очень опасный.

— Я тоже очень опасная, — сказала Кора. — И давно вы решили с папой в отпуск уехать?

— Он давно собирался, но все времени не было. А вчера сказал, что деньги получил и можно ехать.

— Значит вы оставляете драконов здесь, а сами едете поездом на море?

— Ну сколько можно одно и то же говорить! Не потащим же мы драконов с собой! Еще одного можно бы — а у нас их здесь шесть штук! Это ж помереть можно...

— Разумно! — сказала Кора.

Она подумала, что если Аполидор и его дочка сделали свое дело и утолили жажду мести, то на сцене должен появиться кто-то похитрее да поумнее. Кто знает, что драконов мучить глупо. А вот использовать их — неглупо. И этот кто-то обязательно должен быть знаком с профессором. Потому что он должен не только увезти куда-то маленьких дракончиков, но и сделать их потом снова большими. Потому что маленькие дракончики никому не нужны. Ведь маленькие тигрики зовутся котами. И встречаются на каждом дворе. Даже если они полосатые.

— Мела, — сказала Кора, — пока ты готовишь кофе, я еще разок на дракончиков погляжу. Можно?

— Идите, только близко к ним не подходите, — откликнулась из кухни девочка. — Вы не думайте, что они у меня такие запуганные и затравленные. Если им палец протянуть — обязательно откусят. Совершенно

непослушные. Я папе говорила — помучили, давай задушим. А он говорит — погоди, еще помучаем...

Девочка мучила дракончиков, а папочка искал клиента, подумала Кора. Если я правильно рассуждаю, то он искал клиента. Или может быть с самого начала он исполнял чужую волю — просто драконов надежнее всего было хранить в этом доме?

— Они бросаются, хоть идохлые, — засмеялась девочка.

Кора прошла коридором к двери в подвал. Дракончиков было жалко. Но любви к ним Кора не испытывала. Она отперла дверь, приоткрыла ее и зажгла свет. Дракончики в ужасе отпрянули, но смотрели злобно и настороженно, они были готовы к последнему и решительному бою.

— Дурачки, — сказала Кора. — Не буду я вас мучить.

Мучить других — занятие, которое придумали люди, потому что они единственные из живых существ знают наслаждение мести, радость от чужих страданий. А драконам плевать на чужие страдания.

И тут Кора поняла, что Ласка, самая светлая из дракончиков, намерена разбежаться, взлететь и откусить кусочек от Кору.

— Да погодите, крокодилы, — уговаривала их Кора. — Не надо накидываться на меня...

Сзади послышался легкий шум — наверное прибежала девочка, чтобы посмотреть, как тетя Кора мучает дракончиков.

Кора хотела обернуться, но не успела, потому что почувствовала резкую боль в затылке и потеряла сознание...

* * *

Очнулась Кора с мыслью, что ей надо было позвонить господину церриону средней руки и признаться

ему, что провалила задание, ибо стала с возрастом неосторожной, рассеянной и беспечной. Если ты стоишь в дверях подвала в доме преступника, то ты не должна позволять кому ни попадя подходить к тебе сзади и стучать тебя по голове.

Сейчас поднимусь и позвоню церриону... наверное когда-то здесь проходили римские легионы и основали на этой планете свою колонию. Центурионы стали церрионами и получили министерства... У меня бред? Странно, никаких оснований для бреда быть не должно...

Кора постаралась открыть глаза, но глаза почему-то не открывались.

Надо протереть их — наверное что-то в них попало... голова все также отказывалась работать, Кора попыталась протереть глаза, но почему-то это не получилось. Почему? Кора тряхнула головой, чтобы прочистить мозги, и тут голову пронзило такой тупой и глубокой болью, что все стало на свои места.

Ее ударили.

Теперь она сидит... или лежит? Нет, сидит — сидит с завязанными глазами, со связанными руками... А ноги? Ноги привязаны — вернее всего к ножкам стула... Потерпи, головушка, сама виновата. Прижмемся спиной — да, это спинка стула. Потрогаем икрами ног — да, это ножки стула. Язык прижат и состояние во рту отвратительное — значит во рту кляп. Ну и попала ты в переплет! Можно сказать — повезло, что не убили. А может лучше бы убили, чем обращаться как с дракончиками — мучить, но не убивать до смерти.

Кора постаралась принять решение — как освободиться от пут. Решение найти можно всегда, особенно, если тебя этому учили. Но Кора не успела сделать это, потому что услышала шаги. Оказывается, уши ей не заткнули — и она могла слышать.

Вот слышны шаги. Голоса. Хлопнула дверь. Шаги приблизились. В комнату вошли.

— Это еще что такое? — Кора узнала голос профессора.

— А что ты прикажешь делать? — произнес раздраженно драконокормилец. — Она залезла в дом, увидела дракончиков...

— погоди, — сказал профессор. — Выйдем отсюда. Она же нас может услышать.

— Не убивать же ее?

Они вышли. Но, к счастью остановились в коридоре или в соседней комнате за открытой дверью, и хотя им казалось, что они достаточно понизили голоса, на самом деле Кора, обладавшая профессионально развитым слухом, слышала каждое их слово.

— Она меня не должна видеть, — прошептал профессор. — От этого все зависит.

— Понимаю, — сказал Аполидор.

— А тебя она не видела?

— Не видела. Но я ждал тебя, чтобы вывезти ее из моего дома.

— Я все возьму на себя, — сказал профессор. — Не беспокойся.

— Только не убивай ее. Она хорошая баба, и дочка моя к ней хорошо относится. Не надо убивать.

— Да не буду я ее убивать! Клянусь небом, не буду. Отвезем куда подальше, бросим в лесу — пускай добирается.

— Ну смотри, ты мне обещал.

— Сколько времени? — спросил профессор.

— Без двадцати три, — ответил кормилец.

— Вам пора собираться. А то на поезд опоздаете. Когда начнется суматоха, вы должны быть как можно дальше отсюда. На берегу моря, на солнышке, на пляже.

— Мела! — позвал кормилец. — У тебя все готово? Нам с тобой пора на вокзал.

— Я готова, — ответила девочка. — Но я никуда не поеду, если вы что-нибудь плохое сделаете тете Коре.

— Что же я — убийца, что ли? — удивился профессор.

— А ты, дядя, обещаешь мне дракончиков мучить, пока нас не будет?

— Вот это я обещаю, — засмеялся профессор.

Девочка вошла в комнату и подошла к Коре.

— Вы нас простите, тетя Кора, — сказала она, дотронувшись до руки Кору. — Папа неплохой, только он у меня слабовольный. И меня не всегда слушается. Вы немножко посидите, а потом вас обязательно найдут.

Девочка понизила голос и прошептала:

— А я с телефона-автомата в полицию позвоню, но не назовусь. Понимаете, чтобы они приехали и вас развязали. Так что вы потерпите немножко.

— Беги, — хотела бы сказать ей Кора, — ты вовсе не такая плохая, хотя в голове у тебя беспорядок!

— Мела! — позвал ее отец. — До поезда полчаса осталось.

— Идите, идите, — негромко произнес профессор.

Шаги. Хлопнула дверь. Кора поняла, что Аполидор и его дочка ушли. В доме остался профессор. А он — враг совсем другого масштаба. Единственный для нее шанс остаться в живых — вести себя тихо, ничем не показать, что она узнала профессора... Как мило, думала она, кормилец Аполидор и его дочка были уверены, что заставили доброго дяденьку уменьшать для них дракончиков. Дядя с трудом согласился... Сделал одолжение. Вот и сейчас он сделал им еще одно одолжение — согласился поддержать дракончиков у себя, пока родственники отдыхают на море. Ах, какой благородный профессор! И она, дура, поддалась его очарованию, разделила его испуг — что подумает о нем международная научная элита?

Коре было слышно, как в коридоре профессор говорит по телефону, прикрывая трубку ладонью:

— Все готово. Можете высылать машину. Выезжаю через пятнадцать минут. Не беспокойтесь... Уехали. Как и договаривались — они в поезде, едут на морские купания... — профессор засмеялся. — Правильно. Так, надеюсь, и будет. Да, кстати, есть одно небольшое осложнение. Здесь сидит госпожа Кора Орват. Нет, не бойся. Мой брат ее оглушил и завязал ей глаза. Меня она не видела... Сидит связанная. А зачем ее убирать? Она знает только Аполидора и девочку. Так что она будет полезным для нас свидетелем. Ну все, я пошел в подвал собирать этих тварей... Брезентовые рукавицы отыщу — у брата где-то были. Все. Ждите.

Хлопнула трубка.

Кора всей шкурой почувствовала, как профессор заглянул в комнату, посмотрел на нее. И тихонько вышел. Скрипнула, закрылась дверь. Шаги удалились по коридору. Сейчас он полезет в чулан, будет искать рукавицы.

Кора напрягла мышцы рук — она делала это уже несколько минут, постепенно ослабляя путы. Одновременно хмурила лоб и двигала ушами, сдвигая вверх повязку. Надо спешить... Теперь ноги!

Если напрягать и расслаблять мышцы, веревки ослабевают — ведь привязывал ее не профессионал, а обыкновенный драконокормилец.

Освобождение от пут заняло минуты три. За это время профессор расшвырял все в чулане, но не нашел рукавиц и вынужден был отправиться к дракончикам с голыми руками. Коре не было его жалко — сейчас они ему покажут!

Кора слышала, как, чертыхаясь, профессор прошел в ванную. Ага, сообразил, поняла она — замотал руки полотенцами. Вот он возвратился в коридор, щелкает крючок — дверь к дракончикам открыта. Сейчас начнется самое веселое — ловля драконов! Ему теперь не до Кору.

Кора быстро освободила руки от веревок, размотала ноги, чуть вытащила изо рта кляп, но прикусила его, оставив между губами. Теперь она могла в любой момент уйти.

Но это не входило в ее планы.

Профессор должен покинуть дом и унести дракончиков, полагая, что Кора надежно прикована к стулу.

Пока что она, приподняв повязку, огляделась.

Она сидела на стуле в гостиной, где уже бывала. Отсюда до двери на улицу — всего несколько шагов.

Коре было слышно, как возится, чертыхается, падает, прыгает профессор — ловля драконов в тесном подвале — это спорт смелых!

Охота затягивалась. Коре уже надоело ждать.

Наконец, она услышала, что доктор покинул подвал. Вот он тащит свою добычу по коридору.

Кора застыла на стуле. И правильно сделала.

Тяжелое дыхание вконец замученного генетика ворвалось в гостиную. Нелегко ему дались драконы!

Профессор не задержался у дверей. Как только он убедился, что Кора надежно привязана и не предпринимает попыток освободиться, поспешил дальше.

Хлопнула входная дверь.

Теперь наступило время действовать.

В одно мгновение Кора сбросила веревки с рук, вытолкнула языком кляп, сорвала повязку с глаз, освободила ноги.

Тут же она кинулась к окну, которое выходило на улицу.

Увиденное ею зрелище было настолько выразительным, что Кора не удержалась и захлопала в ладоши — благо профессор ее не услышал.

Профессор волочил старый толстый кожаный чемодан — но не это развеселило Кору — а его вид. Профессор был исцарапан так, словно воевал с бешеной кошкой, причем подставлял ей лицо. Костюм его был порван, при ходьбе из брючины высовывалась голая

коленка, а рукав пиджака где-то потерялся. Рубашка — в клочьях, один ботинок пропал...

— Нагноение тебе обеспечено, — тихо сказала Кора, глядя на профессора в окно. — Но не дай бог случится заражение крови. Нет, я тебе не завидую!

Морщась от боли, профессор забрался в автомобиль, который стоял у подъезда и втолкнул в заднюю дверцу своей машины чемодан с дракончиками.

Затем влез за руль. Он не сразу смог завести машину — пришлось вытереть кровь с распухающих на глазах кистей.

Наконец, машина рванула с места и помчалась по улице.

Но в этот момент Кору уже не было в доме. Она выбежала на улицу, и не успела машина профессора скрыться за углом, как Кора уже прыгнула в свой старинный лимузин. К счастью, тот был преисполнен чувства долга и завелся в одно мгновение. Затем он утробно и низко зарычал и кинулся в погоню за профессорской малолитражкой.

* * *

Кора держалась на почтительном расстоянии от машины профессора — ей не хотелось, чтобы тот заметил погоню. Впрочем, сделать это было несложно, потому что центральная улица, пересекавшая всю столицу, была запружена автобусами, повозками, грузовиками и лимузинами, подобными тому, который был выделен для Кору.

Так как путешествие выдалось неспешным, от затора до затора, от светофора до светофора, Кора воспользовалась свободным временем, чтобы нажать синюю кнопку на браслете.

Как известно, Инструкция № 16 для агентов Интер-Гпола гласит:

"В случае опасности для жизни агента, либо для порученного ему дела агент обязан наговорить на браслет все соображения и факты, которые могут способствовать решению дела после гибели или выхода из строя агента."

Последние слова этой Инструкции Коре не нравились, но она признавала их разумность. Поэтому она наговорила на браслет вот что: "Нет сомнений в том, что похищение драконов производилось следующим образом: кормилец Загона Аполидор с помощью несовершеннолетней дочери Мелы подмешивал в пищу драконам препарат минимизатор, разработанный в лаборатории Второго института профессором Ромиодором, являющимся братом подозреваемого. Минимизатор оказывает воздействие на молекулярную структуру тела, что приводит к уменьшению организма в несколько десятков раз. Как только дракон под действием минимизатора уменьшался, Аполидор или его дочка спокойно засовывали бывшее чудовище в мешок и выносили из Загона на глазах у почтенной публики. Не вызывает сомнения и причина, побудившая кормильца Аполидора и его дочь заняться столь рискованным и сомнительным делом, как похищение драконов. Эта причина — месть за жену Аполидора, убитую в прошлом году драконом по кличке Великолепный. Аполидор и его дочь помещали украденных драконов в подвал своего дома и там мучили, избивая, моря голодом и холодом, но не давая своим жертвам помереть. Такой образ действий кажется неприемлемым для цивилизованных жителей Земли, но в отсталом государстве Лиондор он не представляется из ряда вон выходящим..."

Малолитражка профессора выбралась на простор широкого, разбитого колесами пыльного шоссе. Справа показался указатель: "До аэропорта 7000 локтей". Кора осторожно объехала свалившуюся набок повозку с арбузами и тоже прибавила скорость.

Затем снова включила запись:

"Вся эта история звучит слишком гладко и почти безобидно. В то же время я видела дракончиков собственными глазами и гарантирую правдивость своих показаний. Весь мой опыт убеждает меня в том, что когда необычное и масштабное преступление совершают люди, не имеющие представления о том, что творят, почти всегда находятся умные и сообразительные преступники, готовые воспользоваться плодами их трудов. Как выяснилось, уменьшенного дракона нетрудно привести в исходное положение, так что временное уменьшение драконов оказывается замечательным средством для транспортировки громадных чудовищ. Мне стало известно, что на драконов есть спрос в соседнем государстве — Миандрии — осталось лишь недостающее звено: кто догадается совместить спрос (рынок в Миандрии) с предложением (уменьшенными драконами) и каким образом это будет сделано? События не заставили себя ждать — я обнаружила в доме Аполидора железнодорожные билеты для него и дочери, так как подозреваемые собрались поехать на морские купания. Тут же я узнала, что профессор Ромиодор выразил готовность позаботиться о дракончиках в отсутствие мучителей. Вскоре на меня было совершено покушение — меня спешили вывести из игры, но не убили. Следовательно, преступникам надо было время, чтобы вывезти из страны дракончиков, о чем наивный Аполидор не догадался. После того как я освободилась от пут, мне удалось увидеть, что профессор с чемоданом, полным дракончиков, на своей машине направился по центральной улице, ведущей, как я только что узнала, к аэропорту. Вернее всего дракончиков постараются вывезти из страны воздушным путем. Так как число и возможности преступников мне неизвестны, то я готовлюсь попасть в критическую и опасную ситуацию. В настоящий момент мы находимся в километре от аэропорта, и я сворачиваю с главного

шоссе в сторону зданий аэропорта следом за автомобилем № 12-43-877, малолитражкой синего цвета. В автомобиле находится профессор Ромиодор, на заднем сиденье — чемодан с драконами. На этом я заканчиваю сообщение. Если больше не увидимся, передавайте привет бабушке Насте, а также моему начальнику и учителю комиссару Милодару, от которого я немало натерпелась, но и многому научилась. До связи. Агент № 3 Кора Орват”.

Малолитражка профессора затормозила на стоянке у обветшавшего, давно не крашенного здания аэровокзала, знавшего лучшие времена. Профессор вылез из машины и покрутил головой, то ли проверяя, нет ли погони, то ли ожидая сообщников. Никого не обнаружив, профессор вытащил из-за задней дверцы объемистый и тяжелый чемодан и поволок его в здание.

Кора дала ему скрыться внутри — далеко он теперь не уйдет, и припарковала свой лимузин так, чтобы в случае нужды можно было сразу выехать на основную магистраль. Затем она вошла в зал и осмотрелась.

Зал был велик, но желающих куда-то лететь с сумками, баулами, чемоданами, ящиками было больше, чем он мог вместить. Тем более, что на табло в зале каждого второго рейса были надписи: ”вылет отменяется по техническим причинам” или ” рейс задерживается из-за нехватки топлива за пределами нашего государства”. Кора внимательно просмотрела расписание, ища международный рейс, отправляющийся в ближайшее время, предпочтительнее всего в Миандрию. Но такого рейса не обнаружила.

Знакомство с расписанием показало, что единственный рейс на Миандрию уходит утром. Еще один рейс в неизвестное Коре государство ”Либерпуть” был отменен ”по техническим причинам за пределами наших границ”. Стройная теория международной контр-абанды рушилась на глазах. Тем более, что профессор

вел себя совершенно спокойно — вот он стоит в стороне от очередей к регистрационным стойкам, чемодан у его ног. Профессор достал какую-то брошюру серого цвета, похожую на доклад на научной конференции, и читает, словно он не похититель государственных драконов, а обыкновенный биолог, собравшийся обменяться опытом с такими же как он наивными учеными.

Все неладно! Все неправильно!

Но будем терпеть. Должен же профессор что-то предпринять...

Кора сделала несколько шагов в сторону и встала за бетонной колонной, на которой были выцарапаны неприличные слова и политические обвинения, оставшиеся от последней избирательной кампании. И тут ее окликнули:

— Дама Орват! Какое счастье! Я ищу вас по всему городу!

Еще этого не хватало! Оказывается, ее отыскал переводчик в коротких штанишках.

— А вы здесь что делаете? — строго спросила Кора.

— Я вас ждал в Загоне, но там был такой дождь...

Переводчик не скрывал радости, что отыскал Кору. Одет он был иначе, чем всегда. Штанишки были длиннее, при известной доле либерализма их можно было счесть короткими брюками. На шее был тщательно повязан синий галстук с полосками, формально означаящими: "пребываю при персоне высокого ранга". Неужели Кору перевели рангом повыше? Или это самостоятельность тщеславного Мери?

— Как же вы догадались, что я в аэропорту? — спросила Кора.

— Ах, у меня есть свои источники информации.

Переводчик сделал широкий жест, как бы предлагая Коре отыскать его источники среди пассажиров.

— И что же вы обнаружили? — спросил переводчик.

— Я практически распутала все это дело, — ответила Кора.

— Не может быть!

Переводчик был тщательно причесан на прямой пробор, волосы смазаны кремом и чуть завиты на концах, что характеризует прическу холостого, склонного к вступлению в брак мужчину из хорошей семьи.

— Я даже знаю, где находятся драконы и в каком виде.

— Где? Где? Не таите от меня, вашего верного слуги!

— Здесь, — сказала Кора и насладилась произведенным эффектом.

Переводчик открыл рот и забыл его закрыть. Так и стоял, а Кора ждала, когда пройдет шок, чтобы потом можно было продолжить рассказ и показать на профессора и его большой чемодан с маленькими драконами.

Но сказать она ничего не успела, потому что знакомый, приятный голос прервал эту сцену.

— Госпожа Орват? Вот кого я не ожидал здесь увидеть! — воскликнул церрион средней руки, который вошел в здание аэропорта и увидев переводчика и Кору, направился к ним. — Чем мы обязаны вашему появлению? Неужели вы покидаете нас раньше срока?

— Я несколько раз пыталась вам дозвониться, — сказала Кора, поздоровавшись с министром. — Но это не легко сделать.

— Разумеется, — согласился министр, улыбнувшись, как умеют улыбаться большие начальственные лица, уставшие от бесконечных трудов на благо государства.

— Я был на совещании у премьера, затем готовился к срочной поездке.

— Вы улетаете?

— Иначе зачем мне приезжать в аэропорт? — улыбнулся министр. — Но я вернусь послезавтра и надеюсь,

что смогу еще с вами побеседовать и, если нужно, оказать вам помощь в поисках драконов.

— Господин церрион, — сказала Кора, поняв, что вот-вот лишится единственного покровителя, — я как раз и искала Вас, чтобы сообщить, что драконы мною найдены. Я знаю, как они были украдены, кем они были украдены и где они находятся сейчас.

— Вот видите! — воскликнул переводчик, — она сошла с ума!

— Я буду рад побеседовать с вами по возвращении, — сказал министр. — К сожалению, сейчас мне пора уходить. Мой самолет ждет.

— Ваш самолет?

— Разумеется. Не полечу же я на пассажирском самолете? — молодой министр сокрушенно покачал головой, будто Кора сморозила оскорбительную глупость, но он остается выше этого.

— Мы с господином церрионом не можем лететь на обычном самолете! — заявил переводчик.

— И наверное, вы летите в Миандрию? — спросила Кора.

— Да. Об этом объявлено в последних известиях по радио, — ответил за министра переводчик. — Это частный визит конфиденциального свойства.

— И профессор Ромиодор летит с вами? — спросила Кора.

Министр направился к выходу на летное поле. Переводчик за ним. Кора не отставала.

Министр ускорил шаги.

— Я спросила о профессоре!

— Я не знаю никакого профессора, — откликнулся церрион. — Переводчик Меррони, разве профессор Ромиодор проходит по вашему ведомству?

— Первый раз слышу это имя! — воскликнул переводчик. Он пытался на ходу оттеснить Кору.

В своем движении троица приблизилась к профессору.

Тот увидел в первую очередь министра — по высокой форменной шляпе. И, видно, встревожился тем, что министр может его не заметить.

Профессор рванулся следом за министром, волоча тяжелый чемодан.

— Господин церрион! — звал он. — Господин церрион, оглянитесь!

Профессор почти настиг министра и переводчика, которые или не слышали его, или делали вид, что не слышат, когда он увидел Кору.

В этот момент они все как раз прошли через дверь на летное поле и оказались вне глаз и ушей остальных обитателей аэропорта.

— Как?! — спросил пораженный профессор. — Вас нет! Вы... вы же в доме кормильца Аполидора? Я же вас видел!

— Вот именно! — жестко сказал министр. — Вы мне доложили, что женщина связана и безопасна.

— Но я же видел!

— Почему вы ее не убрали, идиот?

— Ну... ну, это лишнее. Я не приучен... — профессор был растерян и напуган.

— Говорите — вы не приучены убивать? А таскать каштаны из огня для вас другие приучены? Вступать в долю с порядочными людьми вы приучены?! Надо было прирезать ее, пока была связана, и тогда мы бы с вами спокойно летели куда надо. И вернулись бы богатыми людьми. Вы же этого хотели?

— Мне нужны деньги для продолжения исследований. Вы же знаете, что не для личной похоти...

— Ясно. Мне они нужны для похоти?! — министр рассвирепел.

Неожиданно он — страшно и жестоко — ударил профессора по лицу, и тот пошатнулся, прикрыв лицо руками.

— Действуй! — приказал министр переводчику.

Кора оставалась свидетелем — не более, как свиде-

телем. Но она была настороже, потому что в отличие от профессора знала, что профессиональные политики обходятся без морали и жалости — иначе им нечего делать в политике.

— Видите ли, — обратился министр к Коре, — оказывается, ему деньги нужны для того, чтобы стать президентом и вытащить эту страну из нищеты и лицемерия! Мне нужны деньги, чтобы железной рукой вымести гниль и воровство из всех ее уголков!

— Понимаю: вам приходится идти на последнее воровство, чтобы покончить со всем воровством? — ответила Кора.

Министр осекся. Замечание Кору ему не понравилось. Политики обычно лишены чувства юмора, не говоря уж о чувствах иронии или сарказма.

Переводчик тем временем поволок тяжелый чемодан к летному полю.

Метрах в трехстах от них Кора увидела небольшой современный самолет с гербом правительства и личным гербом церриона средней руки на фюзеляже.

— Остановите его! — сказала Кора министру. — Не надо улетать. Это ничего не изменит.

— Поздно! — усмехнулся министр. — Вы сделали большую ошибку, госпожа Орват! Вам не надо было спешить на аэродром. Сидели бы мирно на стуле и ждали, пока вас спасут. Потом бы дали показания на суде о преступлении драконокормильца — преступление из страсти, под влиянием душевных волнений. Аполидору дали бы не очень большой срок. Каждый судья понимает, что такое законы мести...

— Остановите его, или я сама буду вынуждена его остановить.

Профессор распрямился. Половина лица его представляла собой кровоточащую ссадину. Ну и рука у молодого министра!

— Зачем же меня бить? — спросил профессор. — Я же все выполнил. Я все сделал, я подставил своего

кузена, я даже сам привез драконов сюда... Зачем же бить?

— А затем, мой дорогой, — холодно сказал министр, — что никто не поверит в то, что один слабоумный служащий зоопарка уменьшил в сто раз драконов и притащил их к себе домой.

— Но мы же договорились, что он, использовав мое семейное доверие, украл у меня минимизатор... — растерянно мямлил профессор, который все еще никак не мог понять, почему вместо благодарности он получает колотушки и угрозы.

— Да на тебя любой следователь надавит и ты расколешься, — презрительно сказал молодой министр, и Кора поняла, что за его спиной стоит темное, уличное детство, а может и преступная юность. — Мы не можем рисковать.

Министр вытащил пистолет. Сделал он это как-то лениво, не спеша, так что со стороны наблюдатель вряд ли заметил бы что-то неладное — да и сам пистолет был похож на авторучку. Невинная сцена...

Кора понимала: сейчас они убьют профессора. Но тогда... они не оставят в живых и ее саму...

Она не стала ждать, пока министр откроет стрельбу — она знала эти авторучки, стоившие бешеных денег. Они стреляли растворимыми в крови ампулами с ядом, который нельзя обнаружить ни одним анализом. У человека просто останавливается сердце...

Но у авторучки был один недостаток — ограниченная дальность стрельбы — кажется до семи метров...

Кора схватила профессора и рванула его на себя и в сторону.

Толстое, дряблое нетренированное тело профессора взлетело в воздух и, упав, покатилося к груде ящиков, забытых здесь лет пять назад.

Министр выстрелил.

Кора рыбкой нырнула следом за профессором.

Она не знала, сколько зарядов выпустил министр и сколько их еще осталось.

Профессор забился у нее в руках.

— Да не беги, убьет! — зашипела на него Кора, затаскивая его в полумрак за ящики.

Но профессор бился, как рыба, вытащенная из воды. Видно, в его помраченном сознании министр оставался другом, защитником, а Кора — полицией, врагом, позором...

В какой-то момент он умудрился ударить Кору ногой в живот, и она на мгновение ослабила хватку... Профессор выскочил из-за ящиков и кинулся к министру, который стоял, направив пистолет на ящики.

— Господин церрион, я здесь! — закричал профессор.

— Вот и молодец! — радостно откликнулся министр и, подождав, пока он приблизился шагов на пять, выпустил в него ампулу.

Профессор как бы натолкнулся на стену и, раскинув руки, сполз по ней на бетон.

— Руки вверх! — крикнула Кора из-за ящиков. — Или я стреляю.

Стрелять ей было не из чего — на мирную планету сыщик ИнтерГпола отправляется без оружия. Но министр об этом не знал.

Он кинулся к самолету.

Переводчик, уставший тащить чемодан, остановился и, сообразив, что Кора хочет убить его дорогого министра, вытащил из кармана своих коротких брючек пистолет и принялся палить в Кору. Оказывается, они отлично вооружились для "конфиденциальной поездки" в соседнее государство.

На расстоянии двухсот метров выстрелы переводчика опасности почти не представляли.

— Вернитесь! — крикнула Кора, присев за ящики, чтобы не дразнить судьбу. — Сдайтесь!

Министр, человек молодой и сильный, подхватил

чемодан и громадными прыжками помчался к самолету.

Переводчик отступал, стреляя на ходу.

В этой удаленной от пассажирских терминалов части аэродрома смертельная схватка не привлекла ничего внимания. Отдаленно гудели моторы, еле-еле доносился голос информатора, и жизнь текла, словно отделенная стеклом.

Министр на бегу поднял руку.

Выглянув в носовое окошко, пилот увидел, что министр бежит к самолету, и сообразил, что надо делать. Моторы самолета взревели.

Переводчик с трудом догнал церриона и помог ему, напрягшись, втащить чемодан в чрево самолета.

Потом сам поднялся внутрь и втянул за собой трап.

Люк закрылся.

Кора вышла из-за ящиков. Было поздно бежать в диспетчерскую и пытаться остановить взлет. Да и кто здесь послушает перемазанную, избитую девушку, старающуюся сорвать правительственный визит.

Кора подошла к профессору. Больше ему на научные конференции не летать. Все-таки научным талантам лучше собирать деньги на исследования более традиционными путями.

Самолет покатил к взлетной полосе.

Кора посмотрела на часы. Прошло уже больше двух часов с тех пор, как ее ударили по голове в доме кормильца.

Самолет вырулил на полосу, на несколько секунд замер в конце ее и, набирая скорость, помчался по бетону.

Вот он оторвался и начал круто набирать высоту.

В тот момент и случилось то, чего ждала Кора.

Самолет... как бы натолкнулся на какое-то препятствие и быстро начал крениться и трепетать... И вдруг рассыпался, как лопнувший от передуха воздушный шарик.

Во все стороны полетели кусочки самолета.

А в том месте, где только что был самолет, появилось черное пятно.

Падая, пятно быстро увеличивалось в размерах и разделялось на шесть пятен поменьше — каждое из которых, вытянув хвост и расправив перепончатые двадцатиметровые крылья, прекращало падение, и драконы, словно шесть самолетов, рожденных погибшей от такого напряжения самолетом-маткой, выровняли курс и, набирая высоту, полетели в сторону Голубых гор.

* * *

Во Втором биологическом институте, куда Кора приехала на следующий день, чтобы по договоренности с ассистентками и директором получить у них толику максимизатора — средства для возвращения песика Пончика в прежнее состояние, ее ждали.

Всем было любопытно узнать, как погиб профессор Ромиодор, что случилось с самолетом и правда ли, что в катастрофе, которую Кора наблюдала, потерял жизнь сам церрион средней руки — наиболее вероятный кандидат в президенты на ближайших выборах, либерал, радевший о простом народе.

Но Кора мало что могла рассказать, сославшись на то, что приехала на аэродром поздно, когда профессор уже погиб, а драконы улетели. Так было уговорено еще утром на встрече с президентом и сановниками Лиондора. Но так как драконы все же существовали, об исчезновении их все узнали, то Кора рассказала молодым биологам официальную версию: покойный профессор, поддавшись родственным чувствам, дал немного минимизатора своему брату Аполидору, а тот уменьшал драконов и мстил им таким образом за трагическую гибель своей жены. Узнав об этом, переводчик Мери украл у

кормильца дракончиков и хотел спрятать их на самолете церриона, который улетал с визитом в соседнее государство. Профессор пытался остановить преступника, но переводчик Мери убил его, затем, когда по неизвестной причине драконы неожиданно вновь увеличились, погиб и сам. И погубил любимца народа — церриона средней руки. Вот и вся история.

Молодых ученых, включая нового директора института, больше всего волновали результаты испытаний минимизатора на живых драконах. Они с нетерпением ждали, когда же драконов, за которыми отправилась воздушная экспедиция, поймают и вернут, чтобы можно было сделать анализ их крови. Молодые ученые были энтузиастами науки. Ассистентки, которым теперь придется искать новых поклонников, что тоже не лишено пикантности, суетились вокруг Кору, разглядывая бегающего по носовому платочку сантиметрового песика. Одна из них даже уговаривала Кору оставить песика таким вот миниатюрным: это же так восхитительно!

* * *

Когда Кора пришла попрощаться домой к Аполидору, все еще чувствующему себя виноватым за то, что он ударил ее по голове и связал, Пончик уже вырос снова и бегал по комнатам, тревожась от невыветрившегося еще запаха драконов. Аполидор не жаловался, что его выгнали с работы — в конце концов он совершил должностное преступление. Нельзя же мучить животных, даже если ты имеешь на это оправдание.

— А когда вы успели дать драконам средство, чтобы они увеличились снова? — спросила Мела.

— Ты была на кухне, делала мне кофе, а я прошла в подвал и дала драконам максимизатор, полученный в институте от твоего дяди.

— И запомнили время?

— Я знала, что у меня в запасе есть два часа.

— Но как вы догадались это сделать? Вы же не знали, что они полетят на самолете!

— Если бы я знала, что они полетят на самолете, я бы никогда не дала драконам средство для увеличения. Я же не палач, а только сыщик. Я рассуждала иначе: маленьких драконов можно спрятать и перепрятать. Тогда найти их будет невозможно. Ведь я подозревала, что вы с папой — лишь ширма, за которой скрываются настоящие преступники. А кто они? Я не знала. Поэтому подумала: если драконы вновь увеличатся, то преступники будут захвачены врасплох. Куда спрячешь шестерых двадцатиметровых драконов?

— Просто и гениально, — вежливо произнес Аполидор, ставя на столик поднос с кофе. За последние три дня он похудел почти вдвое — на следующий день после гибели министра их с девочкой отыскивали на побережье и под стражей привезли в столицу, где сутки допрашивали, прежде чем отпустили на волю, определив Аполидора до конца дней в подметальщики улиц с правом носить серый фартук и валенки, но без права на черную шляпу...

— Вы настоящая мстительница, — с уважением произнесла девочка. — Целому самолету отомстила, министру отомстила и даже переводчику.

— Глупыш, я никому не мстила.

— Мстила. Переводчику, что не переводил, а только доносил на вас министру и хотел убить, а профессору — чтоб не врал. А самолету отомстила за то, что драконов возил. Представляете... — девочка даже закатила глазки, — каак они начали увеличиваться! Чемодан — ба-бах! В клочки! Их самих — всмятку, самолет — на кусочки! Вот это мсть!

Кора только отмахнулась. Ну как докажешь такому ребенку, что людей убивать нельзя. Даже плохих.

— Теперь они тебе мстить будут, — убежденно сказала девочка. — Мертвяки всегда убийцам мстят.

— Не говори глупостей! — прикрикнул на нее подметальщик Аполидор. — Мадам Кора завтра улетает. Они не успеют ей отомстить.

Кора допила чай, позвала песика, попрощалась и улетела на Землю в тот же день.

СОДЕРЖАНИЕ

В куриной шкуре	5
Предсказатель прошлого	137
Последние драконы	305

Литературно-художественное издание

КИР БУЛЫЧЕВ

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ПРОШЛОГО

Фантастические повести

Редактор Г.Г. Ануфриев

Художественный редактор Л.А. Полещук

Корректор А.А. Сычев

Компьютерный набор Л.В. Лютаревич,

А.А. Микулевич

Компьютерная верстка А.В. Супрун

Подписано в печать 20.10.94. Формат 84x108/32.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Усл.печ.л. 19,55. Уч.-изд.л. 19,93.

Тираж 25 000 экз. Заказ 1133

Издательство "Арт Дизайн".

220048, Республика Беларусь,

г. Минск, проспект Машерова, 11.

Лицензия ЛВ 329.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

в типографии издательства "Белорусский Дом печати".

220013, г. Минск, проспект Ф. Скорины, 79.

